

НА СТРАЖЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЗАКОННОСТИ

АБТ
БЮРО
ТРИБУНАЛА

Тиллабуры Макробы Бакумо
Фукумбури.

В
наименование 0 50
динаре и 3 нах
византий
византий
византий

Византий BT MBO
византий византий
8. XII. 681. Ж. Аванд

Владимир Ильич
ЛЕНИН

За нашу Советскую Родину!

НА СТРАЖЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

50 ЛЕТ
ВОЕННЫМ
ТРИБУНАЛАМ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1968

ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ

Редакционная коллегия:

генерал-лейтенант юстиции **Н. Ф. Чистяков** (ответственный редактор), генерал-майор юстиции **Г. П. Лысенко**, генерал-майор юстиции **С. С. Максимов**, полковник юстиции **М. Е. Карышев** и полковник юстиции **Н. М. Поляков**.

В подготовке книги участвовали: полковник юстиции **И. И. Котлов**, полковник юстиции **А. Г. Мазалов**, подполковник юстиции **Б. П. Малахов**, подполковник юстиции **В. Ф. Хомченко**, подполковник юстиции **А. М. Худоерко** и майор юстиции **Л. М. Горшковский**.

Военная коллегия Верховного Суда СССР выражает благодарность всем товарищам, приславшим статьи, фотографии и другие материалы для этой книги.

В декабре 1968 года исполняется 50 лет военным трибуналам. С первых дней своего существования военные трибуналы твердо стоят на страже завоеваний Октября, активно проводят политику партии в деле укрепления социалистической законности и правопорядка в Советских Вооруженных Силах.

Пройденный военными трибуналами путь тесно связан с историей всей советской судебной системы.

Великая Октябрьская социалистическая революция до основания разрушила государственную машину буржуазно-помещичьей России; на смену были даны и царские суды, в том числе и суды военные. На смену им пришли подлинно народные суды рабоче-крестьянского государства. Указания В. И. Ленина о классовом характере суда, об участии трудящихся в отправлении правосудия, о революционной законности были положены в основу организации и деятельности новых пролетарских судов.

С момента своего образования военные трибуналы стояли и стоят на страже интересов трудящихся. Им присущи основные принципы социалистического правосудия: выборность и участие в суде народных заседателей, гласность, обеспечение обвиняемому права на защиту.

Эти демократические принципы развиваются и совершенствуются; они находят свое выражение в деятельности военных трибуналов сегодняшнего дня.

Важной особенностью военных трибуналов является их органическая связь с Советскими Вооруженными Силами, неотъемлемой частью которых они являются. И это вполне естественно. Судить о правомерности действий того или иного военнослужащего может лишь тот, кто тесно

связан с жизнью войск, хорошо знает быт, условия службы и нужды военнослужащих.

Тесная связь военных трибуналов с армией и флотом сказывается на структуре, организации и задачах военных судов. Вся их история — это, по существу, одна из страниц истории наших Советских Вооруженных Сил.

Первые революционные военные трибуналы родились в грозные дни гражданской войны на тех участках фронта, где решалась судьба революции, в период тяжелых боев Красной Армии на Восточном фронте, в дни похода Юденича на Петроград, во время наступления белополяков и Врангеля. Там, где отдельные красноармейцы по малодушию либо несознательности, под влиянием временных неудач Красной Армии и вражеской агитации бежали с поля боя, где среди некоторых командиров — выходцев из бывших офицеров — отмечались случаи измены и перехода на сторону врага, там революционные военные советы создавали военные трибуналы с целью, как говорилось в приказе Реввоенсовета 5-й армии, подавления контрреволюционных элементов, саботажа и неповиновения революционному начальству.

Трибунальцы тех дней не были юристами, не имели кодексов: они восполняли этот пробел беспредельной преданностью идеалам революции, классовым чутьем и социалистическим правосознанием. Они были одновременно судьями, бойцами и политработниками. С судебного заседания с винтовками в руках они отправлялись в бой, а на привале беседовали с бойцами о текущем моменте. Они были молоды — эти судьи, малы, как сама Советская Республика.

Революционные военные трибуналы с честью выполняли свой долг перед Родиной: в разгроме белогвардейцев и иностранных интервентов есть доля и их нелегкого труда и скромных заслуг.

С окончанием гражданской войны военные трибуналы все больше уделяют внимания воспитательной, предупредительной работе среди военнослужащих. Одновременно они ведут борьбу с контрреволюционными элементами, пытающимися путем заговоров, террористических актов, диверсий и вредительства изнутри подорвать Советскую власть.

Широко известны судебные процессы тех лет над организатором контрреволюционного мятежа в Ярославле цар-

ским генералом Перхуровым, над одним из вдохновителей белогвардейщины, злейшим врагом Советской власти Савинковым, над агентами английской разведки «Интеллиженс Сервис» братьями Прове, над вредителями с электростанции «Метро-Виккерс» и другими.

Не всегда, однако, путь военных трибуналов был гладким; в их деятельности встречались немалые трудности; ими допускались и серьезные ошибки, нарушения социалистической законности, в результате чего пострадали многие честные, ни в чем не повинные советские люди.

Сила и авторитет Коммунистической партии состоят в том, что она не побоялась сказать народу правду о нарушениях социалистической законности, допущенных в прошлом, и приняла действенные меры по ликвидации этих нарушений. Все партийные и советские органы, подчеркивая социалистическую законность, провозглашает и решение XXI, XXII и XXIII съездов партии.

Руководствуясь решениями Коммунистической партии, Военная коллегия и военные трибуналы пересмотрели в порядке судебного надзора значительное число уголовных дел тех лет и реабилитировали лиц, в прошлом необоснованно репрессированных.

Вместе с тем суду были преданы те из бывших работников органов госбезопасности, которые, поправ высокое звание советского чекиста, занимались фальсификацией уголовных дел в отношении честных советских людей, чем причинили значительный ущерб Советскому государству. Военной коллегией осуждены бывшие нарком внутренних дел Ежов, министр госбезопасности СССР Абакумов, заместители министра Леонов и Рюмин, министр госбезопасности Грузинской ССР Рухадзе, министр госбезопасности Азербайджанской ССР Емельянов и другие. Специальным Присутствием Верховного Суда СССР осуждены Берия, Меркулов, Кобулов, Деканозов, Гоглидзе, Владимирский, Мешки.

Понесли заслуженное наказание и те судьи, которые забыли о своем судебном долге, не нашли в себе достаточно мужества и принципиальности и на основе недобро-

качественных материалов предварительного следствия выносили обвинительные приговоры.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз прервало мирную жизнь советских людей. Коммунистическая партия призвала народ к отпору врагу. Страна превратилась в единый военный лагерь; все было подчинено нуждам фронта. В этих условиях на военные трибуналы были возложены трудные и ответственные задачи по борьбе со всеми, кто мешал делу победы, — с вражескими лазутчиками и диверсантами, изменниками и трусами, паникерами и шкурниками, с дезорганизаторами производства. В соответствии с принятыми законодательными актами была значительно расширена подсудность военным трибуналам. Учитывая особое значение железнодорожного и водного транспорта в военное время, действовавшие там транспортные суды были преобразованы в военные трибуналы.

В условиях военного времени военные трибуналы осуществляли гибкую судебную практику; наряду с назначением суровых мер наказания они широко применяли отсрочку исполнения приговора до окончания военных действий с направлением осужденного в действующую армию.

Жизнь показала, что эта мера судебного воздействия явилась эффективным средством перевоспитания. Подавляющее большинство осужденных, которые направлялись преимущественно на самые опасные участки фронта, зарекомендовало себя стойкими защитниками Родины, ко многим досрочно была снята судимость, а наиболее отличившиеся были удостоены правительственных наград.

Работники военных трибуналов, находясь в составе действующей армии, разделяли со всеми военнослужащими все тяготы военной жизни, с честью и достоинством выполняли свой воинский долг при защите столицы нашей Родины — Москвы, в боях за Севастополь и Одессу, в горящем Сталинграде и блокированном Ленинграде. В ожесточенных сражениях многие работники военных трибуналов пали смертью храбрых.

Большое число офицеров и генералов военных трибуналов за активное участие в Великой Отечественной войне награждены орденами и медалями Союза ССР.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны работа военных трибуналов была перестроена

применительно к условиям мирного времени и задачам, стоящим перед Вооруженными Силами. Значительно сократилась подсудность дел военным трибуналам, отпала необходимость в некоторых ограничениях процессуальных прав обвиняемого, восстановлен принцип выборности военных судей и народных заседателей. Внимание военных трибуналов сосредоточивалось на борьбе с общеуголовными и воинскими преступлениями.

В настоящее время вся деятельность Военной коллегии и военных трибуналов направлена на выполнение сформулированной в Программе КПСС задачи ликвидации преступности в нашей стране, воспитания советских людей, в том числе воинов армии и флота, в духе великих идей коммунизма.

Существенное значение для достижения этих целей имеют решения, принятые в июле 1966 года ЦК КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР об усилении борьбы с преступностью. В этих решениях, в частности, подчеркивается необходимость усиления борьбы с нарушениями общественного порядка, с хулиганством, опасность которого усугубляется тем, что оно нередко перерастает в другие, более тяжкие преступления.

Продолжает оставаться актуальной для военно-судебных органов и задача пресечения вражеской преступной деятельности извне. В последние годы заметно активизировалась подрывная деятельность империалистических разведок. Об этом свидетельствует ряд проведенных судебных процессов по делам Зоннтага и Науманна, Пауэрса и Утикавы, Пеньковского и Винна, Маккинена и Каминского и других.

Современная международная обстановка, усиление агрессивных устремлений империалистических держав требуют дальнейшего укрепления боевой мощи Советской Армии и Военно-Морского Флота, повышения бдительности и боевой готовности. Это обязывает военные трибуналы больше помогать командирам и политработникам в воспитании военнослужащих в духе честного служения своему народу, строжайшего соблюдения требований военной присяги и воинских уставов, регламентирующих жизнь войск.

Воспитательное значение деятельности военных трибуналов особенно возрастает в связи с принятием в 1967 году

нового Закона о всеобщей воинской обязанности, когда сроки службы в армии и на флоте сокращены и призывной возраст снижен до 18 лет. Наряду с усилением предупредительной работы в войсках военные трибуналы должны активно участвовать и в проведении мероприятий по допризывной подготовке молодежи.

Коммунистическая партия придает большое значение усилению воспитательного влияния советского суда. Важную роль играют в этом судебные процессы. Большинство дел о правонарушениях военнослужащих рассматривается военными трибуналами в открытых судебных процессах в присутствии личного состава части, где служил подсудимый, с участием представителей общественности, которые от имени военнослужащих дают оценку преступным действиям подсудимого и его личности. В ходе судебного следствия военные трибуналы выясняют причины и условия, которые привели к совершению преступления, и в частных определениях обращают внимание командования на отрицательные явления, способствовавшие совершению преступления, указывают на конкретные меры, необходимые для устранения этих явлений.

Военные судьи часто выступают перед личным составом войск с докладами и лекциями на правовые темы. В разъяснительной работе они опираются на армейскую и флотскую общественность.

Было бы, однако, неправильным не отметить серьезные ошибки и недостатки, которые имеются еще в судебной деятельности военных трибуналов: случаи неправильного применения материального и процессуального законов, назначения несоразмерного наказания, упущений в организации открытых судебных процессов. Особую тревогу вызывают встречающиеся факты поверхностного проведения судебного следствия. Между тем хорошо известно, что полное и всестороннее исследование дела — это ключ к правильному его разрешению.

Недостатки в работе военных трибуналов отрицательно сказываются на эффективности борьбы с правонарушениями, снижают воспитательное значение судебного разбирательства. Внимание всех работников военных трибуналов должно быть сосредоточено на устранении ошибок и недостатков, на повышении культуры всей судебной деятельности.

В этой связи значительно возрастает роль Военной кол-

легии Верховного Суда СССР, которая осуществляет организационное руководство военными трибуналами и является для них высшей судебной инстанцией. На основе анализа данных статистики и судебной практики Военная коллегия планирует проверки деятельности военных трибуналов и другие мероприятия по оказанию судьям практической помощи. Значительное место в этом занимают Бюллетень Военной коллегии, обзоры и обобщения судебной практики, рассылаемые в военные трибуналы.

Военная коллегия является и судом первой инстанции по делам, представляющим особую важность и в силу этого отнесенных законом к ее компетенции. Большинство упоминавшихся здесь уголовных дел о шпионаже были рассмотрены Военной коллегией.

В приветствии Центрального Комитета КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в связи с 50-летием советского суда выражается уверенность, что работники судебных органов внесут достойный вклад в дело коммунистического строительства.

Долг работников военных трибуналов — оправдать это высокое доверие.

Пожелаем военным судьям, всем работникам военных трибуналов дальнейших успехов в их благородном труде по укреплению дисциплины и правопорядка в войсках, воспитанию советских воинов в духе коммунизма, в духе безграничной преданности своей Родине и верности великим идеям международной пролетарской солидарности, в труде по дальнейшему укреплению социалистической законности, во имя торжества коммунизма в нашей стране.

*Председатель Верховного Суда СССР
А. ГОРНИН*

НА СТРАЖЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ И ВОИНСКОГО ПОРЯДКА

Наша социалистическая Родина вступила во второе пятидесятилетие своего существования. Величайшие ее достижения во всех областях политической, экономической и культурной жизни свидетельствуют об огромных возможностях советского строя, о торжестве всепобеждающих идей марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин и руководимая им Коммунистическая партия сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции приступили к государственному и хозяйственному строительству. В числе неотложных задач, вставших в то время перед партией и правительством, явилась организация военной защиты Советского государства от многочисленных его врагов.

Созданная по инициативе В. И. Ленина Красная Армия с честью выполнила свой долг перед народом. Ее боевая история неотделима от жизни и судеб Советского государства. Одними дорогами армия и народ прошли через многочисленные испытания в годы гражданской и Великой Отечественной войны, закаляясь и мужая в борьбе за упорное социализма, за дело социалистической революции.

Советский народ не случайно называет свои Вооруженные Силы щитом Родины. В единстве народа и армии, в мудром руководстве Коммунистической партии — неиссякаемый источник их могущества и непобедимости; они служат надежной гарантией защиты завоеваний социализма и коммунизма, безопасности стран социалистического содружества, народов всего мира.

С Вооруженными Силами неразрывно связаны военные трибуналы, которые призваны охранять от всяких посягательств общественный и государственный строй Союза ССР. Возникшие в первые годы становления Советской власти, военно-судебные органы прошли большой и слож-

ный путь развития. Пятьдесят лет они непоколебимо стоят на страже социалистической законности, сурово карают всех тех, кто посягает на завоевания Великого Октября, кто пытается подорвать боевую мощь Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Военные трибуналы, являясь составной частью Вооруженных Сил, вместе с военным командованием и политическими органами неуклонно выполняют директивы партии и правительства, направленные на укрепление обороноспособности Советского государства.

В решениях XXIII съезда КПСС говорится, что в условиях, когда агрессивные силы империализма обостряют международную напряженность, создают очаги войны, КПСС будет и впредь повышать бдительность советского народа, крепить оборонную мощь нашей Родины, чтобы Вооруженные Силы СССР были всегда готовы надежно защитить завоевания социализма и дать сокрушительный отпор любому империалистическому агрессору.

Претворяя в жизнь эти требования XXIII съезда партии, военные советы, командиры, политорганы и партийные организации проводят большую работу по повышению боевой мощи и боеспособности Вооруженных Сил. В выполнении задач, поставленных партией и правительством перед Советской Армией и Военно-Морским Флотом вносят свой вклад и работники органов военной юстиции. Всей своей деятельностью военные трибуналы оказывают практическую помощь военным советам, командирам, политорганам и парторганизациям в укреплении боеспособности Вооруженных Сил, воинской дисциплины и установленного порядка несения воинской службы. Они ведут настойчивую борьбу с общеуголовными и воинскими преступлениями. Применение установленных законом мер наказания к военнослужащим, совершившим воинские или иные преступления, имеет большое предупредительное и воспитательное значение и является необходимым условием успешного искоренения преступлений в армии и на флоте. Очень важно в связи с этим, чтобы военные трибуналы систематически информировали командиров и политработников о состоянии судимости в войсках, изучали их опыт и практику работы по обучению и воспитанию личного состава. Интересы дела требуют, чтобы военные трибуналы и впредь поддерживали постоянные деловые связи с командирами и политорганами, глубоко вникали

в задачи, решаемые войсками. Это будет способствовать преодолению имеющихся недостатков и избежанию возможных ошибок. Надо иметь в виду, что ошибки в судебной работе особенно нетерпимы. Нельзя забывать, что по каждому уголовному делу должен быть вынесен приговор в строгом соответствии с существующими советскими законами, стоящими на страже завоеваний социализма и интересов Советских Вооруженных Сил.

Одной из важнейших задач военных трибуналов является хорошая организация и проведение открытых судебных процессов. Воспитательное значение процессов, проведенных в войсковых частях, прежде всего зависит от умелого выбора дела и правильности его разрешения. Поэтому суд призван обеспечить наибольшую полноту и убедительность судебного разбирательства и приговора.

На военные трибуналы возложена задача по усилению правовой пропаганды среди военнослужащих, являющейся составной частью политического и воинского воспитания. Необходимо добиваться, чтобы каждый военнослужащий хорошо знал советские законы, сознавал свою личную ответственность за их неукоснительное выполнение, сознательно и добросовестно выполнял свой воинский долг.

Из повседневной жизни мы знаем, что там, где хорошо поставлена пропаганда советских законов, где правовому воспитанию придается должное внимание, там строго соблюдается твердый уставной порядок и крепче воинская дисциплина. В этой связи долг органов военной юстиции состоит в том, чтобы они систематически оказывали конкретную помощь командирам и политорганам в проведении в частях и на кораблях лекций, докладов и бесед на правовые темы, тематических вечеров, посвященных вопросам советского права, юридических консультаций. Однако, участвуя в разъяснительной профилактической работе, военные трибуналы не должны забывать о ленинском принципе неотвратимости наказания за нарушения закона, воинских порядков, приказов командиров.

В настоящее время военные юристы должны особое внимание уделять разъяснению Закона СССР о всеобщей воинской обязанности. Важно вооружить офицеров штабов и управлений военных округов, групп войск, флотов, соединений, частей и военкоматов глубоким знанием этого Закона, помогать им претворять его в жизнь.

Выполнение работниками военных трибуналов и про-

куратур возложенных на них обязанностей во многом зависит от их идейной закалки и деловой квалификации. Лишь глубоко овладев революционной теорией, марксистско-ленинской методологией, имея твердые военные и специальные знания, сочетая широкий политический и культурный кругозор с инициативой и настойчивостью в работе, можно успешно решить задачи, поставленные перед военно-судебными органами.

Практическая деятельность военных трибуналов по укреплению воинской дисциплины и правопорядка в войсках, предупреждению и искоренению правонарушений прежде всего зависит от активности и боевитости партийных организаций, постоянного совершенствования форм и методов партийной работы. Только в обстановке высокой принципиальности и требовательности партийных организаций, широко развитой критики и самокритики могут правильно воспитываться кадры военно-судебных органов. Военные юристы, которым дано право решать судьбы людей, естественно, должны сами быть кристально чистыми, глубоко идейными и безупречными в своем поведении и отношении к делу. Отправляя социалистическое правосудие, они призваны быть чуткими и принципиальными, проявлять партийный подход и деловитость, строго выполнять указания В. И. Ленина о необходимости неукоснительного соблюдения социалистической законности.

По мере нашего движения вперед, к коммунизму возрастают требования, предъявляемые к каждому военному юристу. Поэтому все они обязаны неустанно учиться, повышать идейно-теоретический уровень, культуру в работе, свое профессиональное мастерство. Это и должно составлять существо работы партийных организаций органов юстиции.

Можно быть уверенным, что работники военно-судебных органов, беспредельно преданные партии и народу, отдадут все свои силы и знания осуществлению поставленных Программой КПСС и XXIII съездом партии задач по дальнейшему укреплению советского правопорядка и сознательной дисциплины, воспитанию личного состава Вооруженных Сил в духе высокой коммунистической сознательности, беззаветного служения интересам Родины, делу коммунизма.

*Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза А. ГРЕЧКО*

В ЕДИНОМ СТРОЮ С ПОЛИТОРГАНАМИ

Немеркнувшей славой, беспримерным мужеством, отвагой и героизмом отмечен пятидесятилетний путь наших Вооруженных Сил. Их боевая история неотделима от жизни и судеб Советского государства.

Вместе с армией и флотом прошли славный путь и наши военные трибуналы. Пятьдесят лет отделяют нас от той поры, когда были созданы военно-судебные органы. Партия доверила им отправление социалистического правосудия в Вооруженных Силах, и они с честью оправдывают это высокое доверие. В годы гражданской войны и иностранной интервенции военные трибуналы непоколебимо стояли на страже социалистической законности, сурово карали предателей и изменников, всех тех, кто посягал на завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, кто пытался подрвать боевую мощь Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов военные трибуналы вели неустанную борьбу с вражескими лазутчиками и шпионами, с трусами и паникерами, с нарушителями дисциплины и правопорядка в армии и на флоте и с дезорганизаторами производства. Работники военной юстиции внесли свой вклад в дело победы над гитлеровским фашизмом, снискали себе глубокое уважение воинов армии и флота, всех советских людей.

Как и в те памятные годы, ныне военные трибуналы в тесном единстве с военными советами, командирами, политорганами, штабами, армейской и флотской общественностью проводят большую, плодотворную работу по дальнейшему укреплению могущества Советской Армии и Военно-Морского Флота.

В современных условиях еще более возросли требования к обеспечению безопасности Советского государства. Это обусловлено наличием в мире враждебных нашему строю агрессивных империалистических сил. «Углубление общего кризиса капитализма, обострение его противоречий, — говорится в решениях XXIII съезда партии, — усиливают авантюризм империализма, его опасность для народов, для дела мира и социального прогресса». Империализм, и прежде всего империализм США, наряду с авантюрами в военно-политической области все больше усилий направляет на подрывную политическую и идеологическую борьбу против Советского Союза и других социалистических стран. Империалистическая реакция стремится подрвать социалистическое общество изнутри.

Учитывая наличие угрозы со стороны империализма, Коммунистическая партия и Советское правительство принимают все необходимые меры для дальнейшего укрепления обороноспособности страны, повышения могущества наших Вооруженных Сил. Командиры, политорганы, штабы, работники органов военной юстиции настойчиво трудятся над успешным решением больших и ответственных задач, поставленных Центральным Комитетом партии и Советским правительством.

Боевая и мобилизационная готовность войск немалыма без поддержания сознательной воинской дисциплины и твердого уставного порядка. Жизнь показывает, что крепкая воинская дисциплина там, где четко, в точном соответствии с воинскими уставами организована служба войск, где хорошо поставлено политическое и воинское воспитание личного состава, где постоянно изучаются настроения и запросы людей, где создана обстановка нетерпимости к малейшим нарушениям воинского порядка.

В нашем социалистическом обществе не должно быть места правонарушению и преступности. Программа КПСС исходит из того, что, пока имеются проявления преступности, должны применяться строгие меры наказания к лицам, совершающим опасные для общества преступления, нарушающим правила социалистического общежития, не желающим приобщаться к честной трудовой жизни. Главное внимание должно быть направлено на предотвращение преступлений.

Всей своей деятельностью органы военной юстиции призваны оказывать помощь командирам и политорганам

в укреплении законности и правопорядка в войсках, искоренении нарушений правил социалистического общежития и требований воинских уставов. Интересы укрепления боеготовности войск требуют от военных юристов работать в еще более тесном контакте с военными советами, командирами и политработниками. Необходимо глубоко вскрывать причины, порождающие правонарушения, систематически информировать о них командование, политические органы, больше вносить конкретных предложений, направленных на устранение недостатков и упущений в организации службы войск. В то же время от командиров и политработников требуется оказывать постоянную помощь военным юристам с тем, чтобы и их усилия в борьбе за крепкую дисциплину являлись действенным средством воспитания воинов в духе коммунистической нравственности.

Делом большой важности является работа военных юристов по разъяснению военнотружущим советских законов. Необходимо еще шире развертывать правовую пропаганду, совершенствовать ее формы и методы, обращая особое внимание на воспитание молодого пополнения, призываемого в армию в соответствии с новым Законом СССР о всеобщей воинской обязанности. Работа с ним требует большого педагогического мастерства, учета психологических и других особенностей молодого возраста. Долг военных юристов — активно помогать командирам и политработникам воспитывать у молодых воинов коммунистическое мировоззрение, ревностное отношение к воинской службе.

Успешное выполнение стоящих перед военными трибуналами ответственных задач требует неослабной заботы об идейном воспитании кадров военных юристов.

В Постановлении июльского (1968 года) Пленума ЦК КПСС вновь подчеркивается необходимость всестороннего развертывания идеологической работы, пропаганды великого марксистско-ленинского учения. Дальнейшее повышение идейно-политической вооруженности коммунистов и всех трудящихся, их коммунистической убежденности, классовой бдительности и непримиримости к буржуазной идеологии приобрело особое значение в современных условиях, когда империалисты усиливают идеологические диверсии против социализма, пытаются подорвать идейные устои социалистического общества.

Вопросы идеологической работы, воспитания военных юристов в духе высокой требовательности, непримиримости к недостаткам должны всегда находиться в центре внимания партийных организаций органов военной юстиции. Важно и впредь повышать активность и боевитость партийных организаций, развертывать в них критику и самокритику, воспитывать у каждого коммуниста чувство высокой ответственности за выполнение своего партийного и служебного долга.

В Вооруженных Силах, как и во всей стране, широко развернулась подготовка к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Партийные организации проводят большую работу по пропаганде бессмертного ленинского теоретического наследия. Долг коммунистов военных трибуналов — настойчиво овладевать марксизмом-ленинизмом, изучать произведения В. И. Ленина по вопросам социалистической законности и постоянно претворять их в своей практической деятельности.

Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», политическую работу следует направлять на воспитание советских людей в духе верности ленинским заветам и коммунистической убежденности, непримиримости к капитализму, буржуазной идеологии, на дальнейшее развитие общественной и трудовой активности советского народа, воспитание патриотизма и интернационализма, на всемерное укрепление экономической и оборонной мощи нашей Родины.

Современная международная обстановка обязывает всех нас быть бдительными, всемерно повышать боевую готовность наших войск. Долг каждого из нас — направлять все свои силы и знания на укрепление боевого могущества Вооруженных Сил и безопасности нашей социалистической Родины, братских стран социализма.

В день пятидесятилетия военных трибуналов хочется пожелать работникам военно-судебных органов новых успехов в выполнении больших и ответственных задач, поставленных партией и правительством перед органами советской юстиции.

*Начальник Главного политического управления
Советской Армии и Военно-Морского Флота
генерал армии А. ЕПИШЕВ*

ЗА ДАЛЬНЕЙШЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Претворяя в жизнь требования Программы КПСС об укреплении оборонной мощи СССР, Коммунистическая партия и Советское правительство делают все для того, чтобы Советские Вооруженные Силы имели высокую организованность и дисциплину, образцово выполняли все возложенные на них задачи и были готовы в любой момент дать сокрушительный отпор империалистическим агрессорам.

В текущем году наша страна торжественно отметила славное 50-летие своих Вооруженных Сил, которые героически и с честью выполняют свой священный долг перед советским народом. В декабре 1968 года исполняется 50 лет военным трибуналам.

Создание и деятельность революционных военных трибуналов тесно связаны со строительством Вооруженных Сил Советского государства. Военные трибуналы сыграли значительную роль в укреплении дисциплины и революционного порядка в армии. При осуществлении правосудия военные трибуналы руководствуются интересами защиты Советского государства от посягательств внутренних и внешних врагов, интересами торжества пролетарской революции, своим классовым правосознанием.

Охраняя завоевания Октябрьской революции, военные трибуналы вели беспощадную борьбу с контрреволюцией и всеми, кто посягал на боевую мощь Красной Армии.

Окончилась гражданская война. Наш народ приступил к строительству социализма. Из года в год росло и крепло первое в мире государство рабочих и крестьян. Росли и крепились его доблестные армия и флот. Укреплению Вооруженных Сил активно способствовали и военные трибуналы, которые оказывали повседневную помощь командирам

и политорганами в борьбе за высокую воинскую дисциплину и правопорядок в войсках.

Вероломное нападение фашистской Германии на нашу Родину прервало мирный труд советских людей. Народы Советского Союза поднялись на священную Отечественную войну. В суровых битвах ковалась победа над заклятым врагом. Решительно борясь с диверсантами и шпионами, с изменниками и предателями, с дезертирами, трусами и паникерами, с дезорганизаторами советского тыла и расхитителями социалистической собственности, военные трибуналы сыграли важную роль в защите нашего Отечества.

Разгромив фашистскую Германию и империалистическую Японию, наша страна вновь приступила к мирному созидательному труду и в короткий срок залечила раны, нанесенные войной. Советский народ под руководством Коммунистической партии успешно осуществляет строительство самого справедливого общества на земле — коммунистического общества.

Нам хорошо известно, что враги мешали и впредь будут пытаться мешать великому делу строительства коммунизма, что империалисты засылали и будут засылать в нашу страну шпионов и диверсантов, обострять международное положение, провоцируя чреватые войной конфликты. Примером тому служит грязная война американских империалистов во Вьетнаме, их провокации против Кубы и КНДР, израильская агрессия против арабских стран.

Учитывая это, Коммунистическая партия и Советское правительство призывают нас, советских людей, свято и нерушимо выполнять заветы великого Ленина — укреплять могущество нашей Родины, ее Вооруженных Сил, повышать революционную бдительность, строго соблюдать социалистическую законность.

Военные трибуналы, отправляя социалистическое правосудие, успешно борются с проявлениями преступности среди военнослужащих, сурово карают злостных нарушителей советских законов. Одновременно военные трибуналы проделали большую работу по исправлению допущенных в прошлом извращений и нарушений социалистической законности.

Партия и народ отдают должное благородной деятельности государственных органов, стоящих на страже законности и правопорядка в нашей стране.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, выступая с Отчетным докладом на XXIII съезде партии, отметил, что в борьбе за дальнейшее упрочение социалистической законности многое делают органы милиции, прокуратуры и суда, бдительно несут службу по разоблачению и пресечению происков империалистических разведок и их агентуры органы государственной безопасности, наши славные пограничники.

Это обязывает все эти органы еще активнее бороться за строгое соблюдение социалистической законности, за выполнение поставленных Коммунистической партией задач по искоренению всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности и устранение причин, ее порождающих.

Нет сомнений, что военные судьи и военные прокуроры с еще большей энергией и настойчивостью будут бороться за выполнение возложенных на них задач, будут и впредь свято выполнять свой долг — бдительно стоять на страже социалистической законности.

*Генеральный Прокурор СССР
Р. РУДЕНКО*

В ТЕСНОМ КОНТАКТЕ С ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Известно изречение В. И. Ленина о том, что всякая революция только тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться. А защищают завоевания революции созданные ею же органы. Важное место среди них занимают советские военные трибуналы.

Полувековая история советских военных трибуналов неотделима от истории Советской Армии и Военно-Морского Флота и тесно связана с историей органов государственной безопасности.

Советские чекисты высоко ценят роль военных трибуналов в борьбе против государственных преступников, пытавшихся посредством заговоров, террористических актов, диверсий и шпионажа подорвать Советскую Республику.

С момента организации военных трибуналов между ними и органами государственной безопасности установилась самая тесная деловая связь, которая основывалась на ленинских указаниях о строжайшем соблюдении социалистической законности. Военные трибуналы наших Вооруженных Сил рассматривают расследованные органами государственной безопасности дела об особо опасных и иных государственных преступлениях, совершенных военнослужащими и приравненными к ним лицами, а также все дела о шпионаже. Кроме того, военные трибуналы ведут активную борьбу за укрепление воинской дисциплины и правопорядка в войсках органов государственной безопасности.

История советских военных трибуналов — это история беспощадной борьбы против внешних и внутренних классовых врагов первого в мире социалистического государ-

ства, против тех, кто посягает на боевую мощь наших Вооруженных Сил, а также борьбы за неукоснительное соблюдение советских законов в наших Вооруженных Силах.

В первые годы Советской власти революционные военные трибуналы в тесном контакте с органами ВЧК—ОГПУ наносили сокрушительные удары по контрреволюционерам, саботажникам, анархистам, то есть по всем тем, кто сознательно выступал против Советской власти, кто поднимал оружие против молодой Советской Республики.

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции революционные военные трибуналы рассматривали многочисленные дела о белогвардейских и других заговорах, возникавших как в тылу, так и на фронтах, с целью свержения Советской власти и облегчения захвата советской территории англо-американскими и франко-японскими оккупантами. Разоблаченные органами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и представшие перед революционными военными трибуналами, заговорщики и их пособники получили по заслугам.

Широко известно, например, дело о международном антисоветском заговоре, в котором участвовали английский посланник Локкарт, французский генеральный консул Гренар, лейтенант английской службы Сидней Рейли, американский генеральный консул Коломотиано, бывший генерал-майор царской армии Загряжский, бывший полковник генерального штаба русской армии и бывший военный цензор Солюс и другие; дело о так называемом «Тактическом центре», возглавлявшемся контрреволюционером Щенкиным и полковником царской армии Алферовым, дела о «Союзе реальной помощи», о «Российском союзе торговли и промышленности» и многие другие.

В годы мирного социалистического строительства военные трибуналы, выполняя указания В. И. Ленина, бдительно оберегали завоевания Великого Октября, независимость и военную мощь Советского государства. Выступая на IX Всероссийском съезде Советов в 1921 году, В. И. Ленин говорил: «...Будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления, в отношении на-

ших рабочих и крестьян и их завоеваний, мы не вправе допускать ни на секунду»¹.

На судебных заседаниях в июле 1922 и в августе 1924 года рассматривались уголовные дела по обвинению главарей созданной эсером Борисом Савинковым контрреволюционной организации «Союз защиты родины и свободы». Этот союз, как известно, организовал белогвардейский мятеж в Ярославле, подготавливал вооруженное восстание в Муроме, Рыбинске и других городах. Участники белогвардейского мятежа разгромили местные Советы, убили их руководителей и, кроме того, несколько сот советских и партийных работников вывезли из Ярославля на барже и утопили в Волге. Главарию мятежа бывшему генералу царской армии Перхурову удалось бежать. Но впоследствии органами ЧК он был разоблачен и в 1922 году Военной коллегией Верховного трибунала при ВЦИК приговорен к высшей мере наказания.

Беспощадно и сурово карая государственных преступников, врагов социалистического государства и советского народа, военные трибуналы во все годы своего существования в любой обстановке вели большую работу по воспитанию военнослужащих в духе сознательного выполнения требований воинской дисциплины, строжайшего соблюдения советских законов.

В годы Великой Отечественной войны советские военные трибуналы совместно с органами военной контрразведки вели активную борьбу с разведчиками и агентами фашистских разведывательных служб, сурово карали изменников Родины и предателей. С началом войны резко активизировалась деятельность немецко-фашистских разведывательных и контрразведывательных органов по заброске шпионско-диверсионных групп в наши тылы и прифронтовую полосу для совершения диверсионных и террористических актов, для сбора сведений шпионского характера. Отступая под мощными ударами наших войск, фашисты оставляли своих агентов для подрывной деятельности. Органы государственной безопасности вылавливали таких преступников и дела на них передавали в военные трибуналы.

Несмотря на то что военным трибуналам приходилось работать в труднейших условиях боевой обстановки, воен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 300.

ные судьи с большим чувством ответственности выполняли возложенные на них трудные обязанности, объективно, с достаточной осторожностью и в то же время быстро и точно наносили удары мечом правосудия.

Активно способствуя решению задач, стоявших перед Советской Армией и Военно-Морским Флотом в годы войны, работники военных трибуналов в боевых условиях не щадили сил и самой жизни во имя разгрома гитлеровской военной машины, многие из них пали смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны.

За преступления, совершенные в военное время в боевой обстановке, по закону военного времени предусматривались очень суровые меры наказания вплоть до расстрела. Приговоры военных трибуналов, действовавших в местностях, объявленных на военном положении, не подлежали кассационному обжалованию или опротестованию. Поэтому малейшая ошибка в решении военного суда могла стоить человеческой жизни. От работников военных трибуналов требовалось самым тщательным образом исследовать и взвесить доказательства, с тем чтобы вынести справедливое решение.

Строго карая шпионов, предателей и злостных нарушителей воинской дисциплины, военные суды применяли к лицам, впервые совершившим преступления, не представлявшие большой общественной опасности, наказания, не связанные с лишением свободы, или производили отсрочку исполнения приговора до окончания военных действий.

Военные трибуналы вели большую работу по укреплению воинской дисциплины в войсках и на кораблях, по воспитанию военнослужащих в духе беззаветного служения Родине, самоотверженного выполнения воинского долга.

Таким образом, в великую победу, одержанную под руководством Коммунистической партии советским народом и его Вооруженными Силами в Отечественной войне над фашистскими извергами, определенный вклад внесли и работники советских военных трибуналов.

О самоотверженной деятельности военных судей, их активном участии в решении боевых задач свидетельствует награждение многих из них орденами и медалями Советского Союза.

В послевоенные годы органы советской военной юсти-

ции, в частности военные трибуналы, так же зорко стоят на страже безопасности нашей Родины и ее Вооруженных Сил, как стояли в военное время.

Рассматривая дела на вражеских шпионов, разоблаченных органами государственной безопасности в последние годы, советские военные трибуналы бдительно охраняют государственную независимость, территориальную неприкосновенность и военную мощь Советского государства, разоблачают перед широкой общественностью звериную суть американского империализма. Для подтверждения сказанного достаточно вспомнить хотя бы некоторые уголовные дела, рассмотренные военными трибуналами за последние несколько лет. Например, дело американского летчика-шпиона Гарри Пауэрса, засланного к нам для сбора шпионских сведений с использованием современной американской военной и шпионской техники. Советские ракетчики сбили самолет Пауэрса с первого выстрела, чекисты разоблачили матерого шпиона, а советский военный суд наказал его по заслугам. Так же бесславно закончили на скамьях подсудимых свои вояжи по нашей стране иностранные туристы — Маккинен, Наумани, Зоннтаг, супруги Вернер и многие другие, выполнявшие шпионские задания своих заокеанских хозяев.

По-прежнему много усилий работники военных трибуналов вкладывают в борьбу с нацистскими преступниками и карателями из числа изменников Родины, совершившими в годы Великой Отечественной войны тяжкие преступления против советского народа. Открытые судебные процессы, проведенные в последние годы в ряде военных округов, свидетельствуют о возросшем опыте и высокой юридической культуре военных судей. Советские военные трибуналы вынесли в отношении каждого из преступников суровый, но справедливый приговор. Приговоры военных трибуналов были встречены широкой общественностью с большим одобрением.

На протяжении своего существования военные трибуналы с честью выполняют возложенную на них Коммунистической партией и Советским государством ответственную задачу по борьбе за укрепление социалистической законности.

Центральный Комитет КПСС и Президиум Верховного Совета СССР в приветствии в связи с 50-летием со-

ветского суда высоко оценили его роль в отправлении правосудия, в воспитании советских людей в духе ленинских принципов коммунистической нравственности, уважения к законам и правилам социалистического общежития. Эта оценка обязывает работников советских судебных органов, в том числе и работников военных трибуналов, настойчиво продолжать работу по искоренению всяких нарушений правопорядка и устранению причин, порождающих их.

*Заместитель Председателя
Комитета государственной безопасности
при Совете Министров СССР
генерал-полковник Н. ЗАХАРОВ*

НА ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ РОДИНЫ

Исполнилось 50 лет со дня организации военных трибуналов Вооруженных Сил Союза ССР.

Возникнув на фронтах гражданской войны, военные трибуналы под руководством Коммунистической партии показали себя верными проводниками политики партии, надежным оружием диктатуры пролетариата в борьбе с контрреволюцией, в укреплении революционной законности молодого Советского государства.

В ходе Великой Отечественной войны советского народа с заклятым врагом человечества — немецким фашизмом военные трибуналы, выполняя волю партии, продолжали славные революционные традиции — твердой рукой пресекали преступные действия неустойчивых элементов, оказывали значительную помощь командованию в укреплении воинской дисциплины. Работники военных трибуналов, постоянно бывая в частях, вели большую разъяснительную работу среди личного состава и в боевой обстановке показывали образцы личного мужества и стойкости.

В условиях мирного времени военные трибуналы, поддерживая тесную связь с армейской общественностью, работая в деловом контакте с командирами, политическими органами, партийными и комсомольскими организациями, успешно осуществляют возложенные на них задачи по дальнейшему укреплению социалистической законности, способствуют повышению боевой готовности войск. Их деятельность, как судебная, так и профилактическая, является одним из серьезных средств воспитания военнослужащих, служит целям предупреждения проступков, преступлений и чрезвычайных происшествий.

Рассмотрение дел в открытых судебных заседаниях в присутствии военнослужащих, проводимое при тщатель-

ном соблюдении законов, воспитывает у личного состава чувство глубокого уважения к законам Советского государства.

Большое практическое значение в дальнейшем укреплении воинской дисциплины имеет правовая пропаганда, в проведении которой активное участие принимают наши военные юристы. Выступая перед личным составом с лекциями и докладами, участвуя в тематических и кинолекционных вечерах, давая юридические консультации, военные судьи несут правовые знания в массы, воспитывают у военнослужащих чувство ответственности за образцовое выполнение своего воинского долга, способствуют созданию атмосферы нетерпимости к нарушениям и нарушителям воинской дисциплины и правопорядка.

Военный совет Ракетных войск отмечает, что всей своей деятельностью — законным и справедливым разрешением уголовных дел, разъяснительной работой — военные трибуналы завоевали авторитет и уважение солдат, офицеров и генералов.

Добрую славу в войсках заслужили ветераны военных трибуналов, высококвалифицированные судьи и активные участники правовой пропаганды Максимов С. С., Смолин М. А., Юркевич В. А., Бушуев Г. И., Смирнов С. М., Пименов П. Ф. и другие работники военной юстиции, отдающие все силы и знания благородному делу укрепления социалистической законности.

Военный совет выражает уверенность, что работники военных трибуналов и впредь будут со всей энергией участвовать в решении важнейших задач, стоящих перед нашими войсками, находящимися в постоянной боевой готовности.

*Главнокомандующий Ракетными войсками
Маршал Советского Союза Н. КРЫЛОВ
Член Военного совета —
начальник политического управления
Ракетных войск
генерал-полковник Н. ЕГОРОВ*

ВОЕННЫМ ТРИБУНАЛАМ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Народы Советского Союза и наши друзья во всем мире торжественно отметили славное 50-летие Советских Вооруженных Сил. Созданные под руководством В. И. Ленина и большевистской партии наша армия и флот прошли героический полувековой путь.

Вместе с ними большой путь прошли и военные трибуналы — органы социалистического правосудия в войсках.

История военных трибуналов показывает, что они всегда были надежной опорой командиров и политорганов в деле воспитания военнослужащих в духе строжайшего выполнения требований закона, присяги и воинских уставов, в духе верности своему воинскому долгу, преданности партии и народу, готовности в любой момент встать на защиту Родины.

В годы гражданской и Великой Отечественной войн военные трибуналы вели беспощадную борьбу со шпионами, диверсантами, изменниками, дезертирами — всеми, кто пытался подорвать нашу боевую мощь. Военные судьи внесли свой достойный вклад в общее дело победы над врагом.

В годы мирного строительства военные трибуналы стоят на страже законности и правопорядка в армии и на флоте.

Современная международная обстановка характеризуется усилением агрессивных устремлений правящих кругов западных держав. Это обязывает еще выше поднимать боевую готовность Советских Вооруженных Сил, внедрять в сознание каждого военнослужащего чувство высокой личной ответственности за образцовое выполнение своего воинского долга.

Важная роль в воспитании военнослужащих принадлежит и военным трибуналам. Их главной задачей является осуществление правосудия в Вооруженных Силах, наказание нарушителей воинского правопорядка. Разъяснение военнослужащим советских законов, правовое воспитание офицеров, сержантов и солдат является неотъемлемой и составной частью работы военных трибуналов по предупреждению правонарушений в войсках.

Военные трибуналы совместно с командирами, политическими органами и партийными организациями должны и впредь бороться за строгое соблюдение социалистической законности в частях и соединениях.

В день 50-летнего юбилея военных трибуналов Вооруженных Сил СССР от имени личного состава Сухопутных войск желаем всем генералам, офицерам и служащим военных трибуналов новых успехов в благородном труде по выполнению задач, возложенных на них Коммунистической партией и советским законом.

*Главнокомандующий Сухопутными войсками
генерал армии И. ПАВЛОВСКИЙ
Член Военного совета —
начальник политического управления
Сухопутных войск
генерал-полковник С. ВАСЯГИН*

УКРЕПЛЯТЬ ЗАКОННОСТЬ И ВОИНСКУЮ ДИСЦИПЛИНУ

Созданные Коммунистической партией в период становления Республики Советов революционные военные трибуналы прошли славный пятидесятилетний путь. Они активно защищали от всяких посягательств завоевания Октября, карали врагов революции, внедряли в массы революционную законность.

В эти дни мы называем тех, кому одним из первых партия доверила работу в органах пролетарского правосудия — военных трибуналах флотов, — Трефолева В. Д. и Колпакова В. А., отмечаем заслуги старейших юристов — Зайцева А. Д., Иванова В. В., Степанова Б. С., Стасюлиса К. Л., Чуватина А. Н. и других.

И в годы войны и в мирное время военные трибуналы флотов являются активными проводниками политики партии в деле утверждения законности и правопорядка, свято выполняют обязанности, возложенные на них советскими законами. В их составе работают опытные военные юристы генералы и офицеры — Митюк Ю. А., Трунин Л. Г., Шевченко Г. К. и другие. Наряду с осуществлением правосудия они проводят большую воспитательную работу, направленную на оказание эффективной помощи флотскому командованию и политическим органам в укреплении воинской дисциплины и правопорядка в частях и на кораблях.

В день пятидесятилетия желаем личному составу военных трибуналов и впредь настойчиво работать над выполнением решений партии по дальнейшему укреплению социалистической законности и всей своей деятельностью способствовать повышению боеготовности Советских Вооруженных Сил.

*Главнокомандующий Военно-Морским Флотом
Адмирал Флота Советского Союза С. ГОРШКОВ
Член Военного совета —
начальник политического управления
Военно-Морского Флота
адмирал В. ГРИШАНОВ*

**НА СТРАЖЕ
ЗАКОННОСТИ
И ВОИНСКОГО
ПОРЯДКА**

Председатель Военной коллегии
Верховного Суда Союза ССР
генерал-лейтенант юстиции Н. ЧИСТЯНОВ

50 ЛЕТ ВОЕННЫМ ТРИБУНАЛАМ

В декабре 1968 года исполняется 50 лет со времени организации военных трибуналов Советской Армии и Военно-Морского Флота. 8 декабря 1918 года Революционный военный трибунал Республики, образованный приказом Реввоенсовета Республики, приступил к своей практической деятельности. Этот день и принято считать датой создания военных трибуналов.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России были упразднены все ранее действовавшие судебные установления, в том числе военные и военно-полевые суды, вызывавшие особую ненависть трудящихся своей открытой расправой со всеми, кто пытался поднять голос протеста против самодержавия, против существовавшей в царской армии муштры и гнетущей палочной дисциплины.

В соответствии с декретом о суде № 1, принятым Советским правительством в ноябре 1917 года, в стране началось создание новых, подлинно народных судов, которые должны были избираться самим населением на строго демократической основе. На эти судебные органы возлагалось и рассмотрение дел о преступлениях, совершаемых военнослужащими.

Однако вскоре выяснилось, что общегражданские судебные органы не могли обеспечить быстрого и оперативного разрешения возникавших в армии дел, особенно в периоды боевых действий войск. Необходимо было создать суды, организационно связанные с армейскими формированиями, которые могли бы оперативно разрешать дела с учетом обстановки, сложившейся на фронте. По инициативе командования, партийно-политических органов в армии стали создаваться специальные военно-судебные органы — революционные военные трибуналы.

Хотя в то время военные трибуналы еще не входили в общую судебную систему и организационно оставались самостоятельными, тем не менее они с первых же шагов своей деятельности руководствовались общими демократическими принципами правосудия, и прежде всего принципом гласности судопроизводства.

Большинство возникавших дел рассматривалось на месте совершения преступления, непосредственно в боевой обстановке, в самой гуще красноармейских масс.

Революционные военные трибуналы в этот период являлись исключительно острым оружием нашего молодого социалистического государства. Они вели решительную борьбу с подрывной деятельностью контрреволюционных элементов, проникавших в армию с целью вредительства и саботажа; беспощадно карали предателей, изменников Родины и прочих врагов революции, строго наказывали трусов, дезертиров и мародеров, а также других лиц, злобно нарушавших воинскую дисциплину и установленный в армии и на флоте порядок.

Наряду с суровыми репрессиями, применявшимися к враждебным элементам, сознательно вредившим делу революции, военные трибуналы проявляли исключительную чуткость и внимание к лицам пролетарского происхождения, случайно ставшим на путь преступления. К ним нередко применялось условное осуждение, а также иные меры, связанные не столько с принуждением, сколько с убеждением.

В работе военных трибуналов, как и других судов, имелись и серьезные затруднения.

В тот период не существовало ни уголовного, ни уголовно-процессуального кодексов, да и вообще какого-либо законодательного акта, который более или менее подробно регламентировал бы деятельность судебных органов. Как указывалось в декрете о суде № 1, суды могли руководствоваться законами свергнутых правительств, но лишь постольку, поскольку эти законы не были отменены революцией и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию.

Такое положение создавало большие трудности в работе, но вместе с тем позволяло творчески подходить к разрешению каждого конкретного дела, сообразуясь с интересами социалистического государства.

Судьи военных трибуналов наряду с рассмотрением

уголовных дел проводили большую партийно-политическую работу, а при необходимости вступали в бой вместе со всеми другими бойцами Красной Армии. Многие из судей погибли на полях сражений.

В период создания военно-судебных органов, а также в последующие военные и мирные годы в них работали преданные делу нашей партии кадры. Среди них прошедшие суровую школу революционеров — первый председатель Революционного военного трибунала Республики Данишевский К. Х. и первый председатель Военной коллегии Трифонов В. А., председатели военных трибуналов Бушуев Н. Ф., Зонов А. С., Зорин Д. Ф., Кушнирюк Г. Г., Плавнек Л. Я., Трефолов В. Д. На протяжении многих лет отдавали все свои силы укреплению социалистической законности Галенков И. С., Зайцев А. Д., Костромин А. А., Лихачев П. А., Майоров Н. Я., Пелевин Ф. И., Подойницын Г. Я., Романовский С. П., Сорокин В. В., Устюжанинов А. А., Чуватин А. Н. и другие.

После изгнания иностранных интервентов и разгрома внутренней контрреволюции советский народ приступил к восстановлению разрушенного войной хозяйства. Изменились задачи и военных трибуналов. Главной из них стала борьба с хозяйственными и должностными преступлениями, а также с остатками контрреволюционных и националистических банд, существовавших еще в некоторых районах страны. Претерпела известные изменения и организационная структура военных трибуналов. С июня 1921 года они прочно вошли в общую систему судебных органов.

* * *

Важная роль принадлежала военным трибуналам в годы Великой Отечественной войны. Военные трибуналы, действовавшие во фронтовых условиях, в частности трибуналы дивизий, отдельных бригад и армий, как и других войсковых соединений, осуществляли свою деятельность в тесном взаимодействии с командованием и политическими органами. Умело сочетая судебную репрессию с работой по предупреждению преступлений, военные трибуналы оказывали существенную помощь командованию в деле укрепления воинской дисциплины, воспитания бойцов в духе беззаветной преданности Родине и непримиримой ненависти к врагу, сознательного отношения к исполнению

воинского долга и беспрекословного повиновения начальникам и старшим.

Находясь в действующей армии, работники военных трибуналов стойко и мужественно переносили опасности и тяготы войны, умело ориентировались в возникавшей на фронте сложной обстановке, нередко непосредственно вступали в бой с противником. В борьбе с фашистскими захватчиками немало работников военных трибуналов отдали свои жизни. Погибли в боях за Родину председатели и члены военных трибуналов Белоусов П. Я., Бычковский Л. В., Васильев Н. В., Жуков Д. Я., Зайцев В. В., Исаков М. А., Демин Г. В., Костиков В. Ф., Кузнецов П. А., Лисовой П. М., Мусаев М. И., Николаев И. Е., Попов Ф. И., Романов К. Е., Чистухин Л. Т., Фомин И. А., Хренков А. Д., Шишмарев И. Ф. и многие другие. Их имена всегда будут жить в нашей памяти.

Многие военные судьи и секретари военных трибуналов за образцовое выполнение заданий на фронте были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В условиях войны от военных судей требовался исключительно вдумчивый подход к выполнению своих функций, и прежде всего к отправлению правосудия. Во фронтовых, часто менявшихся условиях для правильного разрешения возникавших дел нужно было обладать не только высокой юридической квалификацией, но и политической зрелостью и выдержкой. Без этих качеств военный судья не мог бы дать правильную юридическую и политическую оценку совершенным действиям, определить справедливое наказание и решить вопрос о том, следует ли это наказание приводить в исполнение. В подавляющем большинстве случаев все эти вопросы решались правильно, в соответствии с требованиями закона и складывавшейся на фронте боевой обстановкой.

Сурово карая предателей и изменников Родины, шпионов, а также трусов, паникеров и дезертиров, злобно уклонявшихся от участия в боевых действиях, военные трибуналы в то же время к лицам, совершившим менее опасные преступления, широко применяли примечание 2 к ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР, позволявшее не приводить приговор в исполнение при условии, если осужденный последующим участием в борьбе с врагом искупит свою вину перед советским народом. Большинство военнослужащих, осуждавшихся с применением этого закона,

оправдывали оказанное им доверие и, находясь на фронте, самоотверженно сражались с захватчиками, проявляя стойкость и героизм. Многие из осужденных сразу же по окончании, а иногда и в ходе боевых действий полностью освобождали от назначенного по приговору наказания со снятием судимости.

По мере освобождения советскими войсками оккупированной врагом территории на рассмотрение военных трибуналов стали поступать дела о злодеяниях гитлеровских захватчиков и их пособников. Такие судебные процессы начиная с середины 1943 года проводились в Краснодаре, Харькове, Киеве и других городах Советского Союза.

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении всего периода войны, вне зависимости от складывавшейся на фронте обстановки, судебная деятельность военных трибуналов проводилась в строгом соответствии с законом. Все сколько-нибудь существенные отступления от требований закона влекли за собой соответствующее реагирование со стороны вышестоящих военно-судебных органов.

Большое внимание военные трибуналы уделяли правовой пропаганде в войсках. Эта работа, как и судебная деятельность военных трибуналов, направлялась прежде всего на предупреждение преступности и укрепление сознательной воинской дисциплины, воспитание у воинов твердых волевых качеств, необходимых в борьбе за освобождение нашей социалистической Родины от иноземных захватчиков.

* * *

На всех этапах развития нашего государства — и в годы военных испытаний, и в условиях мирного времени — военные трибуналы всей своей деятельностью способствовали решению задач, которые стояли перед Вооруженными Силами.

Переход к мирному строительству после победоносного завершения Великой Отечественной войны создал условия для значительного сокращения Вооруженных Сил, что повлекло за собой и сокращение военно-судебных органов. Были упразднены военные трибуналы корпусов и дивизий, военные трибуналы войск МВД, железнодорожного и водного транспорта и создана единая система военно-судебных органов, действующая до настоящего времени.

Важное значение имело сокращение подсудности дел военным трибуналам, а также отмена процессуальных ограничений, которые были вызваны условиями военного времени, в частности ограничения права кассационного обжалования приговоров. Военные трибуналы стали руководствоваться теми же нормами судопроизводства, что и общие суды, без каких бы то ни было изъятий.

Первостепенное значение для деятельности военно-судебных органов имели решения XX съезда КПСС об укреплении социалистической законности. Как известно, в свое время были допущены грубые нарушения социалистической законности, выразившиеся в необоснованном осуждении многих советских граждан. В соответствии с решениями съезда партии ошибки были исправлены, и лица, необоснованно осужденные, реабилитированы.

Мероприятия партии и правительства по восстановлению ленинских норм партийной и государственной жизни создали благоприятные условия для осуществления правосудия в строгом соответствии с законом. Основное направление в работе военно-судебных органов определено решениями XXII съезда и принятой им Программой КПСС, поставившей в качестве важнейшей задачи ликвидацию преступности в стране и причин, ее порождающих, а также решениями XXIII съезда КПСС, указавшего на необходимость строжайшего соблюдения социалистической законности в деятельности всех государственных органов. Большое значение в борьбе с преступностью и совершенствовании судебной деятельности имеют решения ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 года о мерах по усилению борьбы с преступностью и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство».

В соответствии с этими решениями партии и правительства Пленум Верховного Суда СССР указал на необходимость всемерного усиления борьбы с преступностью и строгого соблюдения ленинского принципа неотвратимости наказания в отношении лиц, совершивших опасные преступления, и в то же время снова обратил внимание судей на недопустимость осуждения невиновных лиц.

В свете решений партии и правительства, а также указаний Пленума Верховного Суда СССР военно-судебные органы за последнее время проделали значительную работу по усилению борьбы с преступностью, оказанию по-

мощи командирам в укреплении воинской дисциплины и правопорядка.

Настойчивая и целенаправленная деятельность командования и партийно-политических органов, а также органов военной юстиции дала положительные результаты. В течение ряда лет в Вооруженных Силах СССР происходило последовательное снижение преступности и судимости. Например, судимость в 1965 году по сравнению с 1961 годом сократилась более чем в два раза и была наименьшей за предшествовавшие 25 лет. В 1967 году в результате претворения в жизнь решений партии и правительства от 23 июля 1966 года также достигнуто некоторое снижение судимости.

В настоящее время все более увеличивается количество частей и соединений, в которых правонарушений вообще нет, а отдельные случаи нарушения дисциплины рассматриваются как чрезвычайное происшествие.

Большое место в борьбе с правонарушениями, с пережитками прошлого в сознании и поведении людей отводится воспитательной работе. Командование, политорганы, партийные и комсомольские организации, вся армейская и флотская общественность проводят большую работу по предупреждению и предотвращению правонарушений, укреплению дисциплины и повышению боеготовности войск. Однако немаловажное значение имеют в этой борьбе и меры принуждения, осуществляемые военно-судебными органами.

Действенным средством предупреждения преступности является правильное осуществление правосудия. Военные трибуналы не только наказывают преступников, но и оказывают воспитательное воздействие на других лиц, прививая им чувство уважения к закону, сознательного отношения к выполнению своего общественного, служебного и воинского долга, непримиримого отношения к нарушителям общественного порядка и правил социалистического общежития.

За истекшие годы военные трибуналы накопили большой опыт работы, заметно улучшили судебную деятельность и устранили многие из допускаявшихся ошибок и недостатков. Изжиты случаи недооценки опасных для общества преступлений, крайности в применении мер наказания, а также случаи осуждения военнослужащих по формальным основаниям.

Судьи стали более глубоко и всесторонне, а вместе с тем и более оперативно рассматривать поступающие дела и в соответствии с требованием закона больше уделять внимания выяснению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

В 1967 году на основе материалов судебных процессов в адрес командования и других органов было направлено значительное количество представлений и частных определений, в которых ставился вопрос об устранении недостатков, выявленных при рассмотрении дел.

Военные трибуналы придают должное значение организации и проведению судебных процессов в частях, в присутствии личного состава. В этих процессах активное участие принимают представители армейской и флотской общности. Судебные процессы оказывают большое воспитательное воздействие на присутствующих и помогают командованию в укреплении дисциплины и правопорядка в частях. В настоящее время в присутствии личного состава рассматривается более 60 процентов уголовных дел, причем по большинству из них выступают представители общности.

Участие общественных обвинителей и защитников помогает суду лучше уяснить и правильно оценить конкретные особенности рассматриваемого дела, глубже проникнуть в обстановку, в которой совершалось преступление, обстоятельно разобраться в причинах возникновения правонарушения и сделать необходимые выводы и предложения о способах их устранения.

После проведения судебных процессов многие военные судьи выступают на служебных совещаниях офицерского состава частей с разбором выявленных в ходе судебного разбирательства причин и обстоятельств, создавших благоприятную почву для возникновения правонарушений. Приговоры по наиболее характерным и актуальным делам объявляются в приказах командования.

Каждый судебный процесс должен быть большим событием для части, он должен оставлять глубокий след в сознании военнослужащих. В этой связи приобретает важное значение указание Пленума Верховного Суда СССР о культуре проведения процесса, точном и неуклонном выполнении судом всех установленных законом правил судопроизводства, полном, всестороннем и объективном исследовании доказательств, правильном, раз-

умном подходе к определению виновным меры наказания.

Только при соблюдении всех этих условий суд будет пользоваться надлежащим авторитетом и доверием присутствующих, а вынесенный им приговор будет воспринят как проявление справедливости и законности.

Большое предупредительное значение имеет правовая пропаганда среди военнослужащих. Военные судьи, как и другие работники военной юстиции, регулярно выступают перед военнослужащими с лекциями и докладами, проводят беседы, групповые и индивидуальные консультации по правовым вопросам, в популярной и доходчивой форме разъясняют смысл и содержание партийных решений и законодательных актов, направленных на дальнейшее укрепление оборонной мощи нашего государства, на усиление борьбы с правонарушениями в армии. Немало бесед и докладов проводится специально для офицеров и сержантов.

Военные судьи принимают активное участие в армейской периодической печати, помещая в газетах и журналах статьи и заметки, популяризирующие и разъясняющие отдельные положения закона и воинских уставов. Большое распространение получили в частях вечера вопросов и ответов, а также тематические кинолекционные вечера с показом диафильмов о вредных последствиях пьянства и других нережитков прошлого в сознании и поведении людей.

По согласованию с командованием военные трибуналы периодически изучают деятельность офицерских товарищеских судов чести и товарищеских судов военно-строительных отрядов, помогают им устранить недостатки, что в конечном счете также положительно сказывается на предупредительной работе.

К проведению профилактической работы широко привлекаются народные заседатели, члены офицерских товарищеских судов чести. Задача военных трибуналов состоит в том, чтобы обеспечить дальнейшее совершенствование предупредительной работы, чтобы проводимые мероприятия были более действенными и результативными.

Вся работа военных трибуналов неразрывно связана с жизнью и деятельностью войск и осуществляется в тесном взаимодействии с командирами, политическими органами, органами военной прокуратуры. Это позволяет более

Герой Советского Союза
полковник юстиции
Е. Б. Фрадков

Герой Советского Союза
полковник юстиции
А. И. Филиппов

успешно решать поставленные задачи, добиваться еще больших результатов по искоренению преступности. Военные судьи активно участвуют в партийно-политической работе. Многие из них являются секретарями и членами бюро первичных партийных организаций, входят в состав партийных комиссий. Председатели военных трибуналов в своей работе постоянно опираются на партийные организации, и это способствует устранению недостатков в работе и дальнейшему совершенствованию судебной деятельности.

Необходимым условием успешной деятельности военных трибуналов является правильный подбор и расстановка кадров. Состав военных судей за последние годы значительно улучшился. Все судьи имеют высшее юридическое образование и постоянно работают над повышением своих политических и специальных знаний. Вместе с опытными судьями, хорошо знающими условия армейской службы, в трибуналах работает много молодых судей. Большинство из них быстро осваивают основы судебной деятельности и, воспринимая положительный опыт стар-

ших товарищей, в целом успешно справляются с возложенными на них обязанностями.

Среди работников военных трибуналов Советских Вооруженных Сил следует особо отметить офицеров юстиции Ашитова З. О., Агафонова П. Н., Богомякова Н. И., Бушуева Г. И., Вotchинцева Н. В., Долженко Ф. С., Ефимова А. П., Жаркова П. С., Зинченко И. М., Иванова В. В., Козлова М. Н., Лазарева А. В., Михайлова А. Г., Мышакова С. Т., Овчинникова И. А., Педорича Ф. Ф., Пивня Н. Д., Писарева А. И., Погодина И. М., Полоухина И. Б., Санникова В. И., Свириденко В. К., Соколова Н. В., Филиппова А. И., Харузина С. И., Чемеркина Д. Г., Иванова А. Ф., Красножона В. А., Найдышева Ю. П., Данилова В. П., Котова Б. А., Коркошко Г. Н., Петровского В. А., Старостина Н. И., Суркова И. Г., Шерстобитова Н. А., Яснова А. П.

Вся многообразная и разносторонняя деятельность военных трибуналов гарнизонов и соединенный координируется и направляется военными трибуналами округов, групп войск и флотов, которые непосредственно контролируют их деятельность и являются по отношению к ним судами второй инстанции.

Наряду с рассмотрением дел в кассационном и надзорном порядке эти суды изучают судебную практику и судебную статистику трибуналов гарнизонов и соединений, периодически проверяют их работу.

Военными трибуналами округов, групп войск и флотов проводится значительная работа по воспитанию и обучению военных судей. На совещаниях и учебных сборах обсуждаются наиболее важные вопросы судебной и организационной работы, актуальные теоретические проблемы,

Герой Советского Союза
подполковник юстиции
И. М. Зинченко

имеющие отношение к деятельности военных трибуналов. Военные трибуналы округов, групп войск и флотов систематически информируют военные советы, командиров и политорганы о состоянии и характере судимости в войсках, вносят предложения, направленные на устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений. В качестве суда первой инстанции военные трибуналы округов, флотов и групп войск рассматривают уголовные дела, отнесенные к их подсудности, которые, как правило, отличаются сложностью и требуют особенно квалифицированного подхода к их разрешению.

В соответствии с характером и сложностью выполняемых задач военные трибуналы округов, групп войск и флотов укомплектованы наиболее опытными и квалифицированными судьями. Длительное время находятся на руководящей судебной работе председатели военных трибуналов округов, флотов, групп войск Архипович П. И., Астахов С. А., Бочин А. В., Воробьев И. Г., Горбачев Н. Е., Комнатный К. Г., Кондратьев В. Г., Кравченко Н. В., Мазуров И. М., Максимов С. С., Нафиков Г. Г., Приймак Г. П., Шевченко Г. К. Хорошо зарекомендовали себя также председатели военных трибуналов Жуков П. Ф., Корнев В. Г., Митюк Ю. А. и Соколов Н. Н. Успешно справляются со своими обязанностями заместители председателей Баурин И. С., Гогин В. С., Зубов И. А., Малыгин В. И., Решетников Н. Л., Туркин А. И., Фрадков Е. Б.; члены военных трибуналов округов, флотов, групп войск Дзамоев С. К., Дуркин Г. Н., Зажичский Н. С., Зыков А. К., Кошель П. М., Курбатов И. С., Лаевский И. У., Лазарев Ю. Е., Лузин А. А., Мاستинский М. З., Петров М. А., Погребняк И. Г., Швецов В. С.

Положительной оценки заслуживает работа многих секретарей военных трибуналов, в том числе Андреева А. И., Главацкой С. М., Дроздовой Л. В., Загребельного И. Ф., Карабановой Ю. А., Кошелева И. С., Кочева И. А., Краснюка В. Т., Кулебакиной Р. П., Лавриненко А. Ф., Москальцова Г. Ф., Мухомедьярова А. Л., Собылевой Р. М., Прокопьевой Т. М., Теряник Н. М. и др.

Высшим военно-судебным органом страны является Военная коллегия Верховного Суда СССР. В соответствии с Положением о Верховном Суде СССР на Военную коллегию возложено рассмотрение в качестве суда первой инстанции дел исключительной важности. В последние

годы ею были рассмотрены такие дела, как дело американского шпиона Пауэрса, дело Пеньковского и Винна, дело Зоннтага и Науманна и другие.

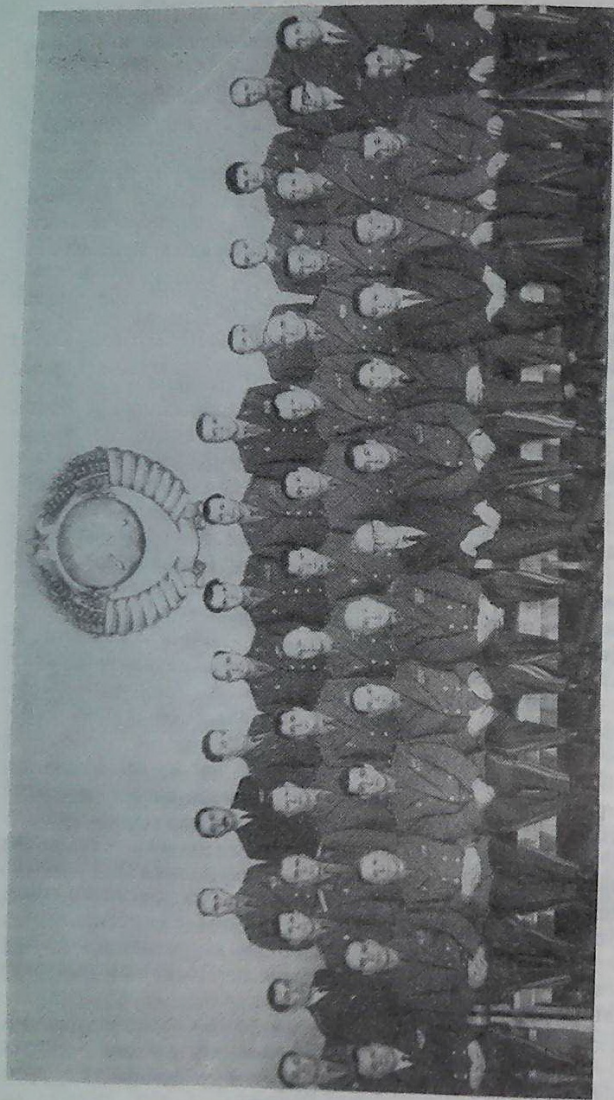
Важнейшей функцией Военной коллегии является надзор за судебной деятельностью военных трибуналов округов, групп войск и флотов, осуществляемый путем рассмотрения вынесенных ими судебных решений в кассационном и надзорном порядке. Основная задача Военной коллегии в области судебного надзора сводится к тому, чтобы обеспечить правильное и единообразное применение военными трибуналами действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, разрешение каждого конкретного дела в строгом соответствии с законом.

В соответствии с Положением о Верховном Суде СССР к рассмотрению кассационных и надзорных дел в Военной коллегии привлекаются запасные судьи из числа членов военных трибуналов округов и флотов. Это позволяет более оперативно разрешать кассационные и надзорные дела. Вместе с тем привлечение судей военных трибуналов для работы в Военной коллегии способствует более глубокому изучению деловых качеств и индивидуальных особенностей этих судей, а также более широкому распространению опыта работы Военной коллегии.

Наиболее квалифицированными, добросовестными и принципиальными запасными судьями зарекомендовали себя Аксенов В. Ф., Александров Н. А., Некрасов И. З., Парфенов Л. П., Семенов Ю. Т., Соболев Н. А., Серов В. А., Федоткин Н. К., Худоерко А. М.

Положением о Верховном Суде СССР на председателя Военной коллегии возложено организационное руководство военными трибуналами. Это руководство осуществляется в различных формах. Важнейшие из них — изучение и обобщение судебной практики и периодические проверки деятельности военных трибуналов, совещания по обмену опытом работы. Обобщение судебной практики позволяет выявить наиболее характерные недостатки в работе военных трибуналов и дать судьям необходимые рекомендации.

Большое значение имеет такая форма организационного руководства, как проведение проверок работы военных трибуналов. Главная цель проверок — установление при-

Участники совещания председателей военных трибуналов групп войск, округов и флотов. Март, 1968 г.

чин допускаемых судьями ошибок и практическая помощь по улучшению работы трибуналов.

Председатель Военной коллегии информирует Министра обороны СССР и начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота о вопросах, вытекающих из деятельности военных трибуналов. В свою очередь работники Военной коллегии и военных трибуналов периодически привлекаются Министерством обороны и Главным политическим управлением к участию в проверках состояния дисциплины и организации борьбы с правонарушениями в конкретных воинских частях и соединениях, к разработке отдельных законопроектов и положений, относящихся к деятельности военных учреждений.

Работники Военной коллегии также участвуют в подготовке материалов по совершенствованию законодательства, относящегося к деятельности военно-судебных органов, и разработке соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР.

В последнее время Военной коллегией установлены и успешно развиваются полезные контакты с военно-судебными органами других социалистических стран — участниц Варшавского договора. В 1967—1968 годах делегация советских военных юристов с дружественным визитом посетила Польскую Народную Республику, Германскую Демократическую Республику, Чехословацкую Социалистическую Республику и Венгерскую Народную Республику. В Советском Союзе с ответным визитом побывали польские и немецкие военные юристы. Во время этих посещений участники делегаций ознакомились со структурой, условиями и основными принципами деятельности военно-судебных органов других социалистических стран. Такие посещения способствуют взаимному обмену опытом организации и деятельности военных судов и служат дальнейшему укреплению дружбы, взаимопомощи и товарищества между военными юристами стран социалистического лагеря.

Военная коллегия уделяет необходимое внимание дальнейшему совершенствованию структуры военных трибуналов, улучшению подбора и расстановки кадров, политическому воспитанию судей и секретарей трибуналов, повышению их деловой квалификации. Особое внимание уделяется укреплению руководящего состава военных три-

буналов, правильному сочетанию опытных кадров с молодыми работниками, наиболее рациональной расстановке и правильному выдвижению работников на руководящие судебные должности.

В составе Военной коллегии работают судьи с большим жизненным и судебным опытом. Это Терехов Д. П., Долотцев А. А., Козлов Ю. Д., Лысенко Г. И., Цырлинский Б. С. 12 октября 1967 года на третьей сессии Верховного Совета СССР все они избраны членами Верховного Суда СССР.

Инспектора Военной коллегии, имея высокую профессиональную подготовку, успешно выполняют возложенные на них обязанности, проявляют разумную инициативу в работе и по-партийному относятся к порученному делу. Среди работников Военной коллегии можно выделить Богданова В. Н., Карышева М. Е., Козлова В. Г., Кочеткова А. Н., Мазалова А. Г., Полякова Н. М., Секачева В. И.

Восемь работников военных трибуналов и Военной коллегии кандидаты юридических наук, почти все они одновременно с практической деятельностью активно выступают с теоретическими статьями в печати.

Военно-судебные органы поддерживают тесные связи с учебными и научно-исследовательскими юридическими учреждениями. Научные работники Авдеев М. И., Ахметшин Х. М., Васильев Н. В., Загородников Н. И., Кобликов А. С., Кудрявцев В. Н. и Курляндский В. И. оказывают судьям помощь в решении сложных вопросов.

Партия и правительство высоко оценили заслуги работников военно-судебных органов. Большая группа военных судей в связи с 50-летием Советской власти и Вооруженных Сил СССР награждена орденами и медалями. За заслуги в области укрепления социалистической законности и правопорядка Президиумы Верховных Советов союзных республик присвоили почетное звание заслуженного юриста генерал-майорам юстиции Архиповичу П. И., Воробьеву И. Г., Долотцеву А. А., Кравченко Н. В., Лысенко Г. И., Максимова С. С., Нафикову Г. Г., Приймаку Г. П.; полковникам юстиции Глазкову А. Д., Джюеву С. В., Долженко Ф. С., Решетникову Н. Л., Ухутте П. И.; подполковникам юстиции Башкатову И. В., Белоусову А. А., Дубинину С. И., Кошелю П. М., Папиташвили В. В.

Деятельность военно-судебных органов находит постоянную поддержку со стороны партии и правительства,

Министерства обороны СССР, Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Свидетельством этому может служить недавно принятый Указ Президиума Верховного Совета СССР об изменении и дополнении действующего Положения о военных трибуналах, который направлен на дальнейшее совершенствование деятельности военных трибуналов.

Центральный Комитет КПСС и Президиум Верховного Совета СССР в приветствии в связи с 50-летием советского суда высоко оценили работу судебных органов по отправлению правосудия, воспитанию советских людей в духе высоких принципов коммунистической нравственности, уважения к законам и правилам социалистического общежития. Эта оценка радует и воодушевляет работников советских судебных органов, в том числе и судей военных трибуналов. Вместе с тем она обязывает судей военных трибуналов и впредь настойчиво продолжать работу по искоренению правонарушений, укреплению воинской дисциплины и повышению боевой готовности войск.

В апреле 1970 года Коммунистическая партия, советский народ, трудящиеся всех стран мира будут торжественно отмечать 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» подчеркивается, что лучший способ отметить ленинский юбилей — это сосредоточить внимание на осуществлении планов хозяйственного и культурного строительства.

Работники военных трибуналов, беспредельно преданные партии и народу, отдадут все свои силы и знания выполнению поставленных Программой КПСС и XXIII съездом партии задач по дальнейшему укреплению советского правопорядка и социалистической законности.

Главный военный прокурор
генерал-лейтенант юстиции А. ГОРНЫЙ

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

Советское социалистическое государство прошло славный полувековой путь героической борьбы и побед. Надежную защиту великих завоеваний советского народа обеспечивают наши Вооруженные Силы, спискавшие всеобщее уважение и любовь трудящихся своими бессмертными подвигами, верной службой народу, беспредельной преданностью идеям Октября. Активная роль в укреплении Советского государства и его Вооруженных Сил принадлежит советским военным трибуналам, отмечающим свое пятидесятилетие.

Созданные волею партии большевиков в огне Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, военные трибуналы всегда стояли и стоят на страже оборонной мощи Советского государства и боеспособности его Вооруженных Сил. В годы гражданской войны они карающим мечом пролетарского правосудия беспощадно пресекали посягательства классово враждебных элементов, шкурников, дезертиров, трусов, способствуя всей своей деятельностью поддержанию железной воинской дисциплины и твердого революционного порядка в войсках, достижению победы над врагом.

«Охраняя боевую мощь и крепость РККА в период героической борьбы на фронтах гражданской войны, — отмечалось в приказе Реввоенсовета СССР № 399 от 8 декабря 1928 года, — революционные военные трибуналы стойко, рука об руку со всем командным и политическим составом РККА работали по укреплению пролетарской военной дисциплины и политико-морального состояния РККА».

Большую роль в укреплении воинского правопорядка военные трибуналы играли и в условиях мирного строительства Советской Армии и Военно-Морского Флота.

В годы Великой Отечественной войны, когда вся наша страна превратилась в единый военный лагерь, работники военных трибуналов все свои силы отдавали великому делу защиты нашей Родины от фашистских захватчиков. Решительно борясь с предателями и изменниками, трусами и паникерами, дезорганизаторами тыла и фронта, нарушителями воинской дисциплины, военные трибуналы всемерно способствовали поддержанию строгого порядка и организованности в частях и на кораблях, помогали ковать победу над врагом.

В современных условиях военные трибуналы, осуществляя в строгом соответствии с требованиями закона социалистическое правосудие, призваны вести борьбу с посягательствами на безопасность СССР, боеспособность его Вооруженных Сил, воинскую дисциплину и порядок несения военной службы. Совместно с командирами, политическими органами и военной прокуратурой они проводят большую работу по укреплению в войсках социалистической законности, предупреждению и искоренению правонарушений и причин, их порождающих. Всей своей деятельностью они воспитывают военнослужащих в духе беззаветного служения Родине, точного и неуклонного исполнения советских законов, военной присяги, воинских уставов, приказов командиров и начальников.

Руководимые Коммунистической партией, военные трибуналы настойчиво и последовательно проводят ее политику в области укрепления боевой мощи Вооруженных Сил СССР, социалистической законности и правопорядка, претворяют в жизнь важные задачи, поставленные Программой КПСС, XXIII съездом партии и ее специальными решениями об усилении борьбы с преступностью.

Руководствуясь этими документами, военно-судебные органы в тесном контакте с командирами, политорганами, партийными организациями, всей армейской и флотской общественностью, с военными прокурорами и следователями плодотворно работают над созданием широкого фронта борьбы с правонарушениями.

Центральный Комитет КПСС и Президиум Верховного Совета СССР в своем приветствии в связи с 50-летием советского суда выразили уверенность в том, что судебные работники страны, пользующиеся высоким доверием народа, будут и впредь с помощью широкой общественности настойчиво вести работу по укреплению государственной

Главный военный прокурор
генерал-лейтенант юстиции А. ГОРНЫЙ

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

Советское социалистическое государство прошло славный полувековой путь героической борьбы и побед. Надежную защиту великих завоеваний советского народа обеспечивают наши Вооруженные Силы, спискавшие всеобщее уважение и любовь трудящихся своими бессмертными подвигами, верной службой народу, беспредельной преданностью идеям Октября. Активная роль в укреплении Советского государства и его Вооруженных Сил принадлежит советским военным трибуналам, отмечающим свое пятидесятилетие.

Созданные волею партии большевиков в огне Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, военные трибуналы всегда стояли и стоят на страже оборонной мощи Советского государства и боеспособности его Вооруженных Сил. В годы гражданской войны они карающим мечом пролетарского правосудия беспощадно пресекали посягательства классово враждебных элементов, шкурников, дезертиров, трусов, способствуя всей своей деятельностью поддержанию железной воинской дисциплины и твердого революционного порядка в войсках, достижению победы над врагом.

«Охраняя боевую мощь и крепость РККА в период героической борьбы на фронтах гражданской войны, — отмечалось в приказе Реввоенсовета СССР № 399 от 8 декабря 1928 года, — революционные военные трибуналы стойко, рука об руку со всем командным и политическим составом РККА работали по укреплению пролетарской военной дисциплины и политико-морального состояния РККА».

Большую роль в укреплении воинского правопорядка военные трибуналы играли и в условиях мирного строительства Советской Армии и Военно-Морского Флота.

В годы Великой Отечественной войны, когда вся наша страна превратилась в единый военный лагерь, работники военных трибуналов все свои силы отдавали великому делу защиты нашей Родины от фашистских захватчиков. Решительно борясь с предателями и изменниками, трусами и паникерами, дезорганизаторами тыла и фронта, нарушителями воинской дисциплины, военные трибуналы всемерно способствовали поддержанию строгого порядка и организованности в частях и на кораблях, помогали ковать победу над врагом.

В современных условиях военные трибуналы, осуществляя в строгом соответствии с требованиями закона социалистическое правосудие, призваны вести борьбу с посягательствами на безопасность СССР, боеспособность его Вооруженных Сил, воинскую дисциплину и порядок несения военной службы. Совместно с командирами, политическими органами и военной прокуратурой они проводят большую работу по укреплению в войсках социалистической законности, предупреждению и искоренению правонарушений и причин, их порождающих. Всей своей деятельностью они воспитывают военнослужащих в духе беззаветного служения Родине, точного и неуклонного исполнения советских законов, военной присяги, воинских уставов, приказов командиров и начальников.

Руководимые Коммунистической партией, военные трибуналы настойчиво и последовательно проводят ее политику в области укрепления боевой мощи Вооруженных Сил СССР, социалистической законности и правопорядка, претворяют в жизнь важные задачи, поставленные Программой КПСС, XXIII съездом партии и ее специальными решениями об усилении борьбы с преступностью.

Руководствуясь этими документами, военно-судебные органы в тесном контакте с командирами, политорганами, партийными организациями, всей армейской и флотской общественностью, с военными прокурорами и следователями плодотворно работают над созданием широкого фронта борьбы с правонарушениями.

Центральный Комитет КПСС и Президиум Верховного Совета СССР в своем приветствии в связи с 50-летием советского суда выразили уверенность в том, что судебные работники страны, пользующиеся высоким доверием народа, будут и впредь с помощью широкой общественности настойчиво вести работу по укреплению государственной

дисциплины и правопорядка, предупреждению и искоренению правонарушений, активно содействовать дальнейшему развитию и совершенствованию демократических основ правосудия и внесут свой достойный вклад в дело успешного решения задач коммунистического строительства. Эта высокая оценка обязывает органы военной юстиции в едином строю с командирами и политорганами всемерно крепить наши Вооруженные Силы, бдительно охраняющие безопасность Советской Родины.

В день 50-летия советских военных трибуналов желаем всем их работникам и впредь плодотворно трудиться над выполнением решений Коммунистической партии по укреплению социалистической законности и дисциплины в войсках, всемерно содействуя повышению боевой готовности и боеспособности Вооруженных Сил СССР.

— ☆ —

*Командующий Краснознаменным
Северным флотом
адмирал С. ЛОБОВ,
Член Военного совета—
начальник полуправления
Краснознаменного Северного флота
вице-адмирал Ф. СИЗОВ*

В ТЕСНОЙ СВЯЗИ С КОМАНДИРАМИ И ПОЛИТОРГАНАМИ

Священный долг советских воинов — быть всегда готовыми защитить свое государство от нападения агрессоров. Поддержание в частях и на кораблях высокой боевой готовности, бдительности, обучение воинов немислимо без твердой воинской дисциплины и уставного порядка. Чем выше у каждого военнослужащего сознание личной ответственности за судьбы Родины, тем успешнее решаются задачи, поставленные партией и правительством перед армией и флотом.

Матросы, старшины, офицеры Краснознаменного Северного флота беззаветно преданы советскому народу. Абсолютное большинство наших воинов служат добросовестно, соблюдая требования уставов и военной присяги, законов, норм коммунистической морали. Вместе с тем еще не изжиты случаи нарушения воинской дисциплины, общественного порядка, норм права.

Принятые партией и правительством в июле 1966 года решения о мерах по усилению борьбы с преступностью имеют прямое отношение к Вооруженным Силам, в том числе и к личному составу Краснознаменного Северного флота. Их реализация — важный участок деятельности командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций флота, органов военной юстиции.

На кораблях и в частях КСФ многое делается для укрепления правопорядка и соблюдения социалистической законности. В результате совместной работы командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций, военных трибуналов и прокуратур по укреплению законности преступность на флоте за последние годы снизилась.

Особенно резко сократились правонарушения в одном из соединений флота. Здесь на кораблях длительное время

пет чрезвычайных происшествий, растет число отличных боевых постов и боевых частей. Этому в значительной степени способствует предупредительно-правовая пропаганда, проводимая судьями военного трибунала гарнизона совместно с офицерами военной прокуратуры.

С учетом конкретной обстановки на корабле и решаемых задач воинского воспитания командирами, политорганами и военным трибуналом составляются совместно планы профилактических мероприятий. Кроме разъяснения советских законов планами предусматривается изучение причин правонарушений и их предупреждение, привлечение для этой цели флотской общественности.

Одним из важнейших средств профилактики являются открытые судебные процессы в присутствии личного состава с участием представителей общественности. В числе мероприятий по организации судебных процессов проводится большая работа, направленная на создание широкого общественного мнения вокруг преступного деяния, совершенного обвиняемым. Этому способствуют собрания личного состава, на которых избираются общественные обвинители, критикуются нарушители воинской дисциплины; сатирические стенные газеты и боевые листки, плакаты и лозунги на правовые темы и т. д.

Судьи военных трибуналов после судебных процессов информируют командиров и политорганы о выявленных в суде причинах и условиях, способствовавших совершению правонарушения, принимают меры к их устранению. Приговоры по наиболее актуальным делам объявляются в приказах командиров.

Большую воспитательную работу проводят и правовые активы соединений, в которые входят народные заседатели, члены товарищеских судов, военные дознаватели. Они выступают с беседами, разъясняют требования закона, используя для этого приговоры по конкретным делам.

Цель всех этих мероприятий — привлечь внимание матросов, старшин и офицеров к судебному процессу, мобилизовать общественное мнение на борьбу с нарушениями воинской дисциплины и преступлениями.

Судьи военных трибуналов флота совместно со штабами и политотделами соединений активно участвуют в проверках состояния воинской дисциплины и порядка в

частях и на кораблях. При этом работники военных трибуналов со знанием дела, квалифицированно помогают командирам укреплять социалистическую законность и проводить правовую пропаганду, устранять причины и условия, способствующие совершению правонарушений. Использование материалов проверок (в том числе статистических данных) позволяет наиболее полно и глубоко анализировать состояние законности и воинской дисциплины на кораблях. Обычно комплексные проверки завершаются подведением итогов на заседании Военного совета, оперативном совещании или собрании партийного актива, где намечаются конкретные пути ликвидации недостатков. Иногда результаты проверок дают материал для составления обзоров о причинах определенного вида преступлений. Такой обзор, например, о причинах преступлений против порядка подчиненности был подготовлен в 1968 году партийно-организационным отделом политуправления и военным трибуналом флота. Обзор направлен на корабли и в части, использован в работе по предупреждению правонарушений.

Военные судьи Краснознаменного Северного флота также участвуют в проводимых командирами на кораблях и в частях тематических вечерах и вечерах вопросов и ответов. На вечерах выступают командиры частей, политработники, комсомольские активисты, признанные мастера военного дела, врачи и военные юристы. При этом широко используются самые разнообразные материалы: заветания героев Отечественной войны своим сыновьям и сообщения шефов, письма родных и воспоминания ветеранов, статьи местных газет и письма матросов, отбывающих наказание в дисциплинарной части. Пропаганда положительного примера органически соединяется с острой критикой недостатков.

Получили признание проводимые на кораблях с участием судей и кинолекционные вечера, которые также оказывают положительное воздействие на личный состав. Материалы этих вечеров широко публикуются во флотской газете «На страже Заполярья», в корабельных многотиражных газетах.

Во флотской газете «На страже Заполярья» создан внештатный правовой отдел, который готовит к опубликованию материалы на правовые темы, дает юридические консультации, отвечает на письма военнослужащих и прово-

дит другую работу по разъяснению советского законодательства.

По предложению военного трибунала флота в целях широкой пропаганды законодательства среди военнослужащих и мобилизации общественности флота на укрепление законности и правопорядка Военный совет флота поручил командирам и начальникам политотделов соединений провести с командирами кораблей и частей и их заместителями по политчасти теоретические конференции на тему: «Укрепление социалистической законности и задачи по ликвидации преступности». Примерный план конференции был разработан судьями военного трибунала флота, одобрен Военным советом и разослан во все политотделы. Военные трибуналы флота помогли подготовить конференции на местах. Активное участие в их работе приняли судьи. Участники конференции предложили продолжить обсуждение указанной выше темы на страницах газеты «На страже Заполярья» и открыть заочную конференцию по вопросам социалистической законности. Эти предложения были реализованы.

Организационные формы правовой работы на флоте выбираются в зависимости от местных условий, контингента личного состава, сил и средств, которыми располагают командиры, политработники и военные юристы.

Во многих соединениях и гарнизонах флота организованы и успешно работают двухгодичные школы правовых знаний, где изучаются вопросы права и законности. Для чтения лекций и проведения семинаров и бесед привлекаются военные судьи, прокуроры, политработники и командиры. Подготовленные тезисы лекций заранее обсуждаются на заседании лекторских групп политотделов. Знания, полученные в школах, офицерский состав использует в своей практической работе по укреплению боеготовности флота, искоренению преступности и правонарушений в частях.

В отдельных частях и соединениях для матросов и старшин созданы правовые лектории.

Судьи военных трибуналов участвуют в проведении политических занятий в подразделениях. Так, при изучении Закона о всеобщей воинской обязанности они проводили инструктаж с руководителями групп политзанятий, семинары и сами непосредственно на кораблях и в частях разъясняли закон. Оказывая помощь командирам в борьбе

за высокую воинскую дисциплину, военные судьи проявили инициативу в организации в частях уголков правовых знаний. Создаются уголки, как правило, в клубах, библиотеках, ленинских комнатах. В них имеются специально оборудованные справочные стенды и библиотечки популярной юридической литературы. Командиры частей своими приказами определили дни и часы дежурства по уголку правовых знаний членов офицерских товарищеских судов чести, народных заседателей и дознавателей. Офицеры юстиции помогают комплектовать литературу, проводят юридические консультации для личного состава, выступают с докладами на правовые темы.

В правовой пропаганде судьи военных трибуналов используют и другие формы.

Выражаем уверенность, что работа военных судей будет приносить и в дальнейшем хорошие результаты в борьбе за высокую воинскую дисциплину и искоренение правонарушений на флоте.

— ☆ —

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ СТОЛИЧНОГО ОКРУГА

На оживленной московской улице — Арбате стоит старинный двухэтажный особняк, охраняемый государством как памятник архитектуры. Это здание, построенное вскоре после пожара 1812 года, сохранило свой первоначальный облик до настоящего времени. Оно интересно не только своей архитектурой. С ним связана история старых и новых военно-судебных учреждений. До революции в нем размещался военно-окружной суд. В 1918 году оно было занято одним из отделов Реввоенсовета Республики, а в 1922 году передано военному трибуналу Московского военного округа.

С тех пор и по настоящее время адрес трибунала на Арбате хорошо известен в округе и за его пределами. В стенах трибунала проведено много важных судебных процессов. Сюда заходят командиры и политработники, чтобы проконсультироваться по правовым вопросам или наметить план совместных профилактических мероприятий, обращаются за разъяснениями председатели и члены офицерских товарищеских судов чести и товарищеских судов военно-строительных отрядов, приходят на практику слушатели юридического факультета Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

В трибунале округа проводятся совещания и учебные сборы военных судей, занятия с народными заседателями. Ежедневно ведется прием посетителей. На приеме даются справки и консультации, принимаются жалобы и заявления, выдаются необходимые документы. В трибунал приходят письма и заявления из разных городов и сел. Люди обращаются по различным вопросам, и военный трибунал отвечает всем, кто нуждается в его советах и помощи. Деятельность трибунала тесно связана с жизнью войск округа.

Московский военный округ — один из старейших в стране. Он учрежден 4 мая 1918 года декретом Совета Народных Комиссаров Республики, подписанным В. И. Лениным. С именем вождя, с деятельностью Коммунистической партии по строительству Советских Вооруженных Сил неразрывно связана вся полувековая история округа. В годы гражданской войны округ внес большой вклад в дело вооруженной защиты молодой Советской Республики. Он был базой формирования и обучения частей Красной Армии, кузницей командных кадров, главным поставщиком оружия и снаряжения для войск фронта.

Пока шла гражданская война, Московский военный округ, как и другие внутренние военные округа, обходился без военных трибуналов. Отдельные дела о преступлениях военнослужащих рассматривались в полковых судах или в территориальных ревтрибуналах. Однако уже в начале 1922 года командование и военные делегаты XI съезда партии высказались за создание революционных военных трибуналов при всех военных округах и дивизиях.

Весной 1922 года был создан революционный военный трибунал Московского военного округа. Он состоял из председателя, его заместителя, четырех членов коллегии, следственной, организационно-инструкторской, судебно-исполнительной и хозяйственной частей. Первым председателем трибунала округа был назначен стойкий коммунист, член партии с 1909 года, опытный партийный и военный работник Бушуев Николай Филиппович. Вскоре были также созданы военные трибуналы корпусов и дивизий.

К подсудности военного трибунала были отнесены дела о воинских преступлениях, о бандитизме, крупных хищениях, взяточничестве, бесхозяйственности и некоторые другие. В этот период военным трибуналом округа было рассмотрено дело бандита Котова и его сообщников, совершивших убийство свыше ста человек, дело о хищениях в центральном складе военввода на сумму полтора миллиона рублей и ряд других дел о преступлениях, представляющих большую общественную опасность. Военный трибунал, сурово карая опасных преступников, вместе с тем широко применял меры наказания, не связанные с лишением свободы, и назначал лишение свободы на короткие сроки.

С каждым годом военные трибуналы совершенствовали свою работу по борьбе с правонарушениями. В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, трибуналы стали больше проводить открытых судебных процессов в частях, широко развернули в войсках работу по пропаганде среди военнослужащих советских законов, чем способствовали укреплению воинской дисциплины и правопорядка.

22 июня 1941 года немецко-фашистские войска вероломно вторглись на территорию Советского Союза. Значительная часть территории Московского военного округа была оккупирована немцами. Фашисты рвались к Москве. В связи с создавшимся тяжелым положением партия и правительство приняли самые решительные меры для защиты столицы. Десятки тысяч москвичей добровольно пошли в народное ополчение. Вокруг Москвы были созданы три линии обороны. Ближайшая из них проходила по рубежу Хлебниково, Нахабино, Красная Пахра, Домодедово. Главный оборонительный рубеж представлял собой форму полукруга, который опоясывал Москву в радиусе 15—18 километров. Вся система обороны на ближних подступах к Москве получила наименование Московской зоны обороны. Руководство войсками и строительством Московской зоны обороны было возложено на Военный совет Московского военного округа.

Постановлением Государственного Комитета Обороны в Москве и прилегающих к ней районах с 20 октября 1941 года было введено осадное положение. Государственный Комитет Обороны призвал москвичей к спокойствию и выдержке, к решительной борьбе с паникерами и дезертирами, шпионами и диверсантами.

Важную роль в поддержании твердого порядка в столице сыграли военные трибуналы. Военный трибунал МВО в период обороны Москвы именовался также и военным трибуналом Московской зоны обороны. Председателем военного трибунала МВО и Московской зоны обороны был дивизионный военный юрист Романовский С. П. В судебную систему округа входили военные трибуналы Московского, Тульского, Рязанского, Горьковского, Казанского, Ивановского гарнизонов, десятки трибуналов корпусов, дивизий и бригад.

В первые месяцы войны трибунал округа столкнулся с большими трудностями, поскольку объем работы зна-

чительно возрос, а штаты трибунала оставались прежними. К тому же трибуналу округа в связи с эвакуацией из Москвы Главного управления военных трибуналов в течение длительного периода наряду с судебной работой пришлось заниматься подбором и расстановкой кадров для вновь формируемых соединений.

В октябре 1941 года трибунал округа вместе с некоторыми отделами штаба округа эвакуировался в город Горький. В Москве оставалась только оперативная группа трибунала во главе с председателем С. П. Романовским. К этому времени по решению Государственного Комитета Обороны все гражданские суды Москвы были преобразованы в военные трибуналы и их штаты утверждены Военным советом МВО. В начале 1942 года были сформированы военные трибуналы в ряде пригородных зон Москвы: в Кунцево, Химках и других. Все трибуналы гарнизонов и соединений, входивших в Московскую зону обороны, жили по-фронтовому. Личный состав был вооружен винтовками и гранатами. Интенсивно проводилась военная подготовка.

Военный трибунал Московского гарнизона имел в районе Ржевского (ныне Рижского) вокзала самостоятельный участок обороны. За судьями и секретарями были закреплены станковые и ручные пулеметы. Председатель военного трибунала гарнизона Кондратьев И. П. одновременно был и командиром роты. Практические занятия по обороне закрепленного участка проводились систематически в течение всего периода обороны Москвы.

В этот тяжелый период военные трибуналы гарнизонов рассматривали большое количество судебных дел. Они вели решительную борьбу против дезорганизаторов фронта, дезертиров, паникеров, трусов, распространителей ложных слухов, шпионов, диверсантов, всех тех, кто мешал делу разгрома врага. Рассматривать дела нередко приходилось во время бомбежки. В этой связи следует особенно отметить самоотверженный труд работников военного трибунала Московского гарнизона Кондратьева И. П., Клищенко А. К., Зайцева В. Е. и Цывина Е. М.

Сурово карая опасных преступников, военные трибуналы вместе с тем широко применяли отсрочку исполнения приговоров с отправкой осужденных военнослужащих в действующую армию. Многие из таких осужден-

ных в боях за Родину проявили мужество и героизм, кровью искупили свою вину, и судимость с них была снята.

В декабре 1941 года немецко-фашистская армия под Москвой потерпела поражение. Началось освобождение временно оккупированной советской территории. В мае 1942 года весь личный состав военного трибунала округа возвратился в Москву.

После окончания Великой Отечественной войны число военных трибуналов в Московском военном округе сократилось более чем в 6 раз, а число судебных работников — в 10 раз. На службе в военных трибуналах остались наиболее подготовленные и перспективные офицеры юстиции. Те, кто до войны не успел получить высшего образования, продолжали учебу в юридических вузах. Военные трибуналы ежегодно пополнялись выпускниками Военно-юридической академии. Большинство из них — участники Великой Отечественной войны, с опытом командной и политической работы.

В послевоенный период военным трибуналом округа рассмотрен ряд дел о злодеяниях пособников немецко-фашистских захватчиков, совершенных на территории Брянской, Смоленской, Орловской, Курской и Воронежской областей. Многие судебные процессы над гитлеровскими карателями освещались в печати, по радио и телевидению. Эти судебные процессы показали, что возмездие за измену Родине и злодеяния в отношении советских граждан неотвратимо.

В связи с указаниями партии о ликвидации последствий культа личности военный трибунал округа проделал большую работу по реабилитации граждан, необоснованно репрессированных в прошлом. Значительный вклад в это благородное дело внесли судьи военного трибунала округа Харчев М. А., Гуринов Н. Н., Баурин И. С., Шевеленко П. И., Абрамский Н. А., Трейвин И. С., Парфенов Л. П., Довальцов С. Н., Бобров И. Г., Юркевич В. А., Вовк Т. М. Немалую работу по исполнению судебных решений о реабилитации провели судебные секретари Бурнаев В. С., Титлова Л. Н., Миронова Ю. В., Паламарчук Е. А., Скриницын В. А., Уткин Н. А., Трофимова З. Н. и другие. Они с большой заботой и вниманием помогали реабилитированным и их родственникам в восстановлении их прав, розыске конфискованного имущества

ва и личных документов, подтверждении трудового стажа и т. п.

Огромное значение для улучшения деятельности военных трибуналов имели решения XX, XXII и XXIII съездов партии, а также постановления Пленумов ЦК КПСС по вопросам укрепления социалистической законности и правопорядка, о путях искоренения преступности и причин, ее порождающих. Изданные в соответствии с этими решениями новые законы способствовали дальнейшему улучшению деятельности военных трибуналов, укреплению их связи с командованием, политорганами и армейской общественностью.

На основе нового законодательства военные трибуналы повели более эффективную борьбу с преступными нарушениями воинской дисциплины и порядка, вместе с командованием и политорганами развернули большую работу по предупреждению правонарушений. В настоящее время ведется разносторонняя работа по претворению в жизнь постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 года о мерах по усилению борьбы с преступностью. Военный совет округа постоянно занимается вопросами укрепления воинской дисциплины. Больше стали уделять этому внимания командиры всех степеней и политработники. Вошло в практику обсуждение вопросов состояния преступности и судимости на Военном совете и в политическом управлении с участием начальников управлений и военных юристов. В отдельные части и соединения направляются бригады работников политорганов, штабов, военных прокуроров и судей для оказания практической помощи в укреплении воинской дисциплины на местах. Совместная работа командования, политорганов, партийных и комсомольских организаций, военных юристов, армейской общественности приносит положительные результаты. За 5 лет (с 1962 по 1967 год) судимость по округу сократилась более чем в 2 раза.

Переход на новые сроки действительной военной службы и усиление политико-воспитательной работы в войсках дают основание рассчитывать на дальнейшее, более успешное искоренение преступности и судимости.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23.7 1966 г. потребовало от судебных органов дальнейшего совершенствования их работы. Работники военных

трибуналов округа правильно понимают стоящие перед ними важные задачи по улучшению качества судебной работы и усилению помощи командованию и политорганам в предупреждении правонарушений. В 1967 и 1968 годах у большинства военных судей не было случаев отмены и изменений вынесенных под их председательством приговоров. Длительное время работают без ошибок военные судьи Кривов Н. А., Корбут Г. В., Калинин Г. И., Попов Н. В., Соболев Н. А., Лисицын А. В., Штанько Г. Ф., Дербеднев Н. И., Рашитов М. Г., Солдатенков В. И., Целиков Б. А., Перминов С. И., Луденко Д. М., Зайцев Е. А., Самцевич А. Ф.

Военный трибунал округа проявляет постоянную заботу о повышении качества рассмотрения судьями уголовных дел. Ежеквартально составляются и рассылаются в трибуналы гарнизонов обзоры кассационной практики, которые обсуждаются на совместных совещаниях судей и военных прокуроров округа. Составляются также обзоры судебной практики по видам преступлений с анализом судебных ошибок по отдельным категориям дел. В трибуналы гарнизонов высылаются кассационные определения, представляющие интерес для практики.

В некоторых случаях судей трибуналов гарнизонов приглашают на кассационные заседания. Здесь судья полнее осознает недостатки, допущенные им при рассмотрении дела, делает для себя полезные выводы. Судей, допустивших существенные судебные ошибки, приглашают на коллегию трибунала округа для обстоятельного обсуждения этих ошибок и оказания помощи в улучшении работы.

Регулярно проводятся служебные совещания, учебные сборы, стажировки по индивидуальным планам. Дополнительно проводятся учебные сборы молодых судей. Ежегодно работа трибуналов гарнизонов проверяется судьями трибунала округа на месте. Основная цель таких проверок — оказать практическую помощь в устранении недостатков и улучшении работы.

В настоящее время в работе трибуналов все большее значение приобретает помощь командованию и политорганам в предупреждении правонарушений. Военные трибуналы накопили большой опыт профилактической работы. Свыше половины дел рассматривается в открытых судебных процессах в расположении частей в присутствии

Работники военного трибунала Московского округа

личного состава. Около 80 процентов таких процессов проводится с участием представителей общественности. Проведение процессов в частях сопровождается многими дополнительными профилактическими мероприятиями, проводимыми командирами, политработниками и военными юристами по заранее согласованным планам.

По вопросам, вытекающим из судебной практики, военные трибуналы систематически информируют командиры и политорганы.

Судьи трибуналов округа и гарнизонов ежегодно проводят около двух тысяч бесед и докладов на правовые темы для личного состава воинских частей и военно-строительных отрядов, участвуют в проведении тематических и кинолекционных вечеров, выступают по радио, в печати, проводят занятия в школах правовых знаний, помогают политорганам организовывать и проводить работу с правовым активом — народными заседателями, членами товарищеских судов, военными дознавателями, участвуют в проведении политзанятий с солдатами и сержантами.

Военный трибунал округа уделяет большое внимание профилактической работе трибуналов гарнизонов, изучает их практику, выявляет и распространяет положительный опыт. Председатели и члены трибуналов активно участвуют в работе партийных собраний и конференций, выступают на них с анализом судимости и причин преступности. В последнюю отчетно-выборную кампанию каждый второй судья в округе избран в состав парткомиссий, а также секретарями и заместителями секретарей парторганизаций.

Многие мероприятия трибунал округа проводит совместно с военными прокурорами, в том числе анализ и обобщение причин правонарушений, проверку работы трибуналов и прокуратур гарнизонов, занятия и семинары, служебные совещания, мероприятия по судебным процессам и правовой пропаганде. Военный трибунал округа проводит вместе с военными прокурорами работу всюду, где это возможно и необходимо.

Большое место в работе военного трибунала округа занимают вопросы организационного руководства военными трибуналами гарнизонов.

В военном трибунале округа трудится квалифицированный и дружный коллектив офицеров и служащих Со-

ветской Армии. В выполнении стоящих перед военным трибуналом задач важная роль принадлежит партийной организации. В системе марксистско-ленинской подготовки офицеры трибунала округа изучают в текущем году психологию, причем большое место занимает раздел судебной психологии. Хорошо налажена политическая и специальная учеба служащих. Служащим Маслову В. Н., Сомовой А. Г., Скрипичину В. А. и Уткину Н. А. присвоено звание ударников коммунистического труда.

Работники трибунала бережно хранят хорошие традиции, поддерживают связь с ветеранами, чтят память председателей трибунала округа Бушуева Николая Филипповича, Плавнека Леонарда Яновича, Романовского Сергея Павловича. Из стен трибунала на Арбате вышли на руководящую военно-судебную работу Воробьев И. Г., Кондратьев В. Г., Секачев В. И., Бибииков И. А., Титов Ф. Д., Филиппов А. И. и другие.

В знаменательные дни 50-летия Советских Вооруженных Сил Московский военный округ за большой вклад в дело укрепления оборонной мощи Советского государства и его вооруженной защиты и за успехи в боевой и политической подготовке награжден высшей наградой Родины — орденом Ленина. Достигнутые результаты в округе рассматриваются как новый рубеж, с которого необходимо двигаться дальше, вперед.

Работники военных трибуналов ордена Ленина Московского военного округа приложат все силы к тому, чтобы постоянно улучшать свою судебную и профилактическую работу, активно и целеустремленно оказывать помощь командованиям и политорганам в выполнении поставленных КПСС задач по укреплению воинской дисциплины и социалистической законности в войсках округа.

— ☆ —

ЗА РУБЕЖОМ РОДНОЙ СТРАНЫ

В канун 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции в гости к нам, военным судьям военного трибунала Группы советских войск в Германии, прибыли заместитель Председателя Совета Министров — Министр юстиции ГДР доктор К. Вюнше и Президент Верховного Суда Германской Демократической Республики доктор Г. Теплиц.

В своей поздравительной речи по случаю славного юбилея нашей Родины доктор Вюнше сказал:

«Уважаемые товарищи!

...Совершенно особо я хотел бы в этот день отметить ту неоценимую помощь и поддержку при создании основ первого в истории Германии по-настоящему демократического правопорядка, которую оказали нам в первые тяжелые послевоенные годы военные юристы Советской военной администрации. Примите от нас как знак нашей благодарности за эту помощь и как историческое свидетельство о тех годах, документацию, собранную с любовью и заботливостью сотрудниками моего министерства. Примите ее как одно из бесчисленных доказательств нерушимой дружбы наших стран и народов».

Листая пожелтевшие от времени газетные страницы, документы, фотографии, видишь, как создавались, росли и крепились новая судебная система и новое демократическое законодательство в восточной части Германии. Потсдамское соглашение предусматривало реорганизацию судебной системы Германии в соответствии с принципами демократии и справедливости и на основе законности и равенства всех граждан перед законом.

В соответствии с этим соглашением Главногоначальствующий Советской военной администрации в Германии

(СВАГ) 4 сентября 1945 года издал приказ «О реорганизации немецких судов в провинциях Советской зоны оккупации Германии». В приказе говорилось:

«1. Реорганизовать систему немецких судов во всех провинциях в соответствии с законодательством, существовавшим на 1 января 1933 года...

2. ...Начальникам СВА провинций оказать Центральному немецкому управлению юстиции необходимое содействие в этой работе.

3. При проведении реорганизации судебной системы удалить из аппарата судов и прокуратур бывших членов нацистской партии, а также лиц, непосредственно осуществлявших карательную политику при гитлеровском режиме...»

В целях восстановления демократического правосудия одновременно с ликвидацией фашистских судов приказом Главногоначальствующего СВАГ от 17 сентября 1945 года были отменены в Советской зоне оккупации Германии нацистские законы, направленные на поддержание гитлеровского режима и устанавливавшие дискриминацию по расовым признакам, религиозным или политическим убеждениям. В судебные органы были выдвинуты антифашисты-демократы, некоторую часть кадров работников юстиции составили старые чиновники, не занявшие себя сотрудничеством с гитлеровцами. Во всех провинциях и землях были приняты меры по созданию и укреплению гарантий законности и равенства граждан перед законом и по развитию демократического правосознания среди немецкого населения.

Сама жизнь требовала новых законов, направленных на строительство нового демократического государственного аппарата. В этих целях, в частности, 3 декабря 1945 года был издан приказ Главногоначальствующего СВАГ «Относительно ответственности за саботаж и диверсионные акты».

Одновременно проводилась большая работа по реабилитации антифашистов, подвергшихся уголовной репрессии со стороны гитлеровского режима, а равно по облегчению участи лиц, совершивших незначительные общеуголовные преступления в период до капитуляции Германии. Главногоначальствующим СВАГ 30 июля 1946 года был издан специальный приказ «Об аннулировании приговоров по политическим делам и о прекращении по не-

которым видам преступлений уголовного преследования лиц, совершивших преступления до 8 мая 1945 г.».

Демократическая реформа судебной системы в восточной Германии была проведена под непосредственным влиянием ленинских положений о суде и законности, при активном участии советских юристов, и прежде всего военных юристов. «Развитие нашего правоведения, — подчеркивало Министерство юстиции ГДР, — было бы невозможным без руководства и помощи, которую нам оказали советские люди, в особенности советские юристы, с первых же дней. Эта помощь прошла через все годы, включая и создание первых судов и помощь, которую нам постоянно оказывала и оказывает советская юриспруденция».

Юристы правового отдела СВАГ, как и советских военных управлений в землях, были для всех немецких юристов большими учителями в теории и практике и хорошими друзьями. С самого начала они передавали нам посредством указаний положения ленинского учения о судах, и за это мы приносим им сегодня нашу благодарность».

7 октября 1949 года Немецкий народный совет на своем чрезвычайном заседании, идя навстречу пожеланиям широких народных масс, провозгласил образование Германской Демократической Республики.

Советское правительство сразу же передало правительству ГДР функции управления, принадлежавшие ранее Советской военной администрации. Вместо СВАГ была создана Советская контрольная комиссия, задачей которой было наблюдение за правильным выполнением согласованных решений великих держав в отношении Германии.

С возникновением в центре Европы первого социалистического германского государства у народов СССР и других миролюбивых стран появился надежный союзник в борьбе за мир и безопасность, непреодолимая преграда на пути агрессии военных рваншистов. За 19 лет существования под руководством своего марксистско-ленинского авангарда — Социалистической единой партии Германии трудящиеся ГДР добились больших успехов в развитии экономики, техники, науки и культуры, в совершенствовании форм и методов хозяйствования, в повышении народного благосостояния. Все эти достижения

закреплены в новой конституции, которая широко обсуждалась и единодушно одобрена трудящимися ГДР.

18 января 1956 года Народная палата ГДР единодушно приняла закон о создании Национальной народной армии (ННА). 1 марта 1956 года первые сформированные части ННА приняли присягу на верность своему отечеству. При создании ННА Социалистическая единая партия Германии и правительство ГДР использовали богатый опыт строительства Вооруженных Сил СССР и других стран социалистического содружества. За сравнительно короткое время Национальная народная армия ГДР превратилась в серьезную боевую силу. ННА является неразрывной составной частью Объединенных Вооруженных Сил стран Варшавского договора. Боевое содружество воинов армий братских социалистических стран — нерушимо.

После образования в конце 1962 года военных судов ННА между военными судьями ГДР и судьями военных трибуналов Группы советских войск в Германии установились добрые отношения, которые существуют и теперь. Военные юристы двух социалистических стран обмениваются мнениями по отдельным проблемам права и законности, участвуют в совместных семинарах и собеседованиях, посещают друг друга, делятся опытом работы. Планы совместных мероприятий, как правило, составлялись на год военным трибуналом Группы, Военной коллегией Верховного Суда ГДР и Главным отделом военных судов Министерства юстиции ГДР. Так, в декабре 1966 года в соответствии с планом перед судьями военных трибуналов ГСВГ с докладом выступил начальник Главного отдела военных судов Министерства юстиции ГДР полковник юридической службы доктор Г. Кальверт. Он рассказал об организации и деятельности военных судов ГДР.

В настоящее время в ГДР существует единая система военных судов, состоящая из военных судов (соответствуют нашим военным трибуналам гарнизонов), окружных судов и Военной коллегии Верховного Суда ГДР. В Министерстве юстиции ГДР имеется Главный отдел военных судов. Военная коллегия Верховного Суда ГДР и Главный отдел военных судов республики работают в тесном контакте. Военные суды ГДР назначают все установленные законом меры наказания. Относительно широко при-

меняется условное осуждение. Имеется в законе и применяется на практике специальная для военнослужащих мера наказания — уголовный арест от 1 до 3 месяцев.

Дисциплинарных частей в ННА до 1968 года не было. Военнослужащие, приговоренные к лишению свободы на непродолжительный срок, после отбытия наказания возвращались в свои части. Немецкие военные юристы очень внимательно знакомились с советским законодательством по вопросу применения наказания в виде направления в дисциплинарный батальон и с судебной практикой по этому вопросу. Изучив этот вопрос, центральные органы военной юстиции ГДР внесли предложения о создании дисциплинарных частей в ННА и о введении в уголовное законодательство республики наказания в виде направления в дисциплинарные части.

В 1967 году состоялся обмен мнениями о работе по предупреждению правонарушений и привлечению к этому армейской общественности, о работе с народными заседателями, юридической и военной учебе судей. В обсуждении докладов активно участвовали как советские военные судьи, так и военные юристы ГДР. С интересом было выслушано и обсуждено сообщение председателя Военной коллегии Верховного Суда ГДР доктора Г. Зарге о работе военных судов по предупреждению правонарушений. Председатель военного трибунала ГСВГ Жуков П. Ф. выступил перед военными юристами ГДР с докладом о работе с народными заседателями советских военных трибуналов. Значительный интерес у немецких юристов вызвало сообщение о том, что у нас при избрании народных заседателей военного трибунала нет возрастного ценза, что народным заседателем военного трибунала может быть избран каждый гражданин СССР, состоящий на военной службе.

Между тем до самого последнего времени народным заседателем военного суда ГДР мог быть избран военнослужащий, который достиг возраста не менее 21 года. Это приводило к тому, что практически народными заседателями в военные суды ГДР могли быть избраны лишь офицеры. В настоящее время руководящими военно-судебными органами поставлен вопрос об изменении законодательства по этому вопросу, в частности о снижении возрастного ценза народных заседателей военных судов до 18 лет.

Военные судьи ГДР поддерживают тесную связь с юридическим факультетом Университета имени Гумбольдта, периодически слушают лекции профессоров, под их руководством готовят и защищают диссертации. Для чтения лекций по некоторым вопросам советского права, а также для участия в заседаниях ученого совета при защите диссертаций военными судьями в университет приглашаются и наши военные судьи. Так, с лекциями в университете выступали генерал-майор юстиции Максимов С. С., полковник юстиции Поляков В. И. 15 января 1967 года в университете состоялась защита диссертации членом Военной коллегии Верховного Суда ГДР подполковником юридической службы Л. Байером. По приглашению декана юридического факультета университета на заседании ученого совета при защите Байером диссертации присутствовали советские военные судьи, а П. Ф. Жуков выступил на заседании в качестве неофициального оппонента, дав положительную оценку диссертации.

Систематически проводятся занятия по специальной программе и с секретарями военных судов. Все секретари военных судов ГДР владеют стенографией и машинным письмом. Все военные судьи ГДР, вплоть до низшего звена, имеют для служебных надобностей автомашины. Водители входят в штат военных судов.

Дружеские отношения поддерживают судьи военного трибунала ГСВГ и с судьями гражданских судов ГДР. Нередко наши судьи выступают перед ними с докладами, в которых рассказывают о ленинских принципах организации и деятельности советского суда.

Сердечные братские отношения между советскими военными юристами и военными юристами ГДР поддерживаются не только в порядке службы, но и по партийной линии. Партийная организация военного трибунала ГСВГ и партийные организации Военной коллегии Верховного Суда ГДР и Главного отдела военных судов Министерства юстиции Германской Демократической Республики регулярно проводят совместные политические и культурно-массовые мероприятия.

Так, перед коммунистами центральных военно-судебных органов ГДР с докладом «XXIII съезд КПСС о дальнейшем укреплении социалистической законности» выступил председатель военного трибунала Группы генерал-майор юстиции Жуков П. Ф. С докладом по материалам

VII съезда Социалистической единой партии Германии перед коммунистами нашего военного трибунала выступил начальник Главного отдела военных судов Министерства юстиции ГДР полковник юридической службы доктор Г. Кальверт.

20 октября 1967 года состоялось совместное собрание офицеров и служащих Военной коллегии Верховного Суда ГДР, Главного отдела военных судов Министерства юстиции республики и военного трибунала ГСВГ. На этом собрании, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, с докладами выступили председатель Военной коллегии Верховного Суда ГДР полковник юридической службы Г. Зарге и заместитель председателя военного трибунала ГСВГ полковник юстиции Гогин В. С.

По случаю национальных праздников устраиваются приемы, которые проходят в товарищеской обстановке.

Военные юристы ГДР поддерживают дружеские отношения не только с военными судьями, которые временно в составе советских войск находятся на территории ГДР, но и с другими советскими военными юристами. В июне 1967 года по приглашению Министерства национальной обороны в Германской Демократической Республике находилась делегация советских военных юристов. В составе этой делегации были председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенант юстиции Чистяков Н. Ф. и другие военные юристы. Делегация имела беседы с председателем Военной коллегии Верховного Суда ГДР полковником юридической службы Г. Зарге и начальником отдела военных судов Министерства юстиции ГДР полковником юридической службы Г. Кальвертом. Состоялся полезный обмен мнениями о работе военных судов СССР и ГДР по укреплению социалистической законности в вооруженных силах. Советская делегация была принята бывшим Министром юстиции ГДР Хильдой Бенямиин, Президентом Верховного Суда ГДР Тейлицем, Генеральным прокурором республики Штрайтом, а также в Министерстве национальной обороны и в правлении Общества германо-советской дружбы. Встречи и беседы проходили в товарищеской обстановке. Делегация была принята с большой теплотой и искренностью.

Дружба между советскими военными судьями и военными судьями ГДР возникла тогда, когда создавалась

военная юстиция ГДР. Она растет и крепнет с каждым годом. Военные судьи ГДР сегодня с благодарностью вспоминают тех советских военных юристов, которые оказывали им братскую помощь в становлении и развитии органов военной юстиции молодого немецкого государства рабочих и крестьян. За укрепление и развитие советско-германской дружбы многие советские военные судьи награждены почетными медалями ГДР. Председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенанту юстиции Чистякову Н. Ф. вручены «Золотая почетная игла» и «Почетный знак органов правосудия». Среди награжденных почетными медалями ГДР Максимов С. С., Жуков П. Ф., Корнев В. Г., Остапенко Т. Я., Гогин В. С., Федотов В. В., Констанденко С. А., Павлов С. Т., Бедрин Б. И., Педорич Ф. Ф., Филиппов А. И., Кулаков С. Г.

Большая заслуга в развитии и укреплении нашей дружбы принадлежит председателю Военной коллегии Верховного Суда ГДР полковнику юридической службы доктору Г. Зарге, начальнику Главного отдела военных судов Министерства юстиции республики полковнику юридической службы доктору Г. Кальверту, члену Военной коллегии Верховного Суда ГДР подполковнику юридической службы доктору Л. Байеру и другим товарищам.

* * *

В военных трибуналах Группы советских войск в Германии служат опытные, квалифицированные военные юристы. Многие из них активно участвовали в Великой Отечественной войне, в боях были ранены, за боевые заслуги награждены орденами и медалями. Среди них Герой Советского Союза полковник юстиции Филиппов А. И., полковники юстиции Гогин В. С., Писарев А. И., Констанденко С. А., Педорич Ф. Ф., Остапенко Т. Я., Беляков Д. П., подполковники юстиции Торгашин М. М., Волошинов Е. Я. и многие другие.

Теперь они находятся в составе войск на переднем крае обороны нашей любимой Родины и вместе с ними стоят на страже мира и безопасности в Европе. Всей своей деятельностью офицеры военных трибуналов оказывают всемерную помощь командованию в укреплении воинской дисциплины, повышении бдительности и высокой боевой готовности войск.

Большое внимание военными трибуналами уделяется своевременному рассмотрению дел, тщательной подготовке и проведению на высоком идейно-политическом и организационном уровне открытых судебных процессов в расположении воинских частей в присутствии личного состава, совершенствованию всех форм разъяснительно-правовой работы.

Командование и политорганы положительно отзываются обо всех проводимых военными трибуналами мероприятиях по предупреждению правонарушений.

Особой популярностью среди личного состава пользуются кинолекционные вечера, в которых активно участвуют военные судьи. Так, в одном из гарнизонов по инициативе полковника юстиции Белякова Д. П. состоялся вечер, посвященный воспитанию бдительности. Вечер открыл начальник политического отдела. Он рассказал об особенностях военной службы на территории дружественного нам молодого социалистического государства — Германской Демократической Республики. Офицер особого отдела сделал интересный доклад на тему «Агрессивная сущность империализма и происки агентуры его разведок в социалистических странах». После этого выступил Д. П. Беляков. Он умело использовал конкретные факты из жизни местного гарнизона. С большим вниманием были прослушаны выступления члена комсомольского бюро части сержанта Капустина, рядового Зенатулина. В заключение состоялся просмотр фильма «По черной тропе», а затем обсуждение его.

Особенностью деятельности военных трибуналов ГСВГ является то, что наряду с уголовными делами им приходится рассматривать гражданские дела. Среди дел этой категории встречаются и бракоразводные. Опыт, квалификация судей помогают им правильно разрешать семейные споры. Судьи получают письма с выражением благодарности от тех, кому помогли сохранить и укрепить семью.

Военные трибуналы разрешают и трудовые конфликты. Здесь иногда приходится напоминать администраторам о необходимости строго соблюдать законы.

Широка и многообразна деятельность военных судей военных трибуналов ГСВГ. Понимая это, они отдают все свои силы и знания укреплению Вооруженных Сил.

— ☆ —

В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Меня срочно вызвали в Военную коллегия Верховного Суда СССР и спросили: согласен ли я быть избранным на должность председателя военного трибунала, который будет функционировать за пределами нашей страны. Я согласился и уже на следующий день был в пути. Через несколько дней вместе с военным прокурором М. Пастушенко мы прибыли в пункт назначения и представились командующему.

Командующий, заслуженный генерал, принял нас тепло, обрисовал обстановку, попросил учесть специфику условий, в которых предстояло работать, пожелал нам успехов.

Мы оказались в числе первых, прибывших к новому месту службы. Но потом ежедневно прибывали все новые и новые транспорты: с личным составом и техникой для войск. Член Военного совета поставил перед нами, военными юристами, задачу совместно с офицерами штаба и политработниками принять участие в разъяснении военнослужащим временной Инструкции, определяющей правила поведения в особых условиях. Инструкция была подготовлена еще до нашего прибытия. В ней излагались следующие положения и требования:

— весь личный состав призван выполнять почетные и ответственные задачи, поставленные партией и правительством;

— постоянно поддерживать боевую готовность;

— всем воинам быть бдительными, строго хранить военную и государственную тайну;

— проявлять максимум вежливости, корректности к местному населению, всячески уважать его национальные обычаи и традиции.

Наряду с этим в Инструкции говорилось о правилах ношения боевого оружия, о контактах с местными органами власти, об охране и обороне военных городков, бдительности и т. п.

Вскоре была сформирована первая группа офицеров (в ее состав вошел и я), которая отправилась в западные районы страны, где уже успели расположиться некоторые части.

Первая остановка. Беседую с личным составом. Встреча проходит в непринужденной обстановке. Как юрист, стремлюсь увязать отдельные положения и требования Инструкции с вопросами права. Прежде всего обращаю внимание личного состава на необходимость неукоснительного выполнения всех приказов и распоряжений командиров и начальников, усиления бдительности, сохранения военной и государственной тайны. Особо подчеркиваю недопустимость каких-либо бесчинств по отношению к местному населению, давая им не только юридическую, но и политическую характеристику. Разумеется, напоминаю людям и об ответственности за отдельные воинские и общеуголовные преступления. Тут же привожу несколько характерных, поучительных примеров из судебной практики военного трибунала, действующего за границей, где за несколько лет до этого мне пришлось проходить службу.

В ходе бесед задавалось множество вопросов не по теме. Помню, обратилась ко мне одна женщина, служащая Советской Армии, с вопросом, который очень ее волновал:

— Как мне сообщить мужу, что я нахожусь здесь? А то он возвратится из командировки, не застанет меня дома и подумает, что я от него ушла... Я ведь собиралась быстро и не успела даже оставить ему записку.

Переписка в первые месяцы была затруднена. Пришлось объяснить, что муж, надо полагать, не застанет ее дома, пойдет в часть, узнает там, что таких «сбежавших» много, а потому не подумает о ней плохо и будет терпеливо ждать ее возвращения.

Климатические условия там были тяжелые. Мучились от жары, высокой влажности воздуха. Ночью нас доносили комары и гнус. Пугали ядовитые пауки, укусы которых иногда бывает смертельным.

Во вторую группу, сформированную наподобие нашей, входил член военного трибунала майор юстиции П. Шерстобитов. Офицерам этой группы вменялось в обязанность разъяснять вновь прибывающим правила передвижения, порядок охраны техники и вооружения в пути, места дислокации и т. д. Политработники и военные юристы доводили до сведения офицеров основные положения и требования Инструкции, а те в свою очередь разъясняли их всему личному составу. Дольше других трудился в этой группе заместитель военного прокурора подполковник юстиции М. Веселов, удостоенный впоследствии высокой правительственной награды.

Пришлось пережить и горячие денечки: были периоды, когда недалеко от нас совершали полеты самолеты-разведчики агрессора; не исключалась возможность появления других провокационных актов со стороны империалистов. Но, несмотря на напряженность обстановки, тяжелые климатические условия, бытовое неустройство и т. п., весь личный состав был исключительно дисциплинирован, проявлял беззаветную преданность воинскому долгу, любовь к социалистической Родине, чувство пролетарского интернационализма.

Однако, как говорят, в семье не без урода. Спустя некоторое время, когда обстановка несколько стабилизировалась, были зафиксированы и первые правонарушения, в частности самовольные отлучки. Как поступить: привлекать ли виновных в самовольных отлучках к уголовной ответственности? Такая постановка вопроса может показаться странной, но в тех условиях это была серьезная проблема, и вот почему. Во-первых, никакой дисциплинарной части в наших войсках не было, и ее организация по ряду соображений была нецелесообразной. Следовательно, в случае привлечения виновных к уголовной ответственности их надо было этапировать в Советский Союз. Во-вторых, нам представлялось, что среди отдельных неустойчивых военнослужащих могут оказаться и такие, которые, испугавшись трудностей, сознательно станут на путь совершения незначительных правонарушений (к примеру, самовольных отлучек), чтобы таким образом уклониться от службы. Это обстоятельство тоже следовало учитывать.

После обмена мнениями было принято такое решение: максимум разъяснительной работы со всеми категориями

военнослужащих; широкое привлечение общественности к борьбе с правонарушениями; неукоснительное соблюдение требований Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР. Жизнь показала, что эти меры оказались эффективными: военный трибунал в течение продолжительного времени уголовных дел не рассматривал. В тех случаях, когда совершались преступления, не представлявшие большой общественной опасности, виновные передавались на поруки и перевоспитание коллективу или наказывались в дисциплинарном порядке. Кроме того, их поведение обсуждалось на собраниях личного состава, а членов ВЛКСМ — на комсомольских собраниях.

В дальнейшем, правда редко, стали совершаться и более опасные преступления. Первое такое преступление совершил солдат Чуков, который, будучи недовольным требовательностью командира отделения, физически оскорбил его. Тех мер, которые применяли до сих пор, в данном случае было явно недостаточно. И вот — первый судебный процесс в присутствии личного состава. Проходит он под открытым небом. Слушать дело начали в 7 часов утра, чтобы успеть вынести решение до наступления полуденной жары. Весь процесс продолжался около трех часов. Чукова строго наказали, приговорили к лишению свободы. Все присутствующие с одобрением встретили суровое, но справедливое решение военного трибунала. Каждый понимал — иного решения быть не могло.

При отправлении правосудия встречались трудности и иного рода. Например, мы прибыли сюда без адвоката, а потому назначали дела к слушанию без участия представителей государственного обвинения и защиты. Но сразу же возник и все время волновал вопрос: как быть, если подсудимый заявит ходатайство о назначении ему защитника? Хотя мы и находились в необычных условиях, любое отступление от требований закона считали недопустимым. Выход был найден. Через отдел кадров установили, кто из офицеров имеет высшее юридическое образование, и в дальнейшем мы привлекали их к участию в процессах в качестве защитников, если в суд поступали соответствующие ходатайства. К слову сказать, эти офицеры очень добросовестно выполняли свои адвокатские функции. Но вскоре эта проблема была решена: прибыл штатный адвокат.

Хочется добрым словом упомянуть старшего секретаря военного трибунала майора юстиции Л. Проценко, который длительное время без судебного секретаря и машинистки вполне успешно справлялся со всеми возложенными на него обязанностями.

Вторая трудность — вызов и допрос в качестве свидетелей местных граждан. Нежелательность такого вызова обуславливалась многими причинами и главным образом — необходимостью сохранения военной тайны. Правда, делать это приходилось довольно редко, так как правонарушений в отношении местного населения почти не совершалось. Встречались лишь единичные случаи причинения гражданам вреда в связи с автопроисшествиями. Вызов иностранных граждан происходил только в тех исключительных случаях, когда без них невозможно было рассмотреть дело. Поскольку никакого предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний мы не делали и подписки не отбирали, допрос производился в неофициальной обстановке: судьи за столом, как обычно, в это время не сидели, конвой удалялся. Все это создавало видимость не заседания военного трибунала, а обычной беседы по поводу случившегося. Помощь в вызове этих граждан нам оказывал один из местных военных, прикомандированный к нашему командованию.

И еще один момент, на котором следует остановиться. Некоторые военнослужащие были одеты в штатскую одежду. Отдельные военнослужащие, совершившие преступления против порядка подчиненности и воинской чести, пытались использовать это обстоятельство для смягчения своей ответственности. Так, некоторые правонарушители иногда ссылались на то, что они, дескать, не знали, что оскорбили начальника или старшего и т. п. Приходилось в подобных случаях кропотливо исследовать выдвинутую версию, вызывать дополнительных свидетелей и т. п. При отсутствии достаточных доказательств, опровергающих эти объяснения виновных, те или иные противоправные действия признавались не воинскими, а общеуголовными преступлениями.

Следует сказать, что работали мы в этих условиях в самом тесном контакте с командирами, политорганами и военной прокуратурой. Все сложные и спорные вопросы, как правило, предварительно обсуждались с прокурором. Да иначе и нельзя было строить работу. Не могли же

мы по каждому поводу обращаться за разъяснениями в Военную коллегия и Главную военную прокуратуру, тем более что в первое время почтовая связь с Москвой была нерегулярной.

Никаких представлений, обзорных и иных документов на имя командиров мы, как правило, не писали. По всем вопросам, возникавшим в работе, обращались непосредственно к командующему, его заместителям, члену Военного совета. Они в свою очередь рекомендовали нам, военным юристам, чаще бывать в войсках, чтобы таким образом оперативно доводить до личного состава приговоры военного трибунала, шире привлекать к предупредительной работе общественность, помогать офицерским товарищеским судам чести и т. п.

И нам действительно приходилось много бывать в частях. Достаточно сказать, что вместе с П. Шерстобитовым мы менее чем за год выступили более ста раз с лекциями, беседами и докладами. Значительная часть этих мероприятий (почти одна треть) проводилась среди офицеров, которых мы информировали о причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений.

Так как приказы с объявлением приговоров первое время не издавались и не рассылались, много внимания уделялось доведению до личного состава приговоров по конкретным делам. Одни военные юристы были не в силах проделать эту работу. Поэтому мы зачастую прибегали к помощи правового актива — народных заседателей, дознавателей и т. п. Определенная работа проводилась и с офицерскими судами чести. Помимо непосредственного общения с ними военным трибуналом была специально подготовлена для них памятка (консультация), размноженная типографским способом.

Тесный контакт с Военным советом, командованием и политорганами, с армейской общественностью позволил военному трибуналу успешно выполнить возложенные на него задачи.

— ☆ —

Генерал-майор юстиции Г. ЛЫСЕНКО,
полковник юстиции Н. АНТРОПОВ

ВETERАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В числе офицеров, удостоенных правительственных наград за заслуги в укреплении социалистической законности и правопорядка, в канун 50-летия Великого Октября орденом Красной Звезды награжден полковник юстиции Туркин Алексей Иванович.

...Вспоминаются годы совместной работы с Алексеем Ивановичем в трибунале Краснознаменного Дальневосточного военного округа.

А. И. Туркин — ветеран Дальнего Востока. В 1940 году Алексей Туркин, студент техникума, был призван в армию, и с тех пор вся его жизнь связана с Вооруженными Силами, а 20 с лишним лет — с далеким краем. Пулеметчик стрелкового полка Первой Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, курсант Владивостокского пехотного училища, начальник строевой части батальона, участник боев с японскими захватчиками — таковы первые его шаги на пути служения Родине.

Кончилась Великая Отечественная война. Алексей Иванович решает стать военным юристом. В 1946 году начинается его служба в военных трибуналах. Нелегко было сочетать работу с учебой, но победила тяга к знаниям. Туркин заочно заканчивает Военно-юридическую академию с золотой медалью.

Вернувшись на Дальний Восток, теперь уже военным судьей, он служит в Приморье, на Камчатке, Сахалине и в Хабаровске. Природа края, ставшего для него родным, условия службы закаляли характер этого человека, сделали его сильным и цельным.

Неустанное желание знать больше и лучше, постоянная требовательность к себе, увлечение делом отличают А. И. Туркина. Немало дел рассматривает Алексей Иванович. К любому из них он относится вдумчиво и всегда

Полковник юстиции
А. И. Туркин

помнит, что судебная ошибка может пагубно отразиться на судьбе человека, скомпрометировать суд и закон. Профессиональное мастерство, строжайшее выполнение требований закона, большой жизненный опыт помогают ему правильно разрешать сложные дела.

...Младший сержант Засышкин обвинен в совершении тяжкого преступления. В деле много неясного. Свидетелей-очевидцев нет. Засышкин виновным себя не признает. Еще и еще раз Алексей Иванович возвращается к материалам дела, перечитывает специальную

литературу, консультируется у специалистов. Наконец вырисовывается план судебного следствия. В судебном заседании вдумчиво и неторопливо исследуются доказательства. Распадается версия подсудимого. Вывод суда о виновности Засышкина, тщательно и всесторонне аргументированный в приговоре, не вызывает никаких сомнений.

Много внимания Алексей Иванович уделяет выяснению мотивов, побудивших того или иного военнослужащего нарушить нормы закона и советской морали, причин и условий, которые способствовали правонарушению. Умение своевременно заметить ошибки в работе военных трибуналов гарнизонов и обратить на них внимание судей, принципиальность — характерные черты заместителя председателя военного трибунала округа А. И. Туркина. Составленные им обобщения отличаются глубоким анализом судимости и судебной практики, знанием жизни войск и работы трибуналов.

Много лет подряд полковник юстиции А. И. Туркин избирался запасным судьей Военной коллегии Верховного Суда СССР, где добросовестно выполнял свои обязанности, учился и углублял профессиональные знания.

Алексей Иванович всегда движим желанием передать товарищам по труду свои знания и опыт, воспитывать в них любовь к избранной профессии. Многие судьи-дальневосточники благодарны ему за ту практическую помощь, которую он оказывал и оказывает им, никогда не теряя чувства такта и не сбиваясь на мелочную опеку.

...Нужно помочь судьям вновь сформированного трибунала. Председатель его недавно выдвинут на самостоятельную работу, а член трибунала вообще впервые избран судьей. Алексей Иванович выезжает в трибунал и кропотливо учит подполковника юстиции Грузинцева планированию работы, обобщению судебной практики, помогает установить деловые контакты с командованием.

А с капитаном Назаровым Туркин говорит о другом: как изучить дело и правильно его рассмотреть в суде. В беседе с молодым судьей ветеран говорит о значении судебной и общей культуры, об инициативе в работе, о возможных на первых порах ошибках и о том, как их избежать. Не забывает Алексей Иванович спросить судей об их семейных делах и заботах.

Деловые качества А. И. Туркина хорошо известны Военному совету округа. Именно ему неоднократно поручалось изучение состояния дисциплины и правопорядка в войсках. Вместе с представителями политуправления штаба и военной прокуратуры округа он изучал, например, в одном из соединений причины и условия совершения преступлений и проступков против порядка подчиненности и воинской чести. Проверка и анализ всех сторон деятельности командиров, партийных и комсомольских организаций частей позволили группе офицеров, в которой работал и Туркин, представить Военному совету округа конкретные предложения, реализация которых дала положительные результаты.

Хороший пропагандист, Алексей Иванович с увлечением занимается политико-воспитательной работой в войсках, а в трибунале руководит марксистско-ленинской учебной судей.

Авторитет и принципиальность Туркина по достоинству оценены товарищами-коммунистами. С 1960 по 1965 год он избирался секретарем партийной организации трибунала, три года был членом парткома штаба и управлений округа, в настоящее время является членом партийной комиссии,

Много дел и забот у Алексея Ивановича, но это не мешает ему быть заботливым мужем и отцом. Любит он и хорошую книгу, увлекается рыбалкой. Но определяющей чертой его характера является стремление полностью отдать себя делу партии и народа, делу, которому он служит.

*Подполковник юстиции И. КУРБАТОВ,
подполковник юстиции П. ЖАРНОВ*

ДОСТОЙНАЯ СМЕНА

Много не напишешь об офицере — военном юристе, который не воевал и в военном трибунале работает всего шесть лет. Сами эти люди считают свою биографию обычной, ничем не примечательной, сходной с биографией многих сверстников. И все же мы попробуем рассказать об одном таком офицере, своем сослуживце.

...Михаил Маров родился в 1930 году в небольшой деревушке Калининской области, в семье, где знали цену крестьянскому труду и сызмальства приучали детей все делать на совесть. Детство Миши было прервано войной, докатившейся и до его родных мест. Отец ушел на фронт, и единственной кормилицей для пятерых малолетних детей осталась мать. Мише в войну пришлось больше работать, чем учиться. Вместе со взрослыми он пахал, косил, молотил, возил дрова...

Весной 1945 года наш народ одержал историческую победу над фашистской Германией. К этому времени Михаил окончил семилетку, а затем поступил в техникум. Через три года ему был вручен диплом техника-технолога по литью цветных металлов. Молодой специалист Маров с увлечением отдается любимой работе на военном заводе, мечтает об институте. Однако в 1950 году его вызвали в военкомат и предложили поступить в военное училище. Он согласился. Быстро пролетели годы напряженной учебы в танковом училище. Занятия в классах, на таякдроме, трудные марши — все это было подчинено одной цели — овладению нелегкой профессией командира-танкиста. Много времени отнимала и общественная работа — Марова избрали комсгруппоргом курсантского взвода. В училище его приняли в КПСС. Это обязывало быть лучшим и работать с напряжением всех сил. Трудолюбие, стремление идти в ногу с жизнью помогли Марову с отличием закончить военное училище.

Танковая часть, куда прибыл молодой лейтенант, была богата боевыми традициями, а офицеры, прошедшие войну, имели большой практический опыт. Такого опыта не доставало Марову. И он, не считаясь со временем, занимается вождением танка, подготовкой материальной части, воспитанием подчиненных. Его часто в свободное время можно было видеть в парке и на танкодроме. Большую помощь в становлении молодого командира танкового взвода оказали старшие товарищи-фронтовики. Капитан Шайхет, подполковник Заботнов и другие заботливо учили его, давали советы, делились своим опытом.

Трудолюбие, настойчивость, склонность к работе с людьми лейтенанта Марова были замечены командованием. Вскоре его направляют на курсы политического состава. Секретарь комсомольского бюро отдельного батальона, а затем танкового полка — таков дальнейший путь молодого офицера-политработника после окончания курсов. В части Маров зарекомендовал себя способным, растущим политработником, и его направили в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, на военно-юридический факультет.

И снова годы напряженной учебы. На экзаменах и зачетах слушатель Маров получает высокие оценки. Свободное от занятий время он отдает общественной работе, являясь заместителем секретаря парторганизации курса, членом парткома академии, активным участником научного общества. И его усердие получило достойную оценку. Приказом Министра обороны СССР офицеру Марову была назначена стипендия имени В. И. Ленина. В 1961 году он успешно закончил академию, получил диплом с отличием, золотую медаль и заключение аттестационной комиссии о направлении на работу в военные трибуналы.

В военный трибунал Новосибирского гарнизона капитан Маров прибыл в конце 1961 года. Обстановка сложилась так, что не было времени постепенно вводить молодого судью в новую для него работу. Ему сразу же было поручено рассмотреть три дела. И надо сказать, Михаил Алексеевич очень хорошо подготовился к их разбору, по всем правилам провел судебные заседания, и под его председательством были вынесены обоснованные и правильные приговоры. По двум из этих дел были поданы кассационные жалобы. Появлялась тревога молодого судьи за судьбу первых своих приговоров, заметно было его

волнение в ожидании оценки работы. Все окончилось благополучно.

Потом пошли другие дела, в том числе и сложные, большие по объему, трудные по доказательствам. После рассмотрения каждого из них Михаил Алексеевич приобретал все больше опыта и знаний. Для него не было простых дел. За каждым из них стоял живой человек, судьбу которого надо было решить справедливо, по закону.

Майор юстиции М. А. Маров

Однако на первых порах не все шло гладко. Были у Марова и ошибки. Конечно, неприятно, а порой и тяжело сознавать это, но каждый такой случай Маров тщательно анализировал, извлекал из него необходимые уроки. Молодой судья вновь и вновь штудировал учебники и пособия, обращался к опытным судьям за советом и помощью. Маров поступил в вечерний университет марксизма-ленинизма и окончил его.

Очень серьезно относится Маров к проведению открытых судебных процессов в частях. Дела рассматриваются им в присутствии личного состава четко, организованно, процессы не затягиваются. В ходе судебного следствия подробно выясняются условия и причины, способствовавшие совершению преступления.

Однако работа военного судьи не ограничивается только разрешением уголовных дел. Судья должен хорошо знать обстановку в воинских частях, поддерживать контакт с командирами и политорганами, обязан вести профилактическую работу по предупреждению преступлений, вскрывать причины и условия преступности, принимать меры к их устранению, помогать товарищеским судам.

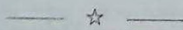
Михаила Алексеевича можно часто увидеть в частях, среди офицеров, сержантов и солдат. Он — руководитель кружка правовых знаний, инициатор и активный участник проведения кинолекционных вечеров, получивших впервые права гражданства в военном трибунале Новосибирского гарнизона. В течение двух лет он работал в совете правового актива, объединявшем народных заседателей, военных дознавателей и членов товарищеских судов.

Остро, по-партийному реагирует Михаил Алексеевич на выявленные в судебных заседаниях всевозможные непорядки в частях. Под его председательством было вынесено немало частных определений. Много написано им обстоятельных представлений, обзорных справок на имя командиров.

Ныне майор юстиции Маров — член военного трибунала Сибирского военного округа. Те, кто работают вместе с ним, убедились, что не какие-то исключительные способности, а труд, жажда знаний, самодисциплина, стремление не останавливаться на достигнутом являются главной причиной его успехов в работе.

Радостно сознавать, что скупой на похвалы ветеран военной юстиции П. А. Воскобойников, ушедший на пенсию с должности председателя военного трибунала гарнизона, ныне заслуженный юрист республики, не ошибся в оценке молодого судьи, заявив, что в лице Марова он видит достойную смену.

Да, смена есть, и на нее можно положиться.

Полковник юстиции А. КОБЛИНОВ

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВОВАЯ НАУКА

История развития военных трибуналов Советского государства тесно связана с историей советской правовой науки. Военные трибуналы начали свой путь в условиях, когда был полностью сломан буржуазно-помещичий государственный аппарат угнетения, в том числе одна из самых реакционных его частей — военные и морские суды. Новые суды не могли использовать прежнее право и положения буржуазной правовой науки. Советские военные трибуналы возникли как революционные суды, призванные бороться со всеми, кто посягал на завоевания трудящихся, пытался восстановить господство угнетателей. По самой своей природе, назначению, составу они отрицали буржуазное право и правовую науку.

Революционные военные трибуналы первых лет Советской власти действовали в соответствии с ленинскими декретами о суде; их задачи, основные начала организации и деятельности определялись решениями Коммунистической партии, нормами нового права, находившегося в процессе становления.

Они последовательно проводили классовую, справедливую судебную политику и пользовались уважением и поддержкой трудящихся, вселяя ненависть и страх в контрреволюционеров, мародеров, хищников и других врагов нового строя. Но в этот период военные трибуналы не имели возможности опираться на данные правовой науки, основы которой лишь закладывались.

Закономерностью развития советского правосудия явилось все более обширное и органическое внедрение достижений науки, в том числе советской правовой науки, в практику судебной деятельности.

В современных условиях успешное осуществление правосудия как одного из сложных и важных видов госу-

дарственной деятельности в отрыве от теории, правовой науки вообще невозможно. Профессия военного судьи предполагает наличие определенных знаний в области правовой теории, позволяющих правильно выяснять характер отношений, ставших предметом производства по делу, верно оценивать их правовую сущность и справедливо применять закон к этим конкретным отношениям. Знания судьи должны быть достаточно обширными и систематическими. Разрешение дел на основе одного лишь правосознания, не опирающегося на твердые теоретические познания судьи, создает предпосылки нарушений закона.

Разработанная и достаточно детальная система процессуальных и материально-правовых норм, постоянно возрастающие требования в части их строгого и точного выполнения обязывают судью следить за развитием соответствующих отраслей правовой науки, одной из задач которой является раскрытие значения и содержания этих норм, выяснение принципов их действия и формулирование конкретных рекомендаций по их применению.

Но чтобы правильно осуществлять правосудие и выполнять все задачи, возложенные законом на суд, военный судья, кроме того, должен обладать известными познаниями и в области криминологии, судебной медицины, судебной психиатрии, судебной психологии и ряда других отраслей знания. Нельзя недооценивать и значение хорошей подготовки судьи по общей теории права, без чего невозможны правильный анализ и точное применение закона. Короче говоря, современный судья для успешного выполнения своих высоких профессиональных обязанностей нуждается в основательной специальной подготовке.

Должность судьи — выборная, и полномочия его длятся определенный срок. Но это не означает, что у нас нет профессии судьи, что судья не должен быть специалистом в области своей деятельности.

История развития советского суда свидетельствует о том, что состав судей по уровню их профессиональной подготовки постепенно изменялся. В первые годы Советской власти среди судей только единицы имели высшее юридическое образование. Так, к началу 1923 года народных судей с высшим образованием было менее 10 процентов, из них с высшим юридическим — 8,4 процента; низ-

шее образование (общее) имели тогда 75,5 процента народных судей. К настоящему времени большинство судей общих судов приобрели юридическое образование; 94 процента народных судей имеют высшее и среднее юридическое образование.

У судей первых военных трибуналов юридической подготовки не было. Постепенно положение резко изменилось. Начиная с пятидесятых годов все председатели, заместители председателей и члены военных трибуналов Вооруженных Сил Советского государства имеют высшее юридическое образование. Ни одно буржуазное государство не может сослаться на что-либо подобное в своей практике. Судьи военных судов империалистических государств — это, как правило, судьи «не настоящие», как их в свое время характеризовал А. Франс. Положение этих судей в составе наиболее террористической части аппарата подавления не требует знания тонкостей права. От них требуется лишь послушное выполнение воли буржуазии.

Судьи советских военных трибуналов имеют всестороннюю подготовку, и это помогает им выполнять свои обязанности в соответствии с достижениями правовой науки, на базе должных теоретических познаний. Сформировался и стал ведущим тип военного судьи — человека, постоянно и внимательно следящего за теоретической литературой, осведомленного в основных проблемах правовой науки по своей специальности, способного правильно поставить и решить вопросы применения закона. Таким судьям при их большом жизненном и профессиональном опыте, бесспорно, принадлежит будущее. Весьма примечателен тот факт, что многие военные судьи не только осведомлены в теоретических вопросах, но и сами ведут научную работу в области права. Успешно защитили диссертации и имеют ученые степени кандидатов юридических наук восемь военных судей, в их числе Ашитов З. О., Бушуев Г. И., Максимов С. С., Погребняк И. Г., Швецов В. С. Активно участвуют в исследовании актуальных вопросов правовой теории Смольников В. Е., Хламов Л. П., Александров Н. А., Самойлов Е. М. и другие. Мазалов А. Г. известен среди юристов работами по вопросам уголовного судопроизводства.

Наличие среди работников военных трибуналов людей, участвующих в теоретической работе, не только ха-

рактирует состав кадров военных судей, но и позволяет в известной мере судить об уровне деятельности наших военных трибуналов в современных условиях.

Значительная часть судей военных трибуналов имеет высшее военно-юридическое образование, которое вооружает суммой знаний, необходимых каждому юристу, и дополнительно к тому включает тщательное изучение воинского правопорядка, военного законодательства, некоторых воинских дисциплин, организации партийно-политической работы в армии и на флоте. Нет смысла доказывать, что судьи, получившие специализированное образование, как правило, лучше подготовлены к выполнению своих обязанностей в системе военных трибуналов.

Военно-юридическое образование в нашей стране имеет свои традиции. Оно принимало разные организационные формы (с 1936 года — военно-юридический факультет при Всесоюзной правовой академии; с 1939 года — Военно-юридическая академия РККА; с 1956 года — военно-юридический факультет, затем отделение и вновь факультет Военно-политической академии имени В. И. Ленина). Жизнь подтвердила необходимость специальной подготовки кадров для органов военной юстиции, а предложения упразднить военно-юридическое образование, как не отвечающее интересам дальнейшего укрепления законности в Вооруженных Силах, были отвергнуты.

Становление военно-юридического образования в нашем государстве проходило при активном участии ряда видных ученых и педагогов. В период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы Военно-юридическая академия располагала одним из самых авторитетных научно-педагогических коллективов. Сохранение традиции высокого уровня теоретической подготовки будущих военных юристов, воспитания их в духе партийности, глубокого уважения к закону, демократизма и гуманизности определяет и сейчас общий уровень военно-юридического образования.

Многие выпускники Военно-политической академии имени В. И. Ленина, окончившие военно-юридический факультет в последние годы, зарекомендовали себя как подготовленные юристы и успешно справляются с обязанностями членов военных трибуналов. Среди них майоры юстиции Андронов Н. П., Зубов В. П., Карантаев Ю. А., Таланов П. М., Троценков А. А., Сурков И. Г.,

капитаны юстиции Вязигин Ю. С., Петухов Н. А., Щербачев Е. Д.

Одним из положительных моментов в подготовке кадров для военных трибуналов и военной прокуратуры является тесная связь обучения и воспитания с практикой. Одна из форм такой связи — привлечение к участию в учебном процессе подготовленных практических работников. В последние годы на военно-юридическом факультете Военно-политической академии с лекциями по некоторым специфическим темам выступали все члены Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР и ряд работников организационно-инспекторского отдела Военной коллегии. Постоянно читает лекции по отдельным темам председатель военного трибунала округа полковник юстиции Н. Н. Соколов.

Значительный вклад в обучение и воспитание слушателей во время прохождения ими практики в военных трибуналах вносят судьи военных трибуналов Московского, Ленинградского, Белорусского, Киевского военных округов, дважды Краснознаменного Балтийского флота и ряда военных трибуналов гарнизонов и соединений.

Дальнейшее улучшение подготовки кадров для военных трибуналов, повышение идейно-теоретического уровня преподавания, усиление связи обучения с жизнью будут способствовать совершенствованию судебной деятельности военных трибуналов.

Правовая наука может оказать существенное положительное воздействие на судебную деятельность при условии, если она сама развивается успешно, разрешает новые проблемы, выдвигаемые жизнью, а ее выводы и рекомендации реализуются на практике, вооружают практику.

Основные направления научно-исследовательской работы в области правовых наук в настоящее время определены ЦК КПСС в постановлении от 14 августа 1967 года «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Этими направлениями являются «исследование актуальных проблем государственного строительства, развития социалистической демократии; разработка вопросов организации и деятельности Советов депутатов трудящихся, научных основ государственного управления, правового регулирования хозяйственной жизни и общест-

венных отношений; разработка мер по предотвращению и ликвидации преступности и других правонарушений, укреплению законности и правопорядка в стране; подготовка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию советского законодательства; изучение опыта государственно-правового строительства в зарубежных социалистических странах; исследование государственного строя развивающихся стран; разоблачение реакционной сущности современного империалистического государства и права; изучение международно-правовых проблем»¹. Как видно из приведенного перечня, значительная часть проблем, стоящих перед правовой наукой, прямо или косвенно относится к сфере деятельности суда; теоретическая их разработка необходима для дальнейшего совершенствования правосудия.

При этом следует подчеркнуть, что правовая наука может принести должные плоды лишь на базе правильного решения общих коренных проблем. Представление о том, что правовая наука должна лишь непосредственно «обслуживать» практику путем выработки рекомендаций по конкретным вопросам, возникающим в судах, необоснованно суживает роль науки и связано с неправильным пониманием истинного содержания науки. Задача правовой науки, как и любой иной, — раскрыть определенные закономерности, выработать принципы, научные понятия в изучаемой области. Практические рекомендации, выдвигаемые учеными, полезны лишь тогда, когда они базируются на правильном решении общих, наиболее существенных, коренных проблем. Правовая наука, опираясь на изучение жизни, практики, питаясь ее соками, призвана идти впереди практики, освещать ей путь. Недооценка этого ее назначения ведет к принижению роли науки, т. е. к ослаблению ее позитивного воздействия на общественный прогресс.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии отмечалось, что перед советской наукой стоят поистине грандиозные задачи, причем было подчеркнуто огромное значение общественных наук в строительстве коммунистического общества. «Развитие общественных наук и внедрение их рекомендаций в практику играют не менее важную роль, чем использование достижений естественных наук в

сфере материального производства и развитии духовной жизни народа»¹. Развитие советской правовой науки, тех ее отраслей, которые связаны с деятельностью суда, использование выводов науки в практике будут способствовать поднятию советского правосудия на высшую ступень.

Советская правовая наука в настоящее время вплотную подошла к постановке и решению новых проблем, начинает смелее исследовать ряд процессов, оставшихся значительное время вне сферы ее внимания. Речь идет, в частности, о внедрении кибернетики в право, о широком применении социологических методов, о создании судебной психологии, активном развитии криминологии. Нет сомнения, что эти направления могут весьма существенно изменить практику и, дополняя традиционные методы исследования, которые также совершенствуются, поведут к общему подъему правовой теории, выводы которой будут более оперативно и широко восприниматься практикой.

Конечно, нельзя отрицать, что как в теоретической подготовке кадров военных судей, так и во внедрении достижений правовой науки в судебную деятельность есть еще немало недостатков. Отметим, в частности, что организованной переподготовки военных судей нет, некоторые военные трибуналы плохо снабжаются специальной литературой, отдельные работники беззаботно относятся к изучению новых теоретических трудов, уровень некоторых научных работ не высок, а иногда рекомендации, в них содержащиеся, не обоснованы.

Постоянная связь с правовой теорией, внедрение достижений науки в практику осуществления правосудия — главное, что характеризует судебную деятельность военных трибуналов и в значительной степени определяет ее успех.

— ☆ —

¹ «Коммунист», 1967, № 13, стр. 9.

¹ Материалы XXIII съезда КПСС. Политиздат, 1966, стр. 86.

ЗА ДОБРОЕ ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

Позвонил товарищ по работе.

— Есть интересное дело о человеке необычайно трудной судьбы. Это — Кондратец Иван Яковлевич, герой битвы за Днепр, был в плену, необоснованно осужден, сейчас полностью реабилитирован. Почитай материалы дела, может быть, напишешь о нем.

Дело прочитано. Действительно, нелегким был жизненный путь бывшего воина Ивана Кондратца. Но из одних бумаг много не узнаешь, нужно встретиться с самим человеком.

Такая возможность вскоре представилась. В конце мая 1966 года в поселке Варва, Черниговской области, состоялся митинг, посвященный вручению Ивану Яковлевичу Кондратцу высокой правительственной награды.

Я побывал в те дни на Черниговщине.

...Весть о вручении Кондратцу награды взволновала жителей поселка, почти все они от мала до велика, по праздничному одетые, пришли в Дом культуры. Военком Черниговской области полковник Н. С. Щербина зачитывает Указ Президиума Верховного Совета СССР и под гром аплодисментов присутствующих вручает Кондратцу Золотую Звезду Героя и орден Ленина. Героя приветствуют земляки, школьники, друзья.

Невысокого роста, худощавый человек поднимается на трибуну. Неторопливо достает из кармана бумагу — текст своего выступления. Слегка волнуясь, начинает читать, а затем неожиданно откладывает в сторону листки и говорит:

— Дозвольте мне, товарищи, без бумаги, своими словами рассказать, как было дело там, на Днепре.

С большим вниманием был выслушан его рассказ о форсировании реки, о том, как наши воины погнали фри-

цев с украинской земли. Долго не закрывались в тот день двери в доме Кондратца. Приходили не только односельчане, но и люди из соседних деревень, чтобы поздравить своего земляка, пожелать ему доброго здоровья, успехов в жизни. К концу дня, когда гостей стало меньше, мне наконец удалось поговорить с героем.

— Родился я в тысяча девятьсот девятнадцатом году здесь, в Варве, — сказал Иван Яковлевич. — С моим батком, Яковом Трофимовичем, вы знакомы.

Отец героя — уважаемый человек в Варве. После победы Октябрьской революции избирался в первый Совет крестьянских депутатов, был заместителем председателя Совета.

Якову Трофимовичу 80 лет, но он хорошо помнит и живо рассказывает о том, как до революции батрачил у помещика, служил в царской армии, воевал на фронтах первой мировой войны, был ранен. Еще до Октябрьского вооруженного восстания эскадрон, в котором служил Я. Т. Кондратец, выступил за большевиков. Все офицеры были смещены. Якова Трофимовича избрали командиром эскадрона. В 1917 году ему выпала честь в составе почетного караула встречать вождя революции В. И. Ленина. На всю жизнь запомнил Кондратец призыв Ильича, с которым он обратился к солдатам: не бросать оружия до полного осуществления своих целей — завоевания мира и земли.

И Яков Кондратец не бросил своей винтовки, она пригидилась ему при изгнании с украинской земли петлюровцев и установлении Советской власти.

Мы просим Якова Трофимовича рассказать о сыне, его детских годах.

— Что особенно рассказывать? Ваня рос, как и все хлопцы поселка: бегал в школу, помогал нам с матерью по хозяйству. После окончания семилетки стал работать, а едва исполнилось семнадцать лет, послал Наркому обороны заявление с просьбой принять его добровольцем в РККА, хотел пойти в кавалерию. Но это не сбылось, из Москвы пришел ответ, что семнадцатилетние в армию не принимаются.

В ожидании своего года призыва Иван Кондратец работал в «Союзпечати», в местном отделении госбанка.

В 1942 году Кондратец был призван в армию. Старательно он изучал в Ташкентском пулеметном училище оружие, тактику, боевой опыт первого года Великой Оте-

чественной войны. Учеба продолжалась недолго. Вскоре последовал приказ — на фронт. Их эшелону была дана «зеленая улица». Молодому воину хотелось, естественно, участвовать в освобождении родной Украины. Так это и случилось.

Новое пополнение влилось в 184-й гвардейский полк, который готовился к битве за Днепр. Было это в сентябре 1943 года. К берегам Днепра ускоренным маршем шла 62-я гвардейская дивизия. Задача, поставленная перед гвардейцами, была предельно ясна: с ходу форсировать реку, захватить плацдарм на противоположном берегу, обеспечить переправу другим частям. Взвод, в котором служил Иван Кондратец, первым погрузился на понтонную лодку. Форсирование началось с наступлением темноты. Впрочем, ночной темноты в обычном представлении не было: Днепр освещался подвесными ракетами, которые противник сбрасывал с самолетов. Сколько времени продолжалась переправа, сказать трудно. Вряд ли кто из участников штурма замечал это — река кипела от взрывов мин и снарядов.

Противник вел шквальный огонь. Гитлеровцы предпринимали отчаянные попытки задержать наступающих, не допустить советских солдат на правый берег. Казалось, огонь врага сметет все, в том числе и понтонную лодку. Всеми силами воины стремились быстрее достичь заветной цели: правого берега. Все ближе и ближе рвались мины. Каким-то чудом взвод без потерь проплыл середину реки; уже виднелся противоположный берег. Цель была близка, но причалить к берегу не удалось: от взрыва понтон сильно подбросило, и все оказались в воде. Пришлось плыть в обмундировании, с пулеметом и двумя заряженными дисками. Вокруг рвались снаряды и мины, свистели пули.

Вынырнув, Иван Кондратец услышал стоны товарищей. Первым он вытащил тяжело раненного командира, потом нескольких раненых бойцов. Все, кто мог, заняли позицию и начали отстреливаться от бросившихся в контратаку фашистов. Заметив, что продвижению вперед мешает огонь вражеского пулемета, Кондратец пошел в обход и уничтожил огневую точку противника.

Бои за расширение плацдарма продолжались. Советские войска теснили врага, преодолевая его ожесточенное сопротивление.

Фашисты отступали к Кривому Рогу. По пятам за ними вместе с однополчанами шел Иван Кондратец. Трудно рассказать о всех тех перипетиях, в которые пришлось ему попадать. Обратимся к документам того времени, к наградному листу на И. Я. Кондратца.

«1 и 2 октября 1943 года при развитии нашими частями наступления т. Кондратец, проявляя образцы мужества, отваги и героизма, все время шел впереди, увлекая бойцов на выполнение поставленной боевой задачи. При выходе из строя командира взвода он принял на себя командование взводом и выполнил поставленную задачу. При этом лично уничтожил 11 солдат и офицеров противника.

10 октября 1943 года, находясь в боевом охранении, заметил приближающуюся группу немецких разведчиков, смело бросился на них, уничтожил двух немцев и захватил в плен офицера».

За проявленное мужество, находчивость и воинское мастерство бывалого воина представили к самой высокой награде. 22 февраля 1944 года И. Я. Кондратцу было присвоено звание Героя Советского Союза. Но к моменту, когда эта радостная весть пришла в родной полк, Ивана Яковлевича не было среди однополчан. В тяжелом бою под Кривым Рогом он, контуженный, в бессознательном состоянии, попал в плен.

Как кошмарный сон, вспоминает Кондратец фашистские лагеря. Каторжный труд, нечеловеческие муки, голод, унижения.

— К нам, советским военнопленным, фашисты относились хуже, чем к животным, — вспоминает Кондратец. — Однажды колонна советских военнопленных вступила в одну из деревень Украины. Деревенские мальчишки, завидя советских военнопленных, подбежали и стали

Герой Советского Союза
И. Я. Кондратец

бросать нам кукурузные початки. Изголодавшиеся люди, естественно, бросились их подбирать. «Хальт!» — крикнул начальник гитлеровского конвоя. Раздались автоматные очереди. На дороге остались трупы детей и военнопленных.

Много военнопленных было расстреляно за побег. Несмотря на это, Кондратец попытался бежать из лагеря. Фашисты поймали его и бросили в карцер. В середине сентября 1944 года Кондратец оказался в лагере близ Гамбурга. Это был лагерь смертников; усиленная охрана, технические усовершенствования исключали всякую возможность побега. Обессиленные и изможденные узники лежали на нарах, на полу. Один раз в сутки давали жижицу, люди опухали от голода. Каждую ночь военнопленных партиями вывозили в соседний лагерь, где с полной нагрузкой работали печи, газовые камеры. Истощенный Кондратец лежал в углу барака. Уходили последние силы. Уже несколько дней его не выгоняли на работу. Выхода не было: неминуемая смерть вдали от Родины.

Не раз в лагерь являлись вербовщики, предлагали пойти служить фашистам. Как и другие, Иван Яковлевич с презрением отклонял гнусные предложения. А тут, перед неминуемой, близкой смертью, зародилась мысль пойти на обман, дать согласие работать на противника, а затем возвратиться в свои войска, рассказать обо всем и принять участие в разгроме врага. Кондратцу это удалось. 9 ноября 1944 года его перебросили через линию фронта. Он сразу же явился к командованию советских войск. Все без утайки поведал он командиру, рассказал о том, как в тяжелом состоянии попал в плен, о своих муках и страданиях в лагерях и, наконец, о том, как и при каких обстоятельствах освободился из плена, какое задание получил от фашистов.

Но Кондратцу не поверили. Проявленная хитрость и обман, с помощью которых он освободился из вражеского лагеря, были использованы против Кондратца, и его осудили к лишению свободы.

После возвращения в родную Варву Кондратец работал бригадиром каменщиков в «Межколхозстрое». Трудился честно, потом заболел, по инвалидности ушел на пенсию. И никто из земляков не знал, что в годы войны он мужественно сражался на фронте, а в 1944 году был удостоен высокой правительственной награды.

В середине марта 1965 года кто-то из жителей поселка прибежал к Кондратцу со свежим номером газеты «Красная звезда».

— Иван Яковлевич, смотрите, здесь напечатана ваша фамилия.

В газете был опубликован список воинов, которые удостоены высоких правительственных наград и чьи следы затерялись в вихре войны. Среди награжденных — бывший гвардии рядовой 184-го гвардейского полка Иван Яковлевич Кондратец. Через несколько дней последовал вызов в Москву в наградной отдел Министерства обороны. С Кондратцем побеседовали, уточнили данные о его пребывании на фронте, участии в форсировании Днепра. Принимавший его генерал в заключение беседы сообщил ему, что он награжден, но каким орденом, не сказал.

— Поезжайте домой, нам надо выяснить еще кое-какие обстоятельства.

Вопрос о вручении И. Я. Кондратцу награды обсуждался на заседании специальной комиссии. Случай не из легких: героический подвиг на Днепре и судимость за тяжкое преступление — između Родине. Было даже мнение войти в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством об исключении Кондратца из списка награжденных. Однако большинство членов комиссии возражало. Кондратец попал в плен в тяжелом состоянии, стойко переносил все тяготы лагерей и издевательства гитлеровцев, пытался бежать, ничем себя не запятнал.

В Военной коллегии Верховного Суда СССР были вновь изучены материалы дела по обвинению Кондратца. Тщательно и всесторонне проанализированы показания свидетелей, объяснения самого Ивана Яковлевича. Рассмотрены все, до мельчайших подробностей, обстоятельства дела.

По протесту Председателя Верховного Суда СССР обвинительный приговор был отменен Пленумом Верховного Суда СССР и дело в отношении Кондратца прекращено за отсутствием состава преступления. Справедливость торжествовала. Постановление Пленума о полной реабилитации Кондратца — не последний документ в его деле. Здесь копии писем Председателя Верховного Суда СССР с ходатайством о назначении Ивану Яковлевичу персональной пенсии, о выделении ему путевки на лечение. Есть письма в Военную коллегию и от самого Кондратца,

в которых он рассказывает о своей жизни, личных и общественных делах.

* * *

Ивану Яковлевичу 49 лет, он — персональный пенсионер. Вместе с женой Евдокией Ивановной, 10-летней дочкой Галей и 5-летним сыном Володей проживает в Варве. Он активно участвует в общественной жизни, выступает перед молодежью, воспитывает достойную смену.

— ☆ —

**СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ**

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ (1918—1920 годы)

Военные трибуналы возникли одновременно с образованием регулярной Красной Армии и являются органами, осуществляющими социалистическое правосудие в Советских Вооруженных Силах¹. В основу организации и деятельности военных трибуналов (в годы гражданской войны они назывались революционными военными трибуналами — РВТ) были положены первые законодательные акты о советских судебных органах.

Потребность в создании военных трибуналов диктовалась самой жизнью. Практика показала, что рассмотрение местными судами уголовных дел о преступлениях, возникавших в действующей армии и в прифронтовой полосе, не достигало цели — своевременного пресечения, предупреждения и искоренения преступности.

В постановлении V Всероссийского съезда Советов (1918 год) по военному вопросу подчеркивалось, что Красная Армия должна быть построена на основе революционной дисциплины, беспрекословного подчинения требованиям и приказам командиров, преданности революции. Эти задачи можно было решить лишь решительной борьбой с дезертирами, грабителями, шкурниками и иными чуждыми в Красной Армии и Флоте элементами. В условиях гражданской войны также остро стоял вопрос о борьбе с внутренней контрреволюцией. Серьезную опасность для нашей армии представляли пробравшиеся в ее ряды враги революции. Они устраивали заговоры, занимались диверсиями и шпионажем, вели контрреволюционную агитацию и пропаганду.

¹ Первые декреты о суде не предусматривали создания специальных военных судов. Все уголовные дела о преступлениях военнослужащих рассматривались местными народными судами и территориальными революционными трибуналами.

Особенно тяжелая обстановка сложилась на Восточном фронте. Здесь, в Заволжье, возникали антисоветские мятежи и кулацкие восстания. Участились случаи измены и перехода военных специалистов и командиров на сторону врага (побег командующего Северо-Урало-Сибирским участком фронта Богословского и других офицеров, измена командующего фронтом левого эсера Муравьева). Все это оказывало вредное влияние на политико-моральное состояние войск фронта и их боеспособность.

Поэтому именно здесь, на Восточном фронте, и прежде всего в I армии, в июле 1918 года был создан первый революционный военный трибунал Красной Армии. В приказе Реввоенсовета этой армии указывалось, что военный трибунал должен «решать и рассматривать контрреволюционные дела, а также дела о саботажах и неповиновении революционному начальству, о дезертирстве, принимая во внимание их важность и обстановку». В том же приказе подчеркивалось, что трибунал обязан решать дела «со строгостью военного времени вплоть до расстрела, принимая во внимание важность момента и ответственность перед революционной Россией»¹.

В июле — октябре 1918 года революционные военные трибуналы были созданы при всех армиях Восточного и Северного фронтов, а в некоторых армиях — и трибуналы дивизий. В октябре 1918 года учреждаются РВТ Восточного, Северного и Южного фронтов. К концу 1918 года революционные военные трибуналы действовали уже при всех армиях и фронтах Красной Армии.

На первых порах РВТ не представляли сколько-нибудь единообразной, стройной и централизованной системы. Порядок их организации и деятельности не регламентировался общими нормативными актами. Не был решен ряд основных вопросов судопроизводства и применения мер наказания. Структура и компетенция их так же, как и формы деятельности, были различны. Не была четко определена подсудность дел. Предварительное следствие проводилось единолично военными следователями и следственными комиссиями.

Революционные военные трибуналы с самого начала своей деятельности, как правило, рассматривали дела гласно, в ряде случаев допускали защитников. Гласным

разбором дел, опубликованием в печати приговоров РВТ мобилизовывали красноармейские массы на борьбу с врагами, повышали бдительность бойцов и, что очень важно, оказывали влияние на колеблющиеся элементы из среды крестьянства, интеллигенции и военных специалистов.

14 октября 1918 года приказом Реввоенсовета Республики был создан Революционный военный трибунал Республики (РВТР), призванный руководить деятельностью всех РВТ Красной Армии и Флота. Он же являлся судом первой инстанции по наиболее важным делам.

Реввоен трибунал Республики приступил к работе 8 декабря 1918 года. Эта дата и вошла в историю военных трибуналов Советской Армии и Флота как начало их деятельности.

8 января 1919 года РВТ Республики ввел в действие Инструкцию РВТ фронтов и армий, которая определяла устройство военных трибуналов, порядок назначения и отстранения военных судей, подсудность дел, порядок судопроизводства. Инструкция содержала также перечень наказаний, которые могли применяться революционными военными трибуналами.

13 февраля 1919 года Реввоенсовет Республики ввел в действие первое Положение о революционных военных трибуналах. Этим актом устранилось разнообразие в их устройстве. В отличие от Инструкции, которая отнесла к подсудности РВТ дела о всех без исключения преступлениях, совершаемых военнослужащими на фронте и в прифронтовой полосе, Положение ограничивало подсудность военных трибуналов лишь делами о всех «политических и военного характера преступлениях, совершаемых военнослужащими». Подсудность дела определялась в основном должностным положением лица, привлеченного к уголовной ответственности, безотносительно к роду преступного деяния.

Предварительное следствие по делам, подсудным революционным военным трибуналам, производилось как состоящими при них военными следователями, так и особыми отделами ВЧК и органами военного контроля.

Так выглядела в общих чертах окончательно сложившаяся в конце 1918 — начале 1919 года система военных трибуналов Красной Армии.

Судебная практика первых РВТ подтверждает, что они при выборе мер наказания подходили к каждому об-

¹ ЦГАСА, ф. 157, оп. 5, д. 3, л. 11.

вняемому строго индивидуально. Они сурово карали контрреволюционеров, грабителей, злых нарушителей воинской дисциплины и в то же время проявляли снисходительность к лицам, совершившим преступления по неосознанности или менее опасные преступления.

Весьма характерной в этом отношении является судебная практика военного трибунала VI армии, входившей в состав Северного фронта. 24 октября 1918 года трибунал рассмотрел дело по обвинению красноармейцев Добрецова, Кошнова, Егорова и Шерхова в опоздании из отпуска без уважительных причин и вынес приговор: «Подвергнуть денежному штрафу в размере по 25 руб. каждого в пользу семей погибших красноармейцев и объявить в приказе по армии выговор». В том же заседании трибунал рассмотрел дело Орлова и за небрежное исполнение приказа подверг его аресту на 7 суток. Иначе подошел трибунал при определении меры наказания по делу Шарапова и Жукова. За ограбление полковой кассы, избивание комиссара и побег Шарапов и Жуков были приговорены к расстрелу. 21 ноября 1918 года тот же трибунал приговорил к расстрелу Курбатова за участие в Ярославском мятеже, Б. Белинского — за контрреволюционную деятельность и попытку с подложными документами бежать к белочехам¹.

Как и в других армиях, особенно на Восточном и Южном фронтах, в VI армии была распространена практика объявления приговоров в приказах командования, которые доводились до сведения всех командиров и красноармейцев. Только за октябрь — декабрь 1918 года по этой армии издано более 10 таких приказов.

Организация и деятельность РВТ базировалась на подлинно демократических принципах социалистического правосудия, нашедших свое выражение в первых декретах Советской власти о суде. Поэтому все основные черты, характеризующие советские судебные органы, полностью относятся и к РВТ.

К судьям РВТ предъявлялись самые строгие требования, чтобы они решали дела по своему усмотрению, по своей совести и на основании законов, принятых Советской властью. При решении вопросов, не

¹ См. Л. Н. Гусев. Советская военная юстиция в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). М., РИО ВЮА, 1951, стр. 67.

предусмотренных законом, они обязаны были руководствоваться революционным правосознанием.

Дальнейшее развитие и строительство РВТ осуществлялось на основе решений состоявшегося в марте 1919 года VIII съезда РКП(б). В соответствии с решениями съезда были приняты Положение о военных следователях и Положение о революционных военных трибуналах.

Положение о военных следователях от 30 сентября 1919 года представляло собой развернутую систему процессуальных норм, подробно регламентировавших всю деятельность военных следователей РВТ по расследованию уголовных дел, их обязанности и права.

В Положении от 20 ноября 1919 года нашли отражение все основные вопросы, относящиеся к организации и процессуальной деятельности военных трибуналов. Структура их оставалась почти без всяких изменений, а именно: РВТ состояли при реввоенсоветах Республики, фронта, армии. На флоте было три ступени трибуналов: РВТ Республики, флота и отделы РВТ флота. В укрепленных районах могли учреждаться РВТ на правах армейских. Сууществование отделов армейских трибуналов в дивизиях (отдельных бригадах) новым Положением не предусматривалось. Вскоре, однако, Реввоенсоветом Республики они были восстановлены (приказ № 2134 от 16 декабря 1919 года).

Новое Положение более четко определяло подсудность дел РВТ. Она ограничивалась делами о контрреволюционных и воинских преступлениях, совершенных военнослужащими и военнопленными в районе военных действий¹. Кроме того, ведению РВТ подлежали все уголовные дела о преступлениях, совершенных командирами начиная с командира полка, равных ему и выше. Дела о преступлениях, совершенных гражданскими лицами, РВТ могли рассматривать лишь в случаях, когда один из соучастников преступления был военнослужащим.

Установленный этим Положением порядок назначения и отстранения от должности председателей, их заместителей и членов трибуналов только вышестоящим

¹ Вне района военных действий дела о преступлениях военнослужащих и военнопленных могли рассматриваться соответствующими РВТ только при отсутствии в данной местности общих судов.

реввоенсоветом являлся важной гарантией их независимости при осуществлении правосудия. Все дела военные трибуналы рассматривали в составе коллегии из трех постоянных судей трибуналов.

Отсутствие народных заседателей было вызвано особыми условиями военного времени и стремлением укрепить состав трибуналов.

Участие в деле обвинителя и защитника зависело всецело от усмотрения трибуналов.

Положение от 20 ноября являлось первым законодательным актом, в котором подробно регламентировался порядок судебного разбирательства. Оно наделяло обвиняемого широкими правами на защиту в судебном разбирательстве. Впервые в нашем уголовном процессе было установлено право обвиняемого давать объяснения как по существу всего дела, так и по каждому следственному действию и заявлению противной стороны, право задавать вопросы свидетелям и экспертам и право обвиняемого не отвечать на задаваемые вопросы. Заочное рассмотрение дела могло быть лишь в случаях, когда подсудимый находился вне пределов Советской Республики или было доказано уклонение его от явки в суд.

Постановляемые РВТ приговоры объявлялись именем РСФСР, обжалованию не подлежали и немедленно обращались к исполнению, за исключением приговоров к расстрелу. О всех приговорах с высшей мерой наказания РВТ обязаны были тотчас ставить в известность РВТ Республики и Реввоенсовет, при котором РВТ состоял. Такой приговор мог быть приведен в исполнение только спустя 48 часов после отправления телеграфного сообщения соответствующему Реввоенсовету и РВТ Республики и лишь в том случае, если от них не поступило указания приостановить исполнение приговора.

Существование в РВТ института приостановления и пересмотра приговоров в порядке надзора являлось важной гарантией, позволявшей своевременно исправлять судебные ошибки и нарушения закона.

Основаниями для отмены приговора и рассмотрения дела вновь являлись: а) нарушение правил о подсудности; б) явное несоответствие меры наказания деянию осужденного; в) допущение таких нарушений порядка рассмотрения дела, которые не могли не отразиться на существе дела.

Руководство судебной деятельностью РВТ по линии реввоенсоветов осуществлялось путем дачи указаний о направлении борьбы с преступностью, которые были обязательными для РВТ, если не противоречили законам и директивам центральных органов. Руководство и контроль со стороны реввоенсоветов проявлялись также в форме приостановления любого приговора и перенесения дела в вышестоящий РВТ. Это давало возможность внести в необходимых случаях коррективы в судебную практику РВТ с тем, чтобы привести ее в соответствие с общим направлением политики Коммунистической партии и Советского правительства.

Таким образом, законодатель возложил на реввоенсоветы функцию контроля и руководства судебной деятельностью. Такое решение вопроса зависело от конкретных исторических условий, сложившихся в тот период, и определялось особенностями жизни армии. При этом контроль за судебной деятельностью трибуналов и руководство ими со стороны реввоенсоветов были поставлены в такие рамки, которые исключали какое-либо внесудебное влияние и давление на судей РВТ при решении ими дела. Реввоенсовет имел право лишь приостановить исполнение любого приговора, который, по его мнению, мог вредно отразиться на состоянии дисциплины и боеспособности войск, но был лишен возможности принудить трибунал вынести приговор, который суд считает незаконным и необоснованным.

Положение о реввоен трибуналах от 20 ноября предусматривало и второй вид пересмотра приговоров — пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам.

На завершающем этапе гражданской войны, в 1920 году, продолжалось дальнейшее развитие и укрепление военно-судебных органов.

Помимо революционных военных трибуналов Красной Армии и Флота в начале 1920 года были созданы революционные военные трибуналы войск внутренней охраны (ВОХР), а также революционные военные железнодорожные трибуналы¹. Эти трибуналы составляли са-

¹ Положение о революционных военных железнодорожных трибуналах было утверждено декретом ВЦИК от 18 марта 1920 года (СУ РСФСР 1920, № 21, ст. 112).

мостоятельную систему, имели свои судебные центры и действовали по тем же правилам, что и революционные военные трибуналы Красной Армии.

Для решительной борьбы с бандитизмом декретом СНК от 19 февраля 1920 года дела о преступлениях всех лиц, независимо от их принадлежности к армии, «обвиняемых в вооруженных грабежах, в разбойных нападениях, налетах...», передавались в подсудность РВТ. Для этого было учреждено несколько трибуналов в тыловых районах страны, там, где бандитизм принял угрожающий характер. Первый такой трибунал с правами РВТ фронта был создан при Киевском окружном военном комиссариате приказом Реввоенсовета Республики № 837 от 16 мая 1920 года.

Важнейшую черту, характеризующую советское законодательство об устройстве и деятельности судебных органов того периода, составляет стремление усилить централизацию трибунальской системы, установить для всех трибуналов страны единые принципы их организации и процессуальной деятельности.

4 мая 1920 года было принято новое Положение о революционных военных трибуналах. Это Положение не вносило больших изменений в организацию и деятельность РВТ, хотя некоторые изменения и дополнения, отвечающие требованиям жизни, были осуществлены.

Наиболее важным нововведением было то, что Положение от 4 мая 1920 года, сохраняя сложившийся в системе РВТ институт пересмотра приостановленных приговоров в порядке судебного надзора, одновременно предоставляло Кассационному трибуналу при ВЦИК право надзора за судебной деятельностью всех РВТ, включая и их высшую судебную инстанцию — Реввоентрибунал Республики. В состав Кассационного трибунала был введен председатель РВТ Республики. Кассационному трибуналу Положением от 4 мая 1920 года также предоставлялось право с согласия Министерства юстиции РСФСР давать руководящие указания всем РВТ и разъяснять статьи закона. Положение от 4 мая 1920 года занимает важное место в истории советских военно-судебных органов. Оно окончательно оформило основы организации и деятельности РВТ в период гражданской войны, четко сформулировало задачи военных трибуналов и определило их компе-

тенцию. Положение от 4 мая способствовало дальнейшему улучшению организации и деятельности военных трибуналов в борьбе за укрепление воинской дисциплины, за усиление боеспособности частей и соединений Красной Армии и Флота.

Создание РВТ во всех военных округах было завершено лишь после разгрома основных сил интервентов и белогвардейцев и осуществления реформы управления войсками Красной Армии (конец 1920 года).

На протяжении всей истории существования военных трибуналов их отличительной чертой была и остается тесная органическая связь с Вооруженными Силами, в недрах которых они родились. С первых дней своей деятельности они были поставлены на службу молодой Советской Республике и ее Вооруженным Силам, на укрепление их боеспособности. Сочетая судебную репрессию с работой по предупреждению преступлений, РВТ оказали большую помощь командирам и политорганам в воспитании военнослужащих в духе преданности социалистической Родине, в духе строгого соблюдения революционной законности, честного и беззаветного выполнения воинского долга.

Главным условием организации и успешной деятельности РВТ являлась руководящая и направляющая роль Коммунистической партии.

Отзываясь о деятельности РВТ, командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский и члены РВС этого фронта в начале 1922 года писали:

«Революционные военные трибуналы, возникшие в ходе первоначального строительства Красной Армии, имеют тесную органическую связь с дальнейшим развитием последней. Этой тесной связью с Красной Армией РВТ обязаны гибкости своей карательной политики. Изменяя ее в полном соответствии с интересами диктатуры пролетариата, чутко отражая в своих приговорах каждую особенность данного политического момента, РВТ, усиливая или ослабляя меру репрессии там, где это было необходимо, быстро пресекали преступления, принимавшие систематический характер»¹.

¹ Сб. «За три месяца». М., изд. Военной коллегии, 1922, стр. 40.

Так же положительно отзывались о деятельности РВТ военные советы Северо-Кавказского военного округа и 1-й Конной армии, Туркестанского фронта и другие.

Деятельность РВТ в гражданскую войну получила признание и высокую оценку Коммунистической партии и Советского правительства. Военно-судебные органы Советского государства, пройдя испытание временем, сложились в стройную систему и в настоящее время являются надежным органом борьбы с посягательствами на безопасность СССР, боеспособность его Вооруженных Сил, воинскую дисциплину и установленный в армии и на флоте порядок несения воинской службы.

— ☆ —

Генерал-майор юстиции И. ВОРОБЬЕВ,
подполковник юстиции Л. ХЛАМОВ

НА ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕТРОГРАДА

Петроградский военный округ был образован в марте 1918 года. На его территории дислоцировалось много отдельных воинских частей, учреждений и учебных заведений. Правосудие в отношении военнослужащих осуществляли революционные трибуналы и народные суды, рассматривавшие дела о контрреволюционных и тяжких уголовных преступлениях, а также местные военные суды.

Полковые (отрядные) суды рассматривали дела о воинских и менее опасных уголовных преступлениях и грубых проступках военнослужащих. Согласно Положению, утвержденному приказом Народного комиссариата по военным делам от 23 июля 1918 года, они избирались на собраниях личного состава полков (отрядов) и действовали с соблюдением принципов коллегиальности, гласности и других демократических основ судопроизводства.

В качестве примера можно привести дело, рассмотренное в начале 1918 года Царскосельским гарнизонным военным судом.

Солдаты 4-го Саблинского социалистического отряда Семенов, Курочкин, Малахов, Петрушков и Петров обвинялись в том, что они копали картофель на чужом огороде. Суд учел чистосердечное признание этих лиц и постановил «подвергнуть их тюремному заключению с отбыванием наказания при царскосельской тюрьме сроком на 3 месяца, с лишением прав на дальнейшее поступление в какое-либо казенное учреждение, с опубликованием об их проступке в советской печати». Суд направил копию приговора в редакцию газеты «Красная Армия» и известил об осуждении перечисленных лиц исполком Саблинского Совета.

Работа полковых судов по борьбе с преступлениями и нарушениями воинской дисциплины в округе значитель-

но активизировалась после утверждения Совнаркомом 10 июля 1919 года нового Положения о полковых судах, разработанного под руководством В. И. Ленина на основе обобщенного опыта.

Осуществляя правосудие в войсках, суды помогали укреплять воинскую дисциплину и воспитывать военнослужащих. Особенно эффективной была работа полковых судов в тыловых частях до конца 1921 года. Но в новых условиях, когда были сформированы регулярные части Красной Армии, подчиненные единому командованию, особенно в боевой обстановке, в деятельности этих судов обнаружались серьезные пробелы.

Местные народные суды и революционные трибуналы, состоящие из гражданских лиц, не были тесно связаны с командованием, не всегда учитывали при решении дел специфические условия армейской (флотской) жизни. Полковые суды были ограничены в своих полномочиях и из-за отсутствия единого руководства не могли обеспечить твердой и единообразной судебной практики и оперативного рассмотрения дел.

Сложившаяся к концу 1918 года обстановка под Петроградом требовала создания в армии «действительно революционного, скорого и беспощадно строгого к контрреволюционерам, хулиганам, лодырям и дезорганизаторам суда»¹. Такими судами в армии были революционные военные трибуналы.

В Петроградском военном округе революционные военные трибуналы вначале создавались на фронте, в войсках действующей армии, оборонявших Петроград от интервентов и белогвардейцев.

На основании приказа РВС VI армии в сентябре 1918 года создается военно-полевой трибунал этой армии с отделами в Архангельском, Северо-Двинском и Яринском районах обороны. В январе 1919 года образован революционный военный трибунал VII армии. Несколько раньше подобные трибуналы были созданы в дивизиях, входивших в состав этих армий. Председателями армейских трибуналов назначаются И. А. Мелин (VII армия) и А. Г. Миничев (VI армия). Для борьбы с контрреволюционными и другими тяжкими преступлениями, подрывающими оборону в тылу, в феврале 1919 года созда-

ются революционные трибуналы при губернских комиссариатах по военным делам в Петрограде, Пскове и Олонце.

В связи с наступлением интервентов и белогвардейцев весной 1919 года под Петроградом сложилась тяжелая обстановка. Совет обороны объявил Петроград и ближайшие губернии на осадном положении, ЦК партии обратился к трудящимся с воззванием «На защиту Петрограда!». В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский в своем обращении «Берегись шпионов!» призывали красноармейцев и командиров удвоить бдительность.

В этих условиях требовалось немедленное реагирование на любые преступления, которые могли повлечь ослабление обороны, деморализацию личного состава. Реввоенсовет VII армии, учитывая это, при каждом бригадном и равном ему по значению боевом участке учредил временные революционные военные трибуналы для рассмотрения дел о невыполнении боевых приказов и трусости. Временные военные трибуналы выезжали на позиции и непосредственно там рассматривали дела на лиц, совершивших преступления, применяя к ним строгие меры наказания. Вместе с тем РВТ нередко выносили и условные приговоры, дающие осужденным возможность, как говорилось в приказе Реввоенсовета, «геройским поведением в боях заслужить прощение». Военные трибуналы, действовавшие на тосненском, приморском и междуозерном участках фронта, в Лужском боевом районе, у Красного Села, успешно помогали поддерживать дисциплину в частях.

Работники военных трибуналов проводили среди населения и военнослужащих работу по разъяснению обстановки, политики большевистской партии, задач вооруженных сил.

Особое значение в осадном положении было обращено на поддержание порядка, пресечение всяческих вылазок врага и преступлений, паники и дезорганизации. Для рассмотрения дел о преступлениях военнослужащих всех частей, учреждений и учебных заведений, дислоцировавшихся на территории укрепленного района, на основании постановления Комитета обороны Петрограда в начале сентября 1919 года был создан и впоследствии успешно действовал революционный военный трибунал Петроградского укрепленного района как отдел РВТ VII армии.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 210.

Этот военно-судебный орган рассматривал дела как суд первой инстанции и следил за судебной практикой революционных военных трибуналов при Советах рабочих и красноармейских депутатов, учрежденных Военным советом внутренней обороны в каждом из девяти районов Петрограда. Трибуналы при Советах Петрограда осуществляли правосудие в отношении работников милиции, рабочих, призванных в резервные рабочие полки, и гражданских лиц, совершивших преступления или грубые проступки, дезорганизующие оборону города.

В конце 1919 и начале 1920 года революционный военный трибунал VII армии приобрел значение руководящего органа военной юстиции округа. Он координировал деятельность РВТ, действовавших в Петрограде и его окрестностях, в губерниях Петроградского округа, создавал свои отделы в различных войсковых объединениях.

В ходе войны, в зависимости от обстановки, РВТ неоднократно реорганизовывались, изменяли свою численность. Окончательно их система в войсках округа сложилась к ноябрю 1920 года, когда на базе трибунала укрепленного района был образован на правах фронтового — РВТ Петроградского военного округа и его отделы при дивизиях — в Петрограде, Новгороде, Вологде и Мурманске.

Революционные военные трибуналы работали под руководством реввоенсоветов фронтов и армий, они-то и направляли их деятельность.

Председатель РВТ Северного фронта Ю. И. Денисов вспоминал, что в первые дни работы ввиду отсутствия судей в заседаниях трибунала участвовали члены Реввоенсовета фронта М. С. Кедров, А. М. Глезоров и другие активные деятели ленинской партии.

Осенью 1919 года, когда к Петрограду вплотную подошли войска Юденича, членом РВС VII армии был один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания соратник В. И. Ленина Н. И. Подвойский. Он лично участвовал в формировании летучего РВТ, действовавшего в особой оперативной группе войск, а позже, в ходе боев, часто бывал в трибунале, давал советы и указания по работе.

Партия посылала в военные трибуналы лучших своих представителей, активных коммунистов, которые были беспредельно верны делу революции и не жалели сил для

выполнения своих нелегких обязанностей. Хочется отметить председателя военного трибунала Северного и Западного фронтов Ю. И. Денисова, смелого большевика-подпольщика, перед назначением на должность работавшего заведующим Ярославским губернским отделом юстиции. Членами трибунала также были опытные партийно-политические работники. В 1919—1921 годах в трибуналах VII армии работали старейшие члены партии большевиков В. А. Колпаков, С. П. Романовский и Г. Я. Подойницын. В дальнейшем они стали руководителями военно-судебных органов.

В период обороны Петрограда революционные военные трибуналы применяли решительные меры для поддержания революционного порядка в частях действующей армии и в тылу, сурово карая контрреволюционеров, лиц, посягнувших на основы советского строя и боеспособность армии. Работникам РВТ часто приходилось возглавлять отряды по подавлению контрреволюционных выступлений враждебных элементов.

В июне 1919 года РВТ 10-й дивизии в составе специального отряда выехал в район Дно — Порхова для борьбы с бандами кулаков и дезертирами, выступившими против Советской власти. Злостных преступников строго наказали по суду, а с остальными задержанными судьи и следователи провели разъяснительную работу. Все это дало положительные результаты — началась массовая добровольная явка дезертиров с повинной.

При РВТ Западного фронта был сформирован специальный отряд, численность которого к концу 1919 года достигла 759 человек. Этот отряд направляли туда, где необходимо было восстанавливать боевые порядки, проводить разъяснительную работу и задерживать трусов, дезертиров и паникеров в районе военных действий.

По указанию Реввоенсовета фронта специальный отряд выезжал в Шетовскую волость, Старорусского уезда, Новгородской губернии, для подавления кулацкого восстания. Он вел боевые действия с бандитами, а затем военный трибунал расследовал и рассматривал на них дела.

Осенью 1919 года в один из критических моментов борьбы с войсками Юденича на исковском направлении, когда некоторые подразделения VII армии дрогнули и стали отходить, на этом боевом участке появился отряд

РВТ фронта. В наиболее опасных местах были созданы заградительные посты, при которых работали так называемые малые военные трибуналы. Отряд РВТ фронта вел бой с противником, увлекая за собой другие подразделения. В одной из операций отряд выбил белых из населенного пункта, хотя и понес при этом большие потери. Успешная деятельность отряда и судей РВТ была отмечена Петроградским Советом.

Трибуналы поддерживали связь с трудящимися. Работники РВТ XV армии, например, периодически выезжали в районы дислокации воинских частей и разъясняли красноармейцам и населению, что они могут подать жалобы и заявления о неправильных действиях должностных лиц и о допущенных кем-либо нарушениях декретов, революционного порядка. Жалобы и заявления немедленно проверялись, в необходимых случаях по ним проводились расследования и при наличии злоупотреблений виновные привлекались к ответственности.

Революционные военные трибуналы регулярно получали информацию от командования и партийно-политических органов об оперативной обстановке и задачах, которые стоят перед войсками, о настроениях личного состава и т. д. Со своей стороны председатели РВТ подробно информировали политорганы и командование обо всех непорядках в частях и учреждениях, о нарушениях декретов и приказов, о преступности и ее причинах, о судебной практике; высылали командованию копии приговоров по некоторым наиболее актуальным делам и другие документы.

РВТ 1-й бригады 19-й стрелковой дивизии 2 октября 1919 года рассматривал дело по обвинению одиннадцати красноармейцев в уходе с боевых позиций. Военный трибунал признал, что они не могли находиться на позиции, так как были все без обуви, и постановил отправить их в тыловую часть для получения сапог. Одновременно РВТ решил привлечь к ответственности за «приведение красноармейцев в негодное состояние» командиров роты и батальона.

В распорядительном заседании 16 февраля 1919 года, ознакомившись подробно со следственными материалами, добытыми следственной комиссией трибунала армии и следственной комиссией 6-й стрелковой дивизии по делу о сдаче в плен 86-го полка, РВТ VII армии нашел, что

«причинами этого позорного поступка являются: 1) недостатки формирования; 2) политическая отсталость полка; 3) постоянная смена комсостава; 4) преобладание кулацкого элемента, притом полк был набран почти из одного уезда; 5) недостаток обмундирования, что дало повод к контрреволюционной агитации. Что касается причин сдачи в чисто боевом отношении, то нужно прибавить, что вследствие высадки десанта полк был отрезан, за исключением обоза, и неминуемо произошла сдача». Копия постановления была направлена в политотдел армии.

Судьи РВТ, осуществляя правосудие, руководствовались указаниями партии, декретами Советской власти, своей революционной совестью и правосознанием. Всякие попытки нарушения этого принципа немедленно пресекались.

Реввоенсовет Западного фронта разослал во все армии и дивизии письмо председателя РВТ Республики от 18 ноября 1919 года, в котором говорилось:

«Из прилагаемой переписки, препровождаемой при рапорте РВТ Западного фронта, усматривается, что некоторые комиссары дивизий совершенно неправильно понимали свои отношения с отделами армейского РВТ, учреждаемых при дивизиях.

Отделы армейского РВТ непосредственно подчинены армейскому реввоен трибуналу и Реввоенсовету армии. Ни о каком «подчинении» отделов РВТ комиссарам дивизий речи быть не может. Предъявленные комиссаром Щербаковым требования председателю отдела РВТ при 52-й дивизии о предоставлении объяснений и получение таковых «под угрозой ареста» являются довольно ярким образчиком бюрократических фантазий и самодурства означенного комиссара.

О привлечении комиссара Щербакова к ответственности РВТР сделано распоряжение реввоен трибуналу Западного фронта. Наряду с этим РВТР считает весьма желательными авторитетные разъяснения Реввоенсоветом фронта о недопустимости подобных случаев самовольного и претенциозного вмешательства комиссаров в деятельность реввоен трибуналов».

Председатель ОРВТ Петроградского военного округа П. А. Берзин настаивал на тесном взаимодействии трибуналов с командованием и политорганами, но в то же

время писал председателю кронштадтской выездной сессии, а в копии — всем РВТ:

«Желательно (иметь) контакт с командованием, но это ни в коем случае не предусматривает предрешения того или иного приговора, и совершенно не следует предвзятельно обсуждать степень репрессии по отдельным делам. Руководствуясь революционной совестью, оценкой обстоятельств по делу и военным положением, РВТ выносит свой приговор вполне самостоятельно, и всякое давление со стороны военного командования безусловно вредно и ненормально, и если оно имеет место, то следует таковое устранить».

Поскольку в те годы органов военной прокуратуры еще не существовало, надзор за законностью деятельности должностных лиц армии от имени центральной власти фактически осуществляли революционные военные трибуналы. Они следили за соблюдением революционного и воинского порядка и привлекали к строгой уголовной ответственности тех, кто нарушал декреты правительства и приказы, кто действовал «несообразно или вопреки принципам Советской власти».

РВТ VII армии 21 октября 1919 года осудил «на 20 лет отбывания общественных работ» красноармейца Щипакова за то, что он, используя свое звание и положение, в деревне требовал мыло, угрожал крестьянам, ударил женщину, у которой было мыло. Назначая такое строгое наказание, РВТ в приговоре указал, что «подобные действия лиц, несущих звание красных воинов, порочат в глазах населения Советскую власть и ее геройскую защитницу — Красную Армию и вселяют в умы крестьян ложное о ней представление, как о бесчинствующей и грабительской банде, и этим самым являются тяжелым ударом делу борьбы за диктатуру бедноты».

Должностные лица Домничев и Туманов буйствовали в доме крестьянина, угрожали оружием всем присутствовавшим. РВТ указал в приговоре, что «Домничев и Туманов, как члены РКП(б) и как представители власти, предоставленные им широкие полномочия использовали не для блага, а во вред Советской России. Своими действиями подрывали всякий авторитет, вызывали среди масс крестьянского населения недоверие к честным работникам и коммунистам рабоче-крестьянской власти». Домничев и Туманов были осуждены к строгому наказанию.

Трудно было подчас в сжатые сроки расследовать все обстоятельства того или иного преступления и установить виновника, однако судьи РВТ требовали от следователей доброкачественной работы и объективных выводов. В РВТ VII армии, например, в 1919 году около 35% всех расследованных дел возвращалось на доследование.

Виновные в злоупотреблениях, допущенных во время следствия, наказывались вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

РВТ Западного фронта в августе 1919 года осудил следователя РВТ VII армии Грабека за то, что он во время допроса свидетелей по одному из важных дел не препятствовал другим лицам, участвовавшим в расследовании, применять насилие. РВТ приговорил Грабека к лишению права занимать должность следователя. Приговор по делу Грабека был объявлен в приказе по РВТ VII армии.

Судебное следствие в РВТ проводилось четко и кратко. Судьи ограничивались обыкновенно допросом обвиняемых, считая это достаточным, поскольку сами они знали обстановку и условия и ввиду того, что предварительное следствие проводилось тоже трибуналом, иногда даже одним из судей. Но в случае необходимости вызывались и свидетели, а также осматривались документы, вещественные доказательства. Если подсудимые выдвигали смягчающие обстоятельства, то они учитывались при определении наказания или при освобождении от наказания.

В качестве примера проведения судебного следствия можно привести дело по обвинению красноармейца Агафонова «в намерении перейти к противнику», рассмотренное одним из отделов РВТ VII армии. РВТ обстоятельно провел судебное следствие, выяснил все данные о личности Агафонова, а затем исследовал данные об умысле подсудимого.

Вот выдержка из протокола судебного заседания.

«Пред.: В боях участвовали?»

Обв.: Так точно, участвовал.

Пред.: Чем недовольны, Советской властью?»

Обв.: Нет, доволен.

Пред.: Вы говорили: «Долой войну, да здравствует мир?»

Обв.: Да, говорил.

Пред.: Вам надоело воевать?

Обв.: Да надоело, седьмой год на службе.

Пред.: Почему вы это говорили?

Обв.: Виноват, сказал нечаянно.

Пред.: Вы говорили красноармейцам: «Долой войну»?

Обв.: Виноват, я говорил без умысла.

Член ВТ: Что и кто вас вынудил говорить?

Обв.: Сказал без умысла».

По делу Агафонова был вынесен такой приговор: «Трибунал признал судебным следствием доказанной виновности Агафонова, выразившуюся в том, что он 18 июня 1919 года в присутствии красноармейца Мискова в избе одного крестьянина произнес фразу: «Долой войну, да здравствует мир, пойдём к белым чай пить, и они к нам». Но делал это Агафонов без умышленной цели, а потому постановил:

Агафонову Лариону Фроловичу объявить строгий выговор с предупреждением, что при повторном совершении преступлений он будет подвергнут строжайшему наказанию; перевести его для пользы службы в другой полк и отправить в распоряжение коменданта штаба 13 сд. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Когда в Кронштадте был поднят контрреволюционный мятеж, в первый же день — 3 марта 1921 года — РВТ округа сформировал и направил на Южный и Северный боевые участки свои выездные сессии во главе с председателями В. И. Григорьевым и С. Д. Цветковым.

При подавлении Кронштадтского мятежа вместе с частями по льду Финского залива шли на штурм крепости и трибунальцы. После разгрома мятежников они провели несколько судебных процессов над активными участниками мятежа.

20 марта 1921 года в Кронштадте в клубе имени III Интернационала состоялось публичное заседание выездной сессии окружного революционного военного трибунала Петроградского военного округа, в котором рассматривалось дело по обвинению в контрреволюционном мятеже руководителей, арестованных на линкорах самими матросами и переданных коменданту крепости П. Е. Дыбенко два дня спустя после победного штурма. Трибунал приговорил контрреволюционеров во главе с бывшим помощником командира линкора «Севастополь»

мичманом царского флота Денбером к расстрелу. Приговор был немедленно приведен в исполнение в связи с тем, что в Кронштадте существовало осадное положение, и «с целью предупреждения беспорядков в смысле самоличной расправы участников штурма с лицами, причисленными к мятежу».

В последующий период трибунал Петроградского военного округа также рассмотрел ряд дел по Кронштадтскому мятежу и строго наказал активных его участников. Но при расследовании и слушании таких дел выяснилось, что многие матросы, рабочие и служащие оказались в рядах мятежников в силу своей неосознанности, были втянуты в контрреволюционное выступление путем обмана или даже угроз. Они раскаялись и дали клятву верности Советской власти. В отношении лиц, которые не проявляли активности и не прибегали к оружию, военный трибунал применял условное осуждение либо назначал им наказание, не связанное с лишением свободы. Иногда учитывалось просто социальное положение подсудимых.

Например, красноармеец Цыганков обвинялся в том, что во время мятежа проводил агитацию против коммунистов и один раз нес наряд по охране склада. РВТ учел, что Цыганков на фронте борьбы с врагами Советской власти в 1919 году был дважды ранен, что он выходец из бедных крестьян, и лишил его свободы сроком на один год условно. Красноармеец Кузнецов по приказанию мятежной тройки был в карауле и вел агитацию против Советской власти; он также был осужден к лишению свободы на один год условно.

При рассмотрении дел о воинских преступлениях революционные военные трибуналы применяли чаще всего такие наказания, как выговоры с предупреждением и направление в штрафные части. Широко применялось условное осуждение, в том числе с отправкой на фронт. За преступления, представляющие значительную опасность для боеспособности и боеготовности войск, а также для порядка, установленного революцией и Советской властью, назначалось и лишение свободы с применением общественных работ, а в отдельных случаях (в первое время) и без указания срока — «до окончания гражданской войны», «до полной победы революции», «до ликвидации Петроградского фронта».

Трибуналы при назначении наказания исходили не только из того, чтобы меры наказания соответствовали тяжести содеянного и данным о личности виновных, но и стремились к тому, чтобы эти приговоры были понятны осужденным и всем другим лицам. Несмотря на краткость описания преступлений, в приговорах содержались мотивировки применения наказаний, принципиальные, остро классовые оценки содеянного, рассчитанные на то, чтобы воздействовать на других.

Так, например, РВТ VII армии в приговоре от 28 января 1919 года по делу гражданина Ягуша, помогавшего разведке белых, указал, что совершенное им причиняло вред Советской России, что суровое наказание — расстрел — применяется в отношении него, «дабы более граждане не рисковали повторять подобных гнусных дел».

Многие дела РВТ рассматривали публично, в присутствии личного состава частей, а иногда и гражданских лиц. РВТ Западного фронта была подготовлена и разослана в трибуналы специальная инструкция по организации таких процессов. В ней, в частности, указывалось, что дела, которые представляют общественный интерес и решения по которым могут быть большинством правильно поняты, должны слушаться публично.

В публичных заседаниях создавалась такая обстановка, что «публика чувствовала, что она присутствует не на митингах и дебатах, а в зале самого сурового блюстителя интересов революции». Залы судебных заседаний украшались портретами вождей революции, красными флагами и соответствующими лозунгами.

Революционные военные трибуналы проводили большую работу, чтобы довести судебные решения до сведения военнослужащих, а иногда и до населения районов, где они действовали.

В одном из циркуляров РВТ Западного фронта подчеркивалось, что «задача реввоен трибунала не считается окончательно разрешенной только вынесением приговора. Трибунал должен быть заинтересован в том, чтобы приговор был известен широким слоям населения, а главное, той среде, в которой вращался осужденный».

Армейские, фронтовые и окружные трибуналы имели штатных журналистов, в обязанности которых входило поддержание связи с редакциями армейских газет и под-

готовка для опубликования в печати статей и заметок о проведенных судебных процессах. Выходившие в Петрограде в 1918—1921 годах военные газеты «Вооруженный народ», «Красная Армия», «Боевая правда», «Красная звезда» и другие под рубриками «Революционный суд» или «В революционном военном трибунале» систематически публиковали информации и статьи о судебных процессах, проведенных трибуналами, с броскими, вызывающими интерес читателей заголовками, например: «Кого расстреливает Советская власть», «Дезертиров — к ответу!», «Раскаившийся самострельщик», «Приговор над шкурниками», «Что за агитация и кому она полезна?», «О суде над контрреволюционерами», «Перед судом предатели и провокаторы», «Верно служить народу», «Дорожи военным добром», «Будь стоек и честен на посту» и т. д.

Широкая огласка вынесенных приговоров, разъяснение их сущности и опасности совершенных преступлений через печать имели огромное воспитательное значение, действительно способствовали разрушению всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных.

Окончилась гражданская война. В связи с сокращением численности войск и изменением управления в Красной Армии в Петроградском военном округе остался окружной военный трибунал и его четыре отдела при соединениях.

После введения в действие УК и УПК РСФСР военный трибунал округа стал не только надзорной, но и кассационной инстанцией; трибуналы осуществляли правосудие теперь уже на основе твердых законоположений. Была создана военная прокуратура.

Задачи Петроградского окружного военного трибунала лаконично и вместе с тем предельно ясно были выражены на его Красном знамени: «Пролетарское право, укрепляя Красную Армию, подавляет врагов коммунизма». Это знамя хранится в Музее Октябрьской революции в Ленинграде.

Жива память о деятелях революционных трибуналов периода гражданской войны, живы и сложившиеся тогда традиции.

За годы мирного строительства, во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период военные трибуналы всей своей деятельностью оказывали помощь

командованию в воспитании военнослужащих, в укреплении воинской дисциплины в войсках округа (фронта). Выполняя решения партии, они расширяли и укрепляли свои связи с армейской общественностью, совершенствовали свою судебную практику, формы и методы работы по предупреждению преступлений.

Знамя военного трибунала Петроградского военного округа

Значительный вклад в решение этих задач внесли старейшие работники военных трибуналов Зейдин Е. Л., Исаенков И. Ф., Костромин А. А., Канцев И. В., Писарьков И. И., Поляков В. И. Продолжительное время плодотворно работали в округе военные судьи Трунин Л. Г., Гогин В. С., Трофимов Н. П., Панин Б. В., Волошинов Е. Я. и другие, которые теперь успешно служат в трибуналах других округов. Добросовестно исполняют свои судебские обязанности Иванов В. В., Аксенов В. Ф., Богомяков Н. И., Лычагин Н. А., Ульянов В. Н., Федотов В. А., Харузин С. И., Чепура П. П. и другие.

Среди ветеранов — и секретари военных трибуналов. Майоры юстиции запаса Булатов С. Г. и Дворкин А. М., служащая Советской Армии Пушкова М. А. с начала войны и до настоящего времени работают в трибуналах, подавая пример молодым сотрудникам.

Изучение опыта, приумножение традиций, всемерное улучшение и повышение эффективности судебной и профилактической работы — наш долг и обязанность. Именно к этому стремятся в настоящее время офицеры и служащие военных трибуналов ордена Ленина Ленинградского военного округа.

— ☆ —

Полковник юстиции **М. ЕФИМОВ**,
подполковник юстиции **Д. ЖДАНОВ**

НА КРАСНОМ БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ

Немало героических страниц вписали в историю Великой Октябрьской социалистической революции моряки Балтийского флота. Балтийцы с честью оправдали доверие В. И. Ленина и большевистской партии. 25 октября 1917 года они вместе с рабочими и солдатами приняли самое активное участие в свержении Временного правительства и установлении Советской власти.

Весной 1919 года над Петроградом нависла серьезная угроза. На город наступала армия Юденича. В Финском заливе появились английские корабли. Враги действовали не только на фронте. Они пытались влиять на матросов через бывших царских офицеров, засылали шпионов, устраивали диверсии и контрреволюционные заговоры, стремились подорвать дисциплину и сплоченность среди военных моряков.

Необходимо было решительно пресечь преступную деятельность контрреволюции и анархистских элементов, направленную на подрыв боеспособности флота. На повестку дня встал вопрос о создании революционного военного трибунала на флоте подобно трибуналам, уже действовавшим на фронтах и в армиях.

15 марта 1919 года Революционный Военный Совет Республики издал приказ по флоту и морскому ведомству № 199, в котором говорилось: «В целях осуществления революционного правосудия в борьбе против контрреволюционных сил и крайних деяний, дезорганизующих советский строй и революционную дисциплину флота, при Революционном Военном совете Балтийского флота учреждается революционный военный трибунал Балтийского флота, положение, инструкция и временные штаты коего при сем объявляются».

Трибунал был сформирован. В его состав вошли моло-

дые военные моряки — члены РКП(б), хорошо проявившие себя к тому времени на партийно-политической работе.

Председателем трибунала был утвержден Баранов Алексей Васильевич, 24 лет, член РКП(б), член Революционного Военного совета Балтфлота. Заместителем председателя стал военный моряк Силин Григорий Иванович, 26 лет, коммунист с 1 мая 1917 года, член исполкома Петроградского Совета, председатель военной секции Петроградского Совета и член президиума морской секции коммунистов. Членом РВТ был назначен Трефолев Владимир Дмитриевич, запасными членами трибунала — Кежуц Матвей Матвеевич и Коптельников Александр Васильевич.

РВТ Балтийского флота оповестил через газету советские учреждения, всех военнослужащих и граждан о начале своей деятельности в Петрограде. В извещении приводился перечень дел, подсудных трибуналу.

Первое публичное заседание реввоен трибунала Балтфлота состоялось 25 апреля 1919 года. Газета «Красный Балтийский флот» 9 мая 1919 года посвятила этому событию специальную статью.

«25 апреля, — писала газета, — состоялось открытие военного революционного трибунала Балтфлота. Трибунал помещается в доме 4 по Ново-Исаакиевской улице и занимает верхний этаж особняка. Заседания происходят в белом зале с мраморными колоннами. На возвышении установлен покрытый красным сукном стол для судей, скамья подсудимых и проч. На стене портрет лейтенанта Шмидта, задрапированный черной материей».

Это заседание открылось речью председательствующего А. В. Баранова, который дал характеристику пролетарскому праву и новому суду, указал на задачи, стоящие перед революционным военным трибуналом флота.

Затем началось рассмотрение дела в отношении братьев Ивана и Василия Вишняковых и Рынкевича, обвинявшихся «в излишнем употреблении спиртных напитков и дискредитировании почетного звания военного моряка», а Рынкевича, кроме того, и в нанесении огнестрельных ран.

Обстоятельства дела доложил член трибунала Г. И. Силин. 14 марта 1919 года моряки корабля «Андрей Первозванный» Рынкевич и Вишняковы справляли име-

чины Василия Вишнякова. Сначала они пьянствовали, а затем стали играть в карты. Иван Вишняков не отдал проигранные деньги Рынкевичу. Между ними произошла ссора, во время которой Рынкевич выстрелами из нагана ранил братьев Вишняковых, причем Василия — тяжело. После этого Рынкевич отправился в комиссариат, где и заявил о случившемся. Василия Вишнякова отправили в больницу, и жизнь его была спасена.

На суде все трое признали себя виновными, причем Рынкевич просил отправить его на фронт. Суд удалился на совещание и через час вынес приговор:

«Именем Российской Социалистической Федеративной Республики военные моряки Рынкевич, Василий и Иван Вишняковы признаны трибуналом виновными по всем пунктам предъявленных к ним обвинений. Ввиду прежних заслуг подсудимого Рынкевича и его раскаяния постановлено лишить его воинского звания и отдать на общественные принудительные работы на 3 года. Василия Вишнякова также лишить воинского звания и отдать на общественные принудительные работы на 1 год и 6 месяцев, а Ивана Вишнякова — на 1 год».

В этом же публичном заседании было рассмотрено дело караульного начальника Кудрявцева и часового Антонова, обвинявшихся в оставлении поста без охраны, в результате чего была совершена кража казенных денег из кассы, а также дело военного моряка эскадренного миноносца «Забияка» Прохора Фарзипа, обвинявшегося в дезертирстве.

Публичные заседания трибуналом проводились не реже одного раза в неделю. Нередко они организовывались в выездных сессиях. О делах, имеющих важное воспитательное и предупредительное значение, трибунал помещал сообщения в газете. По подавляющему большинству дел приговоры объявлялись в приказах начальника Морских сил флота, и эти приказы доводились до всех должностных лиц и военных моряков.

Военный трибунал рассматривал самые разнообразные дела: контрреволюционные, воинские, общеуголовные. Были в производстве и дела о пьянстве, об азартных играх и пр.

Интерес представляет карательная политика трибунала. Как и другие советские суды, он не был связан никакими формальными условиями, и единственным мерилом

оценки являлось сознание того вреда, который нанесен действиями подсудимых интересам революционной борьбы.

«По делам контрреволюционным, — сообщалось в одном из отчетов РВТ Балтфлота, — наказание является ответом на потуги белогвардейцев путем заговоров внутри Советской Республики захватить власть. В этих случаях приговоры Реввоен трибунала Балтфлота носят неумолимый характер, и наказание имеет главную цель — убрать с дороги врага, притаившегося за углом для нанесения удара в спину пролетариата. Такое же разрешение вопроса об избрании меры наказания бывает в отношении некоторых наиболее тяжелых воинских и должностных преступлений. Но когда преступное деяние не посягает непосредственно на советский строй, когда оно является только проклятым наследием царизма и буржуазного режима, трибунал твердо помнит, что основной целью наказания является исправление преступника».

Применяя решительные меры подавления в отношении врагов Советской власти, трибунал в то же время назначал самые различные меры предупредительно-воспитательного воздействия, к которым относились: общественные работы на различные сроки, денежный штраф, выговор с объявлением в приказе по флоту. В качестве дополнительного наказания нередко применялось лишение звания военного моряка и запрещение после отбытия тюремного заключения служить на флоте. По ряду дел наказание в виде тюремного заключения и общественных работ определялось условно. Практиковал трибунал и досрочное освобождение от наказания, если исправление последовало ранее отбытия полного срока. Встречались приговоры и с наказанием в виде посылки «на рытье окопов до окончания гражданской войны».

В наиболее тяжелые периоды гражданской войны реввоен трибуналу Балтфлота приходилось проявлять оперативность и применять особые меры против контрреволюции и преступности. Так, при наступлении белогвардейских войск Юденича на Петроград реввоен трибунал Балтфлота 20 октября 1919 года организовал полевой реввоен трибунал при начальнике сухопутной обороны Кронштадтской крепости, который за 27 дней своего существования рассмотрел с вынесением приговоров 41 дело.

К концу 1919 года увеличилось количество кораблей и частей, которые должен был обслуживать РВТ Балтфлота. Прибавилось дел, чаще стали разъезды. В связи с этим в первые месяцы 1920 года были организованы кронштадтский, краснофлотский и петроградский отделы реввоен трибунала флота. Председателями в тот период работали соответственно Феоктистов Александр Евгеньевич, Михеев Афанасий Лукич и Федоров Захарий Павлович. С образованием отделов на местах РВТ стал более оперативно, чем прежде, расследовать и рассматривать дела, более эффективно вести работу по предупреждению преступлений.

Реввоен трибунал Балтийского флота постоянно совершенствовал свою работу. В связи с особенностями флотских формирований надо было определить структуру РВТ и уточнить основы его деятельности применительно к задачам флота и к общему Положению об РВТ, утвержденному ВЦИК 20 ноября 1919 года. Коллегия трибунала составила Положение о Военном революционном трибунале Балтийского флота и отделах сего трибунала, которое было подписано председателем В. Д. Трефолевым и утверждено начальником Морских сил Балтийского моря А. П. Зеленым и членом РВС флота А. В. Барановым. Приказом по флоту № 90 от 12 февраля 1920 года оно было введено в действие.

«Революционный военный трибунал Балтийского флота, — говорилось в ст. 1 Положения, — учреждается при Революционном Военном совете Балтийского флота для рассмотрения дел о таких, совершенных в районе расположения флота, флотилий и частей, подчиненных Революционному Военному совету, военными моряками и прочими военнослужащими во флоте, а также военнопленными, преступных деяний, которые по своему характеру или положению лиц, их совершивших, создают опасность для советского социалистического строя Республики, укрепления в ней завоеваний революции и ее обороны, а равно и тех преступных деяний, развития коих может повлечь за собою дезорганизацию и понижение боеготовности флота».

Согласно новому штату в РВТ флота и его отделах были созданы коллегии, следственные части, комендатуры и канцелярии. Следственные части рассматривались лишь как «деловые органы РВТ», работали под руководством

одного из судей, который в качестве заведующего следственной частью санкционировал аресты, указывал на производство отдельных следственных действий, утверждал заключительные постановления следователей по делам.

Военному трибуналу приходилось работать напряженно, сугубо по-военному. Не хватало грамотных людей, имеющих опыт политической работы. В этих условиях руководство трибунала приняло меры к подготовке нужных для работы сотрудников. Практиковалось прикомандирование к трибуналу кандидатов на судебную работу.

Вот что рассказал об этом Иван Иванович Демушкин, в 1920 году заместитель председателя петроградского отдела РВТ, ныне профессор Ленинградского политехнического института:

«В мае 1920 года в политотдел Онежской флотилии поступило распоряжение Реввоенсовета Балтфлота подобрать кандидата для работы в РВТ. Выбор пал на меня. Об этом мне, двадцатитрехлетнему военному моряку, комиссару гидроотряда особого назначения, сообщил начальник политотдела Яблонский. И хотя флотилия тогда нуждалась в опытных комиссарах, мне было предложено убыть в распоряжение РВТ. Собрался быстро. Явившись из Красного Села в трибунал, я попал на прием к председателю Трефолеву В. Д. Владимир Дмитриевич встретил меня в своем кабинете приветливо и предложил рассказать о себе. Слушал он меня внимательно, а потом стал спрашивать, чем конкретно я занимался во время февральской революции, интересовался моей революционно-боевой деятельностью в Октябрьские дни 1917 года. Особенно заинтересовали Трефолева мои встречи с В. И. Лениным. Когда я ответил на все вопросы председателя, он сказал, что трибунал нуждается в грамотных людях, преданных революции, способных быстро и решительно пресекать преступления на флоте. Я был направлен в только что созданный петроградский отдел РВТ Балтфлота следователем. Трудностей пришлось испытать много. Работали днем и ночью. Старшие товарищи присматривались ко мне и проверяли на самых ответственных заданиях. После того как я расследовал несколько дел и заслужил похвалу заведующего следственной комиссией, меня назначили членом коллегии отдела РВТ, а несколько позднее — заместителем председателя».

Члены коллегии РВТ наряду с судебной деятельностью

проводили большую работу по предупреждению преступлений, разъясняли матросам сущность Советской власти, «призывали товарищей, слабых в партийной азбуке и дисциплине, взяться за ум и подтянуться».

Судебное заседание петроградского отдела военного трибунала Балтфлота. 1920 г. В составе суда крайний слева И. И. Демушкин

Газета «Красный Балтийский флот» часто публиковала сообщения о рассмотренных в трибунале делах и статьи судей на темы воспитания. Например, в газете от 16 июня 1920 года была опубликована статья председателя РВТ Балтфлота Захария Федорова «К пролетарской дисциплине, молодые военморы!». Председатель трибунала призвал комиссаров и комсостав принять решительные меры против недисциплинированных моряков, предложил проводить в частях и на кораблях собрания команд, на которых критиковать нарушителей дисциплины и разъяснять им, какой ущерб приносят они флоту. «...Старые матросы, коммунисты и молодые честные моряки Красной Балтики, — указывалось в статье, — поймут, что без дисциплины на флоте служить нельзя: разгильдяйству должен быть положен конец, особенно в столь тяжелое время».

Нередко военные моряки через флотскую газету делились своими впечатлениями о судебной деятельности РВТ. Читая эти откровенные отзывы, все больше проникаешься уважением к первым работникам РВТ Балтфлота, которые в условиях исключительной загруженности правильно рассматривали дела и пользовались заслуженным авторитетом среди широких масс военных моряков. Запоминается небольшая статья «Пролетарский суд» из газеты от 16 июня 1920 года. «Спешу поделиться впечатлениями, — пишет один военный моряк, — пережитыми мною в революционном трибунале Балтфлота. Вздумал я сравнить его со старым военным судом. Раньше суд — с представителями юриспруденции, люди в аудитории — начальство в орденах и лентах, поп перед аналоем с крестом и прочими атрибутами. Теперь же — председатель, два члена и секретарь, обвиняемые и публика. Все просто; только острый взгляд пролетарского судьи. Все идет чинно. Входишь в зал, преисполненный величием момента. Член трибунала задает вопросы просто, без излишних судейских фраз и слов. Да! Теперь суд стал воистину строгий, но действительно справедливый».

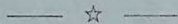
Многое делали судьи для вскрытия и анализа причин преступности, изучения и оценки политико-морального состояния обслуживаемых частей и кораблей флота. В информационных докладах трибунала содержались подробные сообщения о причинах и условиях, порождающих преступления, анализ политического настроения воинов, состояние материального обеспечения войск, бытовые условия и т. п. Причем характерно, что эти данные черпались не только из материалов рассмотренных трибуналом дел, но и из регулярно поступающей информации от политических отделов соединений, особых отделов ЧК и других органов. Тесная связь трибунала с командованием, Революционным Военным советом флота и политотделами являлась одной из важных особенностей работы РВТ флота в первые годы своего существования.

Для проведения единообразной карательной политики в соответствии с приказом Реввоенсовета Республики от 4 апреля 1921 года трибунал Балтийского флота был реорганизован, а петроградский и краснофлотский отделы трибунала упразднены. С 17 мая 1921 года по декабрь 1922 года действовал окружной военный трибунал Петроградского военного округа и Балтийского флота, а в

Кронштадте был его отдел. Председателем этого отдела в 1922 году работал И. А. Ассар; в 1923 году он являлся заместителем председателя военного трибунала Черноморского флота. Старейший коммунист, ветеран военных трибуналов И. А. Ассар ныне находится на заслуженном отдыхе.

Специфика флотской службы привела к тому, что 1 декабря 1922 года приказом Реввоенсовета Республики № 2690/513 и приказом Военной коллегии № 36 вновь был организован в качестве самостоятельного революционный военный трибунал Балтийского флота и Кронштадтской крепости.

Трудности в работе трибунала Балтфлота были большие, но задачу свою он выполнил с честью.

Генерал-майор юстиции Г. ПРИЙМАН,
майор юстиции Л. ГОРШКОВСКИЙ

РЕВВОЕНТРИБУНАЛЫ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА В 1918—1929 ГОДАХ

В 1968 году исполнилось 50 лет Краснознаменному Туркестанскому военному округу. История войск округа, созданного по указанию В. И. Ленина в грозные годы гражданской войны, тесно связана со становлением и утверждением Советской власти в республиках Средней Азии и Казахстане, с борьбой многонационального советского народа за дело Октября.

После гражданской войны войска округа бесстрашно громили басмаческие банды, поддерживаемые иностранными империалистами. В суровые годы Великой Отечественной войны воины-туркестанцы героически сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Вместе с войсками округа прошли большой боевой путь и его военные трибуналы.

...Весна 1918 года. В результате мятежа чехословацкого корпуса, контрреволюционных выступлений части оренбургского и уральского казачества Туркестанская Республика оказалась отрезанной от Советской России. К середине 1918 года положение в Туркестане в связи с вторжением английских интервентов и выступлением контрреволюционных сил в Закаспии, Семиречье и Фергане резко ухудшилось. ЦК партии и правительство Туркестана обратились к В. И. Ленину с радиограммой о помощи.

Владимир Ильич 17 июля 1918 года ответил на это телеграммой:

«Принимаем все возможные меры, чтобы помочь вам. Посылаем полк.

Против чехословаков принимаем энергичные меры и не сомневаемся, что раздавим их. Не предавайтесь отчаянию, старайтесь изо всех сил связаться постоянной и прочной связью с Красноводском и Баку»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 123.

К началу 1919 года Красной Армией были освобождены Уфа, Оренбург и Уральск. Связь Туркестана с Советской Россией была восстановлена. Подучив экономическую и военную помощь, Туркестанская Республика приступила к формированию частей Красной Армии. Одновременно с этим по решению Реввоенсовета Республики создается и военно-судебная система в Туркестане.

8 мая 1919 года по постановлению РВС в политотделе при РВС Туркестанской Республики учреждается военно-судебный подотдел. Его возглавил адвокат Владимир Александрович Осипов¹. По предложению военно-судебного подотдела РВС Республики 19 июня 1919 года упраздняет военно-полевые и отрядные суды, созданные в Туркестанской Красной Армии в 1918 году². «Взамен упраздняемых судов, — говорилось в приказе РВС, — должны быть созданы вновь утвержденные ЦИК Республики армейские (для фронтов) и гарнизонные (для тыловых гарнизонов) суды». Для разбора дисциплинарных, маловажных дел в каждой части войск (роты, эскадроны, батареи, команды) создаются ротные дисциплинарные товарищеские суды. Приказ предусматривал, чтобы на должности постоянных и добавочных судей, а также следователей в армейские и гарнизонные суды подбирались по возможности лица с юридической подготовкой.

В соответствии с приказом РВС Республики на Закаспийском, Актюбинском, Ферганском и Семиреченском фронтах создаются армейские суды, а в городах Ташкент, Верный (Алма-Ата), Пржевальск, Самарканд и других — гарнизонные суды. Несколько позже гарнизонные суды также были организованы в городах Мерве (на Закаспийском фронте) и Копале (на Семиреченском фронте).

Армейский суд на Ферганском фронте возглавил член РВС фронта Шкарупа, председателем армейского суда Семиреченского фронта был Ильницкий А. Н.; председателями гарнизонных судов работали: в Самарканде Шерстюков Ф., в Верном — Рубинштейн А. С., в Ташкенте — Соловьев В. И.

Тогда же при всех армейских и гарнизонных судах создаются коллегии правозаступников. Члены коллегии правозаступников избирались красноармейцами на общих

¹ Архив ВТ ТуркВО, наряд № 35, л. 26, 1919.

² Архив ВТ ТуркВО, наряд № 22, лл. 1—2, 1919.

собраниях и утверждались соответствующими реввоенсоветах. Об утверждении судей, следователей и правозаступников реввоенсоветы объявляли в приказах по войскам.

Контроль за работой армейских и гарнизонных судов возлагался на кассационный совет армейских и гарнизонных судей, созданный в мае 1919 года при Реввоенсовете Туркестанской Республики.

Армейские и гарнизонные суды в своей работе руководствовались Временным положением об армейских и гарнизонных судах, которое было разработано военно-судебным подотделом, одобрено и введено в действие РВС Республики и утверждено ЦИК Туркестанской Республики¹.

Согласно Временному положению гарнизонный суд создавался при штабе командующего войсками гарнизона, армейский — при штабе армии, действующей на данном фронте. Армейскому суду были подсудны все дела о преступлениях, совершенных военнослужащими действующей армии, а также дела обо всех преступлениях, где соучастниками наряду с военнослужащими выступали гражданские лица. Гарнизонный суд рассматривал лишь дела о воинских преступлениях, в том числе и дела, по которым в качестве соучастников привлекались гражданские лица.

Армейские и гарнизонные суды рассматривали дела в составе постоянного судьи (председателя суда) и двух или шести (в зависимости от характера рассматриваемого дела) очередных заседателей с обязательным присутствием на процессе запасных заседателей. Заседатели имели равные с постоянным судьей права.

Временное положение предусматривало, что суды с участием двух заседателей могут приговаривать к лишению свободы на срок не свыше 5 лет. Суду в составе шести заседателей предоставлялось право приговаривать к лишению свободы на срок до 20 лет, а за тяжкие преступления в боевой обстановке — к смертной казни. Кроме применения общеуголовных наказаний, судам предоставлялось право исключать временно или навсегда виновных лиц из рядов РККА.

По делам, рассматриваемым в составе председательствующего и шести заседателей, участие общественного

¹ Архив ВТ ТуркВО, наряд № 33, 1919.

обвинителя и защитника было обязательно. Их выделяла коллегия правозаступников. По делам же, решаемым с участием двух заседателей, обвинитель и защитник приглашались лишь в тех случаях, когда это считал необходимым председательствующий, сам суд или об этом просили стороны.

Временное положение позволяло по делам, решаемым судом в составе двух заседателей, следственные действия производить постоянному или добавочному судье, но в этом случае он мог быть заменен при разбирательстве данного дела.

Приговоры армейских и гарнизонных судов могли быть обжалованы в кассационном порядке в кассационный совет военных судей. В состав совета входили: председатель, его заместитель, 2—5 постоянных членов совета судей и 3 представителя от армейских и гарнизонных судей. Председатель, заместитель и постоянные судьи кассационного совета избирались РВС Республики. Они составляли президиум совета.

Кассационные жалобы рассматривались в совете в присутствии пяти судей — двух постоянных и трех очередных армейских или гарнизонных судей. Дело докладывалось одним из членов президиума. Допускался вызов на заседания кассационного совета сторон или их представителей по усмотрению совета. Вызванным лицам предоставлялось право давать объяснения. «Кассационный суд, — говорилось во Временном положении, — может и должен отменить приговор армейского или гарнизонного суда, если усмотрит нарушение существенных условий правильности судебного следствия». В этих случаях дело возвращается в тот же суд, но в другом составе. Равным образом кассационный суд действует, когда усмотрит и неполноту судебного следствия».

Если же кассационный суд приходил к выводу об отсутствии состава преступления в действиях осужденного, то приговор по делу подлежал отмене, а осужденный освобождался от наказания.

Кассационный суд не был связан пределами жалоб и поводами к ним. Временное положение требовало, чтобы все постановления кассационного суда были мотивированы, «дабы служили руководящими данными для судов».

Армейские и гарнизонные суды были подлинно народными судами, мощным орудием диктатуры пролетариата

в борьбе с интервентами, белогвардейцами и басмачами, орудием воспитания классового сознания воинов и граждан Туркестана. Им были присущи все демократические принципы деятельности советского суда — гласность, состязательность, непосредственность, устность, обеспечение обвиняемому права на защиту, принцип объективной истины, принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей на основе всестороннего и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в суде.

* * *

В июне — августе 1919 года войска Восточного фронта нанесли сокрушительные удары по рвавшимся к Волге, на соединение с Деникиным, армиям Колчака. Однако Колчак окончательно еще не был сломлен.

Для успешного решения возникших перед фронтом боевых задач командующий Восточным фронтом М. В. Фрунзе поставил вопрос в ЦК РКП(б) и Совете Обороны о разделении Восточного фронта на два самостоятельных — Восточный и Туркестанский. ЦК РКП(б) поддержал это предложение.

В подчинение М. В. Фрунзе, назначенному командующим Туркестанским фронтом, были переданы I и IV армии из Восточного фронта, вся Красная Армия Туркестана, а также части и соединения Астраханской группы войск, преобразованные в XI армию.

Через два дня после образования Туркестанского фронта, 16 августа 1919 года по распоряжению председателя Реввоентрибунала РСФСР реввоен трибунал Южной группы войск Восточного фронта был преобразован в реввоен трибунал Туркестанского фронта.

Председателем РВТ Туркестанского фронта был назначен Фонштейн И. Р., военные трибуналы армий возглавили: I — Педдер А. К. (с конца 1919 года — Беркутов Н. М.), IV — Эльтман К. И. (с конца 1919 года — Лейланд К. К.), XI — Котляренко (с августа 1919 года), РВТ Туркестанских войск — Апрельев.

В организации военного трибунала Астраханской группы войск, а затем XI армии участвовал член РВС Астраханской группы войск В. Куйбышев. 9 августа 1919 года в адрес реввоенсовета Южной группы войск В. Куйбышев направляет телеграмму следующего содержания.

«Самара. Реввоенсовет Южгруппы. Требуется выяснить вопрос с реввоен трибуналом. Сегодня издаю приказ, что имеющийся здесь реввоен трибунал и до сих пор именуемый рев трибуналом X армии переименовывается в рев трибунал Астрагруппы. Прошу подтверждения. Распорядитесь, кому будет подчинен трибунал Астрагруппы. Проинструктируйте его и телеграфно и посылкой своих представителей. Необходимо также снабдить работниками. До сих пор трибунал работал вне всякой связи с вышними инстанциями и без соответствующих инструкций. № 1524. Член Реввоенсовета Астрагруппы В. Куйбышев»¹.

Революционный Военный совет Туркфронта поддержал предложение В. Куйбышева. Председателем РВТ Астраханской группы войск был утвержден Котляренко.

По указанию Реввоенсовета Туркфронта в Астрахань был направлен член РВТ Туркестанского фронта Беркутов Н. М., который также участвовал в организации реввоен трибунала группы войск, проинструктировал и ознакомил работников трибунала с директивами Реввоен трибунала Республики и практикой работы других трибуналов фронта.

Военные трибуналы проводили большую работу по поддержанию воинской дисциплины в войсках. Seriously, вдумчиво они относились и к рассмотрению уголовных дел. Сурово карая врагов революции и злостных преступников, трибуналы проявляли гуманность к красноармейцам, впервые совершившим правонарушение.

Например, РВТ I армии осудил к расстрелу командира белогвардейского «партизанского» отряда Деревянова, истязавшего и расстреливавшего советских людей. Был расстрелян и красноармеец Потороchenков, дезертировавший из действующей армии и в течение шести месяцев скрывавшийся в тылу под другой фамилией.

Однако тот же трибунал иначе решил судьбу красноармейца Соломенча. Соломенч, старый фронтовик, несколько лет не видевший родных, попросился на побывку домой. Командование отказало в его просьбе. В ответ на это Соломенч заявил, что он больше служить в Красной Армии не будет. Реввоен трибунал, учитывая безупречную полуторогодовую службу Соломенча в рядах РККА, его

чистосердечное раскаяние, ограничился объявлением ему выговора с предупреждением.

В результате успешных боевых действий частей I армии Южная армия генерала Белова была разгромлена, и 13 сентября 1919 года в районе станции Бер-Чогур и разъезда Мугоджарская произошла встреча передовых частей I армии с подразделениями войск Туркестана. Блокада Советского Туркестана была ликвидирована.

К этому времени Апрельев при активной помощи В. Куйбышева и Ш. Элиавы сформировал реввоен трибуналы при реввоенсоветах Ферганского, Закаспийского и Семиреченского фронтов.

Вскоре после прибытия М. В. Фрунзе в Ташкент РВС Туркестанского фронта издал приказ, в котором для руководства и неуклонного выполнения было объявлено Положение о революционных военных трибуналах, утвержденное ВЦИК 20 ноября 1919 года и опубликованное в «Известиях» ВЦИК 27 ноября 1919 года.

Несколько позже РВС Туркестанского фронта издал специальный приказ, подписанный В. Куйбышевым, Ф. Новицким и П. Благовещенским, которым были учреждены в соответствии с новым Положением об РВТ отделы РВТ фронта при штабах 2-й и 3-й Туркестанских дивизий. Отдел РВТ фронта был также учрежден в Самарканде — для обслуживания войск, находившихся в Самаркандской области и в русских поселениях Бухары. Отделы РВТ действовали на правах армейских реввоен трибуналов.

«Существование других военно-судебных учреждений, кроме реввоен трибуналов, учреждаемых особыми приказами надлежащих реввоенсоветов, и принятие ими к производству дел, подсудных реввоен трибуналам, — говорилось в этом приказе, — будут рассматриваться как самочинные действия и караться по всем строгостям законов революционного времени».

Военно-политическая обстановка в начале 1920 года в Советском Туркестане по-прежнему оставалась напряженной. Главной ударной силой контрреволюции в этот период выступало ферганское басмачество, возглавляемое Мадами-беком, Курширматом, Иргашом, Хал-Ходжой, Рахманкулом и Муэтдином.

По предложению М. В. Фрунзе для борьбы с басмачами создается Ферганская группа войск, куда включаются и части, отозванные из Семиречья.

¹ Архив ВТ ТуркВО, наряд № 42, л. 8, 1919.

Воспользовавшись этим, 12 июня 1920 года контрреволюционеры подняли антисоветский мятеж в Верненском гарнизоне. Мятежники захватили крепость и арсенал, арестовали командующего Семипалачинской группой войск И. П. Белова и уполномоченного РВС Туркфронта Д. А. Фурманова, пытавшихся склонить восставших к подчинению Советской власти.

Решительными действиями 4-го кавалерийского полка и других частей верненский мятеж был подавлен.

По решению РВС Туркестанского фронта в город Верный выехала чрезвычайная сессия реввоен трибунала Туркестанского фронта (в составе Фонштейна, Браило, Клана) для рассмотрения дела об организаторах, руководителях и активных участниках верненского мятежа.

Суду военного трибунала было предано 122 мятежника, среди них непосредственные организаторы и руководители мятежа Андреев, Петров, Круговых, Макотрин, Прасолов, бывшие председатели «боевого совета» мятежников Чеусов, Вуйчич, члены «боевого совета» Шукин, Тегнерядов и ряд других активных участников мятежа. В течение двух недель реввоен трибунал тщательно исследовал обстоятельства мятежа. Были допрошены десятки свидетелей, рассмотрены многочисленные документы. 16 августа 1920 года, после трехдневного совещания судей, был провозглашен приговор. Приговором были объявлены вне закона и заочно приговорены к расстрелу Андреев, Петров, Круговых, Макотрин и Прасолов.

«Отныне, — говорилось в приговоре, — каждому гражданину Российской Советской Федеративной Республики вменяется в обязанность при встрече или по обнаружении места пребывания объявленных этим приговором вне закона — немедленно донести об этом надлежащей власти для исполнения приговора или же собственноручно привести приговор в исполнение».

14 руководителей и активных участников мятежа (Чеусов, Вуйчич, Шукин и другие) были приговорены к расстрелу, 10 подвергнуты заключению в концентрационный лагерь в Иваново-Вознесенске на все время гражданской войны, 7 человек направлены в штрафную роту, 24 человека подвергнуты высылке «в голодающий центр Советской Республики (Петроград, Москву и Ярославль) из пределов Туркестанской Республики сроком на 3 года, с лишением права на весь этот период времени быть при-

званным по мобилизации или добровольно вступить в ряды Красной Армии, без права перемены места жительства». Четверо — Демченко, Джарболлов, Сулейманов и Лаврик — по приговору суда подлежали направлению в Москву «как располагающие всеми данными на то, чтобы при надлежащей обработке сделаться стойкими борцами за пролетарское дело». Их направили в распоряжение Народного комиссара просвещения А. В. Луначарского «для определения за счет Республики в Пролетарский университет ради прохождения систематического курса социально-политических наук».

Из всех подсудимых 61 человек реввоен трибуналом был оправдан.

В ноябре 1920 года бывшим царским офицерам, находившимся на командных постах в Красной Армии, удается поднять контрреволюционный мятеж в Нарынском уезде. Захватив город Нарын, мятежники уничтожили всех советских работников, коммунистов. Две недели зверствовала необузданная банда. Это восстание было подавлено верными Советской власти войсками Семиречья.

30 марта 1921 года выездная сессия РВТ Туркестанского фронта под председательством Непрокина вынесла приговор по делу участников нарынского мятежа. Активные участники мятежа, в том числе бывшие царские офицеры Кирьянов, Щетилин, Соседов, были приговорены к расстрелу, четверо объявлены вне закона, 121 мятежник осужден к лишению свободы, 93 человека оправданы и направлены в Ферганскую группу войск.

...Вторая половина 1920 года прошла в ожесточенных боях. Были разбиты главари ферганского басмачества. Части Туркестанского фронта пришли на помощь восставшему против эмира народу Бухары. Освободительный поход в Восточную Бухару закончился в конце 1921 года. Однако в 1922 году, в связи с выступлением банд Энверпашы, угрожавшим существованию Бухарской Республики, войска Туркестанского фронта по просьбе правительства Бухарской Народной Советской Республики вводятся в Восточную Бухару. Вновь открывшийся фронт именуется Басмаческим. При штабе Басфронта создается РВТ, который с преобразованием войск Басмаческого фронта в Бухарскую группу войск переименовывается вначале в РВТ Бухарской группы войск, а затем в 4-й отдел РВТ Туркестанского фронта.

Оторванные от своих баз, не имея регулярного снабжения, части Бухарской группы войск преодолевали огромные трудности. Голод, холод, малярия сказались на состоянии дисциплины в войсках. В помощь Бухарской группе войск были выделены две постоянные выездные сессии РВТ под председательством Рогушина и Гарфункеля. За период с 2 июня по 27 августа 1922 года этими выездными сессиями было рассмотрено свыше 240 дел.

Работники трибунала во время боевых действий все время находились в войсках, разъясняли красноармейцам и дехканам политику Советского правительства по социалистическому преобразованию Восточной Бухары и всего Туркестана.

В августе 1922 года с бандой Энвер-паши было покончено, однако борьба с басмачеством в Восточной Бухаре и в Туркмении продолжалась до 1931 года...

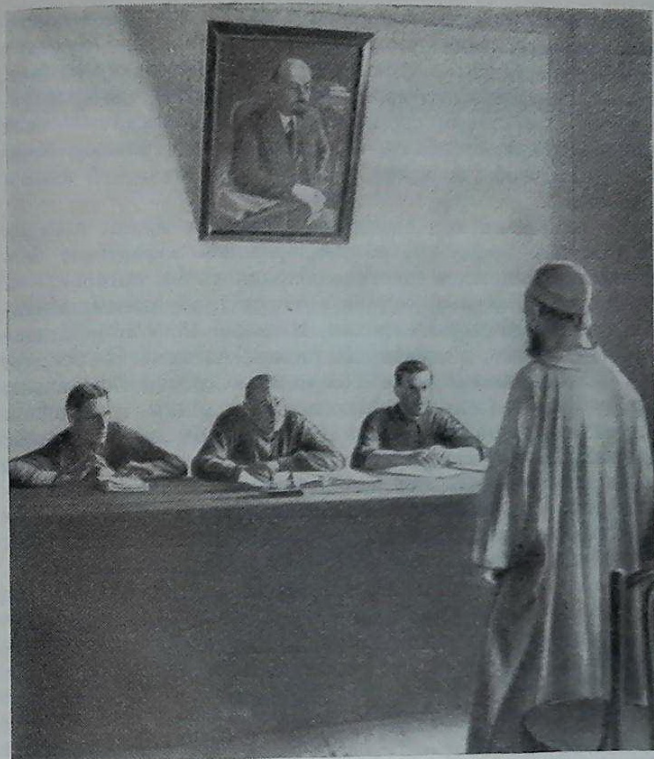
В 1920—1924 годах реввоен трибуналы Туркестанского фронта рассмотрели большое количество дел на руководителей и активных участников басмачества в Восточной Бухаре, в Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областях.

28—30 октября 1922 года 1-й отдел РВТ Туркестанского фронта в полевой выездной сессии в поселке Челеш, Самаркандской области, рассмотрел уголовное дело на мимбашей (тысячников) банды Ачиль-бека — Абдухамид Максум Абдукаримова, Адиль Максум Мулла Саидова и юзбашей (сотников) этой же банды Гани Каршиева, Убайдуллы Бабаджанова и Ишан Адиль Ходжаева (младшего).

От рук этих палачей погибли сотни дехкан, многие советские активисты, в том числе председатель волостного ревкома Абдусакал.

Главарь басмаческих банд Абдухамид Максум Абдукаримов, Адиль Максум Мулла Саидов, Гани Каршиев и Убайдулла Бабаджанов по приговору 1-го отдела реввоен трибунала были расстреляны, а остальные участники их банды осуждены к лишению свободы на различные сроки. Понесли наказание и главарь ферганского басмачества Рахманкул, Муэтдин и другие.

Среди пленных басмачей оказался и военный советник Файзулы Максума Пименов, бывший офицер царской армии, кровавый палач. Военный трибунал под председательством Н. С. Тарасова приговорил Пименова к расстрелу.

Военный трибунал под председательством Н. С. Тарасова рассматривает дело бывшего офицера царской армии Пименова — военного советника басмаческой банды Файзулы Максума

В 1931 году на территории Восточной Бухары была ликвидирована последняя басмаческая шайка — банда Ибрагим-бека. Тогда же был окончательно разгромлен и выброшен из пределов Советской Туркмении Джунаид-хан со своей бандой.

* * *

В сложной боевой обстановке доводилось рассматривать трибуналам дела в те далекие годы.

«Весь состав суда вооружен с ног до головы, — докладывал председатель трибунала 8-й кавдивизии Жуков в РВТ Туркестанского фронта, — тут и винтовка, клинок, наган и патроны винтовочные 100 штук. И таким образом, перед составом сессии являются две задачи — одна специфическая, судебная, а другая чисто строевая, военная, с тем чтобы во время нападения басмаческой шайки дать отпор.

За минувший год выездные сессии во время поездок по участкам неоднократно подвергались нападению басмаческих шайк, но, к счастью, обошлось без потерь».

Вместе с бойцами ходили в атаки трибунальцы Николай Тарасов, Федор Непрокин, Николай Рогошин, Владимир Кордиалик, Родислав Батагель, Алексей Надеждин.

Сложили головы в боях за власть Советов Афанасьев, Гарфункель и Зазулин. Многие сотрудники трибуналов получили ранения. О многих павших героях сведений, к сожалению, не сохранилось...

Давно отгремели бои на бескрайних просторах Средней Азии. Но никогда в памяти народной не забудутся те далекие боевые годы и имена героев, отдавших свою жизнь за свободу и счастье трудового народа Туркестана.

Полковник юстиции В. ПЛОТНИКОВ

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В подмосковном саду старого коммуниста Андрея Иннокентьевича Блиникова растет куст багульника. Он привезен из Забайкалья. Весной, когда кругом еще ни листочка, ни травинки, куст сначала зажигает несколько своих цветков, а вскоре уже весь полыхает розовато-сиреневым цветом. В эти дни Андрей Иннокентьевич подолгу простаивает около этого удивительного растения. Иногда один, а чаще с Иваном Николаевичем Аксеновым — своим товарищем. И они вспоминают свою богатую революционными событиями проведенную в Забайкалье юность.

...Весна 1918 года. В полдень звенит капель, а ночью трескучий забайкальский мороз сковывает землю. Это первая весна победившей революции. Она была прекрасна, как и вообще всякая весна, прекрасна еще и потому, что недавно провозглашенная III Забайкальским съездом Советов рабочих, крестьянских, казачьих и бурятских депутатов Советская власть победной поступью шла по Забайкалью.

Но весна тревожна. В начале апреля банды Семенова вторично вторглись в Забайкалье. Те немногие и плохо вооруженные отряды красноармейцев, которые находятся здесь, не могут устоять и отходят, оставив станции Даурия, Борзя, Оловянная. Во что бы то ни стало Семенов стремится перерезать железную дорогу Москва — Дальний Восток.

Забайкальский облизполком принимает срочные меры для отражения натиска врага. Введено осадное положение. Создан Военно-революционный штаб, организован Восточно-Забайкальский фронт. На помощь частям фронта партия посылает подкрепления из других районов страны. Это дает возможность остановить продвижение семеновских банд.

В апреле 1918 года при штабе фронта создается революционный военный трибунал. Среди судей этого первого военного трибунала Забайкалья был Андрей Иннокентьевич Блишников. Большевик с 1906 года, Андрей Иннокентьевич имел богатый опыт революционной борьбы. В 1905—1906 годах участвовал в революции, в 1907 году подвергался аресту за агитацию среди войск. К этому времени он успел усвоить не только практику, но и теорию классовой борьбы. Прочитал «Капитал» К. Маркса. «Университеты» прошел в печально известных Нерчинской и Читинской тюрьмах. Его учителем в ту пору был видный большевик, участник Таммерфорсской конференции 1905 года Н. Н. Баранский.

Блишников хорошо был знаком с монаршей «законностью». Изучал ее не только по Уложению о наказаниях и Уставу уголовного судопроизводства, которые отобрали у него полицейские при аресте. Еще мальчишкой он служил помощником писаря у мирового судьи и насмотрелся, как «справедливо» судят царские слуги закона.

Андрея Иннокентьевича Блишникова назначили заместителем председателя военного трибунала Восточно-Забайкальского фронта. Достоинными доверия вершить революционное правосудие были и другие работники трибунала — коммунисты Иван Николаевич Аксенов, Ефрем Дмитриевич Мальшев.

Андрей Иннокентьевич вспоминает одно из первых дел, которое пришлось ему решать вместе с другими судьями.

— В боях за село Ключевское Александровский полк Красной Армии под командованием П. Н. Журавлева, — рассказывает А. И. Блишников, — взял в плен несколько человек, судьбу которых должен был решать трибунал. Среди них — двое молодых казаков. Они объясняют, что семеновцы насильно мобилизовали их и заставили нести службу в дозоре. При допросе пленные сообщили, где располагаются огневые средства. В ходе боя данные подтвердились, и это помогло освободить село с небольшими для нас потерями. Решение трибунала короткое: «Отпустить домой». Вскоре все Ключевское поняло, что правительная эта Советская власть, по совести решила с молодыми казаками.

Помню и другое дело, рассмотренное нами в те дни, — вспоминает Блишников. — Судили священника Успенского из села Калги. Он вел антисоветскую агита-

цию. С ним пришлось быть построже. Но тоже учли: старик покаялся, заверил, что против народной власти больше не пойдет. Трибунал направил его на общественные работы в свое село... Трибуналу часто приходилось рассматривать дела в присутствии красноармейцев, — продолжает Андрей Иннокентьевич. — Так было с делом кулака Шестакова, по доносам которого в селе Ключевском семеновцы хватили большевиков и других жителей и убивали. Красноармейцы отряда, расположенного в селе Дырбылкей, узнав, что Шестакова привезли к нам, потребовали немедленного рассмотрения дела. По согласованию с командованием фронта судебное заседание было назначено в присутствии народа. Шестаков не скрывал, что предал семеновцам десятки честных людей, называл их фамилии. Это подтверждали и свидетели. Трибунал приговорил Шестакова к высшей мере наказания. После утверждения приговора командующим фронтом Шестакова расстреляли. Надо сказать, что другого решения никто и не ожидал. Больше того, потом нам стало известно, что группа красноармейцев, среди которых были и родные погибших от рук Шестакова, еще до рассмотрения дела вырыла яму и заявила товарищам, что если трибунал «сминдальничает», то они сами «по своей революционной совести решат Шестакова» и «пустят в распыл»... Видите, надзорная инстанция у нас была строгая, — шутит Андрей Иннокентьевич.

— Из дел этой поры мне запомнилось и дело семеновского офицера-пулеметчика. По словам свидетелей, во время боя он остервенело стрелял по наступающим красноармейцам. Офицер же уверял, что еще за три дня до начала сражения сбежал, скрывался в бане и в бою не участвовал. Правда, его выдавала холеная внешность, которую после отсиживания в черной бане трудно сохранить, но все же нас точила мысль: «А вдруг он действительно просидел бой в бане?» Тогда решили предложить офицеру нарисовать план бани. Мы исходили из того, что если он дает ложные показания, то его ложь будет обнаружена, так как он человек Европейской России, а тем более дворянин, и не видел, наверное, никогда забайкальской черной бани. Поставленный в тупик таким неожиданным предложением, офицер помолчал, а потом рассказал, что после того, как сбежали из села офицеры, он продолжал вести огонь по нашим наступающим войскам. Его рассказ

о своем участии в боях, показания красноармейцев, жителей села свидетельствовали, что перед нами семеновец, не раз запятнавший руки в народной крови. Он тоже был приговорен к расстрелу...

А. И. Блиnnиков и И. Н. Аксенов рассказывают, что за всю пятимесячную деятельность трибунала фронта ими не было рассмотрено ни одного дела о преступлениях, совершенных красноармейцами.

— Откуда им, этим делам, быть. Ведь все добровольцы. Все дрались за народную власть, — говорит И. Н. Аксенов. — Правда, дела возникали, но до суда они не доходили. Сначала их обсуждали на собраниях коммунистов отрядов, а потом, если приходили к выводу, что разбирательство принесет пользу воспитанию, выносили на красноармейские собрания. Полковые советы, командиры принимали меры, чтобы больше такие проступки не повторялись. Во всех случаях этого было достаточно, чтобы решить вопрос о наказании лиц, совершивших не слишком серьезные проступки.

— Следует отметить, что командование фронта очень внимательно подходило к возбужденным дознаниям, — добавляет А. И. Блиnnиков.

В архиве сохранилось одно дело. Боец Ломовского революционного отряда Красной Армии Портнягин обвинялся в бегстве с позиции во время боя с бандой Семенова. Проведенное дознание было представлено в штаб фронта. Но там Портнягин, очевидно, произвел впечатление странного человека, и дознание возвратили в отряд. Из материалов дела видно, что командир отряда назначил специальную комиссию, которая пришла к выводу, что Василий Портнягин нуждается в госпитализации, и 31 мая 1918 года в дознании появилась запись: «Впредь до освидетельствования не представляется возможным судить о сознательности деятельности его». Портнягин был признан больным, дознание прекратили. Так была предотвращена ошибка.

Во второй половине июня войска Восточно-Забайкальского и Забайкальского фронтов соединились.

...По покрытой алыми саранками и желтыми тюльпанами степи, оживленно беседуя, ехала небольшая группа всадников. Это трибунальцы. Они спешили в штаб Забайкальского фронта, где предстояла встреча с командующим Сергеем Георгиевичем Лазо.

Вскоре показались стоящие в тупике теплушки. Около открытой двери одной из них, подставив июньскому солнцу и без того смуглое, обрамленное небольшой, чуть вьющейся бородкой лицо, стоял высокий подтянутый военный лет двадцати пяти в выдавшей виды солдатской гимнастерке. Это и был прославленный командующий Сергей Лазо. Блиnnиков сразу узнал его и про себя отметил, что Лазо за время, прошедшее со дня их апрельской встречи в Нерчинске, почти не изменился, только немного осунулся.

Радужно поздоровавшись и расспросив, как трибунальцы добрались, Лазо объявил приказ о том, что в связи со слиянием фронтов трибунал впредь будет именоваться военным трибуналом Забайкальского фронта. Потом командующий рассказал о положении на отдельных участках фронта. Постепенно Лазо увлекся и, приятно картавя, заговорил о боевых действиях первого Аргунского полка, которым командовал тогда Метелица, о подвигах бойцов интернационального отряда и их командира Матэ Залка.

— Недавно, — сказал Лазо трибунальцам, — мною подписана согласованная с партийной организацией штаба фронта телеграмма. В ней мы обратили внимание всех командиров и красноармейцев на то, что сейчас борьба ведется не с прежним отрядом Семенова, а с мобилизованными Семеновым казаками. Прошу это учесть и в вашей работе. Сумейте отличить мобилизованного казака от настоящего семеновца. Вы и без меня знаете, что каждая судебная ошибка в наших условиях — помощь врагу. — Лазо помолчал, потом продолжил: — И еще. За период существования Забайкальских фронтов наши красноармейцы не совершили ни одного серьезного преступления, которое бы потребовало вмешательства трибунала. Думаю, что их и не будет. Но работу по предупреждению надо вести. Особенно — воспитывать бдительность. Главным штабом получены сведения, что в некоторые части проникают лица, которые ведут агитацию с целью внести раскол в наши полки. Начальник штаба Русские вместе с товарищами Богомяковым, Балябиным, Шиловым работает сейчас над возвращением о борьбе с провокаторами. Помогите им. У вас есть опыт в этом деле.

— В дальнейшем, — вспоминает А. И. Блиnnиков, — мы, трибунальцы, очень часто бывали у Лазо, на

заседаниях Военного совета, совещаниях, присутствовали при обсуждении возникших перед Забайкальским фронтом задач, были в одной с ним партийной организации. Лазо не уставал нам напоминать, что наша работа прежде всего — партийная.

— Сейчас, через пятьдесят лет после этих незабываемых дней, — говорит И. Н. Аксенов, — я часто вспоминаю добрые советы командующего фронтом Лазо и уверен, что если бы мы поступали иначе, не разбирались по-партийному, где семеновцы, а где мобилизованные казаки, то позднее, когда Семенов с помощью японцев, англичан, чехов, американцев и французов захватил большую часть Забайкалья, партизанское движение нам поднять было бы значительно труднее.

— Что касается взаимоотношений трибунала с командующим, — продолжил А. И. Блишников, — то я не могу вспомнить ни одного случая, когда бы Сергей Георгиевич в решении какого-то вопроса обошел нас. Мы и сейчас вспоминаем с чувством большого удовлетворения совместную с ним работу.

Став судьями трибунала всего Забайкальского фронта, мы сразу включились в работу. Несколько дней разбирались с семеновцами, арестованными ранее на станции Оловянная, а потом проводили расследование (мы ведь были и следственной комиссией) зверств семеновцев в Даурии, Хараноре. Только одна из семеновских частей, стоявших в Даурии, за короткий срок уничтожила около восьмидесяти ни в чем не повинных граждан. Конкретные виновники этих злодеяний сбежали, но рассказ об их зверствах трибунальцы понесли в красноармейские массы. Это было нашим вкладом в воспитание ненависти к врагу.

В июле 1918 года развернулись бои за последний оплот семеновцев в Забайкалье — станцию Мациевская и пятиглавую сопку Тавын-Талагой. Бои за эти отлично укрепленные оборонительные рубежи шли не один день, но выбить семеновцев нам не удалось. Тогда на партийном собрании решили: «Все коммунисты — в войска». Организовывать наступление ушли и трибунальцы.

— Все дела отложили в сторону, — вспоминает И. Н. Аксенов, — самым важным было очистить советскую землю. Меня направили в Заргольский отряд. Вместе с ним ходил в разведку, вместе наступал, а уж потом, когда

ни одного семеновского бандита не осталось в Забайкалье, вернулся к своей трибунальской работе.

Так боролся за Советскую власть первый трибунал Забайкалья.

Позднее опыт его работы унаследовали партизаны Забайкалья, которые, создав партизанский фронт, организовали в начале 1919 года свой военно-революционный трибунал.

Прошли годы. Это были годы труда, годы служения партии, Родине. Иван Николаевич Аксенов до 1922 года служил в Красной Армии, в Читинском политическом народном суде. Позднее Дальбюро ЦК РКП(б) направило его на учебу. Получив высшее образование, Иван Николаевич работал на ряде новостроек страны, руководил крупным проектным институтом. Как крупного специалиста его не раз посылали в страны Западной Европы и в Америку.

Андрей Иннокентьевич Блишников много сил отдал становлению Советской власти в Забайкалье. Был министром просвещения Дальневосточной республики. Вместе со старейшим большевиком Федором Николаевичем Петровым работал в Учредительном собрании ДВР, был делегатом X съезда партии. Теперь Андрей Иннокентьевич персональный пенсионер. Как заслуженный коммунист, он участвовал в торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В канун 50-летия Октября газета «Правда» опубликовала письмо ветеранов Центральному Комитету КПСС, в котором они сердечно поздравили народ и партию с выдающимися достижениями в коммунистическом строительстве. Среди подписавших это письмо был и бывший трибуналец Андрей Иннокентьевич Блишников.

А через несколько дней произошло еще одно радостное событие в жизни ветеранов военных трибуналов Забайкалья. Президиум Верховного Совета СССР в числе активных участников, наиболее отличившихся в борьбе за установление Советской власти в 1917—1922 годах, назвал Андрея Иннокентьевича Блишника и Ивана Николаевича Аксенова и наградил Андрея Иннокентьевича орденом Ленина, а Ивана Николаевича — орденом Красной Звезды.

заседаниях Военного совета, совещаниях, присутствовали при обсуждении возникших перед Забайкальским фронтом задач, были в одной с ним партийной организации. Лазо не уставал нам напоминать, что наша работа прежде всего — партийная.

— Сейчас, через пятьдесят лет после этих незабываемых дней, — говорит И. Н. Аксенов, — я часто вспоминаю добрые советы командующего фронтом Лазо и уверен, что если бы мы поступали иначе, не разбирались по-партийному, где семеновцы, а где мобилизованные казаки, то позднее, когда Семенов с помощью японцев, англичан, чехов, американцев и французов захватил большую часть Забайкалья, партизанское движение нам поднять было бы значительно труднее.

— Что касается взаимоотношений трибунала с командующим, — продолжил А. И. Блишников, — то я не могу вспомнить ни одного случая, когда бы Сергей Георгиевич в решении какого-то вопроса обошел нас. Мы и сейчас вспоминаем с чувством большого удовлетворения совместную с ним работу.

Став судьями трибунала всего Забайкальского фронта, мы сразу включились в работу. Несколько дней разбирались с семеновцами, арестованными ранее на станции Оловянная, а потом проводили расследование (мы ведь были и следственной комиссией) зверств семеновцев в Даурии, Хараноре. Только одна из семеновских частей, стоявших в Даурии, за короткий срок уничтожила около восьмидесяти ни в чем не повинных граждан. Конкретные виновники этих злодеяний сбежали, но рассказ об их зверствах трибунальцы понесли в красноармейские массы. Это было нашим вкладом в воспитание ненависти к врагу.

В июле 1918 года развернулись бои за последний оплот семеновцев в Забайкалье — станцию Мациевская и пятиглавую сопку Тавыи-Талагой. Бои за эти отлично укрепленные оборонительные рубежи шли не один день, но выбить семеновцев нам не удалось. Тогда на партийном собрании решили: «Все коммунисты — в войска». Организовывать наступление ушли и трибунальцы.

— Все дела отложили в сторону, — вспоминает И. Н. Аксенов, — самым важным было очистить советскую землю. Меня направили в Заргольский отряд. Вместе с ним ходил в разведку, вместе наступал, а уж потом, когда

ни одного семеновского бандита не осталось в Забайкалье, вернулся к своей трибунальской работе.

Так боролся за Советскую власть первый трибунал Забайкалья.

Позднее опыт его работы унаследовали партизаны Забайкалья, которые, создав партизанский фронт, организовали в начале 1919 года свой военно-революционный трибунал.

Прошли годы. Это были годы труда, годы служения партии, Родине. Иван Николаевич Аксенов до 1922 года служил в Красной Армии, в Читинском политическом народном суде. Позднее Дальбюро ЦК РКП(б) направило его на учебу. Получив высшее образование, Иван Николаевич работал на ряде новостроек страны, руководил крупным проектным институтом. Как крупного специалиста его не раз посылали в страны Западной Европы и в Америку.

Андрей Иннокентьевич Блишников много сил отдал становлению Советской власти в Забайкалье. Был министром просвещения Дальневосточной республики. Вместе со старейшим большевиком Федором Николаевичем Петровым работал в Учредительном собрании ДВР, был делегатом X съезда партии. Теперь Андрей Иннокентьевич персональный пенсионер. Как заслуженный коммунист, он участвовал в торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященного 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В канун 50-летия Октября газета «Правда» опубликовала письмо ветеранов Центральному Комитету КПСС, в котором они сердечно поздравили народ и партию с выдающимися достижениями в коммунистическом строительстве. Среди подписавших это письмо был и бывший трибуналец Андрей Иннокентьевич Блишников.

А через несколько дней произошло еще одно радостное событие в жизни ветеранов военных трибуналов Забайкалья. Президиум Верховного Совета СССР в числе активных участников, наиболее отличившихся в борьбе за установление Советской власти в 1917—1922 годах, назвал Андрея Иннокентьевича Блишникова и Ивана Николаевича Аксенова и наградил Андрея Иннокентьевича орденом Ленина, а Ивана Николаевича — орденом Красной Звезды.

А. И. Блишников и И. Н. Аксенова можно по праву назвать зачинателями славных традиций военного трибунала Забайкальского военного округа.

Партийность в работе, стремление всегда жить одной жизнью с войсками, быть в самом водовороте ее, отдавать себя целиком служению Родине — эти и многие другие славные традиции, возникшие еще в годы революции, восприняты не одним поколением военных судей Забайкалья. Их ратный труд не забыт. Вот и сейчас, в дни 50-летия военных трибуналов, мы с уважением и гордостью называем забайкальцами тех, кто служил в нашем округе, и среди них членов Военной коллегии Верховного Суда СССР генерал-майоров юстиции Долотцева А. А. и Козлова Ю. Д., председателей военных трибуналов округов генерал-майоров юстиции Астахова С. А., Жукова П. Ф., Приймака Г. П., полковников юстиции Ладика Н. А., Комнатного К. Г., судей полковников юстиции Парфенова Ф. П., Иваненко Ф. Ф., Ястребова И. Н., Малыхина В. И., подполковников юстиции Саксонова Е. А., Дюжкова Б. Д. и многих других.

Мы с благодарностью вспоминаем и ушедших на заслуженный отдых генерал-майора юстиции Мельниченко Ф. А., полковника юстиции Похвалова Г. Ф., подполковника юстиции Кирсанова И. В.

Много хорошего хочется сказать о людях военных трибуналов сегодняшнего дня. Двенадцать из них, прежде чем стать судьями, прошли нелегкий путь по дорогам войны. На Северо-Западном фронте водил в разведку свой взвод А. Михайлов. Парторг Н. Шелест защищал Крым. Через десятки рек наводил переправы командир инженерной роты И. Дмитриев. Стрелок А. Мальцев ходил в атаку под Москвой, И. Онищенко сражался под Ровно. В боях за Кавказ стал кавалером ордена Славы III степени пулеметчик В. Красножен. Сейчас их можно встретить у воинов, несущих службу в разных районах Забайкалья.

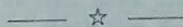
А у воинов Н-ской части частый гость подполковник юстиции И. М. Зинченко. Этот скромный человек провел свою юность на полях войны. Молодой артиллерийский офицер участвовал в битве за Украину, освобождал Румынию и Болгарию, Венгрию и Югославию, Чехословакию и Австрию. За мужество и отвагу, проявленные в бою при форсировании Дуная, И. М. Зинченко было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

...Судьи-зabayкальцы повседневным кропотливым трудом вносят свою лепту в дело укрепления оборонной мощи страны. И Родина отметила труд многих из них правительственными наградами.

Председатель военного трибунала Иркутского гарнизона подполковник юстиции А. Г. Михайлов награжден орденом Красной Звезды, председатель военного трибунала Читинского гарнизона подполковник юстиции И. А. Онищенко — медалью «За боевые заслуги», член военного трибунала округа майор юстиции Ф. Н. Шарыпов — медалью «За трудовую доблесть».

Рядом с ветеранами успешно работают судьи подполковник юстиции Ф. Р. Гусейнов, майоры юстиции Ю. А. Карантаев, В. Г. Будов, В. П. Жуйков, В. Г. Гунько, недавние выпускники академии капитаны юстиции А. А. Васягин, А. Т. Уколов, В. Д. Козлов, а также офицеры, служившие в других воинских частях — В. Н. Вещунов и И. П. Гончаров.

Эстафета поколений продолжается.

Полковник юстиции Н. ЛАДИН,
майор юстиции А. ТЕРЕНТЬЕВ

ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ СТРОГО И СПРАВЕДЛИВО

Приволжский военный округ один из старейших в нашей стране. 4 мая 1968 года исполнилось 50 лет со дня его создания. Он был учрежден в суровые годы гражданской войны по указанию В. И. Ленина решением Совета Народных Комиссаров.

В 1918 году в связи с мятежом белочехов в Поволжье образовался Восточный фронт. Для борьбы с врагами Республики необходимо было срочно сформировать крупные военные соединения Красной Армии. В Приволжском военном округе началась мобилизация, и уже в июне — августе 1918 года были в основном сформированы три армии: I революционная (командующий М. Н. Тухачевский), IV (командующий с декабря 1918 года М. В. Фрунзе) и V.

Сложная боевая обстановка требовала высокой дисциплинированности и организованности. Командиры, политработники, армейские коммунисты делали многое для укрепления правопорядка в частях. Это позволило М. Н. Тухачевскому писать, что в июле 1918 года «произошел резкий перелом в пользу установления строгой дисциплины»¹. Тогда же впервые в I армии были введены армейский и дивизионные революционные военные трибуналы.

До создания военных трибуналов правосудие в армии осуществляли революционные трибуналы, окружные и народные суды, образованные и действовавшие по территориальному принципу.

В Самаре, например, еще 18 ноября 1917 года на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором

¹ М. Н. Тухачевский. Избранные произведения. Т. 1, М., Воениздат, 1964, стр. 77.

приняли участие представители заводов и воинских частей, по предложению В. В. Куйбышева был избран революционный суд. Сразу же после выборов суд приступил к работе и до 1 января 1918 года рассмотрел ряд дел о контрреволюционных выступлениях, спекуляции и грабежах.

4 января 1918 года на заседании Совета члены революционного суда были утверждены членами Самарского ревтрибунала. Весной 1918 года председателем ревтрибунала был назначен Франциск Вендек, большевик с 1904 года, член Самарского Совета, делегат 3-го Всероссийского съезда Советов, пользовавшийся горячей любовью рабочих и солдат. 8 июня 1918 года, в день взятия Самары белочехами, Ф. И. Вендек был злодейски убит озверелой толпой белогвардейцев. Трудящиеся города Куйбышева бережно чтят память павшего борца. Именем его названа одна из центральных улиц города.

В связи с боевыми действиями территориальным судебным органам было трудно осуществлять правосудие и поддерживать правопорядок в армии.

5 июля 1918 года в приказе РВС I армии отмечалось, что отсутствие полевого военного суда, «который мог бы немедленно решать и рассматривать контрреволюционные дела, а также саботаж и неповиновение революционному начальству, принимая во внимание их важность и обстановку», очень отражается на дисциплине личного состава армии.

В конце июня 1918 года в I армии был создан полевой трибунал для решения дел о контрреволюции, саботаже, измене и предательстве. В июле 1918 года он был переименован в реввоен трибунал. Несколько позже военные трибуналы были образованы в дивизиях и других армиях Восточного фронта; в частности, трибунал V армии был организован в августе 1918 года. В дальнейшем были созданы реввоен трибуналы Восточного фронта, Южной группы войск, Приволжского и Заволжского военных округов.

Круг рассматриваемых трибуналами дел был весьма широк — им были подсудны дела об измене Родине и шпионаже, о неповиновении начальнику и дезертирстве, о бандитизме и спекуляции, о недостойном поведении и пьянстве.

Реввоен трибуналы действовали решительно, быстро и справедливо. Об этом свидетельствуют примеры из судебной практики.

24 декабря 1918 года военно-полевой трибунал IV армии рассмотрел дело командира 2-й немецкой интернациональной роты Вирта, признал его виновным в контрреволюционной деятельности и приговорил к пятнадцати годам тюремного заключения.

Красноармеец Пензенского полка Ланцнеев за кражу серебряных часов и 1250 рублей был осужден к двум годам тюремного заключения и исключен из армии как недостойный человек.

По делу комиссара 5-го железнодорожного полка Цыгина суд указал в своем решении: «Принимая во внимание, что пьянство — один из больших пороков, тем паче учиняемое ответственными работниками-коммунистами, признать Цыгина недостойным быть членом РК партии и лишить его права занимать ответственные должности».

Строго карая злостных нарушителей воинского порядка, реввоен трибуналы в то же время решительно пресекали незаконные и остро реагировали на факты необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

5 января 1919 года военный трибунал IV армии рассмотрел дело Алексея Брызгалова, обвинявшегося в агитации против Советской власти. Суд, допросив подсудимого и свидетелей, не нашел в действиях Брызгалова состава преступления и оправдал его, а против Ставропольской ЧК, арестовавшей его, возбудил уголовное дело.

В результате наступления Колчака весной 1919 года в Поволжье вновь создалась напряженная обстановка. Фронт срочно нуждался в пополнениях. В Поволжье была объявлена массовая мобилизация. Временные неудачи на фронте сказывались и на морально-политическом состоянии армии и тыла. Участились случаи дезертирства из действующей армии, многие граждане стали уклоняться от призыва в РККА.

В связи с этим 29 марта 1919 года Самарский губвоенкомат издал приказ за подписями В. В. Куйбышева и Х. Г. Гинтера, в котором указывалось, что все лица, уклоняющиеся от призыва в армию, будут предаваться суду реввоен трибунала как дезертиры.

Рассматривая дела о дезертирах, военные трибуналы тщательно разбирались в причинах преступления, внимательно подходили к людям, оказавшимся на скамье подсудимых. Одно дело, когда перед судом был кулак или

злостный дезертир, другое — безграмотный темный парень, недавно надевший красноармейскую шинель.

«...Каждый из них получит свое, ибо военный трибунал судит по совести», — писала красноармейская газета «Революционная армия».

По приговору трибунала IV армии был расстрелян красноармеец 1-го полка Симбирской железной дивизии Сафонов — неисправимый и злостный дезертир.

В то же время к бойцам, оставившим часть по малодушию, но раскаявшимся и желавшим смыть позорное пятно, трибуналы подходили гуманно, проявляли снисхождение.

Группа молодых красноармейцев 1-го интернационального полка 1-й Самарской дивизии, растерявшись в бою, самовольно покинула поле боя и ушла в тыл. Оказавшись на скамье подсудимых, красноармейцы с горечью говорили о содеянном и просили отправить их на фронт. Военный трибунал IV армии считал возможным не применять к ним мер уголовной репрессии, а направил их в действующую часть, чтобы они искупили свою вину перед Родиной.

Военные трибуналы строго наказывали за неповиновение и неисполнение приказов командиров. В марте 1919 года военный трибунал IV армии рассмотрел дело красноармейцев 1-го Саратовского интернационального полка, обвинявшихся в агитации против исполнения боевого приказа. Три красноармейца были осуждены к лишению свободы на все время гражданской войны, а один — к году лишения свободы.

В связи с этим решением газета «Революционная армия» 14 марта 1919 года писала:

«Преступление, совершенное этими красноармейцами, во время царской власти наказывалось гораздо суровее. Военно-полевые царские суды приговаривали виновных к расстрелу. Рабоче-крестьянская власть учитывает и темноту масс, и право каждого бойца на критику командного состава. Но от критики до неисполнения приказа — дистанция огромного размера».

Не щадили реввоен трибуналы и расхитителей народного добра, спекулянтов, грабителей.

В мае 1920 года перед военным трибуналом Заволжского военного округа предстал начальник хозяйственной части полка Осетров, обменивавший казенное обмундирование на само-

24 декабря 1918 года военно-полевой трибунал IV армии рассмотрел дело командира 2-й немецкой интернациональной роты Вирта, признал его виновным в контрреволюционной деятельности и приговорил к пятнадцати годам тюремного заключения.

Красноармеец Пензенского полка Ланцнеев за кражу серебряных часов и 1250 рублей был осужден к двум годам тюремного заключения и исключен из армии как недостойный человек.

По делу комиссара 5-го железнодорожного полка Цыгина суд указал в своем решении: «Принимая во внимание, что пьянство — один из больших пороков, тем паче учиняемое ответственными работниками-коммунистами, признать Цыгина недостойным быть членом РК партии и лишить его права занимать ответственные должности».

Строго карая злостных нарушителей воинского порядка, реввоен трибуналы в то же время решительно пресекали беззаконие и остро реагировали на факты необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

5 января 1919 года военный трибунал IV армии рассмотрел дело Алексея Брызгалова, обвинявшегося в агитации против Советской власти. Суд, допросив подсудимого и свидетелей, не нашел в действиях Брызгалова состава преступления и оправдал его, а против Ставропольской ЧК, арестовавшей его, возбудил уголовное дело.

В результате наступления Колчака весной 1919 года в Поволжье вновь создавалась напряженная обстановка. Фронт срочно нуждался в пополнениях. В Поволжье была объявлена массовая мобилизация. Временные неудачи на фронте сказывались и на морально-политическом состоянии армии и тыла. Участились случаи дезертирства из действующей армии, многие граждане стали уклоняться от призыва в РККА.

В связи с этим 29 марта 1919 года Самарский губвоенкомат издал приказ за подписями В. В. Куйбышева и Х. Г. Гинтера, в котором указывалось, что все лица, уклоняющиеся от призыва в армию, будут предаваться суду реввоен трибунала как дезертиры.

Рассматривая дела о дезертирах, военные трибуналы тщательно разбирались в причинах преступления, внимательно подходили к людям, оказавшимся на скамье подсудимых. Одно дело, когда перед судом был кулак или

злостный дезертир, другое — безграмотный темный парень, недавно надевший красноармейскую шинель.

«...Каждый из них получит свое, ибо военный трибунал судит по совести», — писала красноармейская газета «Революционная армия».

По приговору трибунала IV армии был расстрелян красноармеец 1-го полка Симбирской железной дивизии Сафонов — неисправимый и злостный дезертир.

В то же время к бойцам, оставившим часть по малодушию, но раскаявшимся и желавшим смыть позорное пятно, трибуналы подходили гуманно, проявляли снисхождение.

Группа молодых красноармейцев 1-го интернационального полка 1-й Самарской дивизии, растерявшись в бою, самовольно покинула поле боя и ушла в тыл. Оказавшись на скамье подсудимых, красноармейцы с горечью говорили о содеянном и просили отправить их на фронт. Военный трибунал IV армии считал возможным не применять к ним мер уголовной репрессии, а направил их в действующую часть, чтобы они искупили свою вину перед Родиной.

Военные трибуналы строго наказывали за неповиновение и неисполнение приказов командиров. В марте 1919 года военный трибунал IV армии рассмотрел дело красноармейцев 1-го Саратовского интернационального полка, обвинявшихся в агитации против исполнения боевого приказа. Три красноармейца были осуждены к лишению свободы на все время гражданской войны, а один — к году лишения свободы.

В связи с этим решением газета «Революционная армия» 14 марта 1919 года писала:

«Преступление, совершенное этими красноармейцами, во время царской власти наказывалось гораздо суровее. Военно-полевые царские суды приговаривали виновных к расстрелу. Рабоче-крестьянская власть учитывает и темноту масс, и право каждого бойца на критику командного состава. Но от критики до неисполнения приказа — дистанция огромного размера».

Не щадили реввоен трибуналы и расхитителей народного добра, спекулянтов, грабителей.

В мае 1920 года перед военным трибуналом Заволжского военного округа предстал начальник хозяйств полка Осетров, обменивавший казенное обмундирование на само-

гон и растративший красноармейское жалование. Преступник был осужден к пятнадцати годам лишения свободы.

Большое участие принимал военный трибунал Заволжского военного округа и в ликвидации так называемой сапожковщины.

В 1920 году на территории этого округа в городе Бузулук формировалась 9-я кавдивизия, которой командовал бывший царский офицер левый эсер Сапожков. Накануне отправки на фронт Сапожков за пьянство и развал дисциплины был снят с должности. Передать дела новому комдиву Сапожков отказался и поднял мятеж под лозунгами: «За Советскую власть без коммунистов!», «Долой продкомиссаров и продполитику!» Часть красноармейцев, среди которых было много кулаков и бывших дезертиров, пошла за Сапожковым. Мятежники заняли город Бузулук и окружающие села.

Начался пьяный разгул — грабежи, насилия, убийства, расправа с коммунистами и работниками советских учреждений. Сапожков собирался идти на Самару и даже... на Москву.

Советские войска выбили мятежников из Бузулука. Рассеявшись по заволжским степям, банды Сапожкова продолжали терроризировать и грабить население.

Ликвидации сапожковщины В. И. Ленин придавал большое значение. 2 августа 1920 года он по прямому проводу дал указание Уральскому ревкому не допустить прорыва мятежников на юг, потребовав принять для этого срочные и решительные меры к быстрому разгрому мятежа, использовать всю полноту революционной власти¹.

В начале августа 1920 года мятеж был подавлен, Сапожков убит, а другие организаторы и руководители мятежа преданы суду и сурово наказаны.

Что касается рядовых красноармейцев, примкнувших к Сапожкову вследствие своей малосознательности, то они в основном были приговорены к условному наказанию и отправлены на фронт, где им представлялась возможность искупить свою вину.

Объем работы в военных трибуналах был очень большой. Только с 10 июня по 10 ноября 1920 года военный

¹ См. Ленинский сборник XXXIV, стр. 341.

трибунал ЗВО рассмотрел дела в отношении 4 тысяч человек.

О том, насколько вдумчиво и дифференцированно подходил трибунал к назначению наказания подсудимым, свидетельствуют следующие данные: из общего числа осужденных — 10 процентов было приговорено к расстрелу, 10 процентов к лишению свободы, 75 процентов подверглось условной мере наказания, 5 процентов было оправдано. Среди осужденных к расстрелу были 220 сапожковцев, 55 бандитов, 40 расхитителей народного добра, 30 взыточников, 15 крупных спекулянтов, 10 шпионов и другие¹.

Военные трибуналы широко оповещали красноармейцев и население о своей деятельности, в печати систематически обнародовались данные о работе реввоен трибуналов, о назначенных к рассмотрению делах и о вынесенных решениях.

Военные трибуналы одними из первых применяли и новые виды наказаний.

22 февраля 1919 года военным трибуналом был осужден военком Залевский, который получил для Покровского отдела здравоохранения спирт, но употребил его для личных нужд. Залевский был осужден к шести месяцам исправительных работ. Газета «Коммуна» в связи с этим писала:

«Приговор по применению исправительных работ в нашем городе один из первых. Известно, что тюрьма не исправляет, а, наоборот, губит. Поэтому нельзя не приветствовать этого новшества... Пусть-ка поработает — кроме пользы и телу, и душе, ничего не будет»².

В годы гражданской войны большую помощь командованию в укреплении дисциплины в войсках наряду с военными трибуналами оказывали полковые суды и дисциплинарные товарищеские суды подразделений. Им были подсудны дела о самовольных отлучках, промотании обмундирования, оскорблении должностных лиц и сослуживцев и другие дела.

Полковые и дисциплинарные товарищеские суды пользовались большим авторитетом среди красноармейских масс.

«Что касается отношения красноармейцев к суду, то

¹ См. «Коммуна», 27 октября 1920 г.

² «Коммуна», 1 марта 1919 г.

его надо считать вполне благожелательным: не было случая отказа подсудимых подчиниться приговорам и решениям судов. Судьи-красноармейцы весьма внимательно относятся к своим обязанностям, прилагая все усилия для выяснения правды», — указывалось в отчете председателя военно-судной секции политотдела IV армии.

Деятельность военных трибуналов в годы гражданской войны получила высокую оценку партийных органов. Так, в приветствии 7 декабря 1928 года политуправление Красной Армии указывало:

«Военные трибуналы проделали огромную революционную работу, мечом пролетарского правосудия они беспощадно поражали врагов революции в интересах охраны Советской страны».

Эта оценка в полной мере относится и к деятельности реввоенрибуналов I, IV и V армий Восточного фронта и военных трибуналов Приволжского и Заволжского военных округов, внесших свой вклад в защиту завоеваний Великого Октября, в разгром белогвардейских банд.

* * *

В 1941 году мирный труд советских людей был прерван вероломным нападением немецко-фашистских полчищ.

Летом 1942 года боевые действия приблизились непосредственно к Поволжью. В эти дни в Приволжском военном округе готовились боеспособные части и соединения для фронта. Военные трибуналы провели большую работу по укреплению советского тыла. Как и в годы гражданской войны, деятельность военных трибуналов способствовала укреплению воинской дисциплины и правопорядка в частях.

Многие судьи, которые ныне служат в военных трибуналах округа, лично участвовали в боевых действиях наших войск.

Подполковник юстиции Яблонский В. С. начал войну командиром орудия на Юго-Западном фронте, за отвагу был награжден орденом Красной Звезды, в боях под Винницей летом 1941 года тяжело ранен. После окончания Военно-юридической академии Яблонский более 17 лет на судебной работе. Виктор Сергеевич — квалифицированный судья, много внимания уделяет предупреждению правонарушений в частях, проводит большую пропагандистскую работу.

Полковник юстиции Мышаков С. Т. находился в действующей армии на должности члена военного трибунала соединений. За боевые отличия он награжден орденом Отечественной войны II степени. Товарищ Мышаков ныне успешно работает председателем военного трибунала Саратовского гарнизона.

Активное участие в Великой Отечественной войне принимали подполковник юстиции Белый Г. К., майоры юстиции Моисеев Н. В., Дубовцев Ф. Ф. и другие.

Все послевоенные годы судьи военных трибуналов Приволжского военного округа оказывают большую помощь командованию и политорганам в укреплении воинской дисциплины и законности в войсках. В этих целях используются различные формы воспитательного воздействия; в судебных процессах в присутствии личного состава рассматривается до половины поступающих уголовных дел, к участию в процессах привлекается армейская общественность. В последние годы активизировалась правовая пропаганда. Во многих гарнизонах и соединениях действуют лектории правовых знаний. Популярны такие формы правовой пропаганды, как кинолекционные и тематические вечера, вечера вопросов и ответов и другие.

На деятельности военных трибуналов округа положительно сказывается совместная работа судей с многолетним опытом судебной работы и молодых судей, только что пришедших в военные трибуналы из академии или из войск. Большой судейский стаж у полковника юстиции Высоцкого Л. А., подполковников юстиции Некрасова В. М., Курникова И. П., Хафизова Э. М. и других. Первые шаги в своей судебной деятельности с помощью товарищей делают выпускники военно-юридического факультета Военно-политической академии имени В. И. Ленина капитан юстиции Беляевский В. Б., майор юстиции Пискунов В. Н.

Все судьи военного трибунала округа с высшим юридическим образованием. Перспективные молодые судьи выдвигаются на более ответственные судебные должности. Работа судей не лишена и недостатков, в связи с чем в практике их работы все еще встречаются случаи отмены и изменения судебных решений. Военный трибунал округа, проявляя высокую требовательность, воспитывает судебных работников в духе высокой принципиальности

и непримиримости ко всякого рода упрощенчеству и нарушениям закона.

На рубеже полувековой истории военных трибуналов Приволжского военного округа мы с гордостью можем сказать, что военные судьи округа отдавали и отдадут все свои знания и силы служению нашей Родины.

Подполковник юстиции А. БОГОМОЛОВ

НА УРАЛЕ

В мае 1918 года на Урале вспыхнул мятеж чехословаков. Урал и Сибирь охватило пламя гражданской войны...

По решению Уральского обкома партии 13 июня 1918 года был образован Северо-Урало-Сибирский фронт. Командующим фронтом был назначен коммунист Р. И. Берзин. Для оказания помощи Реввоенсовету в поддержании порядка и дисциплины в войсках был создан революционный военный трибунал фронта. Приказом Берзина председателем РВТ фронта назначается Мещерский, а постоянными заседателями — Птухин, Шувалов, Горин, Волков и Хотинская.

20 июля 1918 года фронт реорганизуется в III армию Восточного фронта. В ее состав вошли, в частности, 30-я дивизия (комдив В. К. Блюхер, комиссар А. Л. Борчанинов), Особая бригада (комбриг В. Рейхардт, комиссар Бела Кун) и другие части.

РВТ стал именоваться военно-революционным полевым судом III армии. Его председателем был назначен В. И. Зоф, член большевистской партии с 1913 года, активный участник Октябрьского восстания в Петрограде. Это ему В. И. Ленин поручил передать по телеграфу народам России и всему миру Обращение Совета Народных Комиссаров о победе социалистической революции. Следует отметить, что наименование военного суда III армии изменялось — он назывался военно-полевым революционным судом, военно-революционным трибуналом штаба III армии, походным РВТ, РВТ. Однако, как бы он ни назывался, задачи его оставались одни и те же — осуществлять правосудие в Красной Армии, защищать завоевания Октября.

Военно-революционному трибуналу III армии были подсудны все дела на военнослужащих, а также на гражданских лиц, совершивших преступления, которые причиняли вред Красной Армии. Среди пополнения, прибывшего по мобилизации в III армию, было много выходцев из глухих уральских и сибирских деревень, людей малограмотных, которые плохо разбирались в политической жизни, легко поддавались панике и белогвардейской пропаганде, оставляли свои части. Судьи РВТ проводили большую воспитательную работу с этими красноармейцами, разъясняли им долг и обязанность защищать революцию. При рассмотрении уголовных дел РВТ подходил строго индивидуально к каждому подсудимому. Если это был малосознательный красноармеец или лицо, совершившее неопасное преступление, РВТ, как правило, определял такое наказание, которое давало возможность осужденному искупить вину, находясь в своей части. Однако суд применял и суровые меры репрессии — вплоть до расстрела — к злостным дезертирам, мародерам и другим лицам, совершившим опасные воинские или общеуголовные преступления. Так, РВТ, рассмотрев дело на красноармейцев братьев Максима и Василия Ноговицких, которые пытались уклониться от мобилизации в Красную Армию, учел, что оба они бедняки, неграмотные, совершили преступление под влиянием кулака-дезертира, и приговорил их к условному заключению в рабочей роте. Тот же РВТ осудил 28 сентября 1918 года к расстрелу красноармейца Елтышева, дезертировавшего из части с оружием.

На Восточном фронте в составе III армии против белогвардейцев воевали интернациональные части венгров, чехов, китайцев и представителей других национальностей. Эти части были сформированы из бывших военнопленных и иностранных рабочих с заводов. Для объединения интернациональных частей много сделали выдающиеся деятели венгерского и международного рабочего движения Бела Кун и Ференц Мюнних. Бела Кун, будучи председателем Федерации иностранных коммунистических групп при ЦК РКП(б), прибыл в августе 1918 года в Пермь. Город Пермь стал центром формирования и сосредоточения интернациональных отрядов.

Интернациональные отряды входили в состав Особого отряда III армии, который затем стал именоваться 3-й бригадой 3-й Уральской дивизии (начальник дивизии

Р. Эйдеман). В конце августа 1918 года эта воинская часть была преобразована в Особую бригаду. Командиром ее был В. Рейхардт, комиссарами — Бела Кун и поляк Залуцкий. Ференц Мюнних работал инспектором участка фронта, на котором действовали интернациональные части.

В Особом отряде, а затем бригаде III армии был учрежден революционный военный трибунал. Он рассматривал дела на всех военнослужащих отряда, совершивших воинские и общеуголовные преступления, а также на граждан за контрреволюционные преступления. Для рассмотрения некоторых дел в состав суда назначались самые авторитетные люди отряда, такие, как Бела Кун, Ференц Мюнних и другие.

В приказе № 38 командира Особого отряда В. Рейхардта от 3 сентября 1918 года был объявлен приговор РВТ по делу Ракшина и Елохова, уроженцев деревни Ломовка, Лысвенского района, Пермской губернии. Они обвинялись в контрреволюционном выступлении против Советской власти. Оба они, получив у белочехов оружие, воевали против Красной Армии, в бою были взяты в плен. Суд при определении наказания учел, что Ракшин — кулак, добровольно ходил к белочехам за оружием, а Елохов — бедняк. РВТ приговорил Ракшина к расстрелу, а Елохова «как пролетария, которого ввели в заблуждение контрреволюционеры и чехословацкие бандиты, — к общественному трудовому заключению сроком на три года».

Дело Ракшина и Елохова рассматривал суд, в состав которого входили Б. Кун и Ф. Мюнних. Секретарем судебного заседания был Беляев — начальник штаба бригады.

В связи с тем что в то время не было единой судебной практики в назначении наказаний и правовых актов об этом, РВТ III армии, руководствуясь велением революционной совести, избирал меры наказания по своему усмотрению. Они были очень разнообразны: 10 лет дисциплинарного батальона; заключение в рабочем доме, коях, рабочей роте; строгий выговор с предупреждением; «высылка из пределов Советской России за границу, где бы осужденный воочью убедился в превосходстве советского строя перед капиталистическим»; выносился смертный приговор условно. Однако РВТ всегда учитывал и личность подсудимых и обстановку, в которой совершено преступление. В этой связи можно привести полностью одно

решение РВТ, сохранив особенности стиля и языка судебных документов того времени. Этот приговор был напечатан в армейской газете «Красный набат» 25 июля 1919 года.

«28 июня 1919 года революционный военный трибунал штаба III армии Восточного фронта в составе: председателя Шумкина и членов: Звонова и Танг, в камере своей, в гор. Глазове, в открытом судебном заседании рассмотрел дело по обвинению Марии Пепеляевой, Кузьмы Пепеляева и Ивана Ившина в оговоре бывшего председателя деревенского Совета деревни Колевой, Ключевской волости, Глазовского уезда, Ивана Свалова, благодаря чему последний был расстрелян белыми.

Имея в виду, что донос на бывшего председателя колевского деревенского Совета Ивана Свалова был произведен подсудимыми во время их допроса агентами контрразведки белой армии из боязни и стремления выгородить себя, что в действиях Пепеляевых и Ивана Ившина не усматривается злого умысла или проявления мести по отношению к расстрелянному Свалову, как коммунисту и активному советскому работнику, и что перечисленные подсудимые по своей неразвитости при допросе руководствовались исключительно лишь целью спасения своей собственной шкуры, трибунал нашел нужным отнестись к ним снисходительно.

Трибунал приговорил: обязать подсудимых Марию и Кузьму Пепеляевых, Ивана Ившина оказывать материальную помощь вдове и сиротам расстрелянного Ивана Свалова до совершеннолетия последних. Размер и вид этой помощи предоставить выработать отделу социального обеспечения Глазовского уезда».

Классовый подход революционного военного трибунала к определению мер наказания виновным виден в каждом его решении.

К уголовной ответственности привлекались военнослужащие, замеченные в пьянстве. Так, 18 июля 1919 года РВТ III армии «в открытом судебном заседании, рассмотрев дело по обвинению коменданта Н-ского стрелкового полка Григория Андреева-Шишилова в распитии самогонки и имея в виду, что факт распития таковой является установленным собственным признанием подсудимого, постановил: Григория Андреева-Шишилова подвергнуть заключению в дисциплинарном батальоне сроком на полтора

176

года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Представляет интерес приговор по делу Леонтьева с точки зрения юридической мотивировки оправдательного приговора.

18 июля 1919 года трибунал III армии, рассмотрев дело по обвинению Ф. В. Леонтьева в убийстве из пулемета красноармейца Ковечникова, нашел, что «обвиняемый Леонтьев, находясь на фронте в окопах, неосторожным движением локтя задел спуск пулемета, оказавшегося заряженным, отчего произошел выстрел, убивший красноармейца Ковечникова. Имея в виду, что факт преднамеренного убийства подсудимым Леонтьевым красноармейца Ковечникова остался неустановленным, трибунал усматривает в поступке Леонтьева лишь преступно небрежное обращение с оружием, а потому приговорил: красноармейца Федора Васильевича Леонтьева по обвинению в убийстве красноармейца Ковечникова считать по суду оправданным. За небрежное же обращение с оружием объявить ему строгий выговор с предупреждением. При повторении подобного проступка он будет подвергнут ответственности по всей строгости революционных законов. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

* * *

Проверка работы революционных военных трибуналов в 1918—1922 годах, в период становления советской военно-судебной системы, проводилась инспекторами Реввоен-трибунала Республики.

В Пермском государственном архиве обнаружен акт от 3 мая 1924 года об инспектировании Пермского отдела революционного военного трибунала ПриурВО и I-й армии Труда, произведенном инспекторами-инструкторами Революционного военного трибунала Республики Изволенским и Александровым. Акт этот интересен тем, что в нем дана оценка работы военного трибунала за все время его деятельности. Проверке подвергались: судебная работа, следственная часть, судебно-исполнительная часть, секретариат, общая часть, денежная отчетность, архив и комендантская служба.

После проверки РВТ член Революционного военного трибунала Республики Н. Поспелов дал письменное ука-

зание председателю Пермского отдела ПриурВО об устранении отмеченных во время проверки недостатков. Кроме того, были даны различные руководящие указания, касающиеся вопросов подсудности, порядка рассмотрения дел в распорядительном заседании и т. д.

В заключение член Революционного военного трибунала Республики Н. Поспелов в своем указании отметил:

«Коллегия отдела РВТ стоит на правильном пути. Работу трибунала как революционного органа судебной расправы с явными и тайными врагами Республики считаю вполне удовлетворительной».

— ☆ —

Подполковник юстиции в отставке И. ГЛУЩЕНКО

НА ЦАРИЦЫНСКОМ ФРОНТЕ

Из разрозненных краснопартизанских отрядов, действовавших под Царицыном, и различных воинских частей, отступавших к Царицыну с Украины и из Сальских степей, в условиях непрекращавшихся боев с белоказаками в октябре 1918 года была сформирована под командованием К. Ворошилова X армия Царицынского фронта.

По телеграмме Реввоенсовета X армии 18 ноября 1918 года я прибыл для работы во вновь сформированный военный трибунал этой армии. Вместе со мной для работы в трибунале прибыли братья Николай и Валентин Мусины и Михаил Булаткин. В штабе армии мы встретили еще нескольких человек, также прибывших в трибунал, в том числе Тарасова-Родионова, которому было поручено формирование трибунала. Мы разработали Положение о военно-полевом революционном трибунале X армии, в котором предусматривались структура трибунала и перечень наказаний, которые мог применять трибунал: направление в штрафной батальон, лишение свободы от шести месяцев до пяти лет, каторжные работы пожизненно, расстрел.

При назначении наказания трибунал должен руководствоваться, говорилось в Положении, революционной совестью и коммунистическим правосознанием. Положением предусматривалось создание в трибунале армии распорядительного и судебного отделов и следственного отделения с несколькими военными следователями.

Характерно, что возглавлял военно-полевой революционный трибунал не председатель трибунала, а старший член распорядительного отдела, которому подчинялся весь состав трибунала, включая и председателя.

Положение о военно-полевом революционном трибунале было утверждено приказом № 100 Реввоенсовета армии. После этого были назначены на должности: старше-

го члена распорядительного отдела — старый член партии Марченко; председателя трибунала (судебного отдела) — Михайлов, рабочий одного из московских заводов, тоже старый член партии; начальника следственного отделения — Григорьев, капитан царской армии, юрист по образованию; начальника судебно-исполнительной части судебного отдела — Булаткин. Братьев Мусиных, Николая и Валентина, назначили на должности военных следователей, а меня на должность старшего делопроизводителя судебно-исполнительной части судебного отдела.

На должность военного следователя был назначен некий Криворучко, бывший священник одной из кубанских станиц. Со дня октябрьского переворота он сбросил с себя сутану и добровольцем пошел в краснопартизанский отряд, где вступил в РКП(б), и, так как имел юридическое образование, был направлен на работу в военный трибунал.

Одновременно с утверждением штата военно-полевого революционного трибунала X армии тем же приказом Реввоенсовета был утвержден и штат военных трибуналов дивизий, состоявших из председателя трибунала, двух постоянных членов и двух запасных членов трибунала, двух военных следователей, секретаря, делопроизводителя и писаря.

Кроме того, при штабе армии тогда же был создан отдел военного трибунала армии по штату трибунала дивизии.

Помощи из центра первое время мы не получали, а Тарасов-Родионов, закончив свою миссию, возвратился в Москву.

Только в конце января 1919 года из Москвы была получена Инструкция революционным военным трибуналам фронтов и армий, изданная Революционным военным трибуналом при Реввоенсовете Республики. В этой Инструкции была определена организационная структура военных трибуналов, их подсудность, порядок судопроизводства и меры наказаний.

Реввоен трибунал X армии просуществовал до июля 1920 года, то есть до расформирования армии. За это время работники трибунала с чувством высокой ответственности за порученное им дело осуществляли социалистическое правосудие, помогая командованию укреплять военную дисциплину и должный порядок в частях армий.

☆

В СУРОВЫЕ ГОДЫ

Почти четверть века прошло с тех пор, как отгремели залпы Великой Отечественной войны, а память хранит многое из того, что пришлось увидеть и пережить в те суровые годы.

Автор этих строк всю Отечественную войну проходил службу в военных трибуналах ныне дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Трибунал флота к началу войны находился в столице Эстонии — Таллине, на главной базе флота. Напав на Советский Союз, гитлеровцы рассчитывали захватить Таллин и Ленинград с ходу. В середине июля 1941 года фашистам удалось оккупировать Литву, Латвию, значительную часть Эстонии и вторгнуться в Ленинградскую область. Шли тяжелые кровопролитные бои под Ленинградом и на Балтийском море. Немцы буквально усыпали минами морские подступы к Ленинграду и Таллину, их авиация, господствуя в воздухе, непрерывно бомбила наши войска и корабли.

В этих условиях на трибуналы, как никогда, была возложена задача по оказанию помощи командованию в деле укрепления воинской дисциплины и повышения боеспособности кораблей и частей флота. Эту задачу трибуналы с честью выполнили.

Под обстрелами, бомбежками они проводили судебные процессы, судьи выступали перед военными моряками на кораблях, базах, в окопах и блиндажах. А там, где требовала обстановка, с оружием в руках вступали в бой.

В августе 1941 года в Таллине сложилась крайне напряженная обстановка, в связи с чем командованием был отдан приказ об эвакуации трибунала флота из Таллина в Кронштадт. Необходимо было без потерь эвакуировать

личный состав и вывезти все дела трибунала. Предстояло срочно подготовить архивные дела к перевозке, упаковать их в брезентовые мешки. Этим занимались почти все работники военного трибунала, не занятые в судебных заседаниях. Весь архив был подготовлен в сжатый срок, погружен на корабль и вывезен. Как погрузка архива, так и посадка людей на корабли во время эвакуации проходили под ураганным огнем противника. Гитлеровцы били по причалу из орудий и бомбили с самолетов. Тяжелым был и сам переход на кораблях, особенно между Таллином и Рогландом. Транспорты и боевые корабли шли буквально по минным полям. Иногда мины приходилось отталкивать от бортов баграми и другими предметами. Фашистские самолеты беспрерывно преследовали и бомбили наши транспорты.

Ледокол «Вольдемарс», на котором находились судьи Г. Шевченко, А. Коротков, Л. Сенин, старший секретарь Н. Румянцев, машинистка А. Шпанова и другие работники трибунала, внезапно наскочил на мину. Огромной силы взрыв потряс судно, и оно начало тонуть. Люди стали прыгать за борт. Неподалеку от ледокола «Вольдемарс», накренившись, стоял транспорт «Верония». Возле него, вызывая о помощи, плавали люди, среди них были и работники трибунала — А. С. Мелкомуков и М. А. Исьемин. А на бреющем полете носились самолеты противника и расстреливали терпящих бедствие людей из пулеметов.

Вскоре другой наш транспорт подобрал из воды людей, но тут же сам подорвался на mine и пошел ко дну. Людей вновь стали подбирать другие транспорты. Когда прибыли в Кронштадт, то недосчитались трех своих товарищей. Погибли А. Мелкомуков, Л. Сенин и А. Шпанова.

Исключительно трудной была обстановка, в которой пришлось работать трибуналу военно-морской базы Ханко, островов Сарема и Хлума. Трибунальцы все время находились под огнем. Дела рассматривались чаще всего на передовой — в окопах и блиндажах. Судьям не раз приходилось прерывать судебное заседание и с оружием в руках участвовать в контратаках.

Приведу один из эпизодов в работе военного трибунала военно-морской базы Ханко.

Суд под председательством Н. Морозова рассматривает дело матроса В., проявившего трусость и самовольно

оставившего поле сражения. За это преступление законом предусмотрено самое суровое наказание. На заседании суда подсудимый с чувством глубокого раскаяния рассказывает о своем преступлении, осуждает свое поведение, просит послать его сейчас же в бой, чтобы он мог кровью искупить свою вину. Суд внимательно слушает его, старается взвесить все сказанное, исследует доказательства. Процесс вести тяжело, идет обоюдная перестрелка. Председательствующий неоднократно просит допрашиваемых повторить сказанное, так как стрельба заглушает их показания. Осколки снарядов шлепают в укрытие. Вражеский снаряд угодил в угол здания, где располагался военный трибунал. Появились убитые и раненые. К председательствующему подходит работник военного трибунала и что-то сообщает. Судебное заседание прерывается. Стало ясно — противник выбросил десантную группу. Судьи Н. А. Морозов, Б. М. Дрешер, старший секретарь И. А. Грунич, машинистка Э. А. Трусова и другие работники военного трибунала, захватив боеприпасы, спешат занять отведенные им для обороны позиции. Командир заградительного отряда офицер Дружинин на месте еще раз накоротке дает инструктивное указание трибунальцам. Смысл указания ясен: отразить натиск фашистов. Завязался тяжелый бой. Некоторые необстрелянные стали отступать с поля боя. Вместе с другими офицерами трибунальцы задерживают отступающих, собирают их в боевые группы и ведут в контратаку. Хорошим организатором и волевым начальником проявил себя Б. М. Дрешер. Через некоторое время положение восстанавливается, бой утихает. Работники трибунала возвращаются на свои места. Председательствующий Н. А. Морозов объявляет заседание суда по делу В. продолженным. Тут же выясняется, что подсудимый тяжело ранен, он вместе с конвоиром и свидетелем по делу тоже участвовал в бою, проявил смелость и отвагу. Такое поведение В. в бою явилось для него самой яркой защитительной речью.

Подобных боевых эпизодов в те дни в военном трибунале военно-морской базы Ханко было немало.

Работники этого трибунала неоднократно с оружием в руках участвовали в ликвидации вражеских десантов, заброшенных на остров. Первый председатель этого трибунала А. П. Неделько, выполняя задание командования,

был тяжело ранен. Так же отважно сражались с фашистами и работники трибунала острова Хиума и Сарема — Г. А. Семькин, А. Г. Самуков, И. А. Арефьев и другие. Самуков во время боя с гитлеровцами был ранен, один из членов коллегии убит. Тяжело ранен и председатель трибунала военно-морской базы Либавы Д. Г. Гаврилов.

Многое можно рассказать про боевые дела трибунальцев Балтики. Это были судьи-воины, занимавшие места, когда этого требовала обстановка, в орудийном или пулеметном расчете, в окопе и на боевом корабле. Уходя на передний край проводить судебный процесс, они брали вместе с делом и запас боевых гранат. Не случайно поэтому в наградных листах на военных юристов указывалось прежде всего об их боевых делах...

В октябре 1941 года трибунал флота передислоцировался из Кронштадта в Ленинград, разместившись в здании бывшей фондовой биржи (теперь музей Военно-Морского Флота). Помещение было сырое, мрачное и не отапливалось. Работали при керосиновых лампах. Постоянные артобстрелы, бомбежки, недоедание, частые воздушные тревоги — все это изматывало людей. Однако дружба, товарищеская взаимопомощь, выручка помогали им работать, не щадя сил. Члены коллегии выезжали на боевые участки, беседовали с воинами. Голодные, уставшие до предела, судьи иногда для такой беседы проделывали большие и опасные расстояния.

День 25-летия военных трибуналов в декабре 1943 года работники трибунала флота отметили торжественно. На вечере перед военными юристами выступил член Военного совета флота вице-адмирал Н. К. Смирнов и высоко оценил деятельность военных трибуналов. Там же трибуналам были вручены правительственные награды.

— ☆ —

Подполковник юстиции запаса Н. ТИМЧЕНКО

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ДИВИЗИИ НА ФРОНТЕ

Основным звеном в системе военных судов в период Великой Отечественной войны были военные трибуналы дивизий и бригад. Именно они осуществляли правосудие в самых сложных условиях фронтовой жизни.

Нельзя не отметить некоторых особенностей деятельности военных трибуналов дивизий после 1942 года. Известно, что в 1942 году к участию в судебных заседаниях военных трибуналов вновь, как и до войны, были допущены народные заседатели. В то же время была произведена замена секретарей мужчин секретарями женщинами, которые, как правило, ранее в армии не служили и в органах военной юстиции никогда не работали. Однако они добросовестно относились к делу, смело вели себя в сложной боевой обстановке, безропотно переносили лишения фронтовой жизни. Хочется особенно отметить секретарей военных трибуналов стрелковых дивизий Дененбург, Гнедину, Рокину и Ковалеву, безупречно выполнявших свои служебные обязанности.

Остановлюсь несколько подробнее на работе военного трибунала 74-й стрелковой дивизии. Военный трибунал дивизии рассматривал уголовные дела, как правило, под открытым небом, непосредственно в воинских частях, находившихся на переднем крае. Добиться в боевой обстановке хорошей организации судебного процесса и желаемых результатов можно было только в том случае, если сам военный судья был постоянно связан с частями, знал, в каких они условиях действуют и какую конкретную задачу выполняют.

Военный судья — это вместе с тем и воин, и политработник, который выступал повседневно перед бойцами с беседами и докладами, а в необходимых случаях с оружием в руках сражался с врагом.

Весеннее наступление наших войск на харьковском направлении в июне — июле 1942 года сменялось ожесточенными оборонительными боями. Некоторые наши части вынуждены были отойти.

В такой сложной боевой обстановке ранним утром военный трибунал выехал в одну из частей для проведения судебного процесса по делу обвинявшегося в дезертирстве красноармейца Демиденко. Это был крепкий молодой парень. До войны работал трактористом в МТС на Харьковщине. Обстановка на переднем крае менялась часто. Когда мы добрались до назначенного места, части там уже не было. Выяснилось, что она отступила на новый рубеж. Мы оказались на ничейной территории. На грузовом «газике» отправились разыскивать часть. В автомашине нас было 7 человек — секретарь Прищепа, шофер, подсудимый, три человека конвоя и я. Вокруг стояла необычная тишина. Настроение у всех было тревожное. И вдруг сзади послышался гул мотора. Не успели мы разобраться, что происходит, как наш «газик» обогнал немецкий мотоциклист. Он повернул к сараю, который стоял на опушке леса, и, остановившись, наставил на нас автомат и закричал: «Рус капут, сдавайся!» Шофер остановил автомашину. Мы все прыгнули на землю и бросились к фашисту, но он отбежал за угол сарая и дал оттуда очередь из автомата. Завязалась перестрелка. Вдруг подсудимый Демиденко, без оружия, бежал сарай с другой стороны, бросился сзади на фашиста и свалил его. Немец был связан и посажен в автомашину.

В полдень мы разыскали нужную нам часть, сдали пленного, оказавшегося хорошим «языком». А вечером в овраге, под открытым небом, провели судебный процесс над Демиденко. В суде Демиденко признал свою вину, раскаялся, просил оставить его на фронте и дал клятву, что будет бить фашистов, не жалея своей жизни. Военный трибунал учел раскаяние Демиденко, героический поступок, совершенный им в тот день, и приговорил его к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны. По просьбе командования Демиденко был направлен в свою часть для прохождения дальнейшей службы. Все присутствовавшие с одобрением встретили решение трибунала. Проведение этого процесса в присутствии военнослужащих имело большое воспитательное значение. Человек за несколько часов переро-

дился, преодолел трусость и неуверенность, действовал смело и храбро. Это было поучительно для многих неустойчивых и слабовольных. В августе 1942 года на Дону в районе станицы Клетская я прибыл в одну из частей. В беседе с командиром полка Тесленко и комиссаром Антоновским узнал, что Демиденко воюет смело, в последнем бою за освобождение станицы был ранен, но в тыл уйти отказался и находится в санроте.

В тот же день в расположении санроты было организовано судебное заседание. По ходатайству командования военный трибунал освободил Демиденко от наказания со снятием судимости. Командир полка в присутствии раненых и медработников вручил Демиденко справку о снятии судимости, поздравил его и пожелал успехов в борьбе с фашистскими захватчиками.

Во время обороны на Орловско-Курской дуге наша дивизия занимала оборону в районе Малоархангельска. В одной из частей произошло несколько случаев дезертирства. Было решено провести судебный процесс над одним из дезертиров в присутствии личного состава. Вместе с командиром полка и его заместителем по политической части подобрали место для проведения судебного заседания — в небольшом овраге, всего в нескольких метрах от первой линии траншей.

На суд прибыли представители от подразделений прямо из окопов. Шкурник и трус, дезертир Манжос был осужден трибуналом к расстрелу. Приговор в установленном законом порядке был утвержден и приведен в исполнение перед строем военнослужащих.

После судебного процесса политработники и председатель суда пошли по траншеям и разъяснили приговор всем воинам, находившимся в первой линии обороны.

В начале июля 1943 года, когда на Курской дуге противник перешел в наступление и начались ожесточенные бои, в частях дивизии было выявлено несколько случаев членовредительства. Предстояло оперативно принять меры против тех, кто совершил тяжкое преступление.

Подк, в который работники военного трибунала смогли добраться только по-пластунски, уже несколько дней вел бои и отбивал атаки врага. Когда была отбита очередная атака, во время кратковременного затишья решили провести судебный процесс по делу военнослужащего, который прострелил себе руку и бежал с поля боя.

Судебный процесс еще не был закончен, когда противник возобновил атаку. Немцы внезапно просочились в первые траншеи, создалась весьма серьезная и сложная обстановка. Судебное разбирательство было прервано. Командир полка, все присутствовавшие офицеры и солдаты, в том числе народные заседатели и председатель военного трибунала, тут же ушли в бой. Ушли в бой и бойцы, охранявшие преступника, оставив его под охраной секретаря военного трибунала — девушки. Атаку фашистов отбили. Однако в этом бою были убиты командир полка подполковник Янченко и его заместитель по политической части подполковник Куц; один из народных заседателей получил тяжелое ранение. Председатель трибунала тоже был ранен. Рассматривать дело пришлось сначала, с новыми народными заседателями.

В целях пресечения случаев членовредительства военный трибунал совместно с политотделом использовал все возможности. В частности, был выпущен специальный номер дивизионной газеты со статьями: «Будь верен Отчизне», «Закон о каре за измену Родине», «Как советский закон карает за дезертирство, членовредительство, за хранение и распространение вражеских листовок», «Шкурник Манжос приговорен к расстрелу». В этом же номере газеты был опубликован текст военной присяги и ряд заметок о героических подвигах воинов дивизии.

Наряду с назначением строгих мер наказания большое воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы за воинские преступления имели отсрочки приведения приговора в исполнение до окончания военных действий с направлением осужденных в специальные части (штрафные батальоны, роты), где им предоставлялась возможность искупить свою вину перед Родиной.

Несмотря на трудные условия, в которых приходилось рассматривать дела, военные трибуналы всегда стояли на страже социалистической законности и проводили свою работу в строгом соответствии с принципами советского правосудия, вели решительную борьбу с нарушениями закона, с процессуальным упрощением.

Дело по обвинению солдата Народицкого в покушении на измену Родине рассматривалось в закрытом заседании военного трибунала дивизии.

В одну из январских ночей 1945 года группа развед-

чиков, в состав которой входил и Народицкий, была направлена в тыл врага. В пути Народицкий был задержан и возвращен в штаб части, так как он при переходе минного поля заявил соседу-разведчику: «Как только перейдем линию фронта, сдамся немцам в плен». Командир группы лейтенант Леонов, которому доложили об этом, под конвоем отправил Народицкого в часть, а с остальными разведчиками ушел на выполнение задания.

В суде Народицкий утверждал, что намерения сдать врагу не имел.

— Да, я сказал, — пояснил подсудимый, — что как перейдем линию фронта, то сдамся немцам. Однако это я сделал для того, чтобы меня возвратили из разведки. У меня болели ноги, и я думал, что не смогу вернуться к своим. Боялся остаться на территории противника.

Допрошенный в ходе судебного следствия свидетель Леонов, руководивший разведгруппой, заявил:

— Подсудимого знаю давно как боевого товарища, бывал с ним в тылу врага, вел он себя хорошо. В этот же раз он высказал такие намерения, что я решил его возвратить в часть, хотя и не допускал мысли, что он мог изменить Родине. Не таков он, с ним что-то случилось. О болезни ног он не говорил. Такие заболевания случались, так как солдаты по несколько дней не снимали обуви.

Судебно-медицинский эксперт подтвердил наличие у обвиняемого серьезного заболевания ног. Суд обратил внимание и на то, что подсудимый находится на фронте более двух лет, неоднократно был в боях, награжден медалью «За отвагу».

Тщательно исследовав все обстоятельства, военный трибунал пришел к выводу об отсутствии в действиях Народицкого состава преступления — покушения на измену Родине и оправдал его.

Большая часть военнослужащих, осужденных с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны, во время боевых действий с противником проявляла мужество и отвагу, и впоследствии по ходатайству командования военные трибуналы освобождали их от отбытия наказания со снятием судимости.

Работа по освобождению от наказания осужденных военнослужащих, искупивших вину перед Родиной, составляла значительную часть деятельности военных три-

буналов. Например, во время обороны на Курской дуге военный трибунал 74-й стрелковой дивизии рассмотрел сотни ходатайств командования об освобождении от наказания и снятия судимости с осужденных. Эта работа военных трибуналов имела немалое воспитательное значение.

Военный трибунал рассматривал ходатайства командования о снятии судимости и с тех военнослужащих, которые судились до призыва в армию, но судимость с них не была снята. Ходатайства военный трибунал рассматривал в открытых судебных заседаниях в присутствии военнослужащих, часто в боевой обстановке. Справки об освобождении от наказания, а также о снятии судимости вручались командирами частей в присутствии других военнослужащих.

Военные трибуналы регулярно информировали командование о характере рассматриваемых дел, о причинах преступности, о недочетах, выявленных при рассмотрении конкретных дел, намечали совместно с командованием профилактические мероприятия.

Командование и политорганы 74-й стрелковой дивизии дали положительную оценку работе военного трибунала. Работники трибунала были награждены орденами и медалями. Секретарь военного трибунала дивизии Гнедина, прошедшая путь от рядового бойца до старшего лейтенанта юстиции, за мужество и доблесть, проявленные в боях с немецкими захватчиками, награждена орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» и четырьмя другими медалями. Председатель военного трибунала награжден орденом Красной Звезды, Отчественной войны I и II степени и восемью медалями.

— ☆ —

Подполковник юстиции В. КОРОТИЧ

В НАСТУПЛЕНИИ

...В лощине, у одинокого дерева наскоро сбиты доски и положены на ящики из-под снарядов. За этим импровизированным столом заседают военный трибунал дивизии. Перед судом стоит солдат Игнатченко, который, испугавшись немецких танков, бросил оружие и сбежал с поля боя.

Идет заседание суда. На траве сидят свидетели. Подсудимый, волнуясь, дает показания: «Признаю себя виновным, граждане судьи, первый раз попал под огонь...»

Вдали слышится приближающийся гул самолетов, это «юнкерсы». Начинается бомбежка. Разбирательство дела прерывается, состав суда и подсудимый с конвоем оказались в одном окне. Спустя некоторое время заседание суда возобновилось. Стола уже нет, он разбит осколками бомбы. Пришлось сесть на разбитые доски, а дело положить на планшет. Суд продолжает выяснять причину бегства с поля боя необстрелянного солдата. Допрошены свидетели. И снова бомбежка. В воздухе проносятся вражеские самолеты. Легко ранен один из народных заседателей, ему сделана перевязка, и процесс продолжается.

Наступает временное затишье. К концу судебного следствия подходят представители частей дивизии, а также воины с огневых позиций пушечной артиллерийской бригады. С негодованием они смотрят на Игнатченко. Они знают цену трусости. Трус может погубить многих. У суда, да наверняка и у всех присутствующих, складывается мнение: за трусость и нарушение военной присяги подсудимый должен быть строго наказан.

В ходе судебного разбирательства Игнатченко полностью признал свою вину, чистосердечно раскаялся. В последнем слове он сказал: «Я поступил подло, смалодуш-

ничал, но клянусь, что больше не посягну на звание воина Красной Армии. Я еще молод, прошу направить меня в штрафную, и я искуплю свою вину кровью...» Подсудимый заплакал. «Мой отец погиб на фронте в первые дни войны, дома — одна мать. Ваше доверие, граждане судьи, я оправдаю», — тихо, но уверенно произнес он в конце своего последнего слова.

Игнатченко совершил тяжкое воинское преступление и заслуживал самого строгого наказания. Однако военный трибунал, уйдя в совещательную «комнату» — в рядом находившийся окоп, учел и то, что Игнатченко ранее ни в чем предосудительном замечен не был, впервые оказался в такой сложной обстановке, глубоко осознал свою вину. Не мог суд пройти и мимо того, что отец подсудимого погиб в боях с немцами, а мать осталась одна. Суд назначил Игнатченко 10 лет лишения свободы и, отсрочив исполнение приговора, направил его в штрафную роту.

С рядовым Игнатченко мне пришлось встретиться еще раз некоторое время спустя. Он проявил мужество в боях с гитлеровцами, был ранен и представлен к награждению орденом Славы III степени. Командование возбудило ходатайство о досрочном освобождении его от наказания и снятии судимости. Перед военным трибуналом Игнатченко на этот раз стоял уже как искупивший свою вину храбрый солдат...

Это было почти четверть века назад. Войска 3-го Украинского фронта, в составе которого действовала и наша артиллерийская дивизия РКК, с упорными боями шли на Запад. Освобождены Запорожье, Кривой Рог. К концу весны 1944 года мы вступили на территорию Молдавии.

Суклея. Небольшое молдавское село под Тирасполем. Здесь летом 1944 года был пойман изменник Лунгу, служивший при оккупантах старостой села. Заседание суда проводилось во дворе одного из домов. В «зале» суда много народу. Предатель Лунгу, признавая, что он добровольно пошел на службу к фашистским оккупантам, вместе с тем отрицал свое непосредственное участие в истязании советских людей. Однако допрошенные свидетели полностью изобличили его. Местные жители ждали от суда сурового приговора. Их взоры выражали ненависть к изменнику Родины. Предатель Лунгу был осуж-

ден к смертной казни, и приговор после утверждения был немедленно приведен в исполнение.

Это лишь небольшие эпизоды работы военного трибунала дивизии в ходе наступления наших войск.

В 1944—1945 годах трибуналу дивизии довелось рассмотреть не малое количество дел. Передко приговоры в отношении членовредителей, дезертиров, трусов, которые осуждались к высшей мере наказания, приводились в исполнение перед строем личного состава частей или представителей от подразделений. Вслед за этим командиры подразделений, политработники, председатель военного трибунала и военный прокурор дивизии проводили среди личного состава беседы о военной присяге, о чести и достоинстве советского воина, об ответственности за дезертирство, членовредительство и другие преступления.

Весной 1945 года развернулись наступательные бои на территории Венгрии. Немецко-фашистские войска, стремясь любой ценой остановить наше наступление в районе озера Балатон и города Секешфехервар, сосредоточили большое количество танков, самолетов и артиллерии. Создавалась сложная и напряженная обстановка. Командование обратилось к личному составу войск с призывом: стоять насмерть, ни шагу назад. Работники политотдела дивизии, прокуратуры и военного трибунала принимали меры к поддержанию строгого порядка и вместе с бойцами отражали контратаки врага.

Военный трибунал дивизии в период наступления наших войск всегда действовал в тесном контакте с командованием и политическим отделом и всей своей деятельностью способствовал выполнению поставленной перед дивизией боевой задачи.

— ☆ —

ПОД ХАРЬКОВОМ В СОРОК ТРЕТЬЕМ

Военный трибунал танковой армии был создан в июне 1942 года. Председателем его назначили Андрианова Николая Георгиевича, военного юриста 2 ранга. Мне, в то время капитану юстиции, пришлось быть членом этого трибунала.

Командовал танковой армией генерал-лейтенант П. С. Рыбалко. В июле — августе 1942 года, находясь в составе Юго-Западного фронта, армия вела тяжелые оборонительные бои в районе Орел, Мценск с мощной танковой группировкой гитлеровцев, которая рвалась к Москве. В этих боях наши танкисты с честью выполнили свою задачу. Враг был остановлен, отброшен, а наша танковая армия удостоена звания гвардейской.

Военный трибунал всей своей деятельностью оказывал командованию помощь в укреплении воинской дисциплины и поддержании боевого духа военнослужащих. Дела трибунал рассматривал, как правило, на передовых позициях. К дезертирам, членовредителям, трусам применялись суровые, но справедливые меры наказания. Судьи проводили беседы с личным составом в окопах и землянках.

В конце 1942 года танковая армия была переброшена на Воронежский фронт и в январе 1943 года в районе Кантемировка вступила в бой с фашистскими войсками. Развивая успешное наступление, армия с упорными боями прошла сотни километров, освободив от фашистских захватчиков ряд городов и населенных пунктов, в том числе Чугуев, Харьков. Передовые части были уже в Полтаве. Однако весенняя распутица нарушила нормальное снабжение частей горючим и боеприпасами. Это было использовано командованием противника. Гитлеровцы сосредоточили против нас свои танковые части и в феврале в районе города Мерефа перешли в контрнаступление.

Немцы влияли на нашу оборону, вследствие чего

некоторые части и соединения армии попали в окружение. В этой сложной боевой обстановке был создан Военный совет армии, на котором командующий генерал-лейтенант П. С. Рыбалко сообщил обстановку и каждому присутствовавшему на совете дал конкретные указания по выполнению боевого приказа Военного совета.

Председателю военного трибунала армии Н. Г. Андрианову было приказано на дороге Мерефа — Валки остановить отступающие подразделения, создать заградительные отряды и занять линию обороны в районе города Мерефа. Кроме того, необходимо было установить связь со штабом стрелкового корпуса генерала Маковчука. Н. Андрианов, член трибунала С. Воробьев и я выехали в заданный район и увидели, как некоторые бойцы, поддавшись панике, бежали со своих позиций.

Мы стали останавливать бегущих, организовали заградительный отряд. В этом нам помогали председатель военного трибунала стрелковой бригады Самодуров и военный прокурор бригады. Нам удалось остановить беспорядочно отступавших людей и направить их для занятия обороны у города Мерефа.

После этого Андрианов и я направились в район городка Валки для установления связи со штабом стрелкового корпуса. Нашли мы его на одном из хуторов. Председатель военного трибунала Андрианов доложил командиру корпуса обстановку и передал приказ Военного совета армии о передислокации и дальнейших действиях корпуса. Мы собирались уже возвращаться назад, как вдруг вошел адъютант и доложил, что на хутор движутся пять немецких танков. Генерал приказал штабу корпуса немедленно следовать к новому месту дислокации, а двум «катюшам», находящимся при штабе корпуса, открыть огонь по противнику. Танки были на некоторое время остановлены. Однако на дороге Мерефа — Харьков наша «эмка» попала под обстрел танков. Нам еле удалось укрыться в балке. Через некоторое время мы благополучно приехали в штаб армии.

За выполнение задания Военного совета армии председатель военного трибунала Н. Андрианов был награжден орденом Красного Знамени, С. Воробьев — медалью «За отвагу», я — орденом Красной Звезды.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

В дни юбилея военных трибуналов хочется оглянуться на пройденный путь, вспомнить дела, которые оставили след в памяти.

В 1940 году 35-й стрелковый корпус участвовал в освобождении Бессарабии. В военный трибунал корпуса поступило дело по обвинению Данильченко. Сын кулака из Николаевской области, он в 1931 году, скрыв свое социальное происхождение, обманным путем проник в Красную Армию. Его зачислили красноармейцем саперного батальона 15-й Сивашской дивизии. В 1932 году, когда батальон выполнял специальные инженерные работы неподалеку от государственной границы в районе города Тирасполь, Данильченко изменил Родине — бежал в Румынию. Там он добровольно поступил в шпионско-разведывательную школу, по окончании которой состоял на службе в охранке. По ее заданиям он неоднократно засылался в сопредельные с Румынией страны, в том числе однажды со шпионским заданием побывал в СССР. В день освобождения Кишинева — 28 июня 1940 года — Данильченко был задержан бессарабскими патриотами (рабочей милицией) и передан советскому командованию.

Дело слушалось по решению Военного совета Одесского военного округа в 15-й Сивашской дивизии. На процессе присутствовал весь личный состав дивизии, участвовавший в освобождении Бессарабии. Предатель понес заслуженную кару.

Помимо судебной работы офицеры военной юстиции вместе с политработниками Красной Армии проводили в Бессарабии большую разъяснительную работу. Они рассказывали жителям Бессарабии о Советской власти, Конституции, советском законодательстве, разъясняли вопро-

сы социалистического строительства в СССР. Много пришлось потрудиться и мне как председателю военного трибунала 35-го корпуса и депутату Верховного Совета Молдавской ССР первого созыва. Я выступал с докладами на предприятиях, учреждениях, перед жителями деревень.

...Отечественная война. Все эти годы я провел на фронте, испытал и горечь поражений, и радость побед.

Будучи председателем военного трибунала Северо-Кавказского военного округа, я провел ряд открытых судебных процессов над изменниками Родины — фашистскими карателями, совершившими тяжкие преступления перед советским народом.

Один из них — процесс в Краснодаре над группой агентов фашистской тайной полиции ГФП-312. Перед судом предстало шесть палачей-предателей. Группу возглавлял А. Михельсон, изменивший Родине в первые дни войны и поступивший на службу к фашистам-карателям. Вместе с ним продали свои души гитлеровцам В. Зуб, В. Круглов, А. Василенко, В. Дубогрей и Н. Оленченко. Эти убийцы оставили свои кровавые следы на Ставропольщине, Кубани, в Крыму.

Отступая из Ставрополя, Васильченко, Круглов и Оленченко под руководством Михельсона подожгли городскую тюрьму, в которой находились советские патриоты. Палачи хладнокровно расстреливали всех, кто пытался выбраться из горящего здания. «Люди задыхались от дыма, — говорил на суде Оленченко, — бросались к окнам в надежде вырваться из огня, молили нас о спасении, а мы, не обращая на это внимание, стреляли в них из карабинов и пистолетов. Ни один человек живым из тюрьмы не вышел». Тогда же этими карателями было расстреляно на Ставропольщине 40 советских граждан. «Я не интересовался, — продолжал Оленченко, — кого мы расстреливали... Это были ни в чем не повинные советские люди».

Вместе с гитлеровцами каратели перебазировались на Кубань и участвовали в массовых расстрелах советских граждан в Армавире, Кропоткине, Тихорецке и других городах. В Запорожской области предатели продолжали свои кровавые дела. У села Нижние Серогезы им удалось окружить группу советских воинов-парашютистов. В неравном бою сложили головы герои-десантники. Чет-

веро из них, будучи ранеными, попали в плен. Каратели расстреляли их.

Опасаясь расплаты, Михельсон и его подручные бежали в Крым. И здесь они верой и правдой служили фашистам, за что получили награды — кресты и медали от своих хозяев.

От рук изменников погибли многие участники крымского подполья, сотни советских людей, помогавших партизанам и подпольщикам. Предатели вешали их, расстреливали, сжигали и закапывали в землю живыми. Они не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Уличили палачей советские люди — участники крымского и ставропольского подполья, родные и близкие погибших...

Бежав в Германию, а затем маскируясь и прикидываясь смиренными овечками, выдавая себя за пострадавших от фашистов людей, эти подонки вместе с угнанными в неволю советскими гражданами вернулись в нашу страну.

Зуб поселился в Краснодаре. Он рассчитывал, что здесь не узнают о его преступлениях, совершенных на земле Тавриды. Но его опознал человек, бывший свидетелем того, как Зуб в 1943 году расстреливал в Крыму подпольщиков.

Круглов был найден во Владивостоке, Василенко арестован в Ставропольском крае, Михельсон задержан нашими чекистами в Южно-Казахстанской области...

Наступило возмездие. Военный трибунал СКВО приговорил предателей к расстрелу.

В 1945 году после освобождения Советской Армией Южного Сахалина военным трибуналом была осуждена группа японцев, учинившая при отступлении японских войск зверскую расправу над жителями корейского поселения за их симпатии к Советской Армии.

Как председатель военного трибунала Дальневосточного фронта, я участвовал в рассмотрении этого дела. Среди подсудимых особенно выделялся один молодой японец — самый активный в этой кровавой расправе. На его совести была смерть многих корейских граждан. Суд приговорил гнусного убийцу к высшей мере наказания — расстрелу.

Суровые, но справедливые приговоры военных трибуналов Советской Армии встречались советской общественностью с единодушным одобрением.

...Вспоминая о прожитом, о суровых годах Отечественной войны, я не могу обойти молчанием имена моих боевых друзей, с кем пришлось вместе работать в трибуналах, делить трудности и невзгоды тех лет.

С чувством искренней признательности вспоминаю С. М. Путько, И. И. Алехина, А. Г. Либмана, К. В. Безносикова, В. В. Бакина, И. С. Насеку, С. М. Орлова, А. И. Васильева, М. В. Денисенко, С. А. Равич-Щербо, Г. Н. Станкевича и других.

В сложной боевой обстановке они не раз с оружием в руках вступали в борьбу с врагом. Многие из них были удостоены высоких правительственных наград.

В день 50-летия военных трибуналов от всей души поздравляю всех ветеранов военных трибуналов, желаю нынешнему поколению военных судей больших успехов в их трудной и почетной работе по отправлению социального правосудия в Вооруженных Силах нашего Отечества.

— ☆ —

О МОЕМ УЧИТЕЛЕ И СТАРШЕМ ДРУГЕ

В этих записках мне хочется рассказать об одном человеке, моем первом в трибунале учителе, наставнике, который затем стал мне старшим другом на всю жизнь.

После разгрома фашистской Германии меня перевели на Дальний Восток секретарем трибунала дивизии. Председателем трибунала был капитан юстиции Федор Максимович Телегин. До войны он работал в народном суде, а в июне сорок первого его призвали и направили служить в военный трибунал.

Я с признательностью вспоминаю всех последующих начальников, поскольку много хорошего позаимствовал у каждого из них, но подлинную любовь к профессии военного судьи мне привил именно Федор Максимович.

Судебных дел перед войной с Японией в трибунал дивизии поступало мало, но Федор Максимович всегда был загружен до предела, его можно было видеть в частях, в землянках командного пункта, у командира дивизии, в политическом отделе... Это были не визиты вежливости, не желание завернуть на огонек. Как коммуниста, члена партийной комиссии, его касалось все, что происходило в дивизии. Бывая часто по поручению политотдела на партийных собраниях в обслуживаемых частях, он затем добросовестнейшим образом выполнял наказания и просьбы коммунистов.

Был у нас во взводе управления солдат по фамилии Мирзатов. Однажды он категорически отказался принимать пищу, два дня ничего не ел, и на него уже было заведено дело по обвинению в уклонении от службы. Федор Максимович пошел во взвод, поговорил с людьми, уяснил, в чем дело. Оказалось, Мирзатов татарин и не мог есть пищу, приготовленную на свином сале. Пища

же, как известно, солдатам готовилась в общем котле, а других жиров в то время в дивизии не было. Старшина не обращал внимание на это, и солдат запротестовал. Телегин вмешался в конфликт, поссорился с начальником тыла дивизии, но добился своего — Мирзатов стал получать необходимое питание.

Уже после войны произошел такой случай. В управлении дивизии одного старшего лейтенанта принимали в партию. За неделю до собрания этот офицер написал в окружную газету о неполадках в штабе, и в частности о зажиме критики. Из редакции заметку для принятия мер послали тому, о ком в ней было написано. Руководящие работники штаба на собрании высказали мнение, что офицер для вступления в партию якобы еще не созрел. Казалось, вопрос был предрешен. Но тут поднялся Телегин. Вначале он покритиковал принимаемого в партию за его недостатки по службе. А потом заговорил о неправильной позиции отдельных руководящих лиц в вопросе приема в партию молодого офицера. Приятно было слушать и сознавать, что это говорит коммунист, юрист. Выступление Телегина вызвало оживленные прения. Были разобраны и обсуждены серьезные недостатки в работе некоторых коммунистов штабной парторганизации. Собрание продолжалось около пяти часов.

...В ночь, когда в Маньчжурии начались боевые действия против Квантунской армии, наша дивизия форсировала Уссури в районе Иман-Хулинь, а в последующие два дня вела трудные бои за Хутоу. Укрывшись в хорошо оборудованных дотах на господствующих высотах, японцы вели сильный огонь по нашим войскам.

Федор Максимович переправился на другой берег вместе с командиром дивизии и двое суток провел там, выполняя различные поручения командования. Когда на переправе образовалась пробка, генерал-майор Б. Л. Виноградов послал его и начхима майора Савилова ликвидировать ее, что и было сделано.

Но могут резонно возразить, что все это не входило в обязанности председателя трибунала. Да, это так. Но это была жизненная потребность офицера, коммуниста, который не вправе был, когда шли тяжелые бои, сидеть сложа руки в тылу и ждать, поступит к нему дело или нет.

Наша дивизия вела тяжелые бои. Японские гарнизоны сопротивлялись отчаянно. Помню, как-то вечером

Федор Максимович вернулся с передовой, где парткомиссия, в состав которой входил и он, принимала в партию воинов.

Обратный путь простреливался из японского дота, и всю болотистую падь ему пришлось проползти по-пластунски. Пришел он грязный, усталый, угрюмый, молча присел возле нашего костра. Настроение у него было подавленное: полк, откуда он только что вернулся, нес большие потери. Были убиты подавшие заявление о приеме в партию саперы Федотов и Новиков. Последний был нашим народным заседателем. Федор Максимович знал его лично. Несколько часов назад Новиков при штурме вражеского дота был ранен и подорвал себя и дот динамитом. Федор Максимович переобулся, просушил обмундирование и снова ушел на передовую. «Не могу здесь сидеть. Там ведь бойцам тяжело», — сказал он.

15 августа 1945 года наша дивизия была срочно отведена на станцию Иман, погружена в эшелоны и перебронирована во Владивосток для участия в высадке морского десанта на Южный Сахалин.

Высадка прошла успешно. Подожженный японцами город Маоко (ныне Холмск) хорошо освещал район десантирования, и первыми достигшие земли полки майоров Строкова и Робакидзе с ходу начали преследовать ухидившего в горы противника. Вскоре разрозненные группировки ввиду бесполезности сопротивления начали сдаваться, и к концу августа военные действия на Южном Сахалине почти повсеместно прекратились.

2 сентября мы рассматривали уголовное дело. Судебное заседание подходило к концу, оглашался приговор. Вдруг в комнату вбежал военный следователь А. Ложкин, сияющий и взволнованный. Едва дождался слов о том, что приговор обжалованию не подлежит, и тут же закричал: «Япония капитулировала. Мир!» Поднялся невообразимый шум: все поздравляли друг друга, обнимались, смеялись, а пародный заседатель медсестры Людмила расплакалась и стала целовать всех и даже осужденного солдата.

На следующий день за участие в боевых операциях командующий фронтом генерал армии М. А. Пуркаев вручил майору Ф. М. Телегину орден Красной Звезды.

Председателем трибунала дивизии Телегин пробыл

четыре года. Поэтому было бы неправильным ничего не сказать о Федоре Максимовиче именно как о судьбе. В нем прежде всего покоряли его деловые профессиональные качества: ясность мышления, умение схватить главное, глубина аргументации, четкое ведение судебного следствия, отсутствие при этом поспешности, суматохи и в то же время волокиты, затянутости процесса. Он всесторонне и полно рассматривал сложные уголовные дела. Поражала также его необычайная работоспособность.

Слушал дела Федор Максимович оперативно, подавляющее большинство их он рассматривал в недельный срок, хотя приходилось часто преодолевать большие расстояния, чтобы добраться до частей.

Разумеется, были у Федора Максимовича и судебные ошибки. Переживал он их нелегко, особенно когда допускались они по его вине. Был он в общем-то у начальства на хорошем счету, но среди некоторых кассаторов слыл вольнодумцем, и недолголюбивали они его за непочтительность к ним: дескать, слишком много самостоятельности, никогда не посоветуется, все решает сам. Но те, кто знал его ближе, отчетливо понимали, что это не от гордости или зазнайства, а выработанная годами привычка смело принимать самостоятельное решение вместо желания застраховаться чужим именем.

Под председательством Ф. М. Телегина было прекращено около десятка дел, вынесено несколько оправдательных приговоров, много дел возвращено на доследование. Лейтенант Нечаев, необоснованно обвинявшийся в умышленном поджоге офицерского общежития, рядовой Пономарев, неправильно привлеченный к ответственности за антисоветскую агитацию, и ряд других обвиненных в преступлениях знают, кому они обязаны незапятнанным именем, свободой и своим будущим.

Беда пришла совсем неожиданно. Летом 1948 года Федор Максимович получил письмо от брата, который считался пропавшим без вести на фронте. Оказывается, тот был в плену, а по освобождении его заключили в лагерь. Федор Максимович в тот же день выслал брату посылку, одновременно сделал запрос о характере вины заключенного, а в политотдел и по команде направил рапорт об этом известии. В политотделе рассудили здраво — в случившемся не вина, а беда Телегиных. Спецпро-

курор вообще не ответил, а Главное управление военных трибуналов сразу же откликнулось, отозвав подателя рапорта с судебной работы. К чести председателя военного трибунала Дальневосточного военного округа, ныне генерал-майора юстиции в отставке С. Синельника, им было написано в Москву письмо о том, что трибунал округа категорически возражает против увольнения честного труженика из системы военных трибуналов.

Немало трудных дней пришлось пережить Федору Максимовичу. Обремененный большой семьей, оказавшись в чужом городе без квартиры, он после длительных мытарств устроился на работу в территориальную прокуратуру города Проскуров. И тут-то окупилась душевная теплота, так щедро раздаваемая им людям. Старые сослуживцы навещали его, помогали теплым словом, своим участием. К нему попутно и непопутно заезжали дальневосточники, были офицеры штаба Вехов, Баубель, Антропов и другие. И особенно поразило меня в Федоре Максимовиче то, что в самые тяжелые минуты он не терял веры в торжество правды.

Однако все невзгоды остались позади. Теперь Федор Максимович живет в Днепропетровске. Он полковник милиции, окончил вуз, работает начальником следственного отдела областного управления охраны общественного порядка, недавно награжден орденом Красного Знамени.

И так же, как прежде, его касается все. Помню, когда он работал еще в Проскурове, я приехал к нему и, бесполезно прождав допоздна дома, пошел за ним в прокуратуру. Мы уже вышли из его рабочей комнаты, как он вдруг вернулся обратно: «Подожди, я совсем забыл. Целый день ловил одного товарища. Сейчас он наверняка дома». Оказывается, Телегин только что вернулся из колхоза, где был в служебной командировке и узнал, что там скот остался без корма. И вот он сейчас звонил на квартиру директору мукомольного комбината и просил, чтобы тот помог колхозу.

После телефонного разговора я шутя сказал: «Вам, Федор Максимович, следовало бы идти не в прокуратуру, а толкачом». Он сердито спросил: «А ты слышал когда-нибудь, как ревет голодный скот?» Но, видимо, тут же спохватился — перед ним все же гость, примирительно

взял меня за локоть: «Ну ладно, пошли, а то, наверное, и ты проголодался, как те буренушки».

Федор Максимович остался в строю. Правда, жизненные невзгоды посеребрили его голову, но по своему характеру, по отношению к делу он остался таким же беспокойным, деятельным.

Для моего поколения он является живым примером офицера, коммуниста, судьи, тем, кто, не поучая, учил нас жить, тем, на кого мы равняли свой шаг в нашем нелегком пути.

— ☆ —

ТРУДНОЕ ДЕЛО

Осенью 1941 года в военный трибунал Ворошиловградского гарнизона поступило уголовное дело на летчика 4-го штурмового полка Барсукова.

Барсуков обвинялся в том, что он, являясь выходцем из семьи священника, изменил Родине — во время выполнения боевого задания умышленно посадил на оккупированной противником территории самолет Ил-2 и передал его гитлеровцам. Получив шпионское задание вражеской разведки, Барсуков перешел затем линию фронта и возвратился в свою часть.

Барсуков на суде объяснил, что самолет он посадил вынужденно, так как был подбит огнем зенитной артиллерии. При этом он пытался поджечь самолет выстрелом из пистолета, но не успел, поскольку немцы бежали к самолету. Чтобы не быть схваченным и не оказаться в плену, он скрылся в лесопосадке, добрался до села, где переделался в гражданскую одежду. Ночью перешел линию фронта и на другой день прибыл в расположение своей части.

Допрошенные на предварительном следствии два летчика из его звена показали, что после выполнения боевого задания на обратном пути Барсуков неожиданно у линии фронта пошел на посадку и остался с самолетом на оккупированной врагом территории. Больше им ничего не известно.

В связи с выполнением боевого задания эти свидетели на заседание трибунала не явились, и не было возможности их вновь вызвать в суд.

Перед судом возникло много вопросов. Почему так легко Барсукову удалось уйти от противника? Как он сумел перейти линию фронта? Но самым трудным, что

206

предстояло решить суду, был вопрос, изменил ли Барсуков Родине или нет? То, что он оставил врагу самолет новой в то время конструкции, было установлено. Не вызвало сомнений и то, что этот самолет Барсуков не уничтожил. Самолет остался на территории, занятой противником, техническое его состояние не проверить. Не было возможности проверить, имел ли Барсуков связь с немцами.

Таким образом, надо было решать судьбу Барсукова на основании оценки имеющихся в деле материалов и критического анализа объяснений самого подсудимого. Важную роль в правильном разрешении этого дела сыграло последнее слово подсудимого Барсукова.

Подсудимый говорил более часа. Речь его была страстной. Он утверждал, что не изменял Родине, что является ровесником Октября и преисполнен решимости отдать жизнь за Родину. То, что он происходит из семьи священника, не лишает его патриотического чувства к Родине. «Враг напал на матушку-Русь, все должны выступить на борьбу с врагом в целях изгнания его с нашей территории», — сказал подсудимый. Тут же он привел несколько высказываний из книги «50 лет в строю» генерала Игнатьева, который, как известно, будучи выходцем из дворянской семьи, тем не менее сохранил верность Родине и служил интересам русского народа.

В совещательной комнате суд обсуждал и оценивал каждый момент происшедшего, каждое доказательство. Объяснение Барсукова о том, что он посадил самолет вынужденно, так как был подбит огнем противника, ничем не опровергнуто. То обстоятельство, что он не уничтожил его, в результате чего самолет был захвачен немцами, еще не свидетельствовало об умысле подсудимого изменить Родине.

Для проверки утверждения подсудимого о том, что он просил летчиков уничтожить самолет, оставленный им на территории, занятой противником, было возобновлено судебное следствие. Вызванные в суд свидетели — летчики показали, что подсудимый говорил им о месте нахождения самолета и просил при очередном вылете поджечь его, но эту просьбу им выполнить не удалось.

Снова суд удалился в совещательную комнату, анализировал и оценивал все обстоятельства дела. Наконец был оглашен приговор. На основании тщательного после-

207

дования доказательств военный трибунал отверг обвинение Барсукова в измене Родине. Барсуков был оставлен в своей части. Командир полка закрепил за ним другой самолет. Барсуков продолжал бить врага. Вскоре в одном из боевых вылетов он получил несколько ранений, но сумел довести самолет до своего аэродрома и отказался ехать в тыловой госпиталь. И в других боях Барсуков также показал себя мужественным и смелым летчиком.

— ☆ —

Подполковник юстиции А. ХУДОБРКО

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Немалые испытания пришлось выдержать в 1941 году работникам военных трибуналов Юго-Западного фронта. По воспоминаниям некоторых из них и написана эта статья.

* * *

Ранним утром 22 июня 1941 года фашистские самолеты сбросили первые бомбы на Киев. В тот же день войска Юго-Западного фронта вступили в бой с гитлеровцами. В городе Тернополь, где находился штаб, был создан военный трибунал фронта. Возглавил его диввоенюрист Иевлев Борис Иванович. В июне 1917 года он вступил в партию большевиков и всю свою жизнь посвятил Красной Армии, работе в военных трибуналах. Его заместителем был назначен бригаденюрист Константинов Яков Кузьмич — участник гражданской войны.

Большую жизненную школу прошли и другие работники трибунала фронта. Дмитриев Николай Павлович — кадровый армейский политработник, а затем военный юрист. В 1930 году на учениях он потерял правую руку, но остался в армии. В 1939 году стал военным судьей член Верховного Суда Украины Дубинин Лев Лаврентьевич. Он участвовал в освобождении Западной Украины и, несмотря на свои 50 лет, стойко переносил все тяготы фронтовой жизни. Из Верховного Суда республики пришли в трибунал Скляр Прокофий Сильвестрович и Сусло Дмитрий Спиридонович. Старшим инспектором военного трибунала был утвержден военный юрист 1 ранга Знаменский Александр Николаевич, а секретарем — техник-интендант 2 ранга Кашлинский Бецалель Элевич. На должности председателей военных трибуналов соедине-

ний прибывали кадровые военные юристы, а членами ВТ назначались юристы, призываемые из запаса, и выпускники Военно-юридической академии.

...Войска фронта с тяжелыми боями отступали на Восток; они постоянно находились в движении, устойчивой связи с ними не было. Работники трибунала фронта для формирования трибуналов соединений и оказания им помощи постоянно выезжали на места. Три дня шли по фронтовым дорогам Дмитрий Спиридонович Сусло и выпускник академии Николай Кравченко, чтобы найти трибунал 15-го мотомеханизированного корпуса, где молодому юристу предстояло работать.

В конце июня штаб фронта, а с ним и военный трибунал перемещаются сначала в Проскуров, затем в Киев. Дороги забиты беженцами, среди них много детей. Непрерывные бомбежки. Ни днем, ни ночью не прекращались бои. Враг прибегал к всевозможным уловкам, чтобы произвести дезорганизацию, деморализовать советских военнослужащих: забрасывались десанты, войска засыпались листовками с ложными сообщениями о том, что немецкие войска уже разбили Красную Армию, а советские генералы сдаются в плен. Все это, а также отсутствие регулярной информации о действиях наших войск и тяжелая боевая обстановка способствовали возникновению среди неустойчивых лиц паники, появились случаи побегов с поля боя, дезертирства.

Военные трибуналы вели решительную борьбу с паникерами, дезертирами, трусами. В крестьянской хате или у пня в лесу, в полуразрушенном окне или примостившись у лафета орудия приходилось военным судьям проводить судебные заседания и выносить приговоры. Сложная боевая обстановка требовала от них мужества, стойкости и самообладания.

Военный трибунал фронта осудил командира подразделения В. за то, что он на танке покинул поле боя, прибыл в вышестоящий штаб и доложил, что его подразделение погибло. Вскоре, однако, выяснилось, что подразделение, попав в окружение, вело упорный бой с противником, прорвало окружение и, нанеся врагу большой урон, соединилось с нашими войсками. За побег с поля боя и оставление вверенных ему людей В. был осужден к расстрелу.

Для более оперативного рассмотрения уголовных дел в боевых условиях военный трибунал фронта выделил группу судей — Дубинина, Дмитриева и Федотьева, секретаря Кашлинского и машинистку Виноградову.

Член военного трибунала Скляр был командирован в Чернигов для организации военного трибунала и рассмотрения уголовных дел. Аналогичные задания выполняли и другие судьи.

...В начале августа 29-й армейский корпус противника прорвал нашу оборону и вышел к южной и юго-западной окрестностям Киева. Бои начались в районе Святошино и в Голосеевском лесу. Командование фронта 6 августа направило 5-ю воздушнодесантную бригаду под командованием А. И. Родимцева в район Голосеевского леса, где оборонялась 147-я стрелковая дивизия.

На командный пункт командира дивизии полковника С. К. Потехина для оказания помощи в поддержании порядка прибыли работники прокуратуры, особого отдела и член военного трибунала фронта Д. С. Сусло. Положение сложилось критическое, нельзя было допустить ни одного случая невыполнения боевого приказа, проявления трусости. После нескольких дней ожесточенных боев противник был отброшен. Героическими усилиями войск 37-й армии непосредственная угроза Киеву с юга была устранена. Наши войска, особенно коммунистические и комсомольские полки Киева, сражались самоотверженно.

Несмотря на трудности боевой обстановки, трибунал фронта требовал от судей полного и объективного исследования обстоятельств каждого дела. За упрощенчество при рассмотрении дел был наказан один из председателей трибунала дивизии.

Военные трибуналы строго дифференцированно подходили к определению осужденным наказания. К расстрелу приговаривались только преступники, совершившие тяжкие преступления. К подавляющему числу осужденных к лишению свободы военные трибуналы применяли отсрочку исполнения приговора и направляли их на передовую.

Судьи военных трибуналов активно участвовали в политическом воспитании воинов, занимались правовой пропагандой в частях, проводили беседы на темы: «Трус и паникер — враги советского народа», «Оставление позиции без приказа командования — преступление перед

Родиной», «Большевистская бдительность — необходимое условие победы над врагом», «Приказ командира — приказ Родиной».

Военные трибуналы дивизий, армий регулярно сообщали командирам и политорганам о фактах осуждения военнослужащих. Командиры и политработники этими данными пользовались в своей воспитательной работе. Следует иметь в виду, что в тот период дела о государственных преступлениях рассматривались в закрытых судебных заседаниях, и информации трибуналов об этих процессах имели большое предупредительное значение.

Судьи участвовали в широком разъяснении приказа Ставки № 270 от 16 августа 1941 года о борьбе с трусами, дезертирами и паникерами, выступали в связи с этим на служебных совещаниях.

В конце августа 1941 года военный трибунал вместе со штабом фронта передислоцировался в город Прилуки. Кроме судебной работы военный трибунал фронта занимался и организационными вопросами, из резерва военных юристов создавал трибуналы вновь сформированных соединений, восполнял потери. В этот период был организован военный трибунал авиации фронта. Председателем его назначили А. П. Срибного, бывшего до войны членом Киевского областного суда.

Немецкие войска, потерпев неудачу в Смоленском сражении, перегруппировали свои силы и начали наступление в направлении Могилев, Гомель с целью выйти в тыл Юго-Западному фронту.

Положение становилось угрожающим. 16 сентября войска фронта попали в окружение. До последнего дня организованного сопротивления наших войск действовали и военные трибуналы.

Глубокой ночью 17 сентября командующий войсками фронта М. П. Кирпонос отдал приказ войскам вырваться из окружения.

Часть штаба фронта, в которую входил и военный трибунал, должна была направиться на Лохвицу — Ахтырку. Бесперервно лил дождь. Дороги развезло, машины буксовали, их то и дело приходилось вытаскивать из грязи. На подходе к Лубнам гитлеровцы открыли по колонне сильный артиллерийский и минометный огонь, и она повернула в район Пирятиня. Фашистские самолеты сбрасывали бомбы и с бреющего полета расстрели-

вали отступающих. В Пирятине при переправе через реку Удай колонна понесла большой урон от вражеской авиации, но все же продолжала двигаться на восток.

Председатель военного трибунала фронта Иевлев приказал своему заместителю Константинову и членам трибунала Сусли и Федотьеву на автомашине выехать вперед и разведать возможность переправы через реку. Как только они перебрались на другой берег, мост взлетел на воздух, со стороны Лохвицы появились фашисты. Назад, к своим, путь был отрезан. Константинову и его товарищам удалось добраться до Ахтырки. Остальные работники трибунала вместе с войсками фронта оказались в окружении.

За селом Харьковцы немцы открыли по нашей колонне, выходящей из окружения, пулеметно-минометный огонь. Группа командиров штаба, в которой были работники военного трибунала, рассыпалась в цепь и пошла на прорыв. Показались три наших танка. Командиры вскочили на броню, но черный от копоти танкист, выбравшись из машины, чуть не плача сказал им, что у него совершенно нет боеприпасов. Вражеская артиллерия открыла огонь, и два танка загорелись. Командиры залегли, начался бой. Автоматным огнем был смертельно ранен старший инспектор военного трибунала А. Н. Знаменский. Получили ранения члены трибунала П. С. Скляр и Г. В. Ляшенко.

Чтобы документы трибунала не достались противнику, председатель военного трибунала Б. И. Певлев приказал сжечь их. Пока не сгорел последний листок последнего наряда, работники трибунала, которым было поручено уничтожение, не отошли от костра.

Ночью колонна штаба под командованием начальника оперативного управления фронта генерал-майора И. Х. Баграмяна вышла в направлении Сенчи. В колонне находились работники военной прокуратуры, трибунала, политуправления, ВВС и других отделов штаба фронта. На опушке леса колонну встретили огнем танки противника. Офицеры штаба, вооруженные только пистолетами, вынуждены были укрыться в лесу.

Через некоторое время группа командиров и бойцов бросилась в атаку, раздались пистолетные выстрелы и взрывы гранат. Но силы были слишком неравные. Под сильным пулеметным и орудийным огнем пришлось

снова отойти в лес, оставив на поле несколько десятков убитых.

Фашисты засыпали отступавших листовками. В них сообщалось, что Ленинград взят, Красная Армия разбита и другие ложные сведения.

В такой обстановке старшие командиры собрались на совещание. Принято было решение — двигаться не всей колонной, а отдельными группами, ночью, к утру подойти к Сенче и захватить переправу через реку Сула. Одной из групп военнослужащих, в которой были член военного трибунала Скляр, секретарь Кашлинский и другие работники трибунала, командовал председатель трибунала Б. И. Иевлев, другой — член военного трибунала полковой комиссар Н. П. Дмитриев. В группу Дмитриева входили и бойцы комендантского взвода.

Выйдя в районе Сенчи к реке, группы попытались пробиться к переправе. Завязался бой. В группе Дмитриева были ранены четыре человека. В группе Иевлева погиб офицер одного из отделов штаба и тяжело, в обе ноги, ранен Скляр. Разорвав белье, Кашлинский перевязал ему раны. Переправиться через реку не удалось. Было решено искать обходные пути. Шли по ночам, без дорог, минуя населенные пункты, занятые противником. С боями пробилась из окружения группа Иевлева. У реки Песел в районе села Мотенька 29 сентября он вывел ее в расположение наших частей.

В ночь на 2 октября, переправившись через три реки, после многочисленных стычек с гитлеровцами группа Дмитриева в районе деревни Будичи соединилась с частями Красной Армии.

Тяжело раненный, Скляр попал в лагерь военнопленных, затем бежал, перешел линию фронта и явился в военный трибунал. Оказавшийся в результате контузии в тылу врага председатель военного трибунала Киевского гарнизона Вячеслав Алексеевич Иванов создал в Переяславском районе патриотическую группу, влился вместе с ней в партизанский отряд и участвовал в ожесточенных боях с оккупантами.

Большинство работников военных трибуналов организовано вышло из окружения. За вывод из окружения группы военнослужащих Николай Павлович Дмитриев был награжден орденом Красной Звезды.

Некоторое время спустя вновь назначенные коман-

дующий войсками Юго-Западного фронта, член Военного совета и начальник политического управления в своем служебном отзыве указывали, что Иевлев Б. И., находясь в окружении противника, в боевой обстановке вел себя мужественно и смело. Из окружения вышел в форме, с оружием, партийными документами, а также вывел группу работников трибунала.

В конце сентября войска Юго-Западного фронта остановили противника и перешли к обороне. Военные трибуналы, пополнив свои ряды, продолжали отивлять правосудие, способствуя тем самым укреплению воинской дисциплины и боеспособности войск фронта.

Военные юристы — работники военных трибуналов испытали и горечь отступления летом 1942 года и ожесточенные бои на Волге. Они прошли с войсками и дорогами побед до Берлина.

После освобождения Советской Украины вернулись на судебную работу в Верховный Суд Республики П. С. Скляр и Д. С. Сусло. Перейдя затем на научную работу, Сусло стал готовить молодые кадры юристов в Киевском государственном университете. Ушел на заслуженный отдых персональный пенсионер Скляр.

Генерал-майор юстиции Кравченко в настоящее время возглавляет трибунал Прикарпатского военного округа. Длительное время после войны работали в военно-судебных органах Б. И. Иевлев, Н. П. Дмитриев, Л. Л. Дубинин и другие товарищи.

— ☆ —

**В Е Т Е Р А Н Ы
В О Е Н Н Ы Х
Т Р И Б У Н А Л О В**

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА РСФСР

Среди тех, кто стоял у колыбели военных трибуналов, кто по воле партии претворял в жизнь ленинские указания об укреплении правопорядка в Вооруженных Силах, видное место по праву занимает Карл Христианович Данишевский.

Его яркая, полная кипучей энергии жизнь навсегда войдет в историю органов советской военной юстиции.

Карл Христианович (Юлий Кришьянович) Данишевский родился 15 мая 1884 года в Добельском уезде (ныне Добельский район Латвийской ССР) в семье латышского крестьянина. Во время учебы в Елгавском реальном училище он приобщился к революционной деятельности и уже в 1900 году, шестнадцатилетним юношей, вступил в ряды социал-демократической рабочей партии. Данишевский ведет проагандистскую работу в рабочих кружках, сотрудничает в нелегальной типографии. Деятельный, энергичный, глубоко преданный делу рабочего класса, он быстро завоевывает авторитет. Вскоре его избирают членом комитета Елгавской социал-демократической организации.

В 1904 году двадцатилетний Карл Данишевский выполняет очередное ответственное задание партии. Он — один из организаторов первомайской демонстрации, явившейся первым массовым политическим выступлением рабочих Елгавы. Сразу же после демонстрации он был арестован и находился в заключении до февраля 1905 года.

Царские казематы и застенки не могли сломить волю к борьбе. По выходе из тюрьмы Данишевский переходит на нелегальное положение и становится профессиональным революционером. Грозные бури первой русской ре-

волюции целиком захватывают его, он оказывается в самой гуще событий. Данишевский — член Рижского и Лиепайского комитетов партии, член ЦК РСДРП, активно участвует в организации революционных выступлений пролетариата в Риге, Лиепае и других городах Латвии.

Памятной вехой в жизни и партийной деятельности Данишевского становится 1907 год. Карл Христианович участвует в подготовке V (Лондонского) съезда РСДРП, является его делегатом. На съезде он был избран членом ЦК РСДРП и членом редакционной комиссии. Именно здесь, на V съезде, он впервые встречается с В. И. Лениным, проникается глубочайшим уважением к гению вождя революции.

Последующие годы жизни К. Х. Данишевского — типичный пример деятельности революционера-профессионала тех лет. Частые переезды из одного конца России в другой, подпольная партийная работа, аресты, побег и снова революционное подполье. Петербург, Москва, Тифлис, Баку, Варшава, Рига...

В 1909 году К. Х. Данишевский поступил в Московский коммерческий институт, но закончить учебу не удалось — спустя два года за участие в революционном движении он был в четвертый раз арестован и сослан в Сибирь, в Нарымский край.

В стране нарастала революция, отзвуки ее доносились и в Сибирь, за тысячи заснеженных километров. Данишевский не может томиться вдали, когда его товарищи поднимаются на борьбу с самодержавием. В начале 1917 года он бежит из ссылки, нелегально приезжает в Москву и становится активным участником революционных выступлений, одним из видных пропагандистов идей партии большевиков. Вот как вспоминает о нем старый коммунист Ян Биезайс, участник тех исторических событий:

«Сухоощавый человек с горящими возбужденными глазами... латышский большевик Данишевский был самым популярным оратором на митингах в Москве в дни февральской революции 1917 года. Одинаково хорошо он говорил на русском и на латышском языках, волнуя и воодушевляя людей, натакивая их на размышления и революционное творчество»¹.

После февральской революции К. Х. Данишевский был избран депутатом Московского Совета рабочих депутатов и в мае 1917 года как представитель Центра России присутствовал на заседании Рижского Совета рабочих депутатов. Здесь он предложил большевистскую резолюцию об отношении к Временному правительству, войне, которая и была принята. Таким образом, крупнейший Совет Латвии встал под большевистские знамена.

22 июля 1917 года К. Х. Данишевский по поручению ЦК социал-демократии Латышского края открыл V съезд СДЛК — первый легальный съезд большевиков Латвии.

В августе 1917 года Ригу захватили немецкие войска. К. Х. Данишевский по решению ЦК СДЛК остается в Риге для организации подпольной работы. В трудных условиях немецкой оккупации он сколачивает ударные группы, создает явки, ведет пропагандистскую работу.

В июне 1918 года Карл Христианович нелегально возвращается из Латвии в Советскую Россию и участвует в работе V Всероссийского съезда Советов. Когда в это время левые эсеры подняли в Москве мятеж, К. Х. Данишевский вместе с красными латышскими стрелками, среди которых он пользовался популярностью, активно участвовал в разгроме контрреволюционного гнезда. Роль К. Х. Данишевского в подавлении левозсеровского мятежа и отношение к Данишевскому В. И. Ленина хорошо показал писатель-драматург М. Шатров в пьесе «Шестое июля». Советское правительство решило привлечь для подавления мятежа дивизию латышских стрелков, находившуюся в то время под Москвой. Происходит следующий разговор между В. И. Лениным, Подвойским и Данишевским:

«Ленин: Кого бы туда послать, в дивизию?»

Подвойский: Пожалуй, Данишевского. Он с ними работал и пользуется большим авторитетом.

Ленин: Согласен. (И обращаясь к Данишевскому.) Тогда так: я прошу вас прорваться в их летний лагерь и передать им наш приказ: срочно войти в город и подавить контрреволюционный мятеж врагов Советской власти. Вам во что бы то ни стало вернуться обратно».

Это задание Данишевский выполнил безупречно.

Начиная с этого времени жизнь Карла Христиановича на многие годы связана с Красной Армией. Он участвовал в боях на фронтах гражданской войны, занимая ряд

¹ Пламенные годы. Рига, Латгосиздат, 1957, стр. 138.

ответственных должностей — от комиссара латышской стрелковой дивизии до члена Реввоенсовета и председателя Революционного военного трибунала Республики.

Революционный военный трибунал Советской Республики создан в октябре 1918 года. Первым его председателем был назначен К. Х. Данишевский. Параграф II

К. Х. Данишевский

приказа Реввоенсовета Республики № 94 от 14 октября 1918 года гласил:

«Сформировать Военно-революционный трибунал при Революционном Военном совете Республики под председательством тов. Данишевского и членов тт. Мехоношина и Аралова. Военно-революционному трибуналу создать соответствующие органы, штаты коих представить на утверждение Революционному Военному совету».

Вот и все. Никаких письменных указаний, никаких инструкций больше не было. Но, как писал К. Х. Данишевский, задачу свою члены трибунала поняли хорошо: необходимо было взять под руководство РВТ Республики самопроизвольно возникавшие в войсках судебно-кара-

тельные учреждения и ввести их работу в определенные рамки; инструкциями и циркулярами направлять их карательную практику согласно общей политике правительства и Революционного Военного совета Республики.

И Революционный военный трибунал Республики во главе с К. Х. Данишевским успешно справляется с этой задачей.

8 января 1919 года Реввоен трибунал Республики издал первую общую инструкцию революционным военным трибуналам фронтов и армий. Она определила организационную структуру, подсудность, порядок судопроизводства.

4 февраля 1919 года Реввоенсоветом Республики было принято первое Положение о революционных военных трибуналах. Этим Положением определялось направление их работы:

«В своих решениях и приговорах Революционный военный трибунал руководствуется интересами социалистической Республики, обороны ее от врагов социалистической революции и интересами классовой войны для торжества пролетариата».

С изданием этих документов Революционный военный трибунал Республики стал более конкретно руководить работой действующих РВТ и направлять их судебную практику, создавать новые трибуналы.

Большая заслуга в совершенствовании работы РВТ, повышении теоретической подготовки работников военной юстиции молодого Советского государства принадлежит лично К. Х. Данишевскому.

В сентябре 1920 года издается книга К. Х. Данишевского «Революционные военные трибуналы», в которой он на основании обобщенного опыта анализирует деятельность революционных военных трибуналов, отмечает в их работе положительные стороны и недочеты, высказывает ряд правовых теоретических положений, и в настоящее время представляющих большой практический интерес. Образно и вместе с тем дальновидно определяет он роль революционных карательных органов:

«Революционный военный трибунал — это необходимый и верный орган диктатуры пролетариата, долженствующий... провести рабочий класс в борьбе против мира

тупеядцев в мир свободного труда, счастья трудящихся и красоты»¹.

Нацеливая трибуналы на решительную борьбу с преступниками, К. Х. Данишевский наряду с этим предупреждает, что суды обязаны тщательно исследовать все обстоятельства по делу, учитывать личность виновного и определять такое наказание, которое строго соответствовало бы содеянному.

«От суровости приговора не надо отказываться, но необходимо, прежде чем выносить приговор, взвесить всю обстановку проступка и характер преступления, как и последствия проступка для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, — пишет он. — Суровость обязывает революционные военные трибуналы быть сугубо осторожными при рассмотрении дел в целях избежания судебных ошибок или доведения их числа до возможного минимума»².

Эти и другие положения, высказанные в книге, безусловно, оказали помощь судьям революционных военных трибуналов в их работе.

Об авторитете Реввоен трибунала Республики того времени, его объективности при решении дел убедительно свидетельствует письмо Ф. Э. Дзержинского, датированное 27 апреля 1920 года.

«Председателю Революционного военного трибунала Республики товарищу Данишевскому.

Ознакомившись с содержанием телеграммы на В(аше) имя от Предрев трибунала Донобласти относительно привлечения т. Скрышника к суду, — должен указать, что тов. Скрышник мне лично известен еще с подпольной работы, и Цека неоднократно давало ему ответственные поручения... Ввиду этого прошу В(ашего) срочного распоряжения Предрев трибунала Донобласти о прекращении дальнейшего ведения следствия по этому делу и выслать весь материал нам в Москву для совместного его обсуждения в интересах беспристрастности»³.

Дополнительное беспристрастное следствие по этому делу установило полную невиновность Н. А. Скрышника.

Отмечая в 1923 году пятилетний путь, пройденный

¹ К. Данишевский. Революционные военные трибуналы. М., Изд. Реввоен трибунала Республики, 1920, стр. 59.

² Там же, стр. 45—46.

³ «Литературная газета», 20 декабря 1967 г.

военными трибуналами, Н. В. Крыленко, бывший в то время заместителем Наркома юстиции, говорил: «Реввоен трибуналы создали свою школу судебных работников — твердых, неуклонных и, главное, работавших с точностью часового механизма в обстановке гражданской войны и фронта. Это заслуга реввоен трибуналов, и ее сейчас, в момент укрепления нормальных судов, прежде всего надлежит оценить»¹.

Эта оценка в полной мере касается и деятельности К. Х. Данишевского как первого председателя Реввоен трибунала Республики.

Наряду с работой в Реввоен трибунале К. Х. Данишевскому в то же время поручалось также выполнение других ответственных заданий партии.

В декабре 1918 года, когда в первом освобожденном от немецких оккупантов латышском городе Валка было сформировано Советское правительство Латвии, К. Х. Данишевский входит в его состав в качестве заместителя председателя правительства. В начале января 1919 года в освобожденной Риге он делает доклад на I съезде Советов Латвии о государственном устройстве Латвии.

В 1920 году он в течение месяца руководит делегацией РСФСР, БССР и УССР на проходившей в Минске конференции по заключению мирного договора с Польшей. И здесь К. Х. Данишевский проявил себя как хороший организатор, верный ленинец, твердо отстаивавший интересы молодого Советского государства. Впрочем, работа его на дипломатическом поприще оказалась недолгой: он был отозван с конференции для выполнения других заданий партии.

«Этим и закончилась моя дипломатическая деятельность, — писал он впоследствии. — Только один месяц... Но как невыразимо многому я научился, будучи на этой работе буквально ежедневно непосредственно связан с В. И. Лениным. Его советы, его товарищеская поддержка, его твердые указания и предупреждения против колебаний, против нервничания, его указания — быть твердым, спокойным при всякой обстановке, быстрая реакция на изменения международной ситуации и на все явления международной жизни и конкретные советы, как все это

¹ Пять лет Верховного Суда, 1918—1923 гг. Изд. юбилейной комиссии Верховного Суда, 1923, стр. 7.

использовать при сложнейших и труднейших условиях мирных переговоров, это хорошая политическая школа»¹.

Автору этой статьи представилась возможность недавно побывать в доме № 5 по Университетской улице в Москве, беседовать с женой и боевым товарищем Карла Христиановича — Еленой Ивановной Данишевской (Куртович). Вместе с ним она прошла по фронтам гражданской войны, вместе с ним трудилась в Реввоентрибунале Республики. Ныне Елена Ивановна — персональный пенсионер. Ее воспоминания о муже помогли еще полнее воспроизвести замечательный образ первого председателя Реввоентрибунала, деятельного, энергичного, трудолюбивого большевика.

— Вся наша жизнь в те боевые годы была на колесах, — вспоминает Е. И. Данишевская. — Фронтовые бои, поездки не оставляли места для спокойной кабинетной работы.

В должности председателя Революционного военного трибунала Республики Данишевский работал до начала 1924 года. Вскоре после X съезда РКП(б) он по решению ЦК РКП(б) назначается на ответственную хозяйственную работу — начальником Главного лесного комитета.

«Топливный фронт, — говорил ему В. И. Ленин, — теперь один из наиболее серьезных. Нужны энергия, военная дисциплина, решительность, точность. Есть решение ЦК о вашем назначении начальником Главного лесного комитета... Сейчас главное — дрова, топливо. Вы когда-нибудь имели отношение к лесной промышленности, к лесу? Справитесь?»

— До сих пор работал в лесу только на нелегальных массовках и собраниях, но думаю, что справлюсь, — смеясь, отвечал ему Данишевский.

— Тогда прекрасно... принимайтесь за работу»².

В последующие годы К. Х. Данишевский работал председателем Правления коммерческого банка, председателем Правления лесного экспорта. С 1932 по 1934 год он был заместителем Наркома лесной промышленности,

¹ В. Миллер, Э. Стумбина, Латышские революционные деятели. Рига, Латгосиздат, 1958, стр. 75.

² К. Данишевский, С. Каменев, Воспоминания о Ленине. М., 1934, стр. 41.

а с 1934 по 1937 год — председателем Главного управления лесного хозяйства Юго-Запада страны.

К. Х. Данишевский являлся делегатом VIII и X съездов РКП(б). На VIII съезде РКП(б) был избран кандидатом в члены ЦК РКП(б).

В 1938 году он был оклеветан и стал жертвой необоснованных репрессий.

В 1956 году К. Х. Данишевский реабилитирован полностью.

К. Х. Данишевский был не только выдающимся революционером, партийным и советским работником, но и видным экономистом, юристом, историком, журналистом. Им написано свыше 300 работ на политические, исторические, экономические и правовые темы. В 1930 году К. Х. Данишевскому была присвоена ученая степень доктора экономических наук.

В. И. Ленин близко знал Карла Христиановича и характеризовал его как «старого партийца и революционера, известного всем латышам», которого он знает «по истории партии, годы и годы до революции...»¹.

Сегодня, когда отмечается полувековой юбилей военных трибуналов, мы с особой теплотой и уважением вспоминаем о К. Х. Данишевском, внесшем большой вклад в работу органов военной юстиции, обогатившем советскую юридическую науку рядом положений, которые живы и актуальны и в наши дни.

— ☆ —

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 102.

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ

Валентин Андреевич Трифонов родился в 1888 году на хуторе Павловско-Кондрюченский, Новочеркасской станицы, области Войска Донского.

Выходец из казачьей семьи, он шестнадцатилетним юношей, в 1904 году, вступил в партию большевиков. С тех пор Валентин Андреевич связал свою жизнь с революцией, посвятил ее делу Коммунистической партии. В 1905 году он — активный участник вооруженного восстания в Ростове, командует дружинниками.

После Ростовского восстания Валентин и его старший брат Евгений, член партии с 1903 года, также принимавший деятельное участие в восстании, были осуждены царским судом: Валентина сослали в Тобольскую губернию на поселение, а Евгения — на каторгу, где он пробыл десять лет.

В. Трифонов трижды бежал из сибирских ссылок и четырежды высылался. Последний раз он был выслан в Туруханский край на три года, откуда побег был почти невозможен. В «туруханке» В. Трифонов отбыл срок ссылки и в начале 1914 года приехал в Петербург, где сразу включился в работу большевистской организации. В своей биографии (два пожелтевших листка сохранились в его архиве) он пишет об этом времени очень кратко: «После ссылки приехал в Питер, поддерживал связь с организацией через тт. Молотова, Калинина, Залужского и других. В конце 1916 года с Егором Пылаевым организовал типографию Питерского комитета партии...»

С первых дней февральской революции В. Трифонов стал секретарем большевистской фракции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Летом

1917 года Валентин Андреевич активно работал по созданию в Питере Красной гвардии. Он входил в так называемую «инициативную пятерку», которая, по существу, явилась первым общегородским центром Красной гвардии. В «пятерку» входил также и его брат Евгений, только что вернувшийся после каторги в Петроград. Подробнее об этом периоде жизни В. А. Трифонова, а также о его деятельности на фронтах в годы гражданской войны можно прочесть в книге Юрия Трифонова «Отблеск костра», вышедшей в 1966 году в издательстве «Советский писатель».

В сентябре 1917 года руководство Красной гвардии преобразовалось в легальную организацию — Центральную комендатуру Рабочей гвардии, в которую вошли члены «инициативной пятерки», а в октябре, накануне восстания, был создан Главный штаб Красной гвардии, членом которого стал В. Трифонов. С его участием был разработан Устав красногвардейцев. В дни Октября В. Трифонов — один из непосредственных руководителей красногвардейских отрядов.

Работу в Главном штабе Красной гвардии В. Трифонов совмещал с другими важными поручениями партии. Он был введен в образованную в ноябре 1917 года по предложению Дзержинского Комиссию для борьбы с контрреволюцией. По существу, это был первый состав ВЧК, в него вошли Скрышник, Флеровский, Благодеров, Галкин¹. Но в этой Комиссии В. Трифонов работал недолго, так как его, как опытного военного организатора, в начале 1918 года направили на новую ответственную работу по созданию и формированию Красной Армии. Вместе с Подвойским, Мехоношиным и другими он вошел в специально для этой цели созданную Всероссийскую коллегию.

Весной 1918 года В. Трифонова, как чрезвычайного представителя Наркомвоенмора, командировали на Юг, для помощи советским войскам и организациям в обороне против немцев, затем он был послан на Урал — для организации Уральской армии в связи с начавшимся мятежом белочехов.

На Урале В. Трифонов провел почти год в боях с белочехами и Колчаком, был членом Военного совета

¹ См. Из истории ВЧК, стр. 62.

В. А. Трифонов

III армии, организатором Камской флотилии. В 1919 году В. Трифонов переводят на Юг, где он становится членом РВС Юго-Восточного фронта, а затем, после занятия советскими войсками в начале 1920 года Ростова и организации Кавказского фронта, входит в Реввоенсовет этого фронта вместе с Орджоникидзе, Тухачевским, Гусевым.

На Кавказском фронте В. Трифонов был полтора года, заполненных напряженной военной и политической работой. Так как Серго Орджоникидзе много времени находился в разъездах по Кавказу как

представитель ЦК на Кавказе и часто уезжал в Москву, В. Трифонов оставался в Ростове в качестве постоянного, рабочего члена Реввоенсовета.

О своей боевой деятельности в анкете, составленной 17 апреля 1924 года, В. А. Трифонов пишет предельно лаконично: «С августа 1917 года и по июнь 1921 года — занимался военной работой на фронтах...»

Мне довелось в годы гражданской войны длительное время работать под руководством Валентина Андреевича. Это было очень трудное для Республики время — 1919—1921 годы.

Будучи работником трибунала, я часто обращался к Валентину Андреевичу за помощью и советом, докладывал ему как члену Военного совета о работе и нуждах трибунала. Это был очень скромный, внимательный и чуткий человек, нестигаемый большевик. Он всегда интересовался работой особых отделов и военных трибуналов, требовал, чтобы наиболее сложные дела докладывали лично ему, всегда вдумчиво относился к судьбам людей и учил этому трибунальцев. Вам, говорил Трифонов, партия дала острое оружие репрессии, и им нужно умело пользоваться.

Он был против назначения судами так называемых неопределенных наказаний, когда обвиняемого пригова-

ривали к лишению свободы до победы мировой революции или до окончания гражданской войны, возражал против условного расстрела.

Без необходимости, напоминал Валентин Андреевич, нечего применять жесткие меры наказания. Всегда и во всем он требовал строго соблюдать социалистическую законность, во главу угла ставил профилактическую, предупредительную работу в частях.

Нередко работники трибунала привлекались им для проверки уставного порядка в частях — проверяли быт красноармейцев, помогали РВС фронта организовать борьбу с тифом и холерой.

В конце 1920 — начале 1921 года с помощью В. А. Трифонова военные трибуналы Кавказского фронта пополнились многими опытными юристами. Один из них — А. Н. Подковский, бывший офицер русской армии, юрист по образованию, долгое время работал в органах военной юстиции, а затем в качестве консультанта в Министерстве юстиции СССР. Сейчас он — старший научный сотрудник Института государства и права Академии наук СССР, кандидат юридических наук.

Осенью 1920 года в районе Таганрог, Мариуполь высадился белогвардейский десант — отряд полковника Назарова. Во время передвижения по Донской области вражеский отряд рос за счет кулаков. Но не только кулачество вовлекал Назаров в свой отряд. Где обманом, а где и силой втягивал в него бедняков — жителей донских станций.

Отряд Назарова угрожал тылу Кавказского фронта. По решению РВС фронта против банд Назарова был брошен кавалерийский корпус Жлобы. Из РВТ Кавказского фронта была выделена чрезвычайная выездная сессия реввоен трибунала. Возглавить ее было поручено мне. Перед моим отъездом в станцию Константиновская Трифонов еще раз предупредил от своего имени и от имени командующего войсками фронта о необходимости внимательного подхода к рассматриваемым делам: выявлять среди мятежников и сурово наказывать белогвардейских офицеров, возглавивших мятеж, в отношении же бедняков, втянутых в назаровскую авантюру, следует проявлять гуманность. Это будет способствовать быстрейшему подавлению мятежа.

После завершения работы чрезвычайной сессии В. А. Трифонов заслушал наши доклады, живо интересовался деятельностью реввоен трибунала.

Окончилась гражданская война. Страна принимается восстанавливать разрушенное народное хозяйство. Партия направляет Трифонову на хозяйственную работу. Он — заместитель начальника Главного управления по топливу, председатель Всероссийского нефтяного синдиката, член Совета промбанка...

А через два года партия снова отзывает В. А. Трифонову с хозяйственной работы и направляет в кадры РККА. Он становится председателем только что организованной Военной коллегии Верховного Суда СССР. Это произошло в 1924 году. 8 февраля постановлением ЦИК СССР В. А. Трифонов был утвержден в этой должности.

На посту председателя Военной коллегии еще ярче выявились незаурядные организаторские способности В. А. Трифонову. Им много сделано для укрепления связи военно-судебных органов с командованием и политорганами армии. Он постоянно поддерживал контакты с Политическим управлением Красной Армии, его начальником А. С. Бубновым, выезжал для проверки и помощи трибуналам в военные округа.

В феврале 1925 года было проведено I Всесоюзное совещание работников военных трибуналов, идея созыва которого принадлежала В. А. Трифонову.

Умелый руководитель, чуткий и отзывчивый товарищ, человек с горячим сердцем большевика, В. А. Трифонов был частым гостем на митингах и собраниях рабочих, выезжал для встреч с красноармейцами. Работники трибуналов любили его за ум, человечность, спокойный и твердый характер.

В должности председателя Военной коллегии Валентин Андреевич Трифонов работал до 2 февраля 1926 года, затем был на дипломатической и ответственной хозяйственной работе.

Жизнь Валентина Андреевича оборвалась трагически. Но никогда не померкнет в нашей памяти светлый образ большевика-ленинца, до последних дней своей жизни верно служившего делу партии, делу Октября.

ГЕНЕРАЛ БОРИСОГЛЕБСКИЙ

Советским юристам хорошо знакомо имя Виктора Валерьяновича Борисоглебского — председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Отмечая 50-летие военных трибуналов, мы воздаем должное человеку, который всю свою жизнь посвятил борьбе с преступностью и многое сделал для укрепления социалистической законности.

...17 августа 1960 года. Внимание мировой общественности приковано к Колонному залу Дома Союзов в Москве, где под председательством В. В. Борисоглебского начался судебный процесс над американским летчиком-шпионом Пауэрсом.

Перед судом стояла нелегкая задача. Ведь надо было не только установить степень виновности и меру ответственности самого Пауэрса, но и показать в истинном свете лицо тех, кто стоял за его спиной, кто, преступно играя с огнем, ставил на карту жизнь и безопасность народов. И суд справился с этой задачей: все три дня, в течение которых продолжался процесс, на скамье подсудимых вместе с Пауэрсом незримо сидели и те, кто послал его в разбойничий рейд, кто возвел шпионаж в ранг государственной политики США.

Напомним лишь один маленький эпизод из этого процесса. Как будто ничего особенного: председательствующий задает вопросы, подсудимый отвечает. И вопросы, на первый взгляд, ничем не примечательны. И все же... В этом эпизоде, как в капле воды, отразились и психология наемников типа Пауэрса, готовых ради денег на все, и человеконенавистническая философия их хозяев.

Председательствующий: Какова была основная задача вашего полета?

Пауэрс: Я должен был следовать по указанному маршруту, включать и выключать приборы на определенных участках пути.

Последовал вопрос: Значит, если бы на борту вашего самолета была атомная бомба, вы также бы нажали на рычаг?

В. В. Борисogleбский

Пауэрс: Это могло бы быть сделано...»¹

После этих слов по залу прокатился гул негодования. Так вот они, носители американского образа жизни!

...Спустя три года другой судебный процесс Военной коллегии привлек к себе внимание. И снова председательствующий — генерал-лейтенант юстиции В. В. Борисogleбский.

На скамье подсудимых изменник Родины Пеньковский, ставший агентом американской и английской разве-

¹ Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-пьюна Френсиса Г. Пауэрса. М., Госполитиздат, 1960.

док, и его сподручный в этой грязной работе английский «коммерсант» Винн.

И опять, как и на процессе Пауэрса, разоблачены организаторы тайной войны против СССР и других социалистических стран.

Впоследствии В. В. Борисogleбский много раз выступал с лекциями об уроках дела Пеньковского и Винна. Эти лекции неизменно пользовались популярностью у слушателей. Виктор Валерьянович умело рисовал психологически верную картину причин морального падения карьериста Пеньковского и показал, как отрицательные черты характера этого отщепенца — тщеславие, беспринципность, моральная нечистоплотность — привели его к внутреннему перерождению и толкнули, в конечном счете, на путь тяжчайших преступлений против своей Родины.

При разрешении любого уголовного дела В. В. Борисogleбский всегда проявлял присущие ему партийную принципиальность, политическую зрелость, высокие профессиональные качества судьи. Для него не было дел малых и больших.

И болезнь, приведшая Виктора Валерьяновича 4 февраля 1964 года к смерти, застала его также за рассмотрением уголовного дела. Из-за своего болезненного состояния он не смог подписать решение по этому последнему для него делу...

В. В. Борисogleбский родился в 1913 году. По окончании средней школы он два года работал никелировщиком на заводе испытательных приборов в Москве, а затем поступил в Московский юридический институт и в 1937 году успешно его окончил. С этого времени началась его практическая деятельность в органах юстиции. Народный следователь, военный следователь прокуратуры корпуса, армии, фронта, военный прокурор гарнизона Дальневосточного военного округа...

Каждый юрист знает первые радости и неизбежные огорчения, удачи и досадные ошибки, которые всегда поджидают его в начале служебной деятельности. Познал все это и В. В. Борисogleбский. Но постепенно накапливался опыт, а с ним пришла зрелость. Ему поручают расследование сложных, запутанных уголовных дел.

В личном архиве Виктора Валерьяновича сохранилась рукопись начатого романа, сюжетом которого послужило

конкретное уголовное дело, расследованное им в те годы. Офицер обманным путем заманивает свою жену в безлюдное место и на автомобиле совершает на нее умышленный наезд. Подтасовав доказательства, преступник ловко инсценировал несчастный случай. Разоблачить его было нелегко, но Виктор Валерьянович справился с этой задачей...

В 1945 году В. В. Борисоглебский назначается на должность военного прокурора отдела Главной военной прокуратуры, а с 1947 года находится на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС.

В 1954 году Верховным Советом СССР Виктор Валерьянович избирается в состав Верховного Суда СССР и работает заместителем председателя, а с 1957 года — председателем Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Это были годы, когда партия осуществляла важные мероприятия по дальнейшему укреплению Советских Вооруженных Сил, оснащению их современной первоклассной техникой. Одновременно партия принимала решительные меры по дальнейшему укреплению социалистической законности, по восстановлению ленинских принципов партийной и государственной жизни.

В Военной коллегии создавалась напряженная обстановка: в связи с пересмотром большого количества дел на лиц, необоснованно репрессированных в прошлые годы, возрос объем судебной работы. Кроме того, после ликвидации управления военных трибуналов на Военную коллегию были возложены функции организационного руководства военными трибуналами. Все это требовало перестройки — и притом в кратчайший срок — работы Военной коллегии и военных трибуналов. И в том, что поставленные перед военно-судебными органами задачи были успешно выполнены, есть немалая заслуга Виктора Валерьяновича Борисоглебского.

На этом посту особенно ярко проявились его незаурядные способности политически зрелого руководителя, инициативного и энергичного организатора, внимательного к нуждам своих подчиненных начальника.

При непосредственном участии В. В. Борисоглебского была проделана большая и плодотворная работа по исправлению допущенных в прошлом ошибок при отправлении правосудия.

Помимо судебной работы ему приходилось решать много сложных организационных, кадровых и штатных вопросов. И все это делалось им оперативно, но без спешки. Большая нагрузка и ответственность, лежавшие на нем как руководителе, не изменили его: он оставался внешне спокойным, как всегда, сдержанным, неторопливым.

Стремление опираться в своей работе на партийную организацию, на коллектив было неотъемлемым качеством стиля руководства Виктора Валерьяновича. Он никогда не принимал решений по важнейшим вопросам деятельности Военной коллегии, не посоветовавшись предварительно с членами Военной коллегии, с партийным бюро, с секретарем парторганизации. При обсуждении он умел убедить своих слушателей, не спешил с окончательными выводами. Вместе с тем он проявлял большую терпимость к мнению других, не боялся деловых споров. Признав аргументы своих оппонентов убедительными, он не считал зазорным изменить свое первоначальное мнение.

Много сил и энергии отдал В. В. Борисоглебский совершенствованию форм и методов работы военных трибуналов по оказанию помощи командованию и политическим органам в укреплении законности и правопорядка в Вооруженных Силах, повышению воинской дисциплины, бдительности, боевой готовности частей и соединений. Виктор Валерьянович хорошо понимал, что одним из основных показателей эффективности работы военно-судебных органов в конечном счете являются состояние воинской дисциплины и порядка, уровень преступности и судимости в обслуживаемых ими войсках. В. В. Борисоглебский постоянно информировал Министра обороны и начальника Главного политического управления о судимости военнослужащих, неоднократно выступал на заседаниях коллегии Министерства обороны, вносил основные предложения по укреплению воинской дисциплины и порядка в частях.

Плодотворная деятельность Виктора Валерьяновича получила высокую оценку. В 1963 году Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги перед Советской Армией и Военно-Морским Флотом он был награжден орденом Красной Звезды.

Чувство нового — это, пожалуй, одна из самых отличительных черт натуры Виктора Валерьяновича. Стремление к познанию, совершенствованию, поискам было присуще всей его деятельности. И в большом и в малом — шла ли речь о формах привлечения армейской общественности к борьбе с правонарушениями или же о порядке прохождения жалоб в Военной коллегии, о методах изучения причин преступности, об улучшении методики проверок деятельности военных трибуналов — он во всем не терпел косности и рутины.

В. В. Борисоглебский был одним из инициаторов проведения в 1959 и 1960 годах всеармейских совещаний руководящих работников военных трибуналов и военных прокуратур, где обсуждались важные вопросы деятельности органов военной юстиции, вытекавшие из решений XX и XXI съездов партии и постановления ЦК КПСС о повышении роли общественности в борьбе с преступлениями и нарушениями общественного порядка. Эти совещания сыграли положительную роль в улучшении и совершенствовании деятельности органов военной юстиции по борьбе с преступностью.

Сам В. В. Борисоглебский умело сочетал большую работу на посту председателя Военной коллегии с активным участием в обсуждении и решении актуальных проблем юридической науки. Виктор Валерьянович автор ряда статей по вопросам права, под его редакцией изданы комментарии к Положению о военных трибуналах и учебник «Воинские преступления» для слушателей военно-юридического факультета Военно-политической академии имени В. И. Ленина. С 1956 по 1962 год он редактировал «Бюллетень Военной коллегии Верховного Суда СССР». Его брошюры, статьи в газетах и журналах по пропаганде советских законов достаточно хорошо известны не только юристам, но и в армейской среде.

Человек большой самодисциплины, внутренние требования и к другим, в первую очередь к судьям.

Судья должен быть мужественным и принципиальным. Кто при решении дела руководствуется не принципами социалистической законности, а конъюнктурой, впадает из одной крайности в другую по соображениям страховки, тот, по мнению Виктора Валерьяновича, недостойно носить высокое звание советского судьи. Судья

должен быть беспощаден к врагам социалистического государства, к опасным преступникам, к злым нарушителям советских законов. Вместе с тем он должен быть непримирим к фактам привлечения к уголовной ответственности лишь по формальным основаниям, к фактам необоснованного осуждения.

В. В. Борисоглебский постоянно подчеркивал, что военные трибуналы, как органы социалистического правосудия, должны быть олицетворением законности и справедливости.

Сам Виктор Валерьянович со всей присущей ему решительностью и твердостью отстаивал позицию, которую он считал правильной, хотя она иногда и не разделялась другими. Таким запомнился он нам по своим выступлениям на пленумах Верховного Суда, где присущие ему ясность мысли, четкость, глубокое знание и понимание закона и то, что мы называем ораторским дарованием, приносили Виктору Валерьяновичу успех в дискуссиях.

Сошлемся в качестве примера на дело Ш., вызвавшее в свое время оживленные прения и жаркие споры на Пленуме Верховного Суда СССР.

Офицер Ш. был осужден за антисоветскую агитацию. В связи с особой сложностью в оценке доказательств и характера действий Ш. дело в различных судебных инстанциях решалось по-разному и в конце концов рассматривалось на Пленуме Верховного Суда СССР. Среди членов Пленума не было единства. Одни высказывались за то, что Ш. привлечен к ответственности необоснованно, другие, напротив, считали, что он осужден правильно. Но вот выступил Виктор Валерьянович. Как всегда, он говорил не спеша, выделяя отдельные слова и мысли, на которых хотел сосредоточить внимание слушателей. Он убедительно показал, что офицер-фронтовик, не раз доказавший в бою свою преданность социалистической Родине, не мог быть враждебно настроен к Советской власти.

Пленум согласился с этими доводами и признал Ш. невиновным.

Это, конечно, не означает, что Виктор Валерьянович не ошибался. Такие случаи бывали. Но характерно то, что, поняв ошибку, он стремился исправить ее, не боясь критики. На этот счет у него была любимая поговорка:

ворка: «Критика — горькое лекарство, но оно никому не противопоказано».

В 1960 году Военная коллегия под председательством В. В. Борисоглебского внесла изменения в приговор по делу Репникова и Рыбкина, осужденных за тяжкие преступления. Определение Военной коллегии было опротестовано в Пленум Верховного Суда СССР. Готовясь к заседанию, Виктор Валерьянович еще раз внимательно изучил дело и убедился в ошибочности решения Военной коллегии. При обсуждении этого дела Виктор Валерьянович прямо заявил об этом и высказался за отмену определения коллегии.

Советский судья, не раз говорил Виктор Валерьянович, — это государственный деятель, политик, а не чиновник. Он должен быть высокообразованным человеком, с широким кругозором, а потому обязан постоянно учиться, чтобы не отстать.

В беседах с юристами, представляемыми к избранию на судебные должности, Виктор Валерьянович всегда старался своими вопросами всесторонне прощупать кандидата. Вопросы были разнообразными и касались самого широкого круга проблем — от содержания отдельных институтов по советскому и зарубежному праву до имен композиторов, входивших в «могучую кучку». И несомненно, будущему судье такие встречи с председателем Военной коллегии шли на пользу: они заставляли думать, учиться, расти...

Люди, недостаточно хорошо знавшие Виктора Валерьяновича, находили его несколько суховатым, замкнутым, неразговорчивым. Те, кому довелось с ним вместе работать, хорошо знают, что это был человек общительный, знавший толк в хорошей шутке, отзывчивый...

Как-то на праздничном вечере он запел своим мощным басом «Из-за острова на стрежень...», присутствующие подхватили припев этой разудалой русской песни. Кстати, о песне. С ней Виктор Валерьянович по-настоящему дружил: «Когда я пою, я отдыхаю и лучше себя чувствую...» Он не просто любил песню. Он по-настоящему интересовался пением, брал уроки. Долголетняя дружба связывала Виктора Валерьяновича с народными артистами СССР И. И. Петровым и П. Г. Лисицианом.

Виктор Валерьянович неплохо играл на пианино и скрипке. Вспоминается один из вечеров в Верховном

Суде СССР. На эстраде — отец и сын Борисоглебские. Отец играет на скрипке, сын аккомпанирует ему на рояле.

Постоянная корректность в обращении с подчиненными независимо от занимаемых ими должностей была стилем работы Виктора Валерьяновича. Его требовательность к подчиненным сочеталась со справедливостью. Те, кому приходилось обращаться к Виктору Валерьяновичу по личному делу, с просьбами — а таких было немало, — находили в нем внимательного слушателя, отзывчивого старшего товарища, всегда готового прийти на помощь.

Высокие душевные качества Виктора Валерьяновича снискали ему уважение и признательность всех, знавших его. Для нас, военных юристов, Виктор Валерьянович Борисоглебский — пример беззаветного служения Советскому государству и его Вооруженным Силам.

— ☆ —

ПУТЬ СУДЬИ-КОММУНИСТА

В комнате на тихой Золотоворотской улице в Киеве мы беседуем с Георгием Гавриловичем Кушнирюком. Богата событиями жизнь 83-летнего ветерана военных трибуналов. Сын сапожника из Коломны, Кушнирюк с юношеских лет связал свою судьбу с революционным движением. Родители изо всех сил старались, чтобы он получил образование. Георгий попадает в гимназию. Он тянется к знаниям, читает социалистическую литературу, ведет пропагандистскую работу среди трудового люда, несет им слово революционной правды.

Гром классовых боев 1905 года в России докатился и до Львова, где тогда находился Георгий. У молодого парня родилось желание идти туда, где рабочие и крестьяне подняли оружие против угнетателей. С паспортом на чужое имя молодой Кушнирюк приезжает в Киев, устанавливает связь с революционным кружком.

В 1906 году он переезжает в город Ровно, где продолжает революционную деятельность. По заданию организации с оружием в руках участвует в нападении на жандармов, чтобы освободить арестованного товарища. Но операция окончилась неудачно, последовал арест.

Киевская судебная палата, заседавшая в Житомире, определила 10 лет каторжной тюрьмы. Этапные тюрьмы — Луцк, Варшава, Вильно, потом Ярославский каторжный централ на долгие годы оторвали Кушнирюка от товарищей по борьбе. Только февральская революция 1917 года освободила его, и он снова активно включается в общественную жизнь. А в декабре 1918 года идет на фронт, на долгие годы связав свою жизнь с Красной Армией.

Северный, затем Западный фронты. Начав с должности сотрудника для поручений при трибунале фронта,

Кушнирюк затем становится военным следователем, заместителем члена революционного военного трибунала фронта. В сентябре 1919 года он назначается заместителем председателя революционного военного трибунала Западного фронта. С отрядом особого назначения революционного военного трибунала участвует в ликвидации банд в районах Бобруйска, Борисова, Гомеля. В стычках с бандитами и белополяками дважды контужен.

В конце гражданской войны Г. Г. Кушнирюк в Закавказье. Он — председатель РВТ XI армии, переименованной затем в Отдельную Кавказскую Краснознаменную армию. Около трех лет Кушнирюк работает в Закавказье. Работает много и напряженно: за 1923 год трибунал рассмотрел большое количество дел. Все приговоры кассационной инстанцией были оставлены в силе.

Большая заслуга в организации работы трибунала принадлежала Георгию Гавриловичу. Армейская газета «Красный воин» в марте 1924 года писала: «...Благодаря умелому руководству и соответствующему подбору сотрудников т. Кушнирюк достиг того, что военный трибунал ККА занимает в настоящее время в Союзе Республик одно из первых мест».

Работе военного трибунала большое внимание уделял член Реввоенсовета армии Серго Орджоникидзе. У Георгия Гавриловича до сих пор сохранились документы, подписанные лично Орджоникидзе.

Г. Г. Кушнирюк помимо судебной работы активно участвует в работе советских и партийных органов Закавказской Федерации. Он — депутат Тифлисского горсовета, член президиума общества бывших политкаторжан.

Постановлением Президиума ЦИК СССР Кушнирюк в феврале 1924 года назначается членом Военной коллегии Верховного Суда СССР. Он участвует в рассмотрении

Г. Г. Кушнирюк

многих уголовных дел. Особенно запомнился ему судебный процесс над злейшим врагом Советского государства эсером Борисом Савинковым.

Сложной была обстановка в августе 1924 года. Враги Советского государства, окопавшиеся во многих империалистических странах, поддерживаемые правящими кругами, принимали все возможные усилия к тому, чтобы всякими путями вредить молодому Советскому государству. Видную роль в стане врагов играл Борис Савинков, проживавший в Париже. Прибыв на советскую территорию в надежде сколотить белогвардейское подполье, он был арестован чекистами в первый же день. Открытый судебный процесс над Савинковым помог разоблачить нищету идей и упадок духа врагов Советской власти.

С мая 1925 года на протяжении 15 лет Г. Г. Кушнирюк возглавлял военный трибунал Украинского, а затем Киевского особого военного округа. За большую работу по организации борьбы с преступностью в 1933 году он был награжден орденом Красной Звезды. В феврале 1936 года ему было присвоено воинское звание «диввоенюрист».

Кушнирюк Г. Г. пользовался большим авторитетом среди сослуживцев, в личной жизни был чрезвычайно скромным.

В марте 1940 года Г. Г. Кушнирюк в связи с тяжелым заболеванием уволился из Красной Армии в запас. После возвращения из эвакуации в освобожденный Киев Кушнирюк с апреля 1944 по 1950 год работал членом Верховного Суда Украинской ССР. Большой опыт судебной работы, партийная принципиальность позволяли ему справедливо, в соответствии с законом разрешать самые сложные уголовные дела.

В канун 50-летия Советского государства Георгий Гаврилович за революционную деятельность и заслуги в борьбе за установление Советской власти награжден Президиумом Верховного Совета Союза ССР орденом «Знак Почета».

— ☆ —

Полковник юстиции Г. КАЛИНИЧЕНКО

ЯРКАЯ ЖИЗНЬ

К замечательной плеяде верных сынов партии, выдвинутых на ответственную работу в первые годы становления Советской власти, относится Николай Филиппович Бушуев — первый председатель военного трибунала Московского военного округа.

Николай Филиппович родился в 1886 году в деревне Абрамово, Костромской губернии, в бедной крестьянской семье.

14-летним подростком в начале 1901 года он приезжает в Петербург, долго ищет работу и устраивается наконец ночным сторожем в трактире. Но не о такой работе мечтает Бушуев. Его юношеские порывы направлены к знаниям, к приобретению специальности. Он встречается с рабочими Обуховского завода, рассказывает им о тяжелой батрацкой жизни в деревне. Рабочие помогают Николаю Бушуеву устроиться на завод в качестве подручного монтера. Жил он в заводской казарме, работал с утра до ночи и получал нищенскую заработную плату. Вместе со всеми рабочими-обуховцами Бушуев испытывал все ужасы капиталистической эксплуатации.

Тревожно протекает его молодость. Расстрел мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 года, недовольство народных масс войной с Японией, непосильный труд и тяжелое материальное положение рабочих Петербурга раскрывают глаза молодому Бушуеву на несправедливость существующего строя, формируют его революционное сознание и ставят в ряды борцов за дело рабочего класса. Он участвует в политических забастовках и вооруженном столкновении с полицией и царскими войсками 1 мая 1905 года, распространяет среди рабочих революционные листовки.

После поражения революции, как политически неблагонадежный, Бушуев в декабре 1905 года был выслан из столицы в Костромскую губернию. Некоторое время он проживает в родной деревне, а затем работает по найму в Костроме и Ростове-Ярославском; проводит беседы с рабочими, рассказывая им о революционных событиях в Петербурге в 1905 году, устанавливает связь с местными большевиками. В декабре 1909 года Н. Ф. Бушуев вступает в партию большевиков.

В 1914 году в связи с начавшейся империалистической войной Бушуев призывается в армию. Верный своему партийному долгу, полностью разделяя ленинские взгляды на цели и характер войны, Бушуев разъясняет солдатам политику партии по вопросам войны, мира и революции.

Солдаты верят ему. Он неизменно пользуется доверием и авторитетом среди них. И поэтому после февральской революции 1917 года его единодушно избирают вначале в полковой, а затем и фронтовой солдатские комитеты.

В январе 1918 года Бушуев, являясь депутатом, принимает участие в работе III Всероссийского съезда Советов, на котором была принята Декларация прав трудящихся.

В феврале 1918 года германское командование, нарушив условия перемирия, начало наступление по всему русско-германскому фронту. На Западном фронте создалось опасное положение.

В числе многих видных партийных и военных работников партия направляет Н. Ф. Бушуева на Западный фронт, где он работает начальником особого отдела и одновременно заместителем председателя военного трибунала фронта. При поддержке армейских коммунистов он ведет большую работу по укреплению дисциплины и правопорядка в войсках и очищению их от контрреволюционных элементов.

В марте 1918 года Бушуев избирается делегатом IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, на котором был ратифицирован Брестский мирный договор, позволивший молодому государству приступить к восстановлению народного хозяйства и созданию Красной Армии.

Но передышка была недолгой. Началась гражданская война, развязанная силами внутренней контрреволюции и

иностранными интервентами. В ряде городов и областей Советской страны вспыхнули контрреволюционные мятежи.

Один из таких мятежей вспыхнул летом 1918 года в Ярославле. Его организовали левые эсеры совместно с белогвардейскими офицерами. Советское правительство направило из Москвы в Ярославль полк и несколько рабочих отрядов из Костромы, Вологды и других городов. 21 июня 1918 года мятеж был подавлен. Активное участие в боевых операциях против мятежников принимал Н. Ф. Бушуев. Он был первым организатором и руководителем ярославской губернской Чрезвычайной комиссии. На этом участке Бушуев проявил себя как твердый большевик и непоколебимый чекист. Сразу же после подавления мятежа в Ярославле был созван губернский съезд рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, на котором Николай Филиппович избирается членом губернского революционного комитета. Бушуеву доверяется один из ответственных участков работы по восстановлению разрушенной мятежниками связи как в самом Ярославле, так и на территории губернии. И на этом участке Бушуев показал себя зрелым руководителем, хорошим специалистом и организатором. Его работа была отмечена Народным комиссаром почт и телеграфа В. И. Подбельским. В 1920 году Н. Ф. Бушуев работает председателем трибунала Южной и Донецкой железных дорог. Трибуналы проводили решительную борьбу со всякого рода преступлениями, нарушавшими нормальную работу транспорта. В 1921 году Бушуев — начальник особого отдела Московского военного округа, а затем член Военной коллегии Верховного трибунала при ВЦИК. 26 апреля 1922 года приказом Реввоенсовета Республики Н. Ф. Бушуев назначается председателем революционного военного трибунала Московского военного округа.

Это был ответственный период в истории Советского государства. Повсеместной разрухой, тяжелым материальным положением народа воспользовались белогвардейцы и прочие контрреволюционные элементы, рассчитывавшие на реставрацию капитализма. Военным трибуналам того времени помимо дел о воинских преступлениях приходилось рассматривать дела о политическом и уголовном бандитизме, хищениях государственного имущества, хозяйственных и должностных преступлениях, вести реш-

тельную борьбу со спекулянтами, дезорганизаторами и саботажниками производства.

Наряду с напряженной судебной работой Н. Ф. Бушуев уделяет неослабное внимание организационным вопросам. Проводится большая работа по подбору и подготовке кадров.

Старейшие работники военного трибунала Московского военного округа. В первом ряду (слева направо): старший секретарь трибунала Д. Н. Пененков, председатель трибунала округа Н. Ф. Бушуев и член трибунала А. М. Шумилов; во втором ряду: старший инструктор трибунала А. И. Баранов (слева) и старший следователь трибунала Веселов (справа). Май 1923 г.

В тот период людей, которые отвечали бы всем требованиям работы в трибунале, было немного. Большинство сотрудников имели слабую юридическую подготовку. И поэтому огромное внимание уделялось учебе судебных работников, изучению и практическому применению Уголовного кодекса РСФСР, введенного в действие с 1 июня 1922 года.

Командование и политуправление округа придавали работе трибунала важное значение. На политсоветах решались самые различные вопросы, касающиеся жизни,

быта и воспитания войск; обсуждались, например, вопросы структуры военных трибуналов, согласованности работы трибунала с военной прокуратурой и т. п.

Николай Филиппович Бушуев всячески поощрял разумную инициативу и самостоятельность судебных работников при рассмотрении дел. Он придавал также большое значение лекциям и беседам, проводимым судьями с красноармейцами в воинских частях. Сам он часто бывал в войсках, беседовал с бойцами и командирами, присутствовал на военных маневрах, тактических учениях, классных занятиях.

Большое внимание уделял Бушуев и проведению открытых судебных процессов, видя в них наилучший способ воспитательного воздействия на массы. Наиболее важные и сложные дела рассматривались под его председательством. Первым из них было дело Котова — главаря бандитской шайки, действовавшей в 1921—1922 годах в Московской губернии.

Котов, ранее неоднократно судившийся и отбывавший наказание в тюрьме, был амнистирован после революции. Вернувшись на родину, он создал банду из 14 человек. Бандиты нападали преимущественно на жителей глухих и отдаленных селений, убивали свои жертвы топором, не жалея даже малолетних детей. Бандитов нелегко было обнаружить, после совершения преступления они быстро меняли свое местонахождение. Банда уничтожила более ста человек.

Весной 1922 года банда вскоре после ограбления и убийства двух семей в Москве была арестована. 11 декабря 1922 года преступники предстали перед судом военного трибунала МВО. Судебный процесс был открытым и длился 5 дней. Еще задолго до суда жители деревни Лобарева, Сычевского уезда, Смоленской губернии, на общем собрании, обсудив вопрос о грабежах и убийствах, в которых участвовали их односельчане Крыловы (состоявшие в банде Котова), единогласно постановили следующее:

«Возбудить перед ВЦИКом ходатайство о том, чтобы последний принял над бандитами самые суровые меры, дабы упомянутые бандиты в дальнейшем не могли возвратиться в наше селение и не метили бы тем гражданам, кои содействовали в раскрытии этих подлых убийц».

Принимая во внимание все обстоятельства дела, а также учитывая ходатайства жителей многих сел и городов о самом строгом наказании убийц и грабителей, суд вынес участникам банды суровый приговор.

Хотя Бушуев по профессии не был юристом, но, пройдя большую революционную школу жизни, умело и четко направлял работу военного трибунала и сделал немало для воспитания красноармейцев и укрепления воинской дисциплины в частях. Он отличался скромностью и большой чуткостью к людям, был честным и трудолюбивым, пользовался авторитетом в трибунале.

Где бы ни работал Николай Филишович, его неоднократно избирали в руководящие партийные органы. Он был членом Ярославского и Смоленского губернских комитетов РКП(б), секретарем партийной коллегии Московского военного округа.

В 1926 году Н. Ф. Бушуев по решению ЦК ВКП(б) был направлен на работу в Наркомат связи СССР, где занимал ряд ответственных должностей.

В 1938 году Бушуев стал жертвой необоснованных репрессий. Жизнь его трагически оборвалась. Партия посмертно реабилитировала Николая Филишовича Бушуева — верного ленинца, жизненный путь которого служит ярким примером беззаветного служения нашей Родине.

— ☆ —

Полковник юстиции М. ЕФИМОВ,
подполковник юстиции Д. ЖДАНОВ

ВЕРНЫЙ СЫН ПАРТИИ

В дни 50-летия военных трибуналов мы вспоминаем Владимира Дмитриевича Трефолева — одного из первых деятелей революционного правосудия, который возглавлял революционный военный трибунал Балтийского флота.

Владимир Дмитриевич родился в 1892 году в городе Кологрив, Костромской губернии. С юных лет он познал и нужду, и тяжелый крестьянский труд. Но благодаря трудолюбию, силе воли и страстному стремлению к знаниям Владимиру удается окончить сельскохозяйственную техническую школу.

В годы столыпинской реакции Трефолев приобщается к революционной работе. Он выполняет ряд поручений подпольной партийной ячейки, а в 1909 году, 17-летним юношей, вступает в ряды РСДРП. Работа в подпольной партийной организации закалила его, сделала мужественным борцом за интересы рабочего класса, воспитала в нем большевистскую принципиальность и непримиримость к классовым врагам.

В 1913 году Трефолева призывают на военную службу в царский флот. Он попадает в Кронштадт, в машинную школу, в стенах которой выросла славная плеяда кронштадтских большевиков. В июле 1914 года Трефолев окончил школу и получил назначение на линейный корабль «Павел I». Познакомившись с матросами-революционерами П. Дыбенко, Н. Хохряковым и другими, Трефолев включается в партийную работу, разъясняет матросам империалистический характер начавшейся мировой войны и подводит их к мысли о том, что только революция может положить конец ненужной народу войне.

В дни февральской революции 1917 года революционно настроенные матросы линкора «Павел I», возглавляе-

мые Трефоловым, сразу же примкнули к восставшей эскадре и вечером 3 марта на все корабли Балтийского флота передали призыв: «Расправляйтесь с негодными офицерами, у нас офицеры арестованы». Собравшись на митинг, моряки приняли решение переименовать корабль и назвали его «Республика». 4 марта 1917 года команда линкора посылает Трефолева своим представителем в Гельсингфорский Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов. Стойкий большевик, Трефолов ведет непримиримую борьбу с меньшевиками и эсерами, все свои силы, волю и знания отдает борьбе за победу пролетарской революции.

Выполняя указание ЦК партии, балтийские моряки-коммунисты упорно готовили флот к вооруженному восстанию. Трефолов, выступая на митингах, призывал к свержению антинародного Временного правительства, требовал передачи всей власти Советам. Вместе с другими революционными моряками Трефолов был в первых рядах отрядов, штурмовавших Зимний дворец.

В 1918 году команда линейного корабля «Республика» оказала Владимиру Дмитриевичу большое доверие, избрав его председателем судового комитета. Трефолов много работал в этом комитете, проводил беседы с личным составом, воспитывая его в духе преданности народу, партии, боролся за укрепление дисциплины на корабле.

В грозный 1919-й год, когда шли упорные бои за Петроград, а контрреволюционное подполье готовило заговор за заговором, на Балтийском флоте создается революционный военный трибунал, на работу в который направлялись проверенные и преданные коммунисты. В. Д. Трефолов был назначен членом, а затем заместителем председателя трибунала Балтийского флота. На новом посту он проводил большую работу по очистке флота от враждебных элементов, шпионов и диверсантов. Высокая революционная бдительность Трефолева, его идейная закалка и опыт партийной работы во многом способствовали успешной деятельности революционного военного трибунала в борьбе с заговорщиками, предателями и саботажниками, которые вели тайную подрывную работу в различных организациях Балтийского флота. При участии Трефолева была ликвидирована белогвардейская организация, во главе которой стоял бывший офицер с линейного корабля «Андрей Первозванный» Кулеш. Эта организация имела

своих агентов в Кронштадте, Ораниенбауме и на форту Красная Горка.

Владимир Дмитриевич целиком отдался порученной ему работе, нередко просиживая ночи за изучением того или иного дела. Его силы и энергия казались неисчислимыми. Несмотря на чрезмерную загруженность, Трефолов часто бывал на кораблях, беседовал с матросами о положении на фронтах гражданской войны, об обстановке на Балтике, о значении революционной бдительности как необходимым условием победы над врагами Советской власти.

2 декабря 1919 года Трефолева назначают председателем революционного военного трибунала Балтийского флота. Наиболее сложные дела либо дела, имевшие важное политическое значение, рассматривались под его председательством.

Принципиальный, требовательный к своим подчиненным, он в то же время постоянно заботился о них, пользовался в трибунальском коллективе всеобщей любовью и уважением.

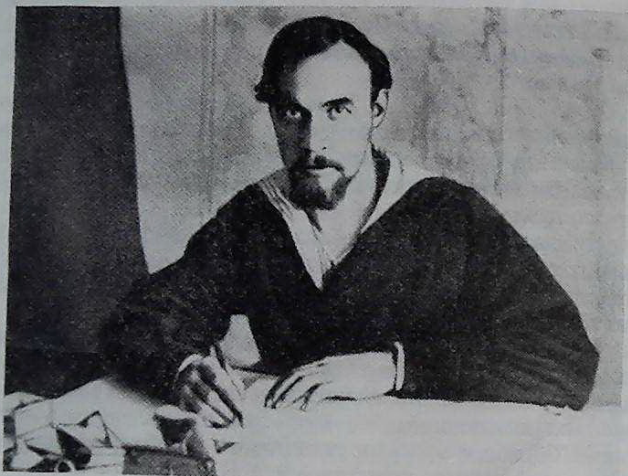
В марте 1921 года в Кронштадте вспыхнул контрреволюционный мятеж. Партия послала на подавление мятежа своих лучших сынов. В числе их был В. Д. Трефолов. Он проявил исключительное мужество и неисчислимую энергию в борьбе с врагами революции. В одном из документов того времени, хранящемся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота в Ленинграде, говорится: «Среди товарищей немало выявилось героических натур, благодаря которым был ликвидирован Кронштадтский мятеж. Одним из таких является тов. Трефолов».

После ликвидации мятежа Трефолов был членом комиссии по проверке личного состава Балтийского флота, которая за полтора месяца своей работы немало сделала для того, чтобы очистить флот от чуждых людей. В. Д. Трефолов самоотверженно боролся за восстановление боевых кораблей. Он бывал в командах, принимал первое пополнение и выполнял другие важные поручения.

2 июля 1921 года В. Д. Трефолов вновь возвратился на работу в судебные органы и был назначен членом коллегии революционного военного трибунала Петроградского военного округа и Балтийского флота. Как член Петро-

градского Совета, он был избран заместителем председателя военной секции.

В декабре 1922 года на Балтийском флоте и в Кронштадте вновь был образован самостоятельный революционный военный трибунал. Его председателем стал В. Д. Трефолов. Совершенствуя свои знания и опыт, он

В. Д. Трефолов

постоянно учился сам и учил других на практической работе. Из сохранившихся предельно лаконичных характеристик сотрудников трибунала, которые писал В. Д. Трефолов, видно, что он хорошо знал их сильные и слабые стороны в работе, делал правильные выводы о перспективе продвижения по службе. Так, в характеристике на своего заместителя В. А. Колпакова Трефолов писал, что он «очень ценный работник и в будущем может стать крупным военным юристом». Эту характеристику В. А. Колпаков, ставший впоследствии генерал-майором юстиции, полностью оправдал. Многие посетители, побывавшие на приеме у Трефолова, выражали ему искреннюю благодарность за чуткое и внимательное отношение к ним.

Работая на посту председателя трибунала флота, Трефолов поддерживал тесную связь с Реввоенсоветом, военным командованием и политорганами, добивался оперативного разрешения стоявших перед трибуналом задач по борьбе с нарушителями дисциплины и порядка на флоте. Работе по укреплению законности на Балтийском флоте В. Д. Трефолов отдавал все свои силы, знания, опыт, революционную страсть. На все уговоры своих сотрудников о необходимости беречь здоровье он, хотя и был уже серьезно болен, отвечал с присущим ему юмором: «Не время для отдыха, лечиться будем потом».

В августе 1923 года Владимир Дмитриевич в приказном порядке был отправлен в месячный отпуск. Уехал он в Костромскую область и там 23 августа, на 31-м году жизни, умер. По просьбе моряков гроб с телом В. Д. Трефолова был перевезен в Кронштадт и 31 августа с воинскими почестями захоронен в братской могиле на Якорной площади. Извещая о безвременной смерти В. Д. Трефолова, политуправление Балтийского флота писало: «Красный флот потерял из своих рядов наилучшего работника. Тов. Трефолов — старый моряк и старый член РКП(б), занимал целый ряд самых ответственных должностей в Балтфлоте во время пролетарской революции и зарекомендовал себя как самый преданный и честный работник... Как революционер-моряк, строитель Красного Флота СССР, он не умрет в памяти моряков Красной Балтики!»

И память о Трефолове не померкла. Во время работы над материалами о Трефолове мы встречались с капитаном 2 ранга Н. М. Кисным, командовавшим в свое время кораблем, носившим имя «Владимир Трефолов».

«Имя Владимира Дмитриевича Трефолова, — рассказал офицер, — широко известно балтийцам, и его беспредельная преданность делу революции нередко вдохновляла экипаж корабля на ратные подвиги. Моряки корабля постоянно переписывались с земляками Владимира Дмитриевича, сообщали им о своих успехах в работе и учебе. Из Костромской области приходили письма с рассказами о трудовых подвигах колхозников. Представители корабля дважды побывали в городе Кологрив, ознакомились с дорогими реликвиями в музее В. Д. Трефолова. Одна из центральных улиц Кологрива по просьбе трудящихся названа именем славного балтийца. Фотографи-

ровались у дома, где родился Трефолов. Здесь установлена мемориальная доска».

В связи с тем что корабль «Владимир Трефолов» недавно бросил якорь в порту на постоянную стоянку, личный состав военного трибунала дважды Краснознаменного Балтийского флота возбудил ходатайство о присвоении имени «Владимир Трефолов» другому кораблю Балтики. Эта инициатива была одобрена. 2 августа 1968 года одному из кораблей флота вновь присвоено имя «Владимир Трефолов».

Не забывают отважного балтийского моряка и трудящиеся Ленинграда. В 1939 году они назвали его именем одну из улиц в Кировском районе. Память о себе Владимир Дмитриевич Трефолов заслужил своей замечательной жизнью верного сына Коммунистической партии.

Подполковник юстиции Г. КОРБУТ

СОЛДАТ ПРОЛЕТАРСКОГО ПРАВОСУДИЯ

В числе ветеранов военных трибуналов имя Леонарда Яновича Плавнека мы вспоминаем с гордостью и уважением. Он был среди тех, кому с первых дней Советской власти партия доверила меч и щит пролетарского правосудия. И он с честью оправдал это доверие. Весь жизненный путь Леонарда Яновича — это путь борца за дело революции, стойкого и верного сына партии, неподкупного и мужественного стража социалистической законности.

Родился Л. Я. Плавнек в 1893 году в Риге, в семье рабочего. Когда в 1905—1906 годах Россию потрясали мощные революционные взрывы, Леонарду шел тринадцатый год. Старший брат его Вольдемар, слесарь машиностроительного завода Мантеля, был активным участником революционного движения. Леонард часто ходил вместе с братом на демонстрации, митинги. Все его интересовало, хотя многое из того, что говорилось на митингах ораторами, он еще не понимал. Не мог он понять и того, за что царские палачи расстреляли его любимого брата. Гибель Вольдемара тяжело переживала вся семья и не меньше других Леонард. В его память глубоко запали слова взрослых о том, что в расстреле Вольдемара и других рижских революционеров повинен русский царь, потопивший в крови революцию. Он возненавидел царя и считал его своим личным врагом. В феврале 1917 года Леонард Плавнек, рядовой ораниенбаумской учебной команды, участвует в свержении русского царя.

Когда же в ночь на 26 октября 1917 года вслед за историческим выстрелом «Авроры» и взятием Зимнего В. И. Ленин провозгласил на весь мир с трибуны II съезда Советов о рождении новой эры, курсант Ораниенбаумской стрелковой школы Леонард Плавнек без колебаний

встал на сторону революции. В бурные октябрьские и ноябрьские дни Плавнек с группой революционных латышских стрелков и кронштадтских матросов участвует в разоружении в Ораниенбауме враждебно настроенных к Советской власти юнкеров и курсантов стрелковых школ.

Л. Плавнек зарекомендовал себя среди товарищей по борьбе смелым, хладнокровным, честным и безгранично преданным делу революции человеком. Это, видимо, и определило его дальнейшую судьбу. В декабре 1917 года Плавнек направляется на работу в первые пролетарские судебные органы. По май 1918 года он работает в следственной комиссии Архангельского окружного суда, первоначально в качестве члена комиссии, а затем ее председателя.

Весной 1918 года в Мурманске высадились английские, американские, французские и канадские войска. Одновременно империалисты готовились к захвату Архангельска. Заправилы Антанты давно сговорились использовать порты Мурманск и Архангельск в качестве баз снабжения контрреволюционных сил России и исходных пунктов наступления на Петроград и Москву. Интервенты возлагали надежды на местную контрреволюцию. При содействии дипломатов стран Антанты и их агентов в Архангельск тайно стягиваются белогвардейцы. В ряде уездов вспыхивают контрреволюционные мятежи. Плавнек принимает активное участие в борьбе с пособниками интервентов. На протяжении мая — июля 1918 года он руководит одним из отрядов по ликвидации контрреволюционных восстаний. Тогда же Плавнек вступает в ряды РКП(б).

Советское правительство принимает меры для укрепления фронта против интервентов на севере России. Создается VI армия, вошедшая в состав Северного фронта. В эту армию включается и отряд Плавнека. При политотделе фронта вводится должность военного следователя. На эту должность назначается Плавнек. Одновременно ему поручено организовать военно-полевой суд. Никаких инструкций или положений относительно военно-судебных органов тогда еще не было. Но жизнь и практика борьбы настоятельно требовали усиления репрессий против контрреволюционных элементов, предателей и дезертиров. Осенью 1918 года военно-полевой суд преобразуется в военный революционный трибунал VI армии, в кото-

ром Плавнек работает до февраля 1920 года в должности члена трибунала, затем заместителя председателя и председателя трибунала. К этому времени планы интервентов на советском Севере потерпели полный крах.

В период работы в военном трибунале VI армии Плавнек одновременно выполнял ряд ответственных поручений реввоенсоветов армии и Северного фронта: возглавлял чрезвычайную выездную сессию и специальный отряд по ликвидации бело-зеленых банд в тылу армии, руководил особой комиссией по расследованию преступной деятельности в Устюжском губкоме. В конце 1919 года Плавнек в качестве выборного командира командовал Коммунистическим отрядом VI армии в боях под Обозерской и Онегой. За боевые заслуги и активное участие в борьбе с контрреволюцией Плавнек был награжден Реввоенсоветом VI армии именными золотыми часами.

После ликвидации Северного фронта Плавнек в марте 1920 года приказом Реввоенсовета Республики назначается председателем реввоен трибунала Заволжского военного округа, однако уже через два месяца в связи с обострением борьбы на Украине против белополяков и Врангеля Плавнек, имевший большой опыт трибунальской работы в боевых условиях, переводится на должность председателя реввоен трибунала 1-й Конной армии.

Вместе с ней он участвует во всех ее героических походах и сражениях. Много раз за период службы в 1-й Конной на посту председателя реввоен трибунала ему приходилось судейский стул менять на седло, а перо — на боевой клинок.

Характеризуя деятельность работников военных трибуналов 1-й Конной армии, С. М. Буденный отмечал:

«Работники военных трибуналов Первой Конной армии были преданными делу революции бойцами и вместе с армией проделали большой и славный путь, защищая молодую Советскую Республику не только мечом правосудия, но и сражаясь с оружием в руках в общем строю красных конников»¹.

В 1921—1922 годах, будучи председателем реввоен трибунала 1-й Конной армии, а затем председателем военного трибунала Северо-Кавказского военного округа

¹ Сб. Военные трибуналы — органы социалистического правосудия. М., Воениздат, 1958, стр. 26.

(СКВО), Плавнек участвовал в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе. Вспоминая об этом периоде своей работы, Плавнек в статье, опубликованной в 1928 году в связи с 10-летием военных трибуналов, писал, что Северный Кавказ представлял собой тогда «бурлящий котел контрреволюции». На территории края действовали десятки различных банд и шайк, сорганизовавшихся из остатков разбитых армий Деникина, Мамонтова, Улагая, Краснова и других белогвардейских генералов. Эти банды терроризировали местное население, нападали на партийные и советские органы, препятствовали налаживанию мирной жизни.

Военному трибуналу округа и его выездным сессиям, боровшимся с бандитизмом, приходилось работать в чрезвычайно трудных условиях. Нередко, преследуя банду, выездные сессии сами подвергались налетам и теряли в ожесточенных схватках мужественных работников пролетарского правосудия.

В результате совместных и решительных действий советских органов, командования и реввоен трибунала белогвардейские отряды и банды были разгромлены, преступность на территории округа резко снизилась. Роль военных трибуналов в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе получила высокую оценку Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), указавшего в своем постановлении от 17 февраля 1922 года «довести до сведения ЦК РКП(б) об исключительной полезности в деле борьбы с бандитизмом в СКВО такого оружия, как выездные сессии РВТ, ударяющие метко по самым активным и опасным элементам бандитизма, о чем свидетельствуют донесения с мест от партийных и советских организаций...»¹.

Высокая оценка деятельности реввоен трибуналов СКВО в борьбе с контрреволюционными элементами и их роли в укреплении дисциплины и порядка в частях содержится также в письме Реввоенсовета СКВО Реввоенсовету Республики:

«За все время деятельности РВТ 1-й Конной армии и СКВО был надежным и метким аппаратом Реввоенсовета для сохранения боеспособности и дисциплины армии и для внедрения среди комсостава, политсостава и бойцов начал законности, сознательного выполнения служебных

обязанностей и бережного отношения к народному достоинству. Прикрепленные к дивизиям отделы РВТ, легко подвижные и близкие красноармейской массе, кроме приспособленности своей к немедленному разрешению всех возникающих дел, широкой оглаской своих процессов и приговоров выполняют огромную агитационную работу. ...Организованные в момент острого развития политбандитизма, выездные сессии РВТ СКВО, в количестве до 20, весьма энергично выполняют свои задания. Деятельность сессий завоевала симпатии широких масс беднейшего населения и признана Юго-Вост. бюро ЦК РКП(б) одним из самых сильных и метких орудий в борьбе с бандитизмом. Удачный опыт по борьбе с политбандитизмом понудил к передаче этим же сессиям функций по борьбе с развивающимся уголовным бандитизмом, и в этом отношении работу их следует признать весьма удачной... Реввоенсовет принципиально считает нецелесообразным и невозможным заменять РВТ какими-либо другими судебными аппаратами»¹.

В должности председателя военного трибунала Северо-Кавказского военного округа Л. Я. Плавнек работал до 1935 года, сочетая напряженную судебную деятельность с большой общественно-политической работой в различных выборных партийных органах. В партийных характеристиках и аттестациях на Плавнека неизменно отмечались его незаурядные организаторские способности, огромный опыт работы на руководящих должностях как в условиях военного, так и мирного времени, его принципиальность, честность, настойчивость, преданность делу партии и рабочего класса.

В решениях аттестационных комиссий указывалось, что Л. Я. Плавнек заслуживает дальнейшего продвижения по службе. Однако, будучи очень скромным, Плавнек долго отказывался от перевода в Москву. Сказывалось и то, что с Северным Кавказом его связывало очень многое. Он, по его собственному признанию, врос всем своим существом в этот край. В 1935 году Плавнек назначается на должность председателя военного трибунала Московского военного округа. В 1936 году ему присваивается воинское звание «корпусюррист». Большой опыт работы, добросовестное отношение к делу и чуткость к людям,

¹ «Вестник Верховного Суда СССР», 1928, № 5—6.

¹ Сб. «За три месяца», 1922, стр. 39—40.

РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЙ

Л. Я. Плавнек

высокая принципиальность и партийность способствуют быстрому росту авторитета Л. Я. Плавнека. Об этом свидетельствует партийная характеристика, выданная партбюро штаба и политического управления МВО в январе 1937 года.

В 1937 году случаи нарушения социалистической законности и необоснованных арестов органами НКВД участились. В числе арестованных оказались многие партийные и военные руководители, которых Л. Я. Плавнек хорошо знал по совместной борьбе на фронтах гражданской войны и работе в послевоенные годы и в невиновности которых был глубоко уверен, и он, с присущими ему мужеством и решительностью, выступил в их защиту. Это послужило поводом к его аресту и необоснованному осуждению как соучастника несуществовавшего контрреволюционного военного заговора. После XX съезда КПСС Л. Я. Плавнек реабилитирован посмертно.

Активное участие Л. Я. Плавнека в борьбе с врагами рабочего класса и Советской власти в период гражданской войны и в последующие годы, его деятельность как одного из старейших и активнейших руководящих работников военных трибуналов по укреплению воинской дисциплины и правопорядка в Красной Армии получили высокую оценку партии и Советского правительства. Решениями Реввоенсовета Республики и ЦИК СССР Л. Я. Плавнек награжден орденом Красного Знамени (1923 год) и Красной Звезды (1935 год), именован огнестрельным оружием (1930 год), дважды он награждался именными золотыми часами (1921 и 1933 годы).

Отмечая 50-летие военных трибуналов, нельзя не упомянуть добрым словом этого мужественного рыцаря пролетарского правосудия.

— ☆ —

Революция в судьбах людей. Какой большой смысл вложен в эти слова! Проходят дни, годы, десятилетия. Мы как-то уже привыкли к этим словам. Но вот вновь встретиться с интересным человеком, и оживает история. Далекая и неповторимая. Через годы как-то лучше видится, ярче оценивается жизнь людей, кровно связанных с революцией...

Если бы не очистительная буря революции, так и остался бы, видимо, Анисим Степанович Зонов матросом или комендором. Именно там, на Балтийском флоте, плавал он до революции на линкорах «Петр Великий», «Александр Второй», транспортах «Аргунь», «Митава». И именно там получил первую революционную закалку. Февральская революция пробудила всю Россию. К ним, морякам-балтийцам, она заглянула раньше других. И всколыхнула матросские души, посеяла семя надежды на скорое избавление от кабалы, от царской тирании.

Много разных агитаторов выступало тогда перед матросами. Каждый со своей платформой, своими взглядами. Поди разберись в этом сплошном хаосе призывов, обещаний, лозунгов. Кого ни послушаешь, — на первый взгляд, все вроде бы правы.

Но так было лишь вначале. Потом Анисим Зонов разобрался что к чему. И помогли ему в этом большевики Сладков, Бакаев, Ильин и многие другие. Им обязан Анисим Степанович своим прозрением, и именно по их рекомендации в феврале 1919 года его приняли в большевистскую партию.

С той поры и отдает Зонов родной партии весь жар своего пламенного сердца, всю энергию. И где бы ему потом ни приходилось трудиться — инструктором-агита-

тором политотдела бригады, председателем военного трибунала округа или заместителем Наркома юстиции, — везде и всегда Анисим Степанович был и остается настоящим большевиком-ленинцем, пламенным патриотом, принципиальным и безупречно честным коммунистом...

Не думал, не гадал Анисим Степанович, что доведется ему стать юристом. Куда там! Сын крестьянина-бедняка, он окончил лишь сельскую школу. А с 13 лет работал по найму на маслобойне, в меделитейной мастерской, на угольных шахтах. В 1915 году был призван на военную службу на Балтийский флот. Вот и вся наука.

Но революция внесла существенные поправки. Первая юридическая практика началась для него не совсем обычно. Был он в ту пору партийным организатором линкора «Полтава». Того самого линкора, что участвовал в ликвидации контрреволюционного мятежа в фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Обстановка была трудной и напряженной.

Однажды к берегу прибило несколько трупов моряков с затонувшего эсминца. Здесь же задержали и трех мародеров, которые, сбжав с поля боя, снимали с погибших ценности. Представителей ЧК и судебных органов на корабле не было. Собрались трое: комендант форта, комиссар и он, Зонов. Что делать? Матросы требуют немедленной смертной казни. Совещались недолго. Решили — расстрелять мародеров. Матросы встретили это решение с одобрением.

В октябре 1922 года по рекомендации опытного большевика Владимира Дмитриевича Трефолева Анисим Степанович был назначен на должность председателя военного трибунала Кронштадтской крепости. Вполне подготовленный к этому политически, он не стеснялся учиться новому для него делу у подчиненных, уже имевших практический опыт работы в трибунале. В последующие годы Зонов неутомимо работает в трибуналах Черноморского и Тихоокеанского флотов, а в марте 1938 года назначается на должность заместителя Наркома юстиции СССР.

Вскоре Анисим Степанович возвращается на военно-судебную работу и до начала Великой Отечественной войны возглавляет военный трибунал Одесского военного округа.

С 22 июня 1941 года он на фронте, в должности председателя военного трибунала 9-й армии. В трудных усло-

виях первого года Великой Отечественной войны Зонов вместе с другими военными юристами помогал командованию вести решительную борьбу с трусами, паникерами, дезертирами и изменниками. Тщательно разбираться в любом деле, строжайше соблюдать законность — главное для Зонова.

В начале 1945 года в трибунал (А. С. Зонов был в то время председателем военного трибунала Одесского военного округа) поступило 15 копий приговоров на лиц, осужденных к длительному лишению свободы, на которых по закону должна была быть распространена амнистия. Анисим Степанович тщательно изучил материалы дел и заметил, что некоторые обвиняемые осуждены необоснованно. Дела были рассмотрены в надзорном порядке. По большинству из них приговоры были отменены с прекращением производства, а некоторые возвращены на доследование.

Было установлено, что в одном из районов Молдавской ССР допускались грубейшие нарушения законности: в отношении большой группы таких лиц амнистию почему-то не применили. Председатель военного трибунала А. С. Зонов поставил эти вопросы перед высшими судебными инстанциями. Принципиальная, партийная позиция военного юриста возымела свое действие.

Нам, военным юристам, Анисим Степанович всегда показывал пример чуткости, отзывчивости, партийности. Он учил своих подчиненных не довольствоваться внутренним чутьем, интуицией. Доказательства, факты — вот что должно быть главным, преобладающим. «Никогда не забывайте, — часто говорил Зонов, — что за каждым делом стоит живой человек. Значит, подходить надо к нему по-человечески. Доказать вину — вот главное. Тогда он все поймет...»

А. С. Зонов

ДОЛГ И ЧЕСТЬ

Но Анисим Степанович был суров и беспощаден к тем, кто потерял человеческий облик: к бандитам, предателям, злостным преступникам. До сих пор, видимо, жители Николаева хорошо помнят процесс над фашистским палачом, бывшим начальником полиции оберштурмфюрером СС Саидлером Гансом, ответственным за массовое убийство мирных советских граждан в городе Николаеве и области.

Дело это рассматривал А. С. Зонов. Ход судебного разбирательства транслировался по радио. В лице гитлеровца Саидлера Ганса и его сообщников Зонов обвинял самое мрачное порождение империализма — фашизм.

Страстный борец за правду, пламенный пропагандист юридических знаний — таким был и остался на всю жизнь Анисим Степанович Зонов. Ныне ему 73 года. Но он по-прежнему в строю, активно участвует в общественной работе. Иначе он не может. Его взрастила революция. Значит, надо отдать ей всего себя, все свои силы и знания...

Новое поколение военных юристов трудится сейчас в Краснознаменном Одесском военном округе. Они бережно хранят и приумножают революционные и боевые традиции тех, кто на заре революции стоял на страже законности и порядка.

...Проходят дни, годы, десятилетия. История все дальше отдаляет от нас события тех пламенных, неповторимых лет. Но она не властна над памятью людской. С высоты истории больше видится, лучше оценивается. И как-то более зримо на этом фоне видна жизнь людей, кровно связанных с революцией.

В конце тридцатых годов проводились перевооружение и реорганизация всех видов вооруженных сил. Нужны были кадры многих военных специальностей.

Существовавший в то время военно-юридический факультет при Правовой академии не обеспечивал потребностей армии и флота в военных судьях, прокурорах и следователях, поэтому в 1939 году была создана Военно-юридическая академия Красной Армии. В 1940 году, а затем и в самом начале войны (в июле — августе 1941 года) в академию пришло в качестве слушателей много студентов юридических факультетов и институтов Москвы, Ленинграда, Харькова, Казани.

В то время в академии преподавали известные ученые — Коровин Е. А., Голунский С. А., Авдеев М. И., Герцензон А. А., Меньшагин В. Д., а также молодые тогда преподаватели, позже профессора Чхиквадзе В. М., Карев Д. С., Побежимов И. Ф., Лунев А. Е. и другие. Прибывшее в армию и на флот в начале войны пополнение военных юристов имело основательную теоретическую подготовку. Но давно известно, что, как бы ни было хорошо поставлено преподавание в учебном заведении, как бы ни были талантливы учителя, формирование работника происходит главным образом в процессе практической деятельности. И здесь решающую роль в становлении молодых специалистов, приобретении ими необходимых профессиональных навыков, знаний и опыта играют другие учителя — товарищи по службе, руководители, с которыми приходится работать, в особенности на первых порах.

В дни полувекового юбилея мы с благодарностью вспоминаем наших старших товарищей, научивших нас рассматривать уголовные дела, обобщать судебную практи-

ку, работать с кадрами, строить правильные взаимоотношения с командирами и политорганами и решать другие вопросы, входящие в круг обязанностей военного судьи. В числе таких наставников хочется назвать Устюжанинова А. А., Подойницына Г. Я., Романовского С. П., Майорова Н. Я., Кедрова Н. М., Архиповича П. И., Лихачева П. А., Чуватина А. Н., сыгравших большую роль в формировании и становлении многих военных юристов, начавших работать в военных трибуналах в 1941—1942 годах.

Нашему поколению военных судей повезло — почти у всех нас наставниками были коммунисты, прошедшие большую школу борьбы и труда. Мы приняли эстафету от трибунальцев гражданской войны, от тех, кто по воле партии создавал первые революционные суды молодой Красной Армии.

Что это были за люди? Как правило, кадровые рабочие, вступившие в партию до Октябрьской революции или в первые годы Советской власти, прошедшие огонь гражданской войны. Когда создавались первые революционные военные трибуналы, партия направляла для работы в них закаленных, стойких большевиков. Они не имели ни юридической подготовки, ни опыта судебной работы — все это приобреталось на практике. Зато у них с избытком были такие качества, как преданность делу революции, высокое революционное сознание, безупречная честность, высоко развитое чувство ответственности за порученное дело. Именно эти черты, свойственные первым деятелям военной юстиции, давали возможность успешно осуществлять задачи, стоявшие перед революционными военными трибуналами.

В начале Отечественной войны и позже мне довелось работать или встречаться со многими еще работавшими в ту пору старыми судьями военных трибуналов. Всем им в определенной мере были присущи эти главные черты, выкованные в ходе революции и гражданской войны.

Рассказ о каждом из них занял бы многие страницы, ибо вся их жизнь была неразрывно связана с борьбой за установление Советской власти, с активным участием в строительстве новой жизни, с трудной, требующей большого мужества деятельностью на попрание укрепления социалистической законности.

В этих заметках мне хочется рассказать об отдельных

эпизодах из жизни трех трибунальских работников, представителей старой гвардии коммунистов, бойцов, судей.

Первый кадровый трибуналец, с которым я познакомился и под чьим началом работал полтора года после окончания академии, был бригадир Устюжанинов Анатолий Авксентьевич — председатель военного трибунала 9-й армии, действовавшей в 1941—1943 годах на Южном, Юго-Западном и Северо-Кавказском фронтах.

А. А. Устюжанинов формально никакого законченного образования не имел, но прошел большой «университет жизни». Обширные знания в области права, истории, искусства, техники, начитанность вызывали уважение у всех, кто его знал.

В партию большевиков Анатолий Авксентьевич вступил в июле 1917 года на Казанском заводе, а связал свою жизнь с революцией еще раньше — в 1915—1916 годах. Тогда же Устюжанинов около года сидел в Пермской тюрьме за хранение революционной литературы. У Анатолия Авксентьевича очень четкий почерк и характерная роспись, которую он сохраняет до сих пор. Это своеобразная память о том периоде его жизни. Он рассказал однажды, что в тюрьме попались хорошие учителя, там-то он и выработал свой почерк.

Службу в Красной Армии Устюжанинов начал красноармейцем, но вскоре был избран командиром батальона, а затем стал комиссаром 1-го Уральского полка 30-й стрелковой дивизии Восточного фронта. После нескольких ранений, полученных в боях, Анатолий Авксентьевич оказался при политотделе дивизии. В это время было решено создать революционный суд дивизии. Устюжанинову сказали примерно так: «В строй ты сейчас идти не можешь — раны еще не зажили, в партии уже два года, в царской тюрьме сидел, человек ты грамотный, пишешь хорошо — вот и формируй революционный суд».

Так рабочий парень, большевик, солдат и комиссар стал военным судьей. Сначала Устюжанинов работал членом революционного суда дивизии, потом следователем, начальником следственной части военного трибунала дивизии, членом коллегии трибунала, а затем председателем трибунала дивизии.

После окончания гражданской войны и до 1938 года Устюжанинов беспрерывно работал в органах военной

юстиции. Все это время Анатолий Авксентьевич честно и добросовестно, как подсказывала ему партийная совесть и как того требовал закон, делал все от него зависящее для искоренения преступности в армии.

Много судебных дел прошло через руки Анатолия Авксентьевича — и сложных, и простых, и многотомных. Каждое дело — это переплетение мнений, взглядов, взаимоотношений. И почти всегда возникают трудности; принятие окончательного решения дается подчас нелегко. Нужны убежденность и мужество... Какой судья не знает тернистого пути!

По нескольким делам Устюжаниновым были приняты решения, с которыми не согласилась вышестоящая судебная инстанция.

Нашлись люди, которые обвинили его в притуплении политической бдительности. Устюжанинов был исключен из партии и уволен из армии. Вскоре, однако, справедливость восторжествовала, персональное дело было пересмотрено, и в ноябре 1939 года Устюжанинова восстановили и на службе в армии.

Начало Великой Отечественной войны бригадир Устюжанинов встретил в Одессе в должности члена военного трибунала округа. Всю войну он был на фронте председателем военного трибунала армии — сначала 9-й, затем 11-й и 13-й. А. А. Устюжанинова как судью всегда отличали принципиальность, вдумчивость, умение быстро схватить главное в деле; человечный подход к судьбе подсудимого он умел совместить с твердостью, а в необходимых случаях и беспощадностью по отношению к опасным, подрывающим боевую мощь армии, преступлениям. Он был непримирим к нарушениям законности, допускаясь при расследовании дел, в особенности к проявлениям необъективности, и остро реагировал на подобные нарушения со стороны органов следствия.

Многому молодые судьи учились у Анатолия Авксентьевича, и, в частности, его манере вести судебный процесс: спокойно, неторопливо, выделяя главное, и в то же время строго, серьезно, не допуская ни излишней официальности, ни фамильярности. В обращении со всеми — и с начальниками и с подчиненными — Анатолий Авксентьевич был всегда ровен, прост и сдержан. Не было случая, чтобы он повысил голос.

Анатолий Авксентьевич здравствует и поныне, припи-

мает активное участие в общественной жизни старинного русского города Углич, где он поселился после увольнения в отставку и где сейчас является старейшим по стажу членом партии.

* * *

Несколько лет назад в разговоре с одним из наших видных военачальников зашла речь о ветеране военных трибуналов, ныне покойном Г. Я. Подойницыне, которого этот товарищ знал задолго до Отечественной войны и по службе во время войны. Было много воспоминаний, и в заключение мой собеседник коротко, но очень метко заметил: «Да, крепкий был уралец!»

О генерале Подойницыне не раз писали как о бесстрашном воине, активном участнике гражданской и Отечественной войны, принципиальном судье, непримиримом ко всякой фальши. Это был действительно крепкий и бесстрашный коммунист, воин, судья.

Григорий Якимович вступил в партию большевиков в апреле 1917 года на Чермоозском заводе в Пермской области. С марта 1918 года добровольно служил в Красной Армии и неоднократно участвовал в боях. С 1919 года он работал в военных трибуналах. Перед Отечественной войной Григорий Якимович был председателем военного трибунала Архангельского военного округа, а всю войну с момента формирования Воронежского (затем 1-го Украинского) фронта возглавлял военный трибунал этого фронта. В конце войны это был еще полный энергии генерал, награжденный многими боевыми орденами. Открытый характер, природный ум и свойственное ему большое чувство справедливости привлекали к нему всех, кто его знал.

В условиях военного времени большую роль в направлении практики трибуналов соединений, в исправлении допускаемых ими ошибок играли трибуналы фронтов, наделенные надзорными правами. При подготовке кандидатской диссертации о судебном надзоре мне довелось познакомиться с деятельностью военных трибуналов ряда фронтов. Судебная практика военного трибунала Воронежского (1-го Украинского) фронта, а затем Центральной группы войск отличалась своей последовательностью, строжайшим соблюдением закона. В этом, я думаю, во многом сказывалось влияние председателя трибунала Гри-

горя Якимовича Подойницына. Если учесть, что институт кассации ввиду условий военного времени не действовал и что почти треть всех дел рассматривалась в порядке надзора военным трибуналом фронта, то становится понятным значение действенного и эффективного судебного надзора.

В трибунал фронта поступали дела о самых различных преступлениях — от самовольных отлучек до измены Родине. И нужно было не только правильно разрешить каждое конкретное дело, исправить подчас ошибку нижестоящего трибунала и научить на ней судей, но и обеспечить единство судебной практики, обеспечить беспощадную и действенную борьбу с преступлениями, а в отдельных случаях и повернуть в нужное направление судебную практику, если она начинала отклоняться от него.

Так, например, при рассмотрении дел о хранении антисоветских листовок, заброшенных противником в расположение наших войск и обнаруженных у какого-либо солдата, суды не всегда выясняли цель хранения листовки и в ряде случаев без достаточных оснований квалифицировали такие действия как антисоветскую агитацию. Военный трибунал фронта отменял такие приговоры как вынесенные с грубым нарушением закона.

Военный трибунал 6-й армии осудил к восьми годам лишения свободы оружейного мастера танкиста Косьяненко, который в подвинутую им листовку завернул знаки различия, то есть использовал ее как оберточную бумагу. Военный трибунал фронта приговор отменил и дело производством прекратил. Трибунал фронта прекратил обвинение по ст. 58—40 ч. II УК РСФСР в отношении Еремчука, у которого был обнаружен обрывок фашистской листовки — остаток от неиспользованной бумаги для курения.

Как и подобает подлинному руководителю, Григорий Якимович не прятался за спину подчиненных и не уклонялся от рассмотрения трудных, так называемых «острых» дел, принимая их к производству и рассматривая под своим председательством.

Мне вспоминается известное в свое время дело офицера Пужаева, обвинявшегося в контрреволюционной пропаганде. Судом первой инстанции Пужаев был признан виновным в этом преступлении. Военный трибунал Цент-

ральной группы войск обвинительный приговор отменил. Вторично дело могло быть рассмотрено в нижестоящем трибунале или под председательством одного из членов трибунала группы, но Григорий Якимович взял на себя его рассмотрение в первой инстанции. Суд тщательно разобрался в деле и вынес оправдательный приговор. Однако оправдательный приговор был отменен, а председательствующий обвинен в либерализме, потере политической бдительности и привлечен к партийной ответственности.

Отмена приговора всегда вызывает тяжелые переживания у судьи. Особенно тяжелы они в том случае, когда судья глубоко убежден в правильности принятого им решения. Григорий Якимович был убежден в справедливости приговора по делу Пужаева, но неотменное решение вышестоящего суда вступает в законную силу и признается правильным. Однако рано или поздно истина находит признание. Несколько лет спустя Пужаев был реабилитирован, необоснованное обвинение Григория Якимовича в либерализме было снято.

* * *

Много лет мне довелось работать вместе с Сергеем Павловичем Романовским — одним из первых генералов юстиции, сослуживцем легендарного Котовского. С. П. Романовский прошел путь от судьи революционного военного суда, созданного при одном из отрядов Красной Армии во время боев за Петроград в 1919 году, до председателя военного трибунала столичного военного округа в Великую Отечественную войну.

Широкоплечий, с характерной кавалерийской походкой вразвалочку, с симпатичной щеточкой седых усов, Романовский невольно привлекал к себе внимание. Сергей Павлович был общительным, доступным для всех, обаятельным человеком, готовым всегда и во всем помочь товарищу.

Романовский в период Отечественной войны руководил многими военными трибуналами, которые подчинялись военному трибуналу Московского военного округа и Московской зоны обороны; в то время этот трибунал был надзорной инстанцией для многих судов, в том числе для народных, которые в связи с осадным положением были преобразованы в районные военные трибуналы.

Несмотря на занятость, Сергей Павлович всегда находил время принять и выслушать многочисленных лиц, обращавшихся к нему с жалобами, просьбами, был внимателен и отзывчив. Он пользовался большим уважением не только среди сослуживцев. Припоминается такой случай.

В самом конце войны в военном трибунале слушалось на шумевшее дело по обвинению преподавателя одного из московских институтов в убийстве своей жены. Разрешение дела представляло большие трудности. Судебные решения несколько раз отменялись. В конце концов по делу был вынесен обвинительный приговор. Для окончательного разрешения дело поступило в военный трибунал Московского военного округа. В надзорном заседании председательствовал С. П. Романовский.

Председатель трибунала и члены коллегии, участвовавшие в рассмотрении этого сложного и запутанного дела, провели большую, кропотливую работу. Несмотря на кажущуюся убедительность уличающих доказательств, судьи обнаружили серьезные дефекты в обвинении. Не исключалась полностью версия о том, что потерпевшая была убита кем-то другим. При наличии этих сомнений суд принял единственно правильное в тех условиях решение: прекратил дело за недоказанностью обвинения. Вскоре справедливость этого решения была подтверждена самой жизнью: был обнаружен действительный убийца, им оказалась сестра погибшей. Московская общественность с пристальным вниманием следила за всеми перипетиями этого дела. Не раз представители интеллигенции обращались в различные судебные инстанции, требуя справедливого решения.

После рассмотрения дела писатель Сергей Михалков, принимавший участие в судьбе обвиняемого, пришел в военный трибунал и преподнес Сергею Павловичу Романовскому одну из своих книг с надписью:

Вам, товарищ генерал,
Народ доверил трибунал,
А там, где Романовский есть,
На первом месте долг и честь.

Это четверостишие, по-моему, ярко и правильно определяет главное в облике советского судьи, которому доверено большое, сложное и нелегкое дело осуществления правосудия — долг и честь.

— ☆ —

Майор юстиции Л. ГОРШНОВСКИЙ

ВETERАНЫ ОСТАЮТСЯ В СТРОЮ

В 1900 году, оставив родное село Люхунино, на Рязанщине, в поисках лучшей доли уехал с семьей в далекий Туркестан Родион Иванович Масалов. Нужда гнала его, безземельного крестьянина, в чужие края — «там, говорят, нужны умелые рабочие руки, плотницких дел мастера».

Неласково встретил пришельцев солнечный Ташкент. Здесь, как и в России, тяжело жилось рабочему люду — та же беспросветная нужда, те же, политые соленым потом, гроши за работу от зари до зари... В 1901 году в семье родился второй ребенок — сын. Нарекли его Михаилом. В Ташкенте Михаил Масалов окончил городское училище. Его бы учить дальше, да гимназия не для детей тружеников. С горечью расставался Миша с книгами. В 12 лет он пошел с отцом на заработки.

Отгремели октябрьские бои в Ташкенте. Прошел тревожный 1919 год. В мае 1920 года 19-летнего Михаила Масалова Туркестанская Республика призвала в Красную Армию. 4-й запасной стрелковый полк. Здесь были познаны азы солдатских премудростей. Принята присяга. Перед строем зачитан приказ. Вместе со взводом Михаил Масалов был назначен в отряд особого назначения при реввоен трибунале Туркестанского фронта... Красноармейцу пулеметной команды реввоен трибунала Масалову часто приходилось сопровождать выездные сессии трибунала на Ферганский фронт, в Ошскую долину, в мятежное Семиречье.

О себе Михаил Родионович говорит скупко: «Воевал как и все. Отражал нападение басмаческих банд, стремившихся расправиться с трибуналами, отбить захваченных в плен и подлежащих суду реввоен трибунала курбашей» (главарей бандитских шаек).

В начале 1920 года войска Красной Армии нанесла ряд ударов по бандам Мадамин-бека, Иргаша, Курширма-та и Рахманкула. Басмачи отошли в труднодоступные горные районы, однако складывать оружие не собирались. Басмаческие главарь, получив от английских империалистов большую помощь оружием, боеприпасами, золотом, инструкторами, вновь начали активные боевые действия против частей Красной Армии.

Командование Туркестанского фронта и лично М. В. Фрунзе принимают решительные меры к разгрому басмачей. В 1921—1922 годах части Ферганской группы войск продолжали вести бои с бандами Муэтдина, Исламкула, Казак-бая, Нурмата Мингбаши и Ярмата Максума. В результате успешно проведенных операций двухтысячная банда Муэтдина была уничтожена, а сам Муэтдин вместе со своими подручными взят в плен.

В город Ош выезжает чрезвычайная сессия реввоен-трибунала Туркестанского фронта под председательством П. А. Камерона.

— Реввоен трибунал, — рассказывает Михаил Родионович, — выехал из Ташкента до станции Карасу бронепоездом. Здесь же, под охраной взвода курсантов Ташкентской пехотной школы имени В. И. Ленина, находился Муэтдин и его двенадцать курбашей, составлявших штаб Муэтдина. Вместе с курсантами на бронепоезде следовал отряд реввоен трибунала и его пулеметная команда. Впереди бронепоезда шел кавалерийский полк.

Почему были приняты такие меры предосторожности?

Наша разведка получила сведения о том, что остатки банд Муэтдина совместно с другими курбашами поклялись на коране во что бы то ни стало освободить своего главаря. И нужно сказать, это были не пустые слова. То и дело к нам, на бронепоезд, поступали сведения о том, что передовые разъезды вступают в стычки с басмаческими шайками, пытающимися приблизиться к железной дороге.

Доехали до станции Карасу. Дальше, до города Ош, нам предстояло следовать на автомашинах. Мне, как комеданту выездной сессии, пришлось отдать приказ связать Муэтдина и его сообщников. Связанных басмачей усадили в автомашину. Рядом с ними сел конвой — курсанты. Впереди шел броневик, за ним — автомашины с бойцами отряда трибунала, далее — машина с басмача-

ми, затем — остальные машины с охраной, впереди всей колонны и по бокам ее шли кавалерийские эскадроны. До города Ош доехали благополучно.

Судебный процесс прои-ходил у горы Сулеймана, на площади, при стечении многих тысяч дехкан. Из Ошской области, из всей Ферганской долины собрались сюда все те, кто испытал на себе плети Муэтдина. Люди приходили семьями, целыми кишлаками. Когда собравшиеся увидели Муэтдина, стон прошел по толпе. «Будь проклят ты, сын собаки, кровавый пес Муэтдин!», «Да проклянет тебя и все твоё потомство аллах!», «Пусть кровь невинных жертв твоих падет на твою голову!» — с рыданием причитали седобородые аксакалы, безутешные вдовы и матери, оплакивавшие гибель своих родных и близких. Муэтдин съезжился и невольно отступил к охране...

До сих пор я не могу без волнения вспоминать об этом процессе. Свыше ста свидетелей допросил трибунал. Давали показания люди, изувеченные головорезами Муэтдина и чудом оставшиеся в живых. Со всей полнотой была установлена вина подсудимых в массовых зверствах, насилиях. С большим удовлетворением встретили собравшиеся приговор военного трибунала. Муэтдина и его головорезов приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение сразу же после его оглашения. Советская власть избавила трудовой народ от набегов басмаческих банд.

Два дня длились торжества в Ошской долине. Варился в котлах плов, всюду на площадях и улицах города шли народные гулянья — люди пели и плясали, празднуя избавление от кровавого Муэтдина...

На памяти у Михаила Родионовича много интересных, сложных дел, которые были рассмотрены реввоен-

М. Р. Масалов

трибуналом Туркестанского фронта. Среди них дело о Верненском мятеже и Нарынском восстании, дело о бывшем полковнике царской армии Корнилове, который был связан с Бейли, Блеккером и другими резидентами английской разведки, по заданию которых он поддерживал контакты с главарями ферганского басмачества, передавал им золото и фунты стерлингов за их кровавые дела...

До 1927 года М. Р. Масалов служил в трибуналах Туркестанского военного округа. Тепло отзываясь он о первых председателях реввоен трибунала фронта Фонштейне и Камероне, о судьях Рабковском, Ждане, Жукове, Тарасове, Апрелове, Упельнике и других.

С 1927 по 1937 год Михаил Родионович работает в Верховном Суде Узбекской ССР вначале делопроизводителем в кассационной коллегии, затем секретарем кассационной коллегии по уголовным делам, секретарем президиума и пленума Верховного Суда Узбекской ССР, управляющим делами Верховного Суда республики.

1939 год. В Европе разразилась вторая мировая война. И снова Михаил Родионович надевает солдатскую шинель. Он — старший секретарь военного трибунала Средне-Азиатского военного округа, а с 1942 по 1944 год — заместитель председателя военного трибунала САВО по кадрам, член военного трибунала Степного округа.

В 1957 году подполковник юстиции Масалов увольняется в запас, но с трибуналом не расстается. Михаил Родионович работает старшим секретарем военного трибунала Ташкентского гарнизона.

Когда 26 апреля 1966 года девятибальные удары потрясли Ташкент, ветеран не оставил своего поста. Здание трибунала было разрушено, но Михаил Родионович вместе с другими работниками трибунала спасал архив. Трудно было организовывать процессы в 1966 году, когда стихия ежедневно давала себя знать, когда дела приходилось слушать буквально под открытым небом...

Годы берут свое. Седеет голова, сутулятся плечи. Но все так же молоды, задорны глаза человека, прошедшего большой жизненный путь. Коммунист Масалов, отмечающий в этом году свое 67-летие, остается в строю. Он и сейчас трудится вместе с нами, честный, отзывчивый и чуткий товарищ.

— ☆ —

ПЕРЕД СОВЕТСКИМ СУДОМ

ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА

Август 1941 года. В один из воскресных дней с аэродрома, расположенного вблизи небольшой деревушки, в небо поднялся истребитель. Стремительно набрав высоту, он, сделав разворот, почти отвесно пошел к земле. Летчик вывел самолет над самой землей, когда казалось, что уже ничто не могло спасти его от гибели. Оглушительно ревя мотором, истребитель пронесся над деревней и, задржав тупой нос, вновь взвился в небо.

Вдруг мотор самолета, чихнув несколько раз, заглох. Истребитель некоторое время держался в воздухе, но потом, заваливаясь на правое крыло, стремительно пошел к земле. Самолет разбился, но летчик остался жив. Это был командир тяжелого бомбардировщика-торпедоносца лейтенант Березов¹.

Никто из очевидцев не мог понять, каким образом летчик с тяжелого бомбардировщика очутился в истребителе, кто и с какой целью разрешил поднять самолет в воздух. В лазарете, куда отправили Березова, обнаружилось, что он находится в нетрезвом состоянии. Поступок Березова взбудоражил весь гарнизон. Многие удивлялись, почему Березов пошел на такой шаг, зачем ему понадобилось не на своем самолете подниматься в воздух.

Предположений было много, однако только тщательное расследование могло выяснить все обстоятельства этого события. Было возбуждено уголовное дело, проведено расследование, а затем дело поступило в суд. Березов обвинялся в том, что совершил аварию самолета намеренно, с целью получить травму и таким путем уклониться от боевых вылетов.

Судебное заседание состоялось в конце сентября. Оно проходило в небольшой деревенской избе, где, кроме со-

¹ Фамилия летчика изменена.

става суда и подсудимого с трудом мог разместиться десяток свободных от полетов офицеров. Березов — крепко сложенный, высокого роста молодой человек, с небольшим свежим шрамом на виске — внешне ничем не проявлял своей взволнованности, держался свободно, уверенно. И лишь внимательному глазу было видно, что это спокойствие — показное и стоит ему больших усилий. На самом деле Березову было далеко не безразлично, как решится его судьба. Он тяжело переживал случившееся.

Перед судом стояла трудная задача. С одной стороны — совершенно тяжкое преступление, за которое по законам военного времени предусмотрена суровая мера наказания, вплоть до расстрела. К тому же оно совершено в самый трудный период войны, когда не хватало патронов, снарядов, винтовок и тем более был дорог каждый самолет. С другой стороны — решалась судьба молодого советского человека, ровесника Великого Октября, офицера-летчика, мастерски владеющего своей специальностью.

Среди сослуживцев Березова ходили разные толки по поводу случившегося. Одни доказывали, что Березов совершил поступок без злого умысла, только потому, что был пьян, другие говорили, что он сделал так для того, чтобы показать свою храбрость командованию, третьи утверждали, что Березов проявил лихачество по молодости, чтобы удивить своих друзей и выглядеть героем перед девчатами. Но многие сходились на том, что поступок Березова — результат его трусости, стремление уклониться от боевых вылетов на бомбардировки противника, которые проходили тогда в исключительно сложных и тяжелых условиях.

В суде Березов обстоятельно рассказал, как произошло событие. Признавая себя виновным в гибели самолета, он в то же время категорически отверг предъявленное ему обвинение в попытке уклониться от выполнения боевых заданий. «Цель моего полета, — пояснил подсудимый, — состояла в том, чтобы доказать командованию, что я умею пилотировать истребитель».

На суде выяснилось, что Березов настойчиво добивался перевода в истребительную авиацию, но его просьбы отвергались. Он воспринял этот отказ болезненно и решил воспользоваться первым же случаем для того, чтобы продемонстрировать свое умение пилотировать истребитель. В тот злополучный августовский день под воздей-

ствием шуток товарищей он выпил спиртного и поднялся на чужом истребителе в воздух.

Суд установил, что гибель самолета произошла не потому, что Березов не справился с пилотированием. У истребителя кончилось горючее. Бак самолета был залит бензином не полностью, а Березов ни перед вылетом, ни во время полета не обратил на это внимания.

В последнем слове Березов заявил, что глубоко раскаивается в совершенном поступке, и просил суд дать ему возможность летать. «Если же такой возможности суд не предоставит, то мне совершенно безразлично, какое будет наказание», — сказал он в заключение.

Суд ушел в совещательную комнату. Судьи долго не могли прийти к единому мнению. Наконец приговор подписан. Суд признал, что Березов совершил правонарушение не в целях уклонения от выполнения боевых вылетов, не из-за трусости, а для того, чтобы добиться перевода в истребительную авиацию. Поскольку он добивался этого противозаконными действиями, которые повлекли тяжкие последствия, то и должен нести за это ответственность.

Перед оглашением приговора (а это было уже поздно вечером) перед избой, где проходил суд, собралось много офицеров. Часть из них не смогла попасть в помещение. Некоторые офицеры только что вернулись из боевых полетов и, не успев переодеться, поспешили туда, где решалась судьба их товарища.

С появлением суда мгновенно воцарилась полнейшая тишина. В глазах Березова застыло ожидание...

И вот приговор оглашен. Березов осужден к лишению свободы, но исполнение приговора отсрочено до окончания военных действий с оставлением осужденного в рядах действующей армии. Сразу заговорили десятки голосов, все пришло в движение. Трудно что-либо понять, когда говорит сразу много людей, но общий тон одобрения мы уловили. «Правильно! Здорово! Ваня еще даст фашистам!» — слышалось отовсюду.

Березову было разъяснено, что теперь от него самого зависит, будет ли он после войны отбывать определенное судом наказание или нет. Если проявит себя в боях с фашистами, то его могут освободить от наказания.

— Спасибо за доверие, — взволнованно ответил Березов.

Нетрудно было заметить, что много пережил он до суда и во время судебного разбирательства, особенно за тот час, пока суд находился в совещательной комнате.

Березов был оставлен в той же части, в которой служил до совершения правонарушения, и продолжал летать на таком же, как и раньше, бомбардировщике.

Итак, дело решено. Теперь только время может показать, правильно ли поступил суд, поверив Березову. Я, как председательствующий, был уверен, что он оправдывает оказанное ему доверие, но все же временами сомнение закрадывалось в душу. Я еще и еще раз возвращался к этому делу, проверял все доводы, на которых был основан приговор, решивший судьбу Березова.

Как сейчас помню, Березов в своих показаниях суду с какой-то особенной теплотой и лаской говорил о своей матери, и это произвело на меня тогда сильное впечатление. После вынесения приговора я мысленно не раз ставил перед собой вопрос, не сыграло ли это обстоятельство решающую роль при определении Березову меры наказания, не допустили ли мы — судьи ошибку, поскольку приговор должен основываться не на чувствах, а на собранных по делу и тщательно проверенных в суде доказательствах. Но каждый раз, проанализировав материалы дела во всех подробностях, убеждался, что суд принял единственно правильное и обоснованное решение.

А Березов продолжал летать. Не раз он обрушивал бомбовые удары на вражеские объекты. В один из дней глубокой осенью 1941 года Березов не возвратился с боевого задания. Что могло случиться, сказать никто не мог. Война есть война. Скорее всего, самолет был сбит противником, так как летать приходилось в глубокий тыл вражеских войск и опасность быть сбитым всегда была реальной. Но вот прошла неделя, и Березов снова появился в части. Оказалось, что его самолет при возвращении с задания над линией фронта был подбит. Члены экипажа выбросились на парашютах и в течение нескольких дней в труднейших условиях пробирались через линию фронта.

После недолгого пребывания в госпитале Березов снова стал летать. Однажды при возвращении с боевого задания ночью его самолет был поврежден зенитной артиллерией противника, из строя вышли все приборы. Летчик повел его вслепую, сумел уйти от вражеского огня. «Ско-

ро может кончиться горючее, надо принимать какие-то меры, — думал он. — Экипаж выбросится на парашютах. Но как спасти самолет?» И летчик принимает решение — экипажу выброситься на парашютах, а самому попытаться посадить самолет без выпущенных шасси. Огромный риск, так как в ночных условиях найти местность для посадки тяжелого самолета-бомбардировщика чрезвычайно трудно. Но решение принято. Березов вывел самолет на нужную высоту и отдал команду: «Прыгать!» Члены экипажа попытались было возражать против этого, но властный, не терпящий никаких возражений голос командира экипажа заставил повиноваться.

Оставшись один, Березов перешел на бреющий полет, выбрал вспаханное поле и пошел на посадку. Через несколько секунд самолет коснулся земли. Послышался треск, скрежет... Казалось, что машина опрокинется. Через мгновение все стихло. При посадке самолета Березов получил тяжелые ранения, которые, однако, после лечения не помешали ему с прежней силой и мастерством громить врага.

Через некоторое время командование соединения возбудило перед военным трибуналом ходатайство о досрочном освобождении Березова от наказания, назначенного по приговору суда. Это ходатайство военным трибуналом было рассмотрено. Мы, судьи, на этот раз чувствовали себя совсем по-другому, чем тогда, в сентябре 1941 года, когда выносили приговор. Березов был освобожден судом от наказания и продолжал воевать с той же отвагой. В годы Великой Отечественной войны он был награжден многими орденами и удостоен звания Героя Советского Союза. Сейчас Березов — генерал, занимает высокий командный пост в Вооруженных Силах Советского Союза.

— ☆ —

«ЛАЗУТЧИК»

В 1942 году армейский военный трибунал рассмотрел интересное дело. И хотя было оно небольшое по объему, но оказалось трудным для разрешения.

По известным соображениям мы не называем здесь своими именами ни председательствующего, ни подсудимого. Оба они здравствуют и поныне, и если первому приятно вспомнить эту историю, то второй от нее, надо полагать, не в восторге.

Рассказал мне об этом деле сам председательствующий. Иван Михайлович — так будем его называть. Иван Михайлович, военный юрист с большим стажем, за свою долгую службу рассмотрел немало дел. Сколько судебных от него зависело, сколько подсудимых с надеждой смотрели ему в глаза! Из сотен этих людей остались в памяти немногие. И среди них Павлов, о котором пойдет речь.

«Понимаете, привели его два конвоира, — рассказывал Иван Михайлович, — посадили на табурет. Совсем мальчишка. Шморгает носом, глаза колбочие, смышленные. Встретился со мной взглядом, улыбнулся, но тотчас же поджал губы: понимал, что сидит перед трибуналом. В общем, мальчишка, которого, скажем, поймали в саду, когда обдирал чужие груши. Конвоиров дядями называл...»

Перед тем как открыть судебное заседание, Иван Михайлович некоторое время рассматривал подсудимого и все больше удивлялся. Ему не было еще и шестнадцати — полгода не хватало. Хилый, бледный, с острыми ключицами и длинной тонкой шеей. Он все дергал этой шеей, словно ему жал воротник, да то и дело скреб стриженный затылок.

Уголовное дело в одном небольшом томике, старательно сшитом, с прочными обложками, на которых властно

оттиснуто: «Хранить вечно», лежало перед судом. В деле двенадцать протоколов допроса подсудимого. Все противоречия, неточности в показаниях подсудимого отшлифованы, устранены на третьем допросе. А потом на всех последующих подсудимый о своем преступлении рассказывал слово в слово, как артист-чтец, старательно заучивший текст. Казалось, то были не разные протоколы, а копии одного.

Преступление, в котором обвинялся подсудимый, было тяжкое — измена Родине, шпионаж. В городе Ч., оккупированном фашистами, его завербовали, зачислили в диверсионно-шпионскую школу, научили собирать военные сведения, а потом под видом беженца он перешел линию фронта. Возле штаба армии его задержал лейтенант. Допросили его, и он признался, рассказал обо всем. На последнем допросе собственной рукой в протоколе написал просьбу пожалеть его, учесть раскаяние, послать на фронт разведчиком или танкистом, и он испутил свою вину. Парень не ладил с грамматикой и ошибок наделал уйму.

Председательствующий открыл судебное заседание, удалил единственного свидетеля — офицера, который задержал подсудимого.

О себе подсудимый показал следующее: зовут Сергеем Павловым, проживал в городе Ч., мать там и сейчас. Отец на фронте. Когда разъяснили процессуальные права и спросили о ходатайствах, Павлов попросил послать его на фронт.

Во время дачи показаний подсудимым председательствующий открыл последний протокол его допроса. Слушая рассказ Павлова, председательствующий одновременно следил за протоколом. Павлов говорил слово в слово, как было записано в протоколе. Удивительным показалось это судьям. Что это: или у парня отличная память, или следователь помог заучить протокол, чтобы не спутался в суде?

А каким языком говорил этот пятнадцатилетний парнишка с шестиклассным образованием!

— Имея намерения проводить против Красной Армии диверсионно-шпионскую работу, с прямым умыслом, без принуждения я дал согласие на поступление в эту школу...

— Переход линии фронта мне организовали немецкие офицеры. К фронту мы ехали сначала на автомашине, за-

тем продвигались нашим порядком, дошли до передовой, а там я уже один прощик в тыл советских войск...

— Я интересовался личным составом частей. Просил что-либо для себя на питание у красноармейцев. Будучи среди советских войск, я подсчитывал количество орудий, танков и другого оружия...

После этого рассказа председательствующий стал задавать подсудимому вопросы:

— Значит, вас направили сюда как шпиона?

— Я имел задание разведывательного характера.

— А какую плату за это вам обещали немцы?

Подсудимый растерялся, начал оглядываться по сторонам, как ученик, который ждет от класса подсказки.

— Мотоцикл, — наконец ответил он радостно.

Председательствующий полистал свои записи. В материалах предварительного следствия о мотоцикле нигде не было сказано. Это было уже новое обстоятельство. Такой важный момент — мотив преступления — следователь почему-то не выяснил.

— И вы за мотоцикл изменили Родине? Товарищам? Своему отцу?

— Я искуплю свою вину на фронте. Пошлите меня на самый трудный участок. Разведчиком.

— Сколько времени вас учили в школе?

— Пять или шесть дней.

— А точнее.

— Десять дней. Вспомнил.

— Сколько дней находились среди наших войск?

— Два дня.

— Какие собрали сведения?

— Там в деле есть. Я все следователю рассказал.

— А все-таки расскажите и суду.

— В деревне Выготь видел двенадцать танков Т-34. Возле моста — зенитки. За шоссе в лесу — аэродром. Истребители там.

Все это было записано в протоколе допроса, с распиской подсудимого после каждого абзаца и внизу каждой страницы.

— Что знаете о своем отце?

— Он был петеэровец. Истребитель фашистских танков.

— Отец уничтожает фашистов, а сынок им помогает. Шпион.

Подсудимый замкнулся, замолчал, сжал рот, устремил взгляд в пол.

— За мотоцикл, значит, проданся? — начал злиться председательствующий, хотя судья на процессе должен быть непроницаемо спокойным во всех случаях, даже если подсудимый и очень неприятен.

— Пионером был?

— Был.

Судьи понимали, что могло быть и так, как рассказывал Павлов. По-видимому, пообещали ему мотоцикл, Павлов и пошел через линию фронта. И никаких тут нет политических мотивов. Не могло быть у него вражды к Советской власти. Об отце говорит с гордостью — истребитель фашистских танков! Изменник Родины, враг так не скажет. Это был первый случай в судебной практике Ивана Михайловича, когда пятнадцатилетнего мальчишку завербовала фашистская разведка. Его ровесники были подпольщиками, партизанами. А этот — шпион... Удивительно, конечно.

— Мотоцикл обещали дать с коляской?

— Мотоцикл? Ага, с коляской.

— А где помещается ваша шпионская школа?

— В школе. Двухэтажная, желтые стены, крыша красная.

— А кто пригласил вас в эту школу?

— Бургомистр наш. Нестеров. Петр Ильич. Он без одной ноги. Две жены имеет.

— Как две жены? — поинтересовались судьи.

— Одна родная жена, а вторая, Марья Васильевна, медсестрой работает. Когда Нестеров у Марьи Васильевны, родная жена бьет ей окна. Когда у родной жены, Марья Васильевна прибегает драться.

— Как же этот Нестеров завербовал вас в школу?

— Я из фермы доски стянул. Ну из хозяйства — коровы там для немцев собраны. Так я взял доски на голубятню. Нестеров поймал меня и говорит: «Расстрел или за нас будешь».

— И вы согласились?

Голубятня и доски — обстоятельства новые. В протоколах об этом ни слова.

— Я не сразу согласился. Только после, когда мотоцикл пообещали.

Снова этот чертов мотоцикл. Неужели все-таки Павлов говорит правду?

— Кто с вами еще учился в шпионско-диверсионной школе?

Председательствующий перевернул несколько страниц, нашел место, где перечислялись фамилии однокашников по школе подсудимого.

— Петька Мохов, Женя Сидоров, Степа Гаврусев, Вера Лежина.

— И все они окончили школу?

— Все. И пошли на фронт.

— На какой фронт? Может, за линию фронта?

— Ага, в тыл наших войск.

— Чьих — «наших»?

— Ну, Красной Армии.

— Чему вас обучали в школе?

— Я умею стрелять, ползать по-пластунски, на турнике подтягиваться раз десять. Я хотя и худой, но сильный. Гранату далеко бросаю.

— Карту читать умеете? По азимуту ходить учились?

— По географии мы это не проходили.

— Да я не о той школе. А о шпионской. Учили вас этому?

— Может, и учили, но я не все дни бывал на занятиях. Болел.

— Вот собрали вы сведения, а потом что?

— Вернулся бы в Ч. и отдал их бургомистру Нестерову.

Кажется, обо всем было расспрошено, все вопросы выяснены, а председательствующий никак не решался прекратить этот допрос: все не укладывалось в голове рассказанное Павловым, как-то не верилось этому.

Наконец начали допрашивать свидетеля. Свидетель — лейтенант рассказал, как он задержал Павлова. Он приметил его еще тогда, когда тот просил у бойцов поест, и начал следить за ним. Павлов искал штаб. Один боец спросил, какой штаб ему нужен. «Тот, который может взять в армию служить». Боец ему разъяснил, что с такой просьбой следует обратиться в штаб дивизии, но где тот штаб, не сказал. Павлов и стал расспрашивать об этом штабе.

— Я сразу заподозрил нехорошее, — торопливо и даже радостно рассказывал лейтенант. — Начал бдительно

следить за ним. Хитрый он: не просто спрашивал, где штаб, а как генерала или полковника найти. Я, значит, решил помочь ему. Подошел, спрашиваю: «Что, парень, ищешь?» А он сразу испугался, стал уходить от меня, почувствовал, кто я такой.

— А я видел, что вы за мной по пятам ходите, — повернулся к лейтенанту Павлов.

— Я тотчас доставил его в отдел. Поработали с ним, он и признался.

— Как поработали? — насторожился председательствующий.

— Дозволенными средствами.

— А что говорил подсудимый в самом начале?

— Разную ересь. Давал заведомо ложные показания, хотел увести следствие по неправильному пути.

— А все-таки, что конкретно? Вспомните.

— Назвал свою фамилию. Сказал, что пришел сюда, чтобы воевать. А потом признался, что из Ч. и что он шпион.

— Вы сами в Ч. были когда-либо? — спросил Иван Михайлович у лейтенанта.

— Не был... Но мы имеем данные, что там существует фашистская диверсионно-шпионская школа.

Председательствующий огласил затем различные справки, протоколы и объявил перерыв. Шагаль по комнате взад-вперед, пожимал плечами. Правду говоря, он думал, что дело это разлетится, как карточный домик. На суде подсудимые нередко отказываются от своих первоначальных показаний и не признают себя виновными.

Дело Павлова не разлетелось. Подсудимый упрямо стоял на своих показаниях: виноват, был направлен немцами за линию фронта собирать сведения.

Иван Михайлович походил, накурился до головокружения, позвонил прокурору, попросил его приехать. Тот выслушал все сомнения Ивана Михайловича, успокоил: «Я сам сомневался. Беседовал с Павловым, спросил, — может, принуждал следовательно давать такие показания. Парень клялся, что говорит правду».

Что мог в то время при таких обстоятельствах сделать суд? Вынести приговор, определив Павлову минимальную меру наказания — десять лет лишения свободы. И все, точка.

Оставалась у судей надежда на последнее слово подсудимого. Именно в этой стадии судебного разбирательства чаще всего отказывались подсудимые от своих первоначальных показаний, приводили совсем новые факты. Может, и Павлов скажет что-то новое?

Но подсудимый слово в слово повторил, как был задержан в шпионы, как его направили сюда собирать сведения. Говорил спокойно, уверенно, смело смотрел своими черными колючими глазами. А в конце попросил направить его в штрафную роту, а не в лагерь. Сказав сел, потом снова поднялся.

— Вы ж можете направить меня в штрафную роту. Я там искуплю свою вину.

А Иван Михайлович с жалостью рассматривал его слабые плечи, тонкую мальчишескую шею и думал, что если парень переживет пехоту, то освободится на двадцать шестом году своей жизни.

С такими мыслями и ушел Иван Михайлович в совещательную комнату. А когда суд возвратился, то, на удивление всем присутствовавшим, председательствующий зачитал не приговор, а определение. Дело направлялось на следствие и указывалось, что надо сделать органам следствия. В частности, предлагалось найти тех бойцов, с которыми вел разговор Павлов, когда пекал штаб. Но самое главное было в определении: получить из Ч. сведения о семье Павлова, о тех лицах, которых называл в своих показаниях Павлов.

Никто в зале не верил, что органы следствия согласятся с таким решением суда. И больше всех не верили этому сами судьи. Но их совесть не позволяла вынести по такому делу приговор, который, конечно, должен быть обвинительным. А вдруг при следствии и будет установлена истина?

— Снова в тюрьму? — спросил Павлов.

— В тюрьму.

Увидели все, как побледнели у него щеки, как нервно, испуганно забегали глаза. Судьи собрали бумаги со стола и ушли.

В тот же день Ивану Михайловичу пришлось быть на совещании, которое проводил командующий армией, выступить перед солдатами-минометчиками, и в трибунал он возвратился только вечером. Секретарь трибунала подала копии определения на подпись. Иван Михайлович

их подписал, но не спешил возвратиться секретарю. Все думал о Павлове.

Судьи бывают разные. Есть такие, которые под сомнение берут каждый свой приговор. Есть судьи, уверенные во всех своих решениях стопроцентно: огласил, вынес приговор, определение — и никаких затем раздумий, колебаний. Ивану Михайловичу последняя эта точка, верхний венец каждого дела, как называют приговор, дается всегда нелегко. Приговор — это чьи-то судьбы, жизнь человека, и ошибка суда может стоить очень дорого.

В то нелегкое для правосудия время приходилось многим честным судьям задумываться. Иной раз личное убеждение и социалистическое правосознание остро конфликтовали со многими директивами, постановлениями и нормами закона, которые порождал культ личности.

Вот и на этом деле Иван Михайлович все не мог поставить точку, не мог не раздумывать. Не верил он, как и остальные судьи, что Павлов — шпион, изменник Родины. Что-то было в деле такое, до чего не удалось суду докопаться. Иначе говоря, суд не сумел найти истину.

Иван Михайлович решил еще раз поговорить с Павловым один на один. Когда его привели, Иван Михайлович попросил конвоиров выйти, сел на топчан, пригласил сестру Павлова. Закурили. Павлов имел жалкий вид. Глаза красные, — видно, много плакал.

— Возвратили твое дело на следствие, — сказал Иван Михайлович. — Надо же разобраться.

— Разобраться. А мне снова сидеть? Да? Снова будут на допросы таскать? — зло спросил Павлов.

— Дело серьезное.

— Серьезное. Осудили бы и послали в штрафную роту, на фронт.

— А кто же шпионов, изменников Родины посылает на фронт?

— Шпион, — передразнил Павлов. — Никакой я не шпион.

Помолчал, посопел носом, затянулся дымом, закашлялся.

— Ты сказал, что не шпион, — ближе подсел Иван Михайлович к Павлову. — Как это понимать?

— А так. Ни в какой я шпионской школе не учился. Фронт не переходил.

У Ивана Михайловича сжалось сердце.

— Ну дальше рассказывай, дальше, — осторожно подбадривал он Павлова, успокаивая себя частыми затяжками дыма. — Ты ж рассказывал даже, какая у вас школа шпионов: крыша красная, стены желтые.

— Я все это выдумал. В Ч. я не был никогда. Я из Д., Ярославской области.

— А бургомистр Нестеров?

— Он не бургомистр, а председатель нашего поселкового совета.

— Петя Мохов, Вера Лежина?

— Они с нашего шестого «б». Все в Д. живут.

Вот этому Иван Михайлович поверил сразу.

— А зачем приехал сюда?

— Воевать. В военкомат три раза ходил. Не взяли — молодой, сказали. В штабах разных был, тоже не взяли.

— И что же ты придумал?

— Мне сказали: если трибунал осудит, то пошлет на фронт. Так вот и думал попасть на фронт. Повоевал бы сначала в штрафной роте, а потом...

— Эх ты, Сергей, Сергей... Разве ж можно так!

— Меня задержал лейтенант, тот, что в суде был. Стали спрашивать, не шпион ли я. Я отрицал, а потом сказал — шпион. Лишь бы воевать, хотя и в штрафной роте.

— Откуда же ты знаешь, что в Ч. шпионская школа?

— Следователь сказал: «Тебя из Ч. переправили. Мы таких уже ловили». Я спросил: «Меня за это не расстреляют?» Сказал, что несовершеннолетних не расстреливают. Тогда я сказал, что из Ч., учился там. А потом следователь только спрашивал — так или нет, а я соглашался...

Вот так и обернулось это дело.

Иван Михайлович помчался к прокурору, рассказал ему о своей беседе с Павловым. Прокурор тут же собрался ехать в Д., чтобы там на месте проверить, правду ли говорит Павлов. Вместе с ним уехал и следователь.

Вернулись оба дней через шесть. Прокурор зашел в трибунал веселый, довольный.

— Все правда. Там мать все глаза проплакала. Сын исчез. Милиция с ног сбилась, разыскивая его. Нестерова видел. С Петьками и Верами разговаривал. Даже нашел того умника, который посоветовал Павлову таким путем в армию попасть.

Вот и вся история с «лазутчиком» Павловым. Дело

это, конечно, прекратили. Павлова отправили в Д., посоветовали подождать еще пару годков. А следователь долго обижался на трибунал — такой досадный брак в работе получился. Дело о шпионе рассыпалось, как бочка без обручей.

— Много подсудимых перевидел и позабыл их, а Павлова помню, — заключил свой рассказ Иван Михайлович. — Это же удивительно, какое у этого парнишки было желание бить фашистов, что пошел даже на такой риск — объявился шпионом. Вот он наш, русский патриотизм.

— ☆ —

ДЕТОУБИЙЦЫ ИЗ ЗОНДЕРКОМАНДЫ СС-10А

«Мы обращаемся к бойцам и командирам... призываем вас мстить беспощадно, мстить немецким палачам за неслыханные издевательства и мучения, которым подвергают фашисты ни в чем не повинных детей».

Это — строки из письма, написанного в 1943 году семью воспитанниками Ейского детского дома, которым случайно удалось избежать гибели. Тогда оно было прочитано на похоронах их товарищей, умерщвленных фашистскими карателями в «душегубке».

Через 20 лет, в октябре 1963 года, это письмо, обнаруженное в архивах, зазвучало с новой силой. Теперь оно было оглашено в судебном заседании военного трибунала Северо-Кавказского военного округа, судившего виновников этого и других зверств — палачей из зондеркоманды СС-10А Вейха, Скрипкина, Сухова и других.

Суд установил, что эта команда, возглавляемая офицером СС Куртом Кристманом, зверствовала в Крыму, Ростовской области, Краснодарском крае, а затем в Белоруссии и Польше.

К числу многих злодеяний команды относятся и убийства детей.

Октябрь 1942 года. Город Ейск на побережье Азовского моря. Начальник местного отделения зондеркоманды Тримборн докладывает в Краснодар Кристману об очередном объекте для «операции» — детском доме. Вскоре после этого во двор детдома въезжают автомашины, одна из них серо-грязного цвета, продолговатая — «душегубка», на других каратели. Задача — уничтожить детей.

«Душегубка» подана задом ко входу в корпус, распахнулись ее двери, внутри на полу деревянные решетки, грязь... Началась погрузка.

О том, как это происходило, рассказал в суде один из

семерых оставшихся в живых воспитанников детдома Леонид Дворников (ему тогда было 14 лет):

«Гестаповцы с засученными по локоть рукавами стали хватать детей и заталкивать их в машину. Дети плакали, кричали, но гестаповцы не обращали на это внимание и тащили детей к машине. Среди этих фашистов были и русские. Каратели стали вытаскивать детей 4—5-летнего возраста, тащили их за ноги вниз головой, сразу по 3—4 ребенка, детишки бились головами о ступени лестницы. Одна девочка закричала: «Дяденька, не бей, отпусти!» — но каратель с силой бросил ее в машину...»

Одним из участников этой кошмарной расправы над беззащитными детьми был представлен перед судом изменник Родины Сухов. Ветеринарный фельдшер, человек, призванный облегчать страдания животных, он хладнокровно занимался убийством людей. В команде он слыл специалистом по обслуживанию «душегубки». С его участием в этой дьявольской машине было удушено более 1500 человек. Он, как и другие сидевшие на скамье подсудимых каратели, пытаясь уйти от ответственности или хотя бы смягчить свою вину, всячески старался скрыть подробности совершенных им зверств, но, избалованный доказательствами, вынужден был рассказать и о страшной картине уничтожения детей в Ейске.

Сухов показал в суде: «Я тоже участвовал в погрузке. Я поднес одного ребенка в «душегубку», немцы стали бросать туда детей, я залез внутрь и стал относить их к бортам. Дети в это время плакали, кричали, убежали, их ловили и тащили в «душегубку». После загрузки мы выехали за город, там открыли двери «душегубки», и меня заставили выбрасывать трупы. Сбросили их в яму. После того как была разгружена машина, поехали в детдом за следующей партией детей и тоже их удушили. На второй день забрали и удушили оставшихся, их было уже совсем немного... При умерщвлении детей в «душегубке» я носил их к бортам машины, чтобы можно было вместить их побольше...»

214 детей удушили тогда фашистские изверги.

В инструкции зондеркомандам предписывалось: «Экзекуции должны проводиться так, чтобы это не бросалось в глаза. Их нужно осуществлять в уединенных местах... Нужно заботиться о немедленном и аккуратном погребении трупов».

Возглавлявшие эту расправу офицеры зондеркоманды Герц и Юрьев попытались скрыть следы чудовищного преступления, сбросив трупы детей в яму за городом и закопав их. Но это злодеяние было раскрыто.

Убийц изобличали не только свидетели, но и архивные документы. В судебном заседании был исследован акт, составленный комиссией врачей города Ейска 15 апреля 1943 года и воспроизводящий страшную картину умерщвления детей. В нем записано: «При раскопке могилы размером 4×3 м, глубина 2 м, нами обнаружено 214 детских трупов, мальчиков и девочек в возрасте от 4 до 7 лет (лежавших беспорядочно друг на друге), большинство из них сцеплено руками попарно... Мы можем предположить, что смерть у детей наступила вследствие асфиксии (удушения)...»

В то время члены комиссии еще не знали, что детей удушили газами «душегубки». Но вскоре стало известно и это.

За месяц до трагедии в Ейске та же зондеркоманда и тоже с участием Сухова уничтожила группу детей, находившихся в больнице на хуторе 3-я Речка Кочеты, Краснодарского края.

Вот протокольная запись показаний подсудимого Сухова в суде: «Герц приказал нам грузить детей в «душегубку». Дети были маленькие, лет 7—8. Няни бережно выносили детей из больницы, а Ганс и другие немцы хватили детей и бросали их в кузов автомашины. Я находился в машине и размещал детей около бортов. Загрузив машину, мы выехали за село и выбросили трупы детей в какую-то яму. Детей было 42. Всех их удушили».

Бывшая санитарка больницы Шкарубина с волнением рассказывала об этом в суде: «В больницу прибыла черная закрытая машина... Немцы и русские, приехавшие с машиной, выводили детей и говорили, что повезут их в Москву. Дети верили этому и радовались. Я догадалась, для чего пришла эта машина, но мы, женщины, ничем не могли помочь детям».

Мысль убивать людей только за то, что они советские, была крепко вбита в головы карателей. Во время одного из расстрелов у следователя зондеркоманды Марханда спросили: зачем расстреливают детей? Тот ответил: «Это — дети врагов, они не принесут пользы Германии, в России надо все уничтожить с корнем, в том числе и детей». Вот

она — заповедь убийц, возвращенных на немецко-фашистской человеконенавистнической идеологии.

Сидевшие на скамье подсудимых пособники и активные соучастники преступлений фашистских убийц буквально съезжились, вобрав головы в плечи, когда в судебном заседании оглашалось упомянутое выше письмо воспитанников детдома. После его оглашения на вопрос председательствующего непосредственный участник удушения детей подсудимый Сухов вынужден был признать: «Дети дали нам правильную оценку, назвав извергами и палачами».

Факты, установленные на судебном процессе, глубоко потрясли присутствовавших в зале суда.

С гневом и возмущением говорили о преступниках и их вдохновителях выступавшие в суде общественные обвинители — слесарь Голубенко и декан института Ключко, требовавшие применить смертную казнь к изменникам Родины и убийцам.

Товарищ Ключко в своей речи заявил: «Ужасной картиной предстала перед нами дикая расправа над ни в чем не повинными детьми... Давно истлел в земле их прах. При жизни своей они не совершили великих дел. Но смертью своей они вечно будут напоминать людям о том, до какой низости, подлости и изуверства могут дойти палачи... Не к мести я призываю, товарищи судьи, я прошу о справедливом возмездии».

Изменники Родины понесли суровую кару.

— ☆ —

ПЕРЕВОДЧИК-КАРАТЕЛЬ

Март 1961 года. Ставрополь. На скамье подсудимых в военном трибунале Северо-Кавказского военного округа сидит Андрей Райх. Его доставили туда, где много лет назад он совершил тяжкие преступления. Доставили из далекой казахской степи, где он пытался спрятаться от народного гнева, от заслуженного наказания.

Вначале Райх пытался доказать, что у немцев он был маленьким человеком, всего-навсего скромным переводчиком. Но допрашиваются свидетели-очевидцы, исследуются документы, скрупулезно проверяются все материалы семитомного дела. И неопровержимо устанавливается: Райх занимался также и тем, что нигде и никогда не входило в обязанности переводчиков, призванных облегчать общение людей разных народов. Это был не только переводчик, но и отъявленный каратель.

Оказавшись на фронте, Райх в первый же день сдался в плен. Уже на следующий день он — переводчик при штабе одной из немецких частей.

Ревностный служака был замечен, и через несколько месяцев ему предложили перейти на службу в карательные органы. Райх с готовностью согласился. И вот он в ейнзатцкоманде СД-12 в оккупированном немцами Ставрополе. Той самой СД-12, которая, вступив в Ставрополь, за два дня августа 1942 года расстреляла и замучила в «душегубках» более четырех тысяч человек.

Райх к этой «операции» не поспел. И он наверстывает упущенное в станицах и селах Ставрополья.

...Село Спицевка. Каратели согнали в здание школы всех проживавших в селе евреев — более 100 человек. Большинство из них женщины и дети. Несколько дней их содержали в ужасных условиях.

Затем к школе подошла «душегубка». Обреченных сначала пытались завести в нее обманым путем. Сам Райх об этом показал в суде: «Я приказал раздеваться догола, одежду складывать в угол помещения, сказав при этом, что повезут в баню, после чего привезут обратно. Люди поняли, что их ждет смерть, начали плакать и просить о пощаде. Однако мы выполняли свое».

Очевидцы рассказывают, как это происходило. Почувствовав смертельную опасность, дети прижались к матерям, а все обреченные в страхе теснились в угол. Не обращая внимания на крики детей и взрослых, каратели, в том числе Райх, избивая жертвы палками и плетками, вытаскивали их из здания школы и загоняли в «душегубку». Среди арестованных оказалась русская девушка. Ни имени, ни фамилии ее установить не удалось. Известно лишь, что она воспитывалась в еврейской семье и вместе с членами этой семьи, ставшими для нее близкими, разделила их судьбу. Немецкий офицер, желая представить дело так, что гитлеровцы уничтожают только евреев, грубо вытаскил девушку из «душегубки». Она с презрением посмотрела в лицо врагу и сказала, что она — русская, но не покинет людей, которые ее воспитали. Каратель вновь втолкнул ее в «душегубку».

Когда кузов этой страшной машины был набит полностью, дверь захлопнулась. Включен двигатель... Наступило самое кошмарное. Из машины доносятся вопли, крики людей, погибающих мучительной смертью.

Эсэсовцы самодовольно ухмыляются — они успешно справились с заданием.

«Душегубка» подъехала к горе Свистун. Туда же доставили шестерых арестованных мужчин. Их заставили выгрузить трупы из машины, зарыть в каменном карьере и выкопать еще яму. Когда выкопали, всех их втолкнули туда и расстреляли.

...Село Благодатное. Та же «душегубка» и та же страшная картина расправы над советскими людьми. И среди тех, кто дубинками и прикладами с остервенением загоняет обреченных на смерть, опять переводчик Райх. Удушено 84 человека.

...Село Петровское. В сарае во дворе жандармерии согнано около 300 арестованных советских граждан. Местные полицейки ждут «технику» — все ту же «душегубку». Она прибывает. Вместе с ней группа эсэсовцев, и среди

пых Райх. Он и другие, избивая арестованных, загоняют их в «душегубку». За несколько рейсов все удушены.

...Январь 1943 года. Под натиском советских войск гитлеровские части отступают с Кубани и Ставрополья. Вместе с ними бежит и Райх. Бежит через многие города и села, с командами и в одиночку. Но прибегает опять-таки в ейнзатцкоманду. На этот раз — в команду СД-7 в Смоленске. Другого пути у него нет. Ведь он — специалист, профессиональный палач.

А в тылу врага бушует пламя партизанской войны. В бессильной злобе фашисты хватают сотни местных жителей, надеясь хоть что-либо узнать об этих неуловимых и грозных «русских партизанах». Днем и ночью идут беспрерывные допросы. Непременный участник многих из них — Райх. Сам он признал, что участвовал в допросах не менее ста человек.

Но это лишь звучит деликатно: «допросы». На деле же это страшные пытки, истязания, нечеловеческие муки допрашиваемых.

...На допросе — схваченный карателями советский парашютист. Фамилии этого мужественного человека установить, к сожалению, до сих пор не удалось. Известно лишь, что звали его Петр. Его допрашивают немецкий следователь Майер и переводчик Райх. Но переводить нечего — на все вопросы Петр отвечает молчанием. И они, Майер и Райх, истязают его сутки, вторые, третьи, много ночей и дней. Парашютист молчит.

За дело берется сам заместитель начальника команды СД отъявленный палач Керзенбаум. Кому первому — ему ли или коменданту лагеря из шолоховской «Судьбы человека» пришла в тупую голову мысль развязать язык арестованному при помощи вина, — сказать трудно. Но и он пытался сделать это. На очередном допросе он заставил парашютиста выпить подряд два стакана коньяку. Тот охотно выпил. Может, для того, чтобы хотя бы на время заглушить жгучую боль в истерзанном теле. Керзенбаум, глядя на него, потирал руки от удовольствия: сейчас этот русский заговорит. Но напрасны были эти надежды — Петр не сказал ни слова.

И тогда, вырывая друг у друга из рук плетку, Керзенбаум и Райх избивали его до потери сознания. Били в слепой ярости, жалея напрасно истраченный казенный коньяк, били от сознания своего бессилия перед этим безоруж-

ным русским, били за то, что он не склонил головы перед ними.

Герой-парашютист погиб, но о его товарищах-партизанах врагу ничего узнать не удалось.

...Отступая, фашистские каратели оставляли наспех насыпанные траншеи и ямы с трупами десятков и сотен тысяч расстрелянных и замученных советских людей.

Дело шло к тому, что эти чудовищные преступления вот-вот воочию будут раскрыты перед всем миром. И фашистские главари дают команду: в срочном порядке производить раскопки ям и траншей и трупы сжигать. Для этого были созданы специальные отряды. В одном из таких отрядов, действовавшем в конце 1943 года в районе города Быхов и деревень Новопашково, Польшковичи, Могилевской области, оказался и Райх.

Срочно отрывались котлованы. Поперек их — рельсы. На рельсы — бревна. На бревна — штабеля трупов. Бочками льется горячее, и трупы пылают. И так изо дня в день на протяжении нескольких недель.

Места, где это творилось, немцы объявили запретной зоной, угрожая расстрелять каждого, кто окажется там. И это были не просто угрозы. Житель деревни Новопашково Прокопенко случайно проходил мимо костров. Райх расстрелял его и сжег на костре. Через несколько дней этот палач сделал то же самое с девочкой-подростком, так же случайно оказавшейся в запретной зоне.

Работать в этом страшном крематории фашисты силой оружия принудили арестованных из могилевской тюрьмы.

Уложен последний штабель трупов. Высота штабеля — пять метров, длина — десятки метров. Человеческому уму трудно представить подлинные размеры этого кошмара. Сколько же здесь загубленных жизней!

Льется бензин... Арестованным, укладывавшим трупы, Райх приказывает залезть на штабель и очередью из автомата расстреливает их. Один из них — Стефан Пилюнов ранен в голову; собрав последние силы, он скатывается со штабеля...

До ареста Стефан жил в оккупированном Могилеве, по заданию подпольщиков поддерживал связь с партизанским отрядом. Но в сентябре 1943 года каратели схватили его, бросили в могилевскую тюрьму. Там истязали и пытали, добываясь сведений о партизанах. Ничего не доби-

лись и тогда вместе с другими выгнали откапывать и сжигать трупы.

...В суматохе фашисты не заметили, что один из арестованных скатился с горевшего штабеля. К рассвету Стефан дополз до деревни, а оттуда его переправили в партизанский отряд.

И вот, спустя 17 лет, стоят в суде друг против друга изменник Родины Райх и бывший партизан Стефан Пилунов. Мелкую душонку Райха сжимает суеверный страх — он ждал чего угодно, но чтобы его избличали воскресшие из мертвых...

Да, и его самого, и его начальников — фашистских офицеров-палачей Клебера, Керзенбаума, Майера и других, всех этих зверей в облике человеческом, избличали и живые, и мертвые.

Каратель Райх осужден военным трибуналом к расстрелу.

— ☆ —

Майор запаса В. НУЗЬМИЧ

ТАКИМ НЕТ ПРОЩЕНИЯ

Передо мною стопа писем. Они написаны в одно и то же время — во второй половине ноября 1967 года, в те дни, когда в Гомеле проходил судебный процесс над десятью изменниками Родины — Функом Г. Г., Сульженко М. В. и другими. Читая письма, видишь, что и через десятки лет нет равнодушных к трагедии народа, которую он перенес во время фашистской оккупации.

«Эти уроды, потерявшие всякий человеческий облик, не имеют права на звание Человека. Нет и не может быть никаких оправданий их подлейшим делам. Кровь людская — не вода, она требует отмщения. Поэтому мы требуем самого сурового приговора над изменниками Родины», — пишут от имени коллектива инженерно-технических работников завода измерительных приборов города Гомель товарищи Масленников, Аношин, Певзнер, Петрова, Михайловская, Дынкина и другие (всего 38 подписей).

А вот письмо сына подсудимого Осьмакова И. С. — Осьмакова Сергея, работающего машинистом электровоза в Курске: «Из печати я узнал подробности судебного процесса над изменниками Родины, среди которых находится человек, называвшийся моим отцом, Осьмаков. Сообщение ошеломило меня. Я не мог и предполагать, что такие злодеяния могли совершать советские люди... Осьмаков забыл свое родное село — Ракитное. Сколько слез пролила мать, когда фашист чуть было не застрелил меня. А он, Осьмаков, в это время тоже стрелял, но не в фашистов, а в мирных жителей. Пусть знает изменник, что он — выпавшее звено из поколения Осьмаковых».

«Подсудимые расстреляли в Лепеле мою мать, сестру и пять близких родственников. Требую расстрела убийц

и предателей», — телеграфировала в день получения газеты товарищ Рапопорт из Свердловска.

А разве можно описать страдания или измерить боль в сердцах тех, кто был живым свидетелем всех кровавых злодеяний предателей?

Перед свидетельской трибуной — бывшая партизанка жительница города Полоцк Альбина Казимировна Ключникова:

— Кровью обливается сердце, когда вспоминаешь те страшные годы. Летом сорок второго года я была очевидцем того, как немец вместе с одним предателем вывел из здания мальчика лет тринадцати. Руки у мальчика были скручены назад и связаны. Убийцы, видимо, не хотели далеко ходить и в свою жертву выстрелили еще по дороге к яме. У мальчика дергались руки и ноги. Тогда изменник стал рубить его лопатой, а немец пристрелил ребенка из пистолета.

Свидетельницу сменяет пенсионерка из Полоцка Праксovia Митрофановна Горчакова.

— Очень тяжело было смотреть, как зверствовали на нашей земле фашисты вместе со своими наемниками из числа предателей Родины... Не было дня, чтобы мимо нашего дома не уводили на расстрел советских людей, — со слезами на глазах рассказывает раньше времени состарившаяся женщина.

Много прошло перед судом в те дни потерпевших и свидетелей. И каждый из них рассказывал о своей личной трагедии, о горе своих близких и знакомых. Они рассказывали о пережитом горе всего белорусского народа. А горе это было безмерным.

Уже к осени 1941 года вся территория Белоруссии покрылась концлагерями, гетто и тюрьмами. Малый Тростенец, минское гетто, лагерь смерти под Барановичами... Что ни название, то десятки тысяч безвинных жертв. Где только ступала нога гитлеровских варваров, там оставались пожарища и трупы советских людей. Фашисты и их наемники не щадили никого — ни старого, ни малого. Это была преднамеренная и тщательно разработанная программа гитлеровцев по истреблению советских людей. За годы оккупации фашистами на территории республики было уничтожено 2 миллиона 200 тысяч мирных жителей и военнопленных.

На долю белорусского народа выпали особенно тяже-

лые испытания. По всей Белоруссии лилась кровь патриотов. Пепел безвинных жертв и поныне стучит в сердце каждого.

Но ни кровавый террор, ни варварское насилие не смогли сломить и поколебать любовь белорусских людей к своей Родине. На священную освободительную борьбу поднялись все. В лесах Белоруссии действовали 1108 партизанских отрядов, объединявших 373 тысячи активных бойцов. Около 400 тысяч человек, проживавших в партизанских зонах, составляли партизанский резерв. Более 70 тысяч патриотов вели борьбу с врагом в подполье.

Почти четверть века прошло с того дня, как замолкли залы второй мировой войны. Советский народ давно залечил раны на лице своей истерзанной земли. Но неизлечимы раны в сердцах людей. Они кровоточат и поныне. И никогда не будет прощения тем, кто вместе с фашистскими извергами чинил зверства на нашей земле.

У жителей Гомеля и поныне живы воспоминания о страшных годах войны. О них еще раз напомнил судебный процесс над группой изменников Родины, изблеченных советскими чекистами.

Зал Дворца культуры не в состоянии вместить всех желающих. Их свыше тысячи человек ежедневно. Но местные органы предусмотрели все. Два мощных репродуктора доносят все происходящее в зале суда и в прилегающий к Дворцу Пионерский парк. Здесь можно не только все слышать, но и видеть подсудимых. Два огромных стенда рассказывают о тех, кого судят, рассказывают о том, за что их судят. На них фотографии убийц и их кровавый путь. Люди в скорбном молчании, со слезами на глазах, часами простаивают у репродукторов и стендов. Ведь это над их отцами и матерями, над их детьми и родными творили произвол выродки, которые сегодня сидят на скамье подсудимых.

Вот к одному из фотостендов подошла молодая мать с двумя детьми. Она что-то им стала объяснять, а в это время из репродуктора доносились слова свидетеля из Полоцка Виктора Никищенко, рассказывавшего о расправе в Полоцке над женой советского офицера и ее детьми:

— В мае тысяча девятьсот сорок второго года я сам видел, как каратели выводили из здания полиции женщину с двумя детьми. Малыша лет трех она несла на руках, а дочь лет семи вела за руку. И сейчас все еще

звучат в ушах ее слова: «Прощай, Вовочка! Погибаю вместе с вами за Родину, за партию...»

— Подсудимый Функ, вам известно что-нибудь об этом случае? — спрашивает подсудимого председательствующий выездной сессии военного трибунала Белорусского военного округа подполковник юстиции В. С. Швецов.

— Да, я вместе с шефом команды Воннебергером допрашивал эту женщину. У нас были сведения, что ее муж скрывается в Полоцке. Но женщина отрицала это. Она утверждала, что не имеет сведений о муже около года. Шеф команды распорядился расстрелять женщину вместе с ее детьми.

Около трех недель военный трибунал шаг за шагом распылял клубок тяжелых кровавых злодеяний одной из команд полицейского органа контрразведки немецкой армии, устав которой накануне второй мировой войны утвердил нацистский преступник Кейтель.

Эта команда смертоносным ураганом носилась по территории Белоруссии. Исполняя указания гитлеровского командования, сотрудники команды вербовали агентуру для засылки в партизанские отряды и подпольные группы, выявляли и арестовывали советских разведчиков, партизан и их связных, членов антифашистских организаций и других советских патриотов; участвовали в карательных операциях против партизан и мирного населения, допрашивали, истязали и расстреливали ни в чем не повинных людей, сжигали в горящих домах стариков, женщин и детей. Убийцы из команд тайной полевой полиции (ГФП) практически осуществляли бредовый план нацистов по уничтожению народов СССР.

Оглашено обвинительное заключение. Этот документ пролил свет на обличье людей, сидящих на скамье подсудимых. Все они в трудные минуты для Родины, спасая свою шкуру, сдались в плен и добровольно поступили на службу к врагу. За каждым эпизодом обвинительного заключения — десятки и сотни жертв.

У изменников низко опущены головы и потуплены взоры. Функ Г. Г., Сульженко М. В., Нагорный В. Р., Лобода Н. Е., Лапо Д. А., Осьмаков И. С., Хлыстов П. Т., Медведев М. П., Остроушко И. Е., Яковлев П. А. даже сейчас, много лет спустя, боятся встретиться глазами с окружающими их людьми. Ведь и поныне тысячи семей в Смоленской, Витебской, Могилевской, Гомельской и

Брестской областях оплакивают своих матерей, мужей, сыновей, братьев, сестер.

...Осень 1941 года. Враг рвался к Москве. На руках у фашистских генералов приказ Гитлера: в дни традиционных октябрьских торжеств в столице нашей Родины лично он, Гитлер, будет принимать парад своих войск, покоривших многие страны Европы. Но одно дело — бред

Вот они, убийцы безвинных людей: в первом ряду (слева направо) — Функ, Осьмаков, Лапо; во втором ряду — Нагорный, Лобода, Яковлев

бесноватого фюрера, а другое — реальность, наша действительность.

Сотни и тысячи людей оставили все и ушли в леса. Ушли, чтобы взять оружие и отстоять свою священную землю от позора и надругательства, отстоять свое право на жизнь, право на жизнь своих детей.

А в это время, бросив оружие и сдавшись врагу, Функ, Лобода и другие отщепенцы поступили на службу к оккупантам. Сначала они работали извозчиками у сотрудников ГФП, которые выезжали на аресты советских граждан. Потом изменникам дали по лопате и заставили рыть ямы для расстрелянных, а затем вручили винтовки:

«Стреляйте! Уничтожайте как можно больше своих же людей!»

В двух километрах от древнего Полоцка стоит небольшое здание железнодорожной станции Громы. Здесь в сентябре 1941 года была создана подпольная группа железнодорожников. Все чаще и чаще рвались железнодорожные пути. Взлетали в воздух составы с оружием и боеприпасами. Стали загораться вагоны, в бункеры которых вместе со смазочным маслом засыпался песок. Через некоторое время был пущен под откос состав с горючим и сожжен сварочный аппарат в депо. Все это было делом рук железнодорожников-подпольщиков, которыми руководили П. Ф. Самородков, Я. Х. Сташкевич, И. С. Гукон, Ф. И. Морозов и другие.

Каждый день в группы подпольщиков станции Громы и города Полоцк вливались все новые и новые силы. Враг исполохнулся. В ход были пущены подкуп и агентура. В апреле 1942 года один из провокаторов предал своих товарищей. За короткое время были арестованы почти все члены подпольной антифашистской организации, в рядах которой насчитывалось уже свыше семидесяти человек.

Переводчик Функ совместно с другими сотрудниками ГФП всеми средствами добивался нужных показаний. А их все не было. В ход пускались палки и резиновые шланги, но, несмотря на невыносимые пытки и истязания, люди молчали. В одной из записок, переданных из полоцкой тюрьмы, П. Ф. Самородков писал, что вынесет все ужасы, погибнет, но не выдаст товарищей. Он так и поступил. Ночью, накануне расстрела, он покончил жизнь самоубийством.

Трагичная судьба постигла и 18 других подпольщиков. Майским утром их вывели в один из оврагов и расстреляли. Убийцы боялись даже безоружных людей. У всех узников руки были закручены назад и связаны проволокой. Та проволока теперь доставлена в суд и является неммым свидетелем злодеяний. Она лишний раз уличает тех, кто умертвил Коношонка Ивана, Епанешникова Михаила, Фоку Николая, Кругликова Егора, Гришакова Семена, Цумерова Сергея и многих других патриотов-железнодорожников. Их убийцами были Функ Генрих, Лобода Николай и другие каратели из ГФП.

...Еще не успели палачи смыть кровь расправы, а к зданию ГФП подвезли очередную группу арестованных советских граждан. После непродолжительного допроса и этих 11 человек шеф команды Воннебергер распорядился расстрелять. Еще и сейчас Функ помнит, что их жертвы перед смертью восклицали: «За Родину! За партию!»

О трагедии белорусских деревень рассказал в суде свидетель Геннадий Патуремский:

— Это была настоящая трагедия. Убийцы наполняли трупами одну яму, сравнивали ее с землей и начинали рыть другую. После войны в районе расстрела я видел восемь таких ям. Они тогда отчетливо выделялись на местности, поскольку земля немного осела.

А вот очередное преступление, совершенное изменниками в городе Лепель. Утром 28 февраля 1942 года русский белоэмигрант Артур Бригин, состоявший на службе у немцев в качестве переводчика ГФП, приказал всем наемникам готовиться к «важной операции». Через несколько минут две автомашины, на которых среди немцев находились и подсудимые Сульженко, Нагорный и Осьмаков, отправились к еврейскому гетто, расположенному в самом городе. Вслед за ними прибыли еще несколько автомашин с карателями.

— С восьми часов утра и до самого вечера всех евреев из гетто вывозили за город, в район деревни Черноручье, и там расстреливали, — рассказывает свидетельница Роза Соломоновна Карпенко. — Всех, кто пытался бежать по льду озера из гетто, уничтожали каратели. На завтра фашистские изверги выискивали скрывшихся и убивали всех без разбора. Только за один день было уничтожено более тысячи евреев. В числе погибших были моя мать, отец, три сестры, моя малолетняя дочь. Ей тогда было два с половиной года. Из моих родных тогда погибло более пятидесяти человек. Лишь мне чудом удалось спастись. И только потому, что находилась в подвале у своей свекрови...

Подсудимый Сульженко рассказывает:

— На эту карательную операцию мы выехали по распоряжению немецкого переводчика Бригина. Вместе со мною в расправе над евреями участвовали подсудимые Нагорный и Осьмаков. На каждую автомашину мы сажали по 25—30 человек и увозили за деревню Черноручье. Я тогда убил четырех женщин. Потом мы добивали в яме

еще живых. Я выстрелил в яму три раза. Вел прицельный огонь, то есть добил трех раненых.

— Ну а если бы твою жену с детьми подвели к яме и приказали стрелять, что бы ты делал? — спрашивает подсудимого чудом спасшийся Василий Ананьев.

И опять ни тени угрызения совести у подсудимого Сульженко.

— Стрелял бы, — отвечает предатель. — Если бы я не выполнил приказ, то сам лежал бы в яме. Немцы же приказывали.

...А почти через год убийцы, среди которых были те же Сульженко, Осьмаков и Нагорный, нагрянули в деревню Слободка, Лепельского района. Это было 19 января 1943 года. Все 132 жителя этой деревни были расстреляны, а их дома сожжены. За что? Только за то, что жители делились последним куском хлеба с партизанами, стирали им белье.

— Страшный это был день, — рассказывает свидетель Николай Урбан. — В числе убитых находились дети всех возрастов. Каратели тогда же отпилили голову председателю колхоза Соломахо Ивану, убили моего отца, мать и сестру. А я был ранен взрывом гранаты в правую ногу и лишился глаза.

Три дня суд внимательно выслушивал показания свидетелей. Всем им тяжело было вспоминать пережитое горе. Но о нем приходится вспоминать. Ведь жертвы не знают забвения. Они всегда будут напоминать всем нам, что несет людям фашизм.

«Этого нельзя забывать, пусть оно никогда не повторится!» — прочтет каждый, кто побывает у памятника жертвам Каменки Стрелковской, Рогачевского района. Да, 5 и 12 июня 1943 года никогда не будут забыты оставшимися в живых. В те дни не было пощады нигде и никому. Безвинных жителей деревень Каменка Рысковская, Каменка Стрелковская, Перекоп и Рысков уничтожали везде: в домах, на огородах, в землянках. Свыше 230 человек погибло от рук бандитов за те два июньских дня.

...Маленькой Ане тогда было немногим больше десяти лет. Отец ее был на фронте. Но она хорошо помнит, как утром в их деревню ворвались вооруженные немцы и их наемники. В один из домов они согнали всех жителей. И сразу же дом вешкнул. Всех, кто пытался спастись,

сражал град вражеских пуль. Мать Ани была убита на огороде. Шестилетняя сестренка сгорела в бане. Чудом осталась в живых сама Аня.

Вот уже двадцать пять лет не высыхают слезы и у Татьяны Илларионовны Гаврильковой. За один день — 5 июня 1943 года — убийцы отняли у нее троих детей в возрасте от трех до двенадцати лет.

Есть свое горе и у Евдокии Трофимовны Гаврильковой из Каменки Рысковской. На ее руках погибла пятилетняя дочь Галя. Второй пулей была тяжело ранена сама.

— Лежа на земле, — рассказывает Е. Т. Гаврилькова, — я увидела на убитой односельчанке Аврамовой Вере ее живого десятимесячного ребенка. Он ползал по матери и плакал. Это заметили каратели. Один из них возмущился: «Почему мать убита, а ребенка оставили?» — и выстрелил в младенца. А ребенок все продолжал кричать. Тогда второй бандит прицелился из винтовки и убил малыша. Убийцы рыскали по всем подвалам и окопам и расстреливали подряд всех.

Так метили каратели из ГФП за убитого партизанами шефа команды нациста Зельфранка. А кровавую расправу над мирными жителями деревень Рогачевского района учинили под руководством немцев подсудимые Функ, Осьмаков, Нагорный и Сульженко.

Из кожи лезли вон, выслуживаясь перед оккупантами, все без исключения подсудимые. За все это хозяева и удостоили своих верных подручных Функа, Лободу, Сульженку, Нагорного и Осьмакова гитлеровской медали «За участие в зимней кампании 1941—1942 гг. на восточном фронте».

— Какое вы испытывали чувство при таких страшных расправах? — спрашивает у подсудимого Функа Н. Т. Иванцев.

Вопрос, видимо, застал изменника врасплох. В зале воцарилась тишина. Никто не хотел пропустить ни слова из ответа. А Функ молчал. Наконец он собрался с мыслями:

— Мы выполняли распоряжения немецких офицеров, не обращая внимания на чувства. некогда было думать о чувствах. Правда, однажды я попытался усомниться в виновности некоторых расстрелянных советских граждан, но шеф нашей команды Воннебергер грозно ответил:

«Что убрано с дороги, то уже не будет нам мешать». После этого я перестал интересоваться происходившим...

Вот такие, с опустошенной душой и сердцем люди и нужны были фашистам. Им нужны были слепые исполнители. И таких они нашли в лице Функа, Сульженко, Осьмакова и других, которые, оказавшись в плену, добровольно пошли на службу к немцам. У подобных людей даже и не рождалась мысль сбежать к своим, примкнуть к партизанам (хотя такие возможности были всегда), чтобы мстить гитлеровцам за поруганную честь.

...Уже несколько недель работала подсобной рабочей на кухне при ГФП в городе Чериков молодая женщина Анна Кустриева. Потом ее назначили уборщицей служебных помещений, в том числе и кабинета самого шефа команды Воннебергера. Ей, местной жительнице, хорошо было известно, что все, кто верит в победу, уходят в партизаны. Но там нужно оружие. Кустриева долго наблюдала за немецким офицером и однажды убедилась, что есть возможность взять автомат и уйти к своим землякам. В туалете и в умывальнике немец был без оружия. «Этим надо воспользоваться», — мелькнула у нее мысль. Сказано — сделано. Но плану не суждено было сбыться. В лесу ее встретили солдаты одной из немецких частей. Заподозрили и доставили в ГФП.

— Расстрелять! — распорядился Воннебергер.

Переводчик Райс и каратель Яковлев увели Кустриеву к реке. Нашлась и готовая яма, здесь когда-то жители брали глину. Райс предупредил Яковлева: стрелять без промаха, лишнего шума не должно быть! Но у Яковлева рука уже была натренирована, промаха не давала. Не сделала она его и на этот раз.

Допрошены потерпевшие и десятки свидетелей. В те дни в зале суда можно было видеть людей, которые и через четверть века не могли спокойно говорить о пережитых кошмарах. На лицах многих я видел слезы. Это были слезы негодования. Но это были и слезы народной признательности всем тем, кто разоблачил предателей, — белорусским чекистам. Потребовался огромный труд и настоящее мастерство, чтобы вскрыть все преступления десяти подсудимых. Во многих письмах, поступивших в те дни в судебное заседание, советские люди благодарят за проделанную работу сотрудников Управления КГБ при Совете Министров по Гомельской области.

Скрыв службу в тайной полевой полиции и свою карательную деятельность, Функ пробрался в совхоз «Судукульский» Кустанайской области. Лобода, сменив отчество, перемахнул из Хмельницкой области в один из совхозов Калининградской области. Третий — Хлыстов — из Красноярского края перекочевал в Кемеровскую область. За время следствия кроме названных местностей чекисты изъездили Волгоградскую и Оренбургскую, Донецкую и Белгородскую, Смоленскую и Витебскую области. Этого требовали обстоятельства дела, интересы установления истины.

Суду были представлены самые разнообразные и многочисленные документы, фотокопии архивных документов, акты осмотра мест преступлений и эксгумированные трупы. Все это помогло безошибочно уличить подсудимых в тяжелых преступлениях против своего народа.

Карательная деятельность немецко-фашистских органов тайной полевой полиции, какими являлись команды ГФП, не прекращалась до последнего дня войны. Об этом говорит, например, суммированная копия обобщенных статистических данных команд ГФП, составленных руководством полевой полиции за май и июль 1944 года.

Согласно этим данным только за два месяца ими уничтожено 1201 человек.

Судебный процесс убедительно показал, что фашизм жесток и бесчеловечен. Он всегда антинароден. Он постоянно ищет для себя питательную почву, которую находит в среде слабых, опустошенных и морально неустойчивых людей.

В конце судебного заседания я видел в зале рыдающего инвалида Ефима Авраменко. Накануне вечером, у себя дома в поселке Сураж, Витебской области, он слушал радиопередачу и узнал, что судят тех, кто чинил расправу в поселке Чашники, Витебской области, и приехал, чтобы посмотреть на убийц своего сына.

До сих пор не знала жительница деревни Шепилки, Верхнедвинского района, Витебской области, Фекла Никитична Харченко о судьбе своего мужа. А оказалось, что председатель колхоза Петр Никитич Харченко и бригадир того же колхоза Владимир Лисовский были схвачены возле железнодорожного полотна и доставлены в Полоцк, в ГФП, где и расстреляны. Их допрашивал подсудимый Функ.

Свидетельница Александра Ефимовна Чернышева рассказала суду, как она между трупов многих расстрелянных за деревней Слобода, Чашникского района, искала своего мужа. И нашла. На теле его имелись следы жестоких побоев. Он лежал голый, с одним лишь галстуком на шее. А. Е. Чернышева признательна суду за то, что смогла наконец увидеть одного из участников расправы над мужем — подсудимого Яковлева, который вместе с непосредственным убийцей, немцем Райсом, конвоировал ее мужа, Кузьму Чернышева, на расстрел.

Все это были своеобразные встречи жертв со своими убийцами. Жертвы как бы незримо присутствовали в зале. От своего имени и от имени всех безыменных патриотов они требовали возмездия, требовали расплаты. Все ждали, что же скажут сами подсудимые в своем последнем слове, как они оценят свои злодеяния?

Да, теперь они раскаиваются, просят учесть то, другое, просят снисхождения. Но за этими словами скрывается опять-таки желание спасти свою шкуру предателей.

И вот последнее судебное заседание.

Изменники Родины Функ, Сульженко, Нагорный, Осмаков, Лобода, Лаппо, Хлыстов, Медведев, Яковлев и Остроушко осуждены к суровым мерам наказания.

— ☆ —

Подполковник юстиции А. ХУДОЕРНО

ТУРИСТЫ-ШПИОНЫ

1. ОНИ ДАЮТ ПОКАЗАНИЯ

Перед военным трибуналом Киевского военного округа стоит высокий молодой человек с гладко зачесанными волосами. Круглая голова его на длинной шее беспрерывно поворачивается в разные стороны. Он нервничает. По профессии он магистр искусств, преподаватель русского языка в средней школе штата Мичиган США. В 1958 году окончил русский факультет Мичиганского университета, а через два года — аспирантуру. Интеллигентный вид подсудимого, данные его официальных документов как-то не вяжутся с тем, в чем он обвиняется.

На вопрос председательствующего, признает ли он себя виновным в шпионаже, подсудимый Марк Каминский отвечает утвердительно. Ему предоставляется возможность дать объяснения в суде по предъявленному обвинению, затем подсудимого допрашивают прокурор, адвокат, суд. Вскрывается неприглядная картина преступного поведения обвиняемого и его хозяев — агентов центрального разведывательного управления (ЦРУ).

Сотрудник благотворительного фонда «Феар Крафт» в США нашел учителя русского языка Марка Каминского и предложил ему путешествие в Советский Союз. Расходы фонд брал на себя и выплатил «туристу» аванс в 2 тысячи долларов. В получении денег Каминский дал расписку и, кроме того, письменное обязательство после поездки представить в указанную организацию (на самом деле в ЦРУ) письменный отчет о военных и промышленных объектах СССР. У агентов разведывательного управления была полная уверенность в том, что они не напрасно тратят деньги. Кандидатура Каминского была более чем подходящей для выполнения задания: механик по радарным установкам, он четыре года служил в армии

США в Японии, хорошо владеет русским языком, летом 1959 года работал гидом от фирмы «Дженерал моторс» на американской выставке в Москве. Предложение разведки совпало с личными планами Каминского. Магистр искусств решил написать книгу антисоветского содержания и заработать на этом. Каминский знает, как ее надо писать. Чтобы создать видимость объективности, автору еще раз нужно побывать в Советском Союзе, но теперь уж одному и свой пасквиль затем выдать за свидетельство «очевидца». Знал Каминский и цену своему будущему «произведению» — чем больше антисоветской лжи, тем дороже можно его продать.

25 июля 1960 года Каминский вылетает самолетом из Нью-Йорка в Швейцарию, оттуда в Хельсинки, а через два дня на «Волге», взятой напрокат в финской фирме проката легковых автомобилей, прибывает в Выборг. Затем Ленинград, Калинин, Москва.

Исколесив просторы Белоруссии и Украины, Каминский подъезжает к пограничному городу Ужгород...

В зал заседания суда вызываются свидетели. Они подтверждают, что в районе города Львов «турист» на автомашине заехал в запретный район... Он пытался объяснить случившееся тем, что якобы не заметил дорожного знака. Но запрещающих знаков было несколько, и не заметить их Каминский не мог. При таких объяснениях возникла необходимость проверить в соответствии с существующими правилами личность автотуриста. В таможене в момент досмотра вещей Каминский пытался засветить фото пленки, зубами стал разрывать мешочек, в котором они были спрятаны, но ему не дали этого сделать.

Изъятые из-под сиденья автомашины в целлофановом пакете разные растения — куст папоротника с корнями, ветки ели, кора тополя, березы, Каминский собрал в разных районах нашей страны, которыми интересуется иностранная разведка.

Военный трибунал осматривает эти вещественные доказательства. При помощи геоботанического метода по этим растениям, объясняют эксперты, можно определить не только атмосферные осадки радиоактивных веществ в местах их произрастания, но и наличие таких веществ в земле.

— Я собирал сведения военного и экономического характера, фотографировал объекты, записывал о них данные в своем блокноте, — отвечает подсудимый на вопросы прокурора.

Проявленные пленки и расшифрованные записи в блокноте показывают, что Каминским собраны сведения о линиях высоковольтных электропередач, расположении радарных установок, аэродромов и других военных объектов, о железнодорожных узлах, их пропускной способности, промышленных предприятиях.

Каминский признал в суде себя виновным в том, что использовал поездку в СССР для сбора сведений о военных и промышленных объектах. Вынесен приговор.

В США, где шпионаж возведен на уровень государственной политики, шпионажем занимаются не только «автотуристы» типа Каминского, но и официальные представители государства.

...В сентябре 1964 года были пойманы с поличным и разоблачены как шпионы военной атташе США полковник Дж. А. Обри, помощник военного атташе США подполковник К. Р. Ливер, помощник военно-воздушного атташе США майор Дж. Ф. Смит, а также помощник военно-морского атташе Великобритании лейтенант коммодор Н. Н. Лавиль. Они отсылали более 900 кадров на фотопленках и сделали записи о выполнении шпионских заданий в 26 блокнотах. Эти «дипломаты» собирали в нашей стране разведывательные данные о железнодорожных узлах, мостах, туннелях, радарных установках, аэродромах, местах расположения воинских частей и других объектах, имеющих оборонное значение.

В связи с этим Министерство иностранных дел СССР заявило посольствам США и Великобритании решительный протест по поводу такой «деятельности» их представителей, не совместимой со статусом дипломатических сотрудников.

Особое внимание американская разведка уделяет студенческим организациям своей страны. При этом преследуется двойная цель. Во-первых, среди молодых, грамотных людей легче подобрать человека, способного выполнить нелегкие поручения разведки; во-вторых, и это наиболее важно, подкупом, шантажом, привлечением к грязным делам морально разложить этот отряд молодежи,

вытравить в нем тягу к правде, справедливости. И некоторые студенты попадают на удочку разведки.

Согласился работать по заданию американской разведки и студент четвертого курса физико-математического факультета так называемого свободного университета в Западном Берлине Марвин Вильям Макинен. Он гражданин США и в Западный Берлин попал в соответствии с соглашением об обмене студентами. По рекомендации своих соотечественников — военных разведчиков Джима и Даяра — ему предложили выехать в СССР в качестве туриста. Перед этим его новые друзья приезжали за ним на машине, увозили в малолюдные места и там старательно обучали, как определять рода войск, военную технику, фотографировать военные и промышленные объекты. Словом, натаскивали как могли.

Агенты американской военной разведки, снабдив своего нового коллегу необходимыми шпиону «средствами производства», приспособили ему на животе специальный нательный пояс для хранения собранных разведывательных сведений. Макинен получил задание на весь маршрут «туристской» поездки по Советскому Союзу. В частности, ему было поручено в одном из районов найти аэродром и выяснить его назначение, в Киеве сфотографировать один из военных объектов, в Белоруссии добыть сведения еще об одном объекте оборонного характера. На полученные от разведки средства Макинен приобрел туристскую путевку, взял на прокат «фольксваген» и, получив визы, выехал в СССР. Но его постигла такая же участь, как и Каминского.

Два дня заседал военный трибунал Киевского военного округа. Показания свидетелей, вещественные доказательства — нательный пояс, фотоаппарат, пленки, на которых запечатлены сфотографированные шпионом военные объекты, — полностью изобличают Марвина Макинена. Да и сам он не отрицает, что собирал сведения о военных и промышленных объектах. Шпион Макинен получил по заслугам.

Когда слушаешь в суде показания американского шпиона Марвина Макинена, лишний раз убеждаешься в том, что Западный Берлин превратился в притон для авантюристов, разного рода платных агентов, террористов и других преступников, служащих разведкам всего империалистического мира.

Не повезло и голландскому отделению разведки НАТО. Тщательно подготовленные, с немалым шпионским опытом, агенты Эверт Рейдон и Лоу де Яхер при сборе разведывательных сведений на территории Украины провалились.

Вот они стоят перед судом: Рейдон — худощавый, рыжий, нагловатого вида; Лоу де Яхер — высокий, темно-русый. Судебный процесс привлек внимание советской и зарубежной общественности. В зале заседания представители советской печати и аккредитованные в СССР сотрудники крупнейших телеграфных агентств и газет многих стран мира. Среди них корреспондент «Франс пресс» Жан Но, американец Генри Шапиро, представляющий агентство «ЮПИ», и многие другие. За час до начала процесса в здание суда прибыл корреспондент голландской газеты «Ниве роттердамше курант» с фотоаппаратом и магнитофоном. Он нервничает и внимательно вслушивается в каждое слово подсудимых: ведь это его соотечественники.

— Все началось еще в 1957 году, — начинает Рейдон свои показания.

Судовой механик Рейдон пришел однажды в профсоюз моряков Роттердама пожаловаться на судовладельца, так как тот не выплатил ему заработок, а заодно и узнать о более выгодной работе. Там ему ничем не помогли, и Рейдон ушел. На улице его догнал один из деятелей профсоюза. «Могу помочь, — предложил он. — Готовы ли вы сделать что-нибудь против коммунизма? Можно хорошо заработать».

— Если дают гульден, разве можно отказываться от задания! — поясняет Рейдон на суде.

С тех пор Рейдон становится платным агентом. Его знакомят с сотрудником разведки НАТО Надортом, от которого он и получает задания. Плавая моряком на кораблях, Рейдон в советских портах Клайпеде, Вентспилсе, Архангельске и других фотографирует все, что интересует голландскую разведку и натовских хозяев. Пленки со шпионскими снимками и другие сведения Рейдон передавал не только в Роттердам. В Англии, в порту Ливерпуль, на борт корабля однажды поднялся господин в сером плаще и сказал механику: «Вам привет от Хенка!»

Ответив на пароль, Рейдон передал неизвестному весь собранный материал. Оценив прилежность и способ-

ности Рейдона, руководители разведки в мае 1961 года поручают ему подготовиться к выполнению более ответственного и сложного задания. Его познакомил с де Яхером Лоу, давнишним сотрудником разведки. Как штурман дальнего плавания, Лоу посещал многие страны, собирал шпионские сведения в портах Китайской Народной Республики.

— Я выполнял задание сотрудника голландской разведки Ван Маурика, — объясняет де Яхер.

После знакомства шпионов начали тренировать. Натовские разведчики Отто, Ван Маурик и Нибур совершили с Рейдоном и де Яхером несколько поездок на автомашинах. Во время поездок Рейдон и де Яхер вели наблюдение, фотографировали различные объекты пока у себя в Амстердаме и Гааге, а затем представляли своим «учителям» отчеты о виденном.

Им показали альбомы с рисунками и снимками ракет, самолетов, радарных установок, танков, специальных автомашин для перевозки ракет, учили распознавать подобную технику. По фотоснимкам познакомили с советской военной техникой. Шпионам дали четыре фотоаппарата, телеобъектив, позволяющий фотографировать объекты, расположенные на расстоянии до полутора километров, мощный бинокль, 50 фотопленок и свыше 5 тысяч гильденов для оплаты туристских путевок и дорожных расходов.

— Натовскую разведку, — заявили Рейдон и де Яхер, — в первую очередь интересовали сведения о ракетной технике Советского Союза.

На всем пути по Украине Рейдон и де Яхер, сменяя друг друга за рулем автомашины каждые 100 километров, фотографировали попадавшиеся оборонные объекты и вели записи о них, чтобы по возвращении сообщить собранные сведения своим хозяевам.

Вечерами, закрыв номер гостиницы на ключ, они заполняли свой шпионский дневник, а потом прятали его в специально сшитые плавки. Черновики сжигали. Шпионы старались. В одном месте, чтобы изучить строение железнодорожного моста, Рейдон подлез даже под его фермы. Также большой интерес они проявили и к автострате. Не только ширину измерили, но и толщину покрытия обозначили.

Собрав информацию о ряде военных и промышлен-

ных объектов, Рейдон и де Яхер прибыли на пограничный пункт для выезда из СССР. Они уже не сомневались в успешном завершении своего вояжа, оставалось только переступить границу. Шпионы благодарят господ бога за покровительство им. Они читают молитвы по сборнику цитат из библии, захваченному ими в дорогу. Но преждевременно было их ликование.

— Я понимаю, что шпионские данные, которые я собрал о Советском Союзе, направлены на подрыв мощи СССР, — вынужден признать Лоу.

Признает себя виновным и Рейдон.

У корреспондента голландской газеты заметно упал интерес к происходящему в суде. Он убедился, что шпионы уличены. Сенсации об их невиновности не получилось.

Приговор вынесен, виновные наказаны.

...Коммерсант фирмы «Шнейдер» из города Карлеруэ Адольф Вернер тоже американский шпион. Всякий раз, когда входят в зал судьи, он вскакивает со скамьи, с солдафонской привычкой вытягивается и устремляет к судейскому столу немигающий взгляд. Низкий лоб, ястребиный, с горбинкой нос, большие уши, опущенные углы рта. Плечи не шелухнутся. Только на длинной шее бега-ет кадык. Адольф волнуется, он боится расплаты за то, что натворил на советской земле. Продавший себя за 2800 марок боссам от разведки, он, надеясь заслужить снисхождение, выдает теперь своих хозяев. Вернер признает себя виновным и рассказывает, что знакомство с американской разведкой у него состоялось в феврале 1961 года. Он получил в то время письмо от Аль Джонсона, в котором тот, выдавая себя за представителя американской газеты «Зарубежная хроника», просил о встрече. Когда встреча состоялась, Джонсон сделал предложение за время туристской поездки в СССР представить серию статей для газеты. Джонсон обещал оплатить расходы, связанные с поездкой.

— Это был не газетчик, а настоящий агент, — сразу же поясняет Адольф Вернер суду. — Джонсон предложил маршрут: Одесса, Крым, Запорожье, Харьков, Киев, Винница, Черновицы. Он обещал по возвращении хорошо заплатить. Меня это подзадорило, — признается на суде Вернер, — и я дал согласие.

При последующих встречах Джонсон и его коллега по разведке Даан подробно проинструктировали Вернера

о том, как и какие сведения собирать, где записывать, как прятать собранные материалы. По карте Украины Джонсон показал Адольфу Вернеру те пункты, которые особенно интересуют американскую разведку. Убедившись в надежности «туриста», Джонсон вручил ему аванс, не забыв отобрать расписку, снабдил средствами тайнописи и обучил, как их надо применять.

Джонсон дал Вернеру адрес женщины в Швейцарии, на имя которой он должен был писать приветственные открытки, подтверждая тем самым свое пребывание в том или ином городе Советского Союза.

Вместе со своей женой Херминой на собственном «фольксвагене» через Австрию, Венгрию, Румынию Адольф Вернер прибыл в Советский Союз.

Джонсон уверял, что все будет несложно и безопасно. Но Адольф Вернер чувствует неуверенность. Он озирается по сторонам с первого шага на советской земле. Выйдя из здания панорамы «Оборона Севастополя», он быстро забегает за угол и делает несколько снимков Южной бухты. Около Графской пристани Вернер также украдкой убегает от группы туристов по лестнице в безлюдное место и фотографирует военные корабли. Ему, как и другим туристам, объяснили недопустимость фотографирования военных объектов. Но, проезжая по дорогам Украины, Адольф фотографирует радарные установки, радиомачты, военные автомашины. Диктует своей жене, а та записывает номера военных автомашин, данные о расположении воинских частей. С немецкой аккуратностью супруги по ночам в гостиницах переписывают эти данные в дневник и в «фотобух». Причем записи в дневнике Адольф делает средствами тайнописи. Сперва он пишет синими чернилами: «Ели приготовленный по-татарски пирог...» Потом вставляет в шариковую ручку желтый стержень, взятый из потайного кармана, и пишет уже невидимыми чернилами поперек первой записи: «Видел одну радарную установку. Расположение военных...»

Председатель суда оглашает эти записи. Вернер чувствует настроение зала и пытается выкрутиться. Нет, он не отрицает фактов, это было бы неразумно и бесполезно. Но он всячески пытается уменьшить свою вину.

В зале суда — напряженная тишина, хотя присутствует несколько сот человек — представители советской общности, советские и иностранные корреспонденты.

Среди них Стефан Харпер из газеты «Дейли экспресс» и Джон Миллер — корреспондент агентства Рейтер.

Смирненно сложив руки, дородная Хермина Вернер стоит перед судом рядом со своим мужем. Ее тонкие губы плотно сжаты, серые глазки быстро бегают, поглядывая то на прокурора, то на переводчика. Крестик на ее груди отливает тусклым светом. Вначале Хермина пытается выдать себя за святую невинность.

— Ни о каких связях мужа с разведкой не знала.

Но Хермина также лицемерит. Отвечая на вопросы прокурора, она вынуждена признать, что о связях мужа с Джонсоном она была осведомлена. Она своей рукой записала в блокнот адрес женщины в Швейцарии, по которому предстояло посылать донесения. Уже по дороге из Ялты на Харьков по просьбе мужа она записывала номера военных автомашин, расположение воинских частей и другие сведения шпионского характера. В кемпинге в селе Левшино она диктовала мужу свои черновые записи, а муж средствами тайнописи переписывал их в дневник. Когда все записи были перенесены в дневник, Хермина уничтожила черновики.

Эксперты в суде подтвердили, что фотоснимки и шпионский дневник Вернеров содержат сведения, которые являются государственной тайной СССР.

Хермина Вернер не может скрыть, что понимала преступный характер своих действий. Но, желая разжалобить суд, вызвать к себе сочувствие, она спешит заявить, что во время ведения записей она волновалась, так как понимала, что муж связан с опасным делом.

— Муж стал успокаивать меня, — вспоминает Хермина, — он заявил, что никто не увидит его записей.

— Если бы я была более настойчивой, могла бы заставить мужа не выполнять шпионского задания, — отвечает подсудимая на вопрос прокурора.

Могла, но не сделала.

2. КТО РАСПОЗНАЛ ШПИОНОВ

Мирнолюбивый советский народ, воспитанный Коммунистической партией в духе патриотизма и пролетарского интернационализма, всегда выступал и выступает за

укрепление дружественных отношений с другими народами, за всемерное развитие международных контактов, за широкий обмен культурными ценностями. Всему миру известно гостеприимство, с которым у нас встречают каждого, кто прибывает в нашу страну с чистым сердцем и открытой душой. Советские люди не ставят знак равенства между бдительностью и подозрительностью; они далеки от того, чтобы предполагать у всех своих гостей недобрые намерения.

Но когда «турист» Каминский заехал в запретный район, это насторожило пограничников. Высокую бдительность проявили и контролеры таможни В. А. Матюшко и В. П. Астрелин, обнаружившие при досмотре вещей у Каминского фотопленки и другие вещественные данные его шпионских занятий.

Находясь в Советском Союзе, Макинен, как он показывал в суде, всюду встречал гостеприимство, его, как туриста, хорошо обслуживали в гостиницах и кемпингах. Ему охотно рассказывали об истории нашей страны, о тех бедствиях, которым подвергались наши люди во время Великой Отечественной войны, о достижениях в народном хозяйстве, культуре и искусстве. Но не это интересовало шпиона. Он думал о выполнении заданий своих хозяев и в районе Ужгорода и Львова; по пути в Киев и в самом Киеве он орудовал фотоаппаратом, фотографируя военные объекты. Все, кажется, идет хорошо, Макинену уже мерещатся доллары, которые он получит за свою «работу». Но поведение шпиона, фотографирование им из-за угла военных объектов не осталось незамеченным советскими людьми, патриотами своей Родины. Офицер Советской Армии капитан Вольнов заметил и доложил старшему начальнику, как человек из машины В-NP999 (это номер автомашины Макинена) фотографировал украдкой воинский транспорт. Макинен не знает, что шофер Киевского таксомоторного парка Виктор Данилюк пришел в органы госбезопасности и рассказал о подозрительном поведении своего клиента.

— Около Центрального универмага, — начал Данилюк, — в мое такси сел молодой человек с фотоаппаратом в руках, худощавый, неаккуратно выбритый. Он назвал себя туристом, просил показать ему город, в частности, просил отвезти его на одну из дальних улиц. По прибытии на указанную улицу его интерес к осмотру

усилился. Когда же мы проезжали около военного объекта, турист, делая вид, что интересуется ремонтом дороги, поспешно вышел из машины, заплатив по счетчику 83 копейки. Я поехал на стоянку. И тут мне подумалось: слишком подозрителен этот турист, почему он поехал в тот район, где нет никаких достопримечательностей, почему интересуется тем, что вроде бы и не нужно туристу?

А Макинен в это время теперь уже на своей машине снова ехал на заинтересовавшее его место.

Военный трибунал допрашивает свидетеля Виктора Владимировича Шпаковского — преподавателя одной из школ города Киева.

— Когда я проходил мимо воинской части, — рассказывает учитель, — то заметил молодого человека, который с железнодорожной насыпи фотографировал расположение воинской части. Вел он себя нервно, оглядывался. У меня это вызвало подозрение.

С помощью находившегося на улице шофера Макаревича и дежурного по части Шпаковский задержал «фотографа». Им оказался Марвин Вильям Макинен. При задержании он пытался засветить пленку, но ему не дали это сделать. Шпион попался вместе с вещественными доказательствами.

Для того чтобы выполнить задание своих хозяев, шпионы не прочь иногда выдать себя и за коммунистов. Когда Рейдон и де Яхер далеко отклонились от туристского маршрута, чтобы сфотографировать объект и выполнить задание разведки, их остановил старший автоинспектор милиции Коняев Василий Макарович. Упорно настаивая на продолжении поездки в запретную зону, де Яхер стал утверждать, что он голландский коммунист и ему можно ехать в этот район. Достав красную книжечку, он настойчиво совал ее Коняеву и требовал пропустить их автомашину. Но инспектор быстро разобрался, что ему подсовывали всего лишь права автолюбителя, а о лобызательности «туристов» доложил по службе. Обо всем этом в суде рассказал свидетель Коняев.

— Да, это были мои права на управление автомашиной, — подтверждает в суде де Яхер.

Благодаря высокой бдительности советских людей, четкой работе наших органов госбезопасности, не остались незамеченными и другие действия шпионов. В Одессе

Рейдон и де Яхер не заплатили за проживание в гостинице, в Ялте украли для своих целей телефонный справочник. Об этом было сообщено на пограничный контрольный пункт. При осмотре личных вещей «туристов» у них нашли телефонную книгу большой Ялты. Рейдон и де Яхер нервничают, де Яхер пытается убежать в туалет (ведь в плавках шпионские дневники). При осмотре обратили внимание, что десятки фотопленок находятся как будто бы в нетронутой упаковке. В присутствии владельцев проявили их на выдержку. На пленках военные и промышленные объекты СССР.

Суд осматривает вещественные доказательства — шпионскую амуницию, снимки военных и промышленных объектов, сделанные подсудимыми.

Свидетель Н. Н. Еркин рассказывает, как де Яхер пытался скрыться от осмотра в туалете.

— Шпиону иногда приходится лицемерить, — криво улыбаясь, заявляет де Яхер.

— Только ли иногда? — задает ему вопрос прокурор.

Всегда и во всем лицемерили и лгали де Яхер и Рейдон.

Советские люди с уважением относятся к иностранным туристам, пожелавшим ознакомиться с нашей страной, ее природой, культурой. Но советскому человеку безразлично, как ведет себя в его доме гость. Поэтому всякое отступление от норм поведения вызывает у него настороженность. И не напрасно советские люди проявляют высокую бдительность.

Вернеры признают, что советские люди, с которыми им приходилось сталкиваться, относились к ним очень хорошо. Как и каждому туристу, Вернерам было что посмотреть на просторах нашей Родины.

— Мы были удивлены успехами СССР, — заявляет Хермина Вернер. — В немецкой печати дается неверное представление о Советском Союзе.

Окорок Николай Константинович знает, что иностранным туристам не разрешено фотографировать военные объекты. Увидев Адольфа Вернера за таким занятием, он сообщил об этом в милицию.

Жительница Севастополя Алексеева Виктория Константиновна, заметив, что Адольф Вернер фотографирует военные корабли, также сообщила об этом в милицию.

Хермина Вернер, старательно разорвав черновые

записи о военных объектах, пыталась их спрятать. Это необычное поведение «туристки» на территории кемпинга увидела Коваль Жанна Корнеевна, о чем также сообщила в соответствующие органы.

Вернеры, увидев при подъезде к Киеву боевые машины, останавливаются, чтобы записать об этом в блокноте. Но бдительны рядовые Колупаев Валентин Алексеевич и Коблов Константин Агапович. Они замечают действия иностранцев, докладывают командиру, и шпионы оказываются задержанными на месте преступления.

Об этом показывают в суде свидетели.

Советские люди должны быть бдительны. Жизнь показывает, что враг не прекратил попыток выведать нашу государственную и военную тайну, добыть сведения, затрагивающие интересы безопасности Советского Союза.

3. «ОНИ МОГУТ БРОСИТЬ БОМБУ»

Во время судебного процесса в военный трибунал поступило много писем от советских граждан, в которых они выражали гневное возмущение преступными действиями шпионов и их хозяев.

В одном из них — от инвалида Великой Отечественной войны лейтенанта запаса из Донбасса — говорилось: «Читаю в газетах о процессе над шпионами Вернерами, и раны начинают болеть... Такие, как Вернер, за деньги могут все сделать, вплоть до того, что, если бы ему дали атомную бомбу и сказали: «Брось на Советский Союз», — он бросит».

Военный трибунал уделял внимание выяснению и тех мотивов, которыми руководствовался турист учитель Каминский и другие подсудимые, соглашаясь на преступление.

— Я не задумывался над своими действиями, которые были вызваны скорее денежной заинтересованностью, чем идеологическими побуждениями, — отвечает Каминский на вопросы суда. — Политикой я не занимаюсь, терпеть ее не могу, — добавляет он.

Один из героев в пьесе Артура Миллера «После грехопадения» провозглашает: «Силу дает либо чистая совесть, либо полное отсутствие ее. Не видеть зла, причиняемого тобой, — вот в чем сила и правда! Так убей же совесть, убей ее!»

Сколько их, людей с убитой совестью, в той Америке, о которой пишет А. Миллер. Сколько их, не желающих видеть зла, которое они причиняют людям. Кампинский — один из них. Чему учил детей в школе этот, с позволения сказать, учитель, учитель-шпион? Какие идеи пропагандирует в черной Африке его сестра — миссонер? Что движет умами и поступками миссионеров шпионажа и американского образа жизни? В деле Кампинского на эти вопросы есть лишь один ответ — денежная заинтересованность.

Де Яхер пытался показать себя идейным сторонником буржуазного, прежде всего американского, образа жизни и противником коммунизма.

— Я вижу в коммунизме угрозу... — поясняет оп причины, по которым якобы согласился на предложение агентов НАТО.

Откуда у него такая ненависть к коммунизму, что он знает о нем?

— Про коммунизм знаю лишь из некоторых голландских газет, — говорит он суду.

— В издаваемых у нас газетах и в художественной литературе, которую я читал, — объясняет де Яхер, — капиталистический строй всегда представляется лучше, чем социалистический.

— В политической деятельности участия не принимал. О Советском Союзе знал только то, что писалось в буржуазных газетах, — подтверждает и Рейдон.

Итак, Рейдон и Лоу де Яхер знают о Стране Советов только то, что пишет о ней буржуазная пресса. А много ли знают они о своей стране?

Знают ли они о том, что фашистская Германия 9 мая 1940 года оккупировала маленькую Голландию и что только благодаря Советскому Союзу их родине удалось освободиться от гитлеровского ига? Читали ли они дневник Анны Франк — это документальное свидетельство фашистского кошмара на земле их родины?

— Мой приемный отец бургомистр Франс Сейтем воспитал меня в христианском духе, — похвально де Яхер.

В зале суда возникает шум возмущения, когда Рейдон рассказывает о том, что близкие в семье знали о его шпионских занятиях.

— Надорт поддерживал со мною связь через мою

родственницу Снук, — подтверждает Рейдон. — О моих связях с разведкой хорошо знала также моя жена Нелли Рейдон-Снук и мои родители. Жена неоднократно встречалась с Надортом, Ван Мауриком и Отто. Она знала, что я еду в СССР для выполнения шпионского задания. На время моей поездки в СССР ей обещали выплачивать по 120 гульденов еженедельно.

Слушаешь признания Рейдона и понимаешь, насколько растленна нравственность в буржуазном обществе. Нидерландская женщина Нелли Снук тоже получает за шпионаж!

...Заседание высшего законодательного органа США — американского конгресса в Капитолии начинается молитвой. Поклявшись всевышнему в любви к ближним, конгрессмены проголосовали за выделение сотен миллионов долларов на шпионаж.

Адольф Вернер богомолен, как и американские конгрессмены. Он обращается к суду с трактатом о терпимости:

— К тебе устремляю я свою просьбу, бог всех существ, всех миров, ты дал нам сердца не для того, чтобы ненавидели друг друга; руки ты дал нам не для того, чтобы мы душили друг друга; сделай так, чтобы мы любили друг друга...

Законодатели от золотого мешка и мелкий лавочник из Карлсруэ молятся одному богу, но речи эти лицемерны, как лицемерны заявления экс-президента Трумэна о том, что ЦРУ не занимается шпионажем. И это очевидно: первые благословляют грязную войну во Вьетнаме и всякий международный разбой, вторые занимаются черной шпионской работой.

— До сих пор я жил по обычаям порядочного человека, — не моргнув глазом, заявляет Адольф Вернер. — Я не преступник, я хороший, честный и откровенный человек.

Но это слова Вернера. Посмотрим, чем на самом деле занимался тезка бесноватого фюрера до того, как нашел новых хозяев. С 1940 по 1945 год он член национал-социалистической партии Германии. Унтер-офицер Адольф Вернер в составе дивизии СС воевал против советского народа, подбострастно выполнял план фюрера по расширению жизненного пространства. Он прошел через ширенцию жизненного пространства. Он прошел через Гайсли и Умань, через Никополь и по землям Орловщи-

ны. Он стрелял в советских людей под Смоленском и в Великих Луках. Адольф Вернер был отъявленным головорезом. Начальство заметило его усердие, наградило двумя Железными крестами и присвоило ему звание старшего фельдфебеля.

— Я выполнял долг солдата, — пытается оправдаться Вернер.

Убежав от приближавшихся частей Советской Армии, он сдался в плен американцам.

Военный преступник Вернер, хотя у него и выбили из рук оружие, не меняет своих убеждений. «Честный фельдфебель» находит своих однополчан-эсэсовцев. «Ветераны войны» собираются в ресторанчике и за кружкой пива вспоминают минувшие дни...

Вот каков на самом деле Адольф Вернер, вот цена его трактата о любви к людям. Трагедия Германии ничему не научила богомольного нациста Вернера и ему подобных. Стоит подвернуться удобному случаю заработать, и вернеры становятся шпионами.

Американские империалисты знали, с кем имеют дело. Пригляделись к этой семейке — нацистские настроения, продажность, жадность, мещанские интересы, сын Клаус на службе в бундесвере...

— Всякую мерзость берут себе на службу американцы! — раздается реплика из ложи иностранных корреспондентов.

Звенит звонок председателя суда.

В суде Вернер, всхлипывая, бормочет, что с предложением Джонсона он согласился не подумав и что из-за его безрассудства страдает любимая жена.

Для таких, как Вернер, чужды высокие гуманные понятия человечности, справедливости, мира. Кругозор лавочника не дает ему возможности понять всей тяжести, всей опасности преступления для мира и покоя людей. Совершив преступление и оказавшись перед судом, он лишь обеспокоен тем, какие неудобства сложились лично для него и его жены. Он не понимает, какие тяжелые последствия могли принести советским людям его черные дела, если бы органы государственной безопасности не пресекли их. Он старается преуменьшить свою роль и кивает на хозяев.

— Американцам удалось найти немецкого Мишеля, который бы таскал им каштаны из огня, — заявляет он

суду, подразумевая под Мишелем себя. — Американцы умеют купить немца и не жалеют подвергнуть его опасности, а сами они слишком трусливы, — с запозданием делает для себя вывод Адольф.

Не такая уж простодушная и Хермина Вернер, как она пытается казаться в суде.

— Впечатление о Советском Союзе у нас сложилось очень хорошее, — отвечает Хермина на вопросы адвоката.

Но к делу приобщены записи Хермины, которые она вела еще до ареста. Она не верила тому, что видела. «Потемкинские села...» — пишет она в своем блокноте. «Дорога, по которой уже ездили наши танки...» — с злорадством вспоминает прошлое Хермина. И дальше, прервав приятные воспоминания, фиксирует то, что нужно хозяевам: «Справа большой военный аэродром...»

Вернеры охотно выдают себя в суде за обывателей. При каждом удобном случае они упоминают о том, что не занимались политикой, мало в ней разбирались. Супруги Вернеры стали шпионами и собрали сведения, которые, как это понятно даже человеку, не сведущему в военном деле, нужны для нападения, для агрессии. И это они не считают политикой!

— Я думаю, — заявляет Вернер в суде, — что в атомный век собранные мною данные просто примитивны.

И это он просит суд учесть как смягчающее обстоятельство.

— Я получил только 50 процентов расходов на поездку, — добавляет Вернер. — Учтите, граждане судьи, и это.

За деньги он готов продать и душу, и совесть. Да, такие могут бросить атомную бомбу.

После второй мировой войны прошло уже немало времени, но до сих пор миру угрожает дух насилия и военного разбоя.

Продажные правители Западной Германии создали все условия для деятельности реваншистских организаций, для неонацистов. Уповая на бога, они на словах выступают за налаживание мирных отношений, а на деле увеличивают вооруженные силы, поддерживают самую разбойничью политику милитаристских кругов США, служат им верой и правдой, рвутся к атомному оружию, угрожают своим соседям «пересмотром государственных границ».

За доллары служат американской разведке вернеры, каминские, рейдоны, яхеры и им подобные.

Каминский, не ожидавший, очевидно, наказания по приговору советского суда, только в тюрьме задумался о причине своего падения.

«Я чувствую отвращение к капиталистам, стремящимся развязать войну, — написал в своей кассационной жалобе осужденный шпион, гражданин США Каминский... — Я не должен отвечать за то, что я такой стал... Ответственность за это должна лечь на страну, которая сделала меня таким, каким я являюсь. Именно из-за политики, проводимой США, создалось такое положение, когда индивидуум должен страдать за преступления, совершенные его страной против мира».

Прозрение наступило с запозданием.

* * *

Военные трибуналы всегда отличались точностью в соблюдении судебного распорядка, тщательностью исследования доказательств. Все права, предусмотренные советским законом для подсудимых, военным судом всегда гарантировались. Так было и при рассмотрении дел о шпионаже. Но на судебном заседании присутствовали и наши недоброжелатели, которые ждали удобного момента, допущения судьями оплошности в судебной процедуре, чтобы поставить под сомнение как объективность нашего суда, так и доказанность вины подсудимых. Насмотревшись на «чудеса» в мире буржуазной юстиции, они с такой же меркой приготовились подойти к освещению судебной процедуры и у нас, надеясь на сенсацию.

Но этого не случилось. Весь ход процесса в нашем суде показал, как демократические принципы советского социалистического правосудия осуществляются в практике работы военного трибунала. Участие в рассмотрении дел народных заседателей, независимость судей, право обвиняемого выступать в суде на своем родном языке с обеспечением переводчика, юридическая помощь в процессе со стороны защитника-профессионала (адвоката), гласность процесса, право на обжалование приговора суда — все эти основные демократические принципы советского уголовного процесса были соблюдены при рассмотрении уголовных дел о шпионах-туристах. После каждого процесса в зарубежной печати появлялось немало материалов. Объективность суда, как правило, отмечалась во многих из них. Никто из осужденных, а также других

участников процесса не высказал никаких замечаний по процедуре судебного разбирательства.

Марвин Макинен в последнем слове в суде заявил:

«Я не могу высказать каких-либо жалоб по отношению к суду. Я вполне доволен тем фактом, что суд приложил все усилия к тому, чтобы справедливо разобраться в моих поступках...»

Марк Каминский в своей кассационной жалобе писал:

«Я осужден правильно... Я считаю ваши законы справедливыми. Уже сама возможность просить смягчения наказания доказывает это... Советские люди всегда ко мне хорошо относились, даже когда я находился в тюрьме».

Но не такого мнения о них он был до последнего времени. Как-то после ареста он заинтересовался у следователя:

— Сейчас у вас такие же порядки, как при Дзержинском?

— Да, такие, — ответил следователь.

Испуг охватил шпиона, лицо его побелело. Дело в том, что Каминский, как аспирант Мичиганского университета, писал трактат о Дзержинском и пользовался для его написания белоэмигрантской литературой, которой много издано в США.

Шпионы понесли наказания, все они были осуждены к лишению свободы на длительные сроки. Военный трибунал выполнил возлагаемую на него законом обязанность — охранять от всяких посягательств общественный и государственный строй, безопасность СССР, боеспособность его Вооруженных Сил. Судебные процессы над шпионами разоблачили перед всем миром не только авантюристов, которые ради долларов, марок и гульденов пошли на черное дело. Они показали еще раз агрессивную суть правящих кругов США и созданного ими блока НАТО.

— ☆ —

ЧЕТЫРЕ ДНЯ УТИКАВА МАСАФУ

Японский народ никогда не забудет трагедию Хиросимы и Нагасаки. Атомные бомбы убили, сожгли, искалечили сотни тысяч японцев. Эхо тех взрывов не утихло и напоминает о страшной трагедии и сейчас — в больницах люди продолжают умирать от лучевой болезни.

Долгие годы правящие круги Японии, взяв за основу своей политики милитаризм, захватнические притязания на чужие земли, в том числе и на советские, вбивали в головы японцев, что только в войнах их спасение, счастье, процветание. Однако политика войн и захватов никогда не приносила счастья народам. Не принесла она и японцам. Во вторую мировую войну Япония была разгромлена. Честные люди Японии поняли, что не агрессия, не вражда, а мир и добрососедские отношения с другими государствами — истинно правильный путь, по которому должна следовать их страна.

Все больше и больше японцев стали обращать свои взоры к великому соседу — Советскому Союзу, стараясь ближе познакомиться с жизнью нашего народа. После войны в Японии возникли прогрессивные организации, борющиеся за сближение и сотрудничество японского и советского народов. Много японцев приезжают к нам в СССР. С каждым годом увеличивается поток туристов.

Но интерес японских граждан к нашей стране пришелся не по праву некоторым кругам Японии, связавшим себя с империалистами США. Они используют все возможности и тратят немалые средства на то, чтобы посеять вражду между советским и японским народами.

Главным подстрекателем такой политики являются США. Стараясь превратить японские острова в нетонущие авианосцы для борьбы против СССР и других социалистических стран, они хотят привязать Японию к своей

упряжке. США субсидируют всевозможные организации и учреждения, которые проводят подрывную деятельность как среди прогрессивных организаций в самой Японии, так и в других странах. Не малая доля этих средств перепала и органам японской разведки.

После второй мировой войны, учитывая горький опыт прошлого, в Японии было запрещено создание разведывательных органов. Этот запрет провозглашен конституцией японского государства. Однако уже в 1952 году, с помощью США, при кабинете министров было создано Исследовательское бюро (Си-Ай-Эй), являющееся центральным разведывательным органом Японии, на содержание которого империалистические круги отпускают огромные суммы. Только в 1962 году бюджет Исследовательского бюро превышал 700 миллионов иен. Исследовательское бюро тесно связано с большим количеством различных институтов и обществ, которые выполняют его поручения и снабжают необходимой информацией.

Одним из таких обществ, созданных для сбора и анализа разведывательной информации об СССР и других социалистических странах, является Общество по изучению мировой политики и экономики (Сэкай Сэйкай Чёсакай). Сотрудником этой организации был и Утикава Масафу.

...Теперь он сидит на скамье подсудимых. Дело его рассматривает военный трибунал Краснознаменного Дальневосточного округа. Тридцатидвухлетний гражданин Японии Утикава Масафу обвиняется в шпионаже против Советского Союза.

Прочтено обвинительное заключение. Утикава его знает почти наизусть — времени для изучения было достаточно. И когда последовал вопрос председательствующего, признает ли он себя виновным, Утикава ответил:

— Да, я признаю себя виновным.

А во время допроса уточнил:

— Я признаю себя виновным в том, что по заданию Сэкай Сэйкай Чёсакай, то есть Общества по изучению мировой политики и экономики, сотрудником которого я являлся, прибыв в Советский Союз под видом туриста, занимался сбором сведений, составляющих государственную и военную тайну.

Рассказав, что представляет собой это общество, Утикава заявил, что большинство его сотрудников в прошлом были военными и кадровыми работниками японской раз-

ведки и полиции. Попастъ туда на работу не так-то просто.

— Перед зачислением на службу, — показал Утикава, — мне устроили экзамен по русскому языку. Русский язык я изучал в университете. Проверили меня на благонадежность, запросив из разных мест характеристики.

Японский шпион М. Утикава дает показания в суде

Однако решающую роль все же сыграла рекомендация руководства университета, где учился Утикава. Прилежный, исполнительный студент Утикава стоял в стороне от всех общественно-политических дел, не участвовал ни в маршах протеста, как его коллеги, ни в прогрессивных организациях. Он только учился и ревностно молился своему богу Тендеке, проповедующему мир и добро среди ближних.

Утикава, поступив в Сэкай Сэйкай Чёсакай, считал, что ему повезло. Сыну небогатого крестьянина, рано потерявшему отца, удалось устроиться на прилично оплачиваемую работу в столице. И он с полной отдачей сил исполнял все, что от него требовалось.

— Наше общество занимается сбором и анализом всех сведений, имеющих отношение к политической, экономической и военной жизни СССР, — показал Утикава. — К нам поступает много выпускаемой в Советском Союзе литературы, газет, журналов. Все это изучается, интересные данные берутся на учет. Особенно нас интересо-

вали сообщения о вводе в строй новых предприятий и месте их нахождения, о характере выпускаемой продукции. Вторым способом получения информации о вашей стране являются опросы сотрудниками общества японских граждан, побывавших в СССР в качестве туристов, моряков торговых судов, а также членов различных делегаций.

— Много информации собирает общество о Советском Союзе? — спросил председательствующий.

— Много, — ответил Утикава. — Ежегодно общество составляет примерно девяносто докладов о вашей стране. Доклады эти пересылаются в Исследовательское бюро при кабинете министров Японии.

— Что такое Исследовательское бюро? — спросил прокурор.

— Исследовательское бюро при кабинете министров является центральным разведывательным органом, — ответил Утикава.

— Значит, — заключил прокурор, — сведения, которые вы и другие сотрудники Сэкай Сэйкай Чёсакай собирали о нашей стране, передавались центральному органу разведки?

— Да.

Но руководителей Исследовательского бюро уже не удовлетворяли такие методы сбора сведений о нашей стране. Из советской печати и опросов граждан, побывавших в СССР, много не получишь. Нужны были сведения иного характера, а именно такие, которые можно получить лишь путем тайного сбора или, говоря проще, путем шпионажа. К тому же требовалось проверить правильность данных, полученных при опросе японских граждан, посетивших Советский Союз. Поэтому было решено под видом туриста послать своего разведчика.

Выбор пал на Утикава Масафу. По службе он проявил себя знающим, аккуратным работником. К тому же он неоднократно высказывал свое желание поехать в СССР. Утикава к этому времени много знал о нашей стране, мог разговаривать по-русски и обладал другими навыками, необходимыми шпиону.

Посылать Утикава как сотрудника Сэкай Сэйкай Чёсакай было рискованно, учитывая, что подлинная сущность этого общества была известна многим. Прогрессивные организации и печать не раз обращали внимание на не-

благовидную роль перечисленных выше бюро и обществ. Понятно, что сотрудник этой организации будет везде вызывать подозрение. Следовательно, надо было замаскировать настоящую службу и профессию Утикава.

Военный трибунал уделил в судебном заседании исследованию этого вопроса большое внимание.

Вот что показал об этом сам Утикава.

— При направлении меня в СССР в качестве туриста нельзя было допустить, чтобы в СССР, а также среди своих сограждан туристов стало известно, кто я и чем занимаюсь. Было решено, что я поеду как представитель какой-либо фирмы. Для этого за два месяца до выезда в СССР был издан формальный приказ о моем увольнении, хотя я до последнего дня продолжал работать в обществе и получать зарплату. Затем при оформлении документов на въезд в СССР было указано, что я сотрудник акционерного общества компании «Такэдо-Иоко К^о».

— И вы прибыли в Советский Союз как сотрудник этой компании? — спросил прокурор.

— Да. Во всех документах, в том числе и паспорте, я значился этим лицом.

В целях той же маскировки Утикава изготовил в типографии визитные карточки, в которых указал, что является председателем торгового отдела акционерной компании «Такэдо», захватил с собой большое количество авторучек и шариковых карандашей — образцов продукции этой компании и привез их с собой якобы для предъявления нашим торгующим организациям на предмет заключения сделок.

Допрошенные в суде свидетели показали, что Утикава при разговоре с ними называл себя коммерсантом, сыном богатого промышленника. Говорил, что его фирма заинтересована в новых рынках сбыта своей продукции. Он показывал им и дарил авторучки и шариковые карандаши.

Следует отметить, что авторучки и шариковые карандаши Утикава были нужны не только как доказательство его принадлежности к коммерсантам. Вместе с привезенными платками и чулками они предназначались, так сказать, для облегчения вступления в контакт с нашими гражданами. Подаришь, скажем, носовой платок или карандаш иному гражданину, смотришь — он и развяжет язык.

Разведка требует средств, и Общество по изучению мировой политики и экономики не обделило ими Утикава. Для поездки в СССР и выполнения задания Утикава получил 480 тысяч иен. И вот этот «председатель торгового отдела фирмы» прибыл в нашу страну. Его встречали советские люди с чистым сердцем и открытой душой. Было все, как положено при встрече туристов из других стран. А Утикава? Пожимая руку советскому человеку, он прежде всего старался узнать, где тот работает, какой это завод, что выпускает. И беспрерывно щелкал затворами своих фотоаппаратов.

Задание Утикава получил четкое: во-первых, собрать данные, интересующие японскую разведку, во-вторых, проверить правильность той информации, которая уже имеется в разведоргане. Утикава для этой цели был определен маршрут и способ передвижения по нашей стране: поездом, с остановками в городах на несколько дней.

План сбора сведений был разработан руководителями Сэкай Сэйкай Чёсакай при активном участии самого Утикава. План затем согласовали с Исследовательским бюро при кабинете министров.

— Согласно этому плану, — признался в суде Утикава, — я должен был установить следующее: количество и типы самолетов на аэродромах в некоторых городах Дальнего Востока и Сибири, пропускную способность названных мне участков железной дороги, характер объектов вдоль нее. Я также должен был установить и собрать сведения о промышленных и военных объектах.

— Что еще входило в ваш план?

— Узнать, проводится ли передислокация войск с запада на восток, род этих войск, вид вооружений. И еще одно задание было.

— Какое?

— Узнать о положении на советско-китайской границе. Отношение советских людей к нынешнему положению в Китае.

— Это очень интересует ваших хозяев? — продолжал допрашивать прокурор.

— Очень.

Память у подсудимого Утикава отличная. Он называет цифры, даты, фамилии.

Отвечая на вопросы судей, Утикава рассказал, как он выполнял свое задание.

— Я фотографировал все интересующие меня объекты, вел наблюдение за окрестностями и записывал необходимое в блокнот, вступал в разговоры с гражданами.

— И много рассказали наши граждане? — спросил один из народных заседателей.

— Нет. Ничего.

— Не помогали и шариковые карандаши?

— Не помогали.

— Вы посещали рестораны?

— Да.

— Беседовали там с кем-либо?

— Беседовал, но мало. Больше прислушивался. Меня инструктировали перед поездкой, что многое можно услышать от пьяных.

Из окна вагона он фотографировал вокзалы, мосты и все объекты, которые его интересовали. Чтобы не забыть, где сделан снимок, Утикава использовал заранее составленную схему участка дороги, схему разбил на квадраты, которые давали возможность устанавливать, где находился поезд в момент фотографирования. Он имел два отменных фотоаппарата с точной оптикой, много записных книжек и блокнотов. И все снимал, все записывал. Прошел встречный поезд, в блокноте следует запись: «7.45. Поезд из 48 цистерн и закрытых вагонов. 8.00 — цистерны и закрытые вагоны. 8.17 — цистерны, краны, машины...»

Стоял у окна, перед глазами мелькали проносившиеся мимо вагоны встречного поезда, а он считал вагоны, спешил, старался рассмотреть, что на платформах. Его соотечественники, туристы, полагая, что Утикава пленился красотой дальневосточной природы, часто окликали его:

— Утикава-сан, смотрите, какая красивая сопка! А вот озеро, смотрите!

Он смотрел на сопку, но снимал не ее, а мост, считал количество опор моста, количество вагонов стоявшего на запасном пути поезда. И записывал: «Еще один эшелон... В С. перед вокзалом строятся металлические опоры... После С. большой поворот, влево идет ветка дороги, дальше здание. Линия высокого напряжения...» Вся прибрежная полоса порта Находка, подходы к нему, все технические сооружения и другие объекты были запечатлены Утикава на пленку.

На столе перед судом лежат эти пленки, кассеты, фотоаппараты, записные книжки со схемами и записями. Секретарь судебного заседания оглашает одну запись за другой. Судьи и участники судебного процесса осматривают вещественные доказательства.

Фотоаппаратура, изъятая у японского шпиона Утикава

«Турист» Утикава не считался ни с отдыхом, ни со временем. Вставал чуть свет. В 5—6 часов утра он уже сидел у окна, наблюдал, записывал, фотографировал. Ему ведь было задано определить пропускную способность железной дороги и уровень развития данного района. Больше всего, конечно, его интересовали военные объекты и военные эшелоны.

В Хабаровске японских туристов встретили представители общественности города. Предложили, к большому удовольствию и радости гостей, показать город, его музеи, памятные места, новые улицы. Утикава это не интересовало. Он старался оправдать потраченные на его поездку деньги. Обвешанный фотоаппаратами, он один отправился в город и стал снимать, где открыто, где тайно, то, что ни в одном государстве снимать иностранцам не положено.

Надо было успеть многое сделать, а город большой. Утикава сел в такси и снимал из машины. Фотоаппарат

«Асахи-Пентакс» с дальномером. Им можно снимать и через стекла окон, и во время движения, близкие и далекие объекты.

Председательствующий предъявляет подсудимому Утикава фотоаппараты.

— Да, этими фотоаппаратами я делал снимки.

— Чем объяснить, что некоторые снимки у вас сделаны с нарушением перспективы?

Утикава объяснил:

— Это те снимки, которые я делал тайком, из неудобного положения.

Всего Утикава путешествовал по нашей стране четыре дня. Но за это короткое время отснял 17 фотопленок, сделав 806 кадров. Целая фототека! Вместе с другими вещественными доказательствами они заняли чуть не весь стол.

Специалисты-эксперты в судебном заседании сделали следующее заключение:

«Сведения, которые Утикава Масафу должен был собрать в соответствии с полученным им разведывательным заданием, являются сведениями военного и экономического характера, составляющими государственную или военную тайну».

Эти же эксперты дали заключение и о характере фактически собранных Утикава сведений: «Сведения, собранные Утикава путем фотографирования, визуального наблюдения и разговоров с советскими гражданами, содержат секретные данные военного и экономического характера».

Все преступные действия подсудимого Утикава в суде были полностью подтверждены. Подсудимому ничего не оставалось, как признать свою вину и сделать следующее заявление:

— Да, я понимаю, что те сведения, которые я должен был собрать на территории СССР и собрал их для разведывательных органов Японии, являются сведениями политического, экономического и военного характера. Я признавал, что такие сведения являются тайной Советского государства и могли быть использованы в ущерб его интересам.

Следует остановиться и еще на одной любопытной особенности этого дела. В задание Утикава, как уже сообщалось выше, входило также добыть сведения о положении на советско-китайской границе, об отношении со-

ветских людей к событиям, происходящим в Китае. На вопрос прокурора, почему японскую разведку интересуют эти данные, Утикава пояснил:

— В Японии есть круги, заинтересованные во враждебной политике, проводимой Мао Цзэ-дуном и его окружением по отношению к СССР и другим социалистическим странам.

Да, империалисты могут быть довольны — о такой помощи в борьбе с международным революционным движением, которую они получают от раскольнических действий маоцзэдунистов, им и не снилось. Недаром японская разведка заинтересовалась этими фактами.

Итак, шпион, агент японской разведки Утикава Масафу не смог выполнить задания своих хозяев. Но кто же помешал ему доставить собранные сведения по назначению и тем самым лишил возможности использовать их в ущерб Советскому Союзу? Как он был разоблачен и пойман?

Сделали это простые советские люди, проявившие бдительность и патриотизм.

Вот как это было.

В Хабаровске Утикава, запершись в гостиничном номере, подытоживал свою работу. Результатами ее он был весьма доволен. Все идет гладко, хорошо. Осталось только сделать в аэропорту снимки самолетов и других объектов. И Утикава отправился в аэропорт.

Был ветреный, дождливый день. Порывистый ветер сбивал последние листья с тополей, швырял их в лужи. Все желтело от этих листьев — дорожки в сквере, мостовая перед аэровокзалом, опустевшие мокрые скамьи. Пассажиры укрылись от непогоды в здании аэровокзала. Вокруг было пустынно.

Утикава поднял воротник плаща и, повернувшись спиной к ветру, через ограду пробрался на летное поле. Там возле небольшого строения остановился. Оглянулся вокруг — никого близко не было, никто за ним не наблюдал. Тогда он вытащил из-под плаща фотоаппарат и сделал несколько снимков. Неожиданно из-за угла появилась женщина в белой шапочке и фартуке. Женщина несла корзину с булочками. Утикава поспешно прикрыл фотоаппарат полкой плаща и как можно вежливее улыбнулся и раскланялся. Женщина (это была буфетчица Ольга Яковлева) кивнула головой в ответ и пошла в здание

аэровокзала. Перед тем как закрыть за собой дверь, она успела заметить, что незнакомец в очках вновь нацелил свой фотоаппарат на самолеты. Она тотчас же подошла к дежурному милиционеру и заявила ему об этом. Милиционер пригласил Утикава Масафу в дежурную комнату. Почувствовав грозящую беду, Утикава хотел засветить пленку, но фотоаппарат оказался в руках у милиционера.

Свидетель Качаева, дежурившая в то время по международному залу, в суде рассказала об этом так:

— Когда у задержанного Утикава забрали фотоаппарат, он стал очень нервничать. Пил без конца воду, все время вытирал платком пот с лица. Выпил целый графин воды. Я принесла другой...

Судебное следствие закончено. Объявлен перерыв, потом начались прения.

Утикава, низко опустив голову, слушал речь государственного обвинителя.

— ...Хотя на скамье подсудимых, — говорил прокурор, — находится только Утикава, однако всеобщего осуждения советского народа и прогрессивной общественности Японии заслуживают те, кто засылает в Советский Союз под видом туристов шпионов, кто за советское гостеприимство платит черной неблагодарностью, причиняя вред дружбе народов-соседей.

Утикава полностью согласился с этим утверждением прокурора. За время предварительного заключения он успел много передумать и пришел к убеждению, что его работа в Сэкай Сэйкай Чёсакай была большой, непоправимой ошибкой. А еще большей ошибкой была эта поездка в СССР для проведения шпионажа. Он однажды поколебался и подумал, не лучше ли отказаться от поездки, ведь безопасность его не была гарантирована. Его шеф Фудзита Ковагаси при инструктаже откровенно заявил: «Никаких гарантий от возможного провала нет. В случае провала никаких пособий вашей семье выдаваться не будет». А у него старая мать, жена, братья. И никто из них не знал, что он, Утикава Масафу, — сотрудник разведки и едет в Советский Союз не как турист, а как шпион.

Да, правильно сказал адвокат, что он, Утикава, раскаялся, глубоко сожалеет о случившемся и заслуживает снисхождения. Когда председательствующий предоставил ему последнее слово, он тоже начал свою речь с этой просьбы — отнестись к нему снисходительно.

— Я не питал и не питаю никаких враждебных чувств в отношении Советского Союза и не имел намерения делать что-либо к ухудшению тех дружеских отношений, которые в настоящее время развиваются между СССР и Японией, — заявил Утикава. — Я сделаю все, чтобы доказать свое исправление.

Суд удалился на совещание.

Мучительно долго тянулось для Утикава ожидание приговора. Он вглядывался в конвоиров, спокойных и, казалось, безразличных ко всему на свете, в том числе и к его, Утикава.

Он вскочил, едва только приоткрылась дверь из совещательной комнаты, даже раньше, чем последовала команда коменданта суда: «Встать, суд идет!» Лицо Утикава было белым, как краешек платка в нагрудном кармане его пиджака. Сердце билось так, что, казалось, стук его был слышен всему залу.

Не шевелясь, с лицом, покрытым все той же мертвенной бледностью, он выслушал приговор.

Военный трибунал, признав Утикава виновным в шпионаже, приговорил его к лишению свободы.

* * *

По-разному отнеслись в Японии к делу шпиона Утикава. У большинства японцев дело Утикава вызвало негодование и возмущение к тем, кто финансирует и руководит всеми шпионскими организациями. Прогрессивные партии и организации потребовали запретить разведывательные учреждения.

«Правительство, стремясь отмежеваться от дела Утикава, — пишет одна японская газета, — утверждает, что оно ничего о нем не знало. Тогда зачем же правительство создало Исследовательское бюро при кабинете министров?»

«Немедленно ликвидировать Исследовательское бюро», — требует другая газета.

«Исследовательское бюро тесно связано с американским ЦРУ», — сообщает третья газета.

Японская печать подробно осветила сущность и организационную структуру центрального разведывательного управления Японии, то есть Исследовательского бюро. Печать сообщает, что деятельность этого бюро содержится

в большом секрете, о ней знает только премьер-министр и ограниченный круг министров.

Исследовательское бюро имеет шесть отделов. Японские газеты перечисляют эти отделы. Вот, например, чем занимаются некоторые из них: 1 отдел — сбором информации о Коммунистической партии Японии, профсоюзах, студенческом и других движениях; 2 отдел — сбором информации о различных странах, главным образом о СССР и других социалистических странах; 3 отдел — получением информации через другие доверенные организации, такие, например, как Общество по исследованию мировой политики и экономики и т. д.

Отвечая на запросы депутатов парламента, органов печати, генеральный секретарь кабинета министров Кимура счел необходимым заявить: «Мне очень жаль, что возник такой неприятный случай, какого не было со времени возобновления дипломатических отношений между обеими странами». Однако на требование общественности ликвидировать все разведывательные органы в стране господин Кимура ответил: «Исследовательское бюро кабинета министров выполняет важную роль в деле сбора сведений для обеспечения национальной безопасности, поэтому сейчас оно не может быть ликвидировано».

Советские люди надеются, что дел, подобных делу Утикава, больше не возникнет. Развивать искренние добрососедские отношения — в интересах обеих стран.

Полковник юстиции Н. ПОЛЯКОВ

ДЕЛО БОРИСА САВИНКОВА

Мы шли по залитому весенним солнцем небольшому дворику, расположенному внутри одного из административных зданий на площади Дзержинского. Мой собеседник, старый чекист, сподвижник Дзержинского, приостановившись, сказал: «На этом месте в мае 1925 года разбился выбросившийся из окна заключенный Савинков». — «Борис Савинков?» — «Да, да, тот самый...»

Сын судьбы в Варшаве, Савинков в двадцатилетнем возрасте был исключен из Петербургского университета за участие в студенческих волнениях. Вскоре после этого он становится членом боевой организации эсеров и непосредственно участвует в убийстве великого князя Сергея Александровича, министра внутренних дел Плеве, шефа жандармов Дурново... Он готовит покушение на царя.

14 мая 1906 года Савинкова арестовывают «за участие в бомбометании» в коменданта Севастопольской крепости Неплюева, однако 16 июля того же года на рассвете Савинков бежит с главной гауптвахты вместе с разводящим вольноопределяющимся Сулетинским.

В 1911 году Савинков эмигрирует из России. За границей он входит в состав руководящего ядра эсеровской организации, по заданию которой неоднократно нелегально приезжает в Россию. Одновременно Савинков занимается литературной деятельностью: его романы, написанные под псевдонимом Ропшин, вызывают интерес у читающей публики. В годы первой мировой войны он добровольцем сражается на стороне французских войск.

Вернувшись в Россию после февральской революции, Савинков активно участвует в политической жизни. Временное правительство назначает его комиссаром при командующем Юго-Западным фронтом Корнилове, а затем он становится военным министром в кабинете Керенского...

Выходец из мелкобуржуазной среды, террорист-одиночка, Савинков не был связан с народными массами, не знал и не понимал их нужд. Поэтому нельзя считать случайным тот факт, что он враждебно воспринял победу Великой Октябрьской социалистической революции и совершил ряд тяжчайших преступлений против государства рабочих и крестьян.

Судебный процесс над Савинковым явился крупным политическим событием. И не только потому, что на скамье подсудимых сидел матерый враг Советской власти. Одновременно это был суд истории над белогвардейщиной в лице царских генералов Краснова, Корнилова, Деникина, Колчака и других, над правителями буржуазных государств — Черчиллем, Ллойд-Джорджем, Пуанкаре, Муссолини, Пилсудским... Это был также суд истории над идейно обанкротившимися партиями меньшевиков и эсеров, над «демократами» типа Керенского, Чернова и других.

Процесс проходил в накаленной атмосфере. Буржуазная пресса, не считаясь с фактами, кричала о том, что суд над Савинковым не более как спектакль, а сам подсудимый — слепое орудие коммунистической пропаганды. Прежние друзья и союзники Савинкова обливали грязью своего бывшего кумира, сравнивали его с Иудой, грозили расправой... Потребовались энергичные меры по охране процесса, чтобы исключить возможность провокаций.

Георгий Гаврилович Кушнирюк, входивший в состав суда над Савинковым, вспоминает:

«Первоначально предполагалось во избежание провокаций провести судебный процесс при закрытых дверях. Все, что было связано с делом Савинкова, держалось в строгой тайне. Члены Верховного Суда, не имевшие отношения к этому делу, ничего не должны были знать о нем. Вспоминаю, как заместитель председателя Верховного Суда Васильев-Южин упрекал меня за то, что я не сказал ему ничего о деле Савинкова, когда оно находилось у меня и я его изучал.

Однако закрытый процесс не смог бы достичь целей, которые перед ним ставились. Весь мир должен был убедиться, что процесс не инсценирован, Савинков — настоящий, а его разоблачительные показания — не выдумка пропаганды.

В связи с этим было решено дело Савинкова рассмат-

ривать публично, приняв дополнительные меры к охране процесса...»

В материалах дела сохранился рапорт коменданта суда, в котором, в частности, говорится, что «секретная охрана процесса, состоявшая из 21 разведчика, с честью справилась с возложенными на нее трудными и ответственными обязанностями...»

* * *

В августе 1924 года внимание общественности привлекло появившееся в советских газетах правительственное сообщение. В нем говорилось:

«В двадцатых числах августа с. г. на территории Советской России ОГПУ был задержан гражданин Савинков Борис Викторович, один из самых непримиримых и активных врагов Рабоче-Крестьянской России (Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя В. И. Степанова)».

Савинков пояснил на следствии, что в Советский Союз он прибыл, чтобы узнать правду о России. Оставим на его совести это утверждение...

Бесспорно одно: советскую границу Савинков перешел нелегально, ночью, с фальшивым паспортом, с намерением встретиться с руководителями якобы существующих в СССР контрреволюционных организаций. Вместе с Савинковым нелегально перешли границу А. А. Дикгоф-Деренталь — «мой министр иностранных дел», как его называл Савинков, и жена Дикгоф-Деренталья Любовь Ефимовна — личный секретарь и любовница Савинкова.

На следующий день после перехода границы — 16 августа 1924 года — все трое были арестованы ОГПУ во время завтрака на конспиративной квартире в Минске.

Подчеркнуто небрежный тон и слова, с которыми Савинков обратился к чекистам: «Чисто сделано. Разрешите продолжить завтрак?» — не смогли скрыть его замешательства и растерянности. Еще бы!

Неудовимый когда-то Савинков, старый подпольщик и конспиратор, не раз ускользавший от полицейских шпионов царской России, вынужден был безоговорочно капитулировать перед советской разведкой, которой удалось арестовать Савинкова в результате блестяще разработанной и проведенной операции по выводу его из-за границы. И вот он стоит перед судом.

Б. Савинков перед судом Военной коллегии Верховного Суда СССР. Август 1924 г.

Внешне он мало чем напоминал того таинственного Савинкова, о котором А. Толстой пишет в романе «Хождение по мукам»: «...Он держал левой рукой у рта шелковый посовый платок, закрывавший его смуглое или, быть может, заgrimированное лицо... Отрывистые, уверенные фразы, повелительный голос, холодные глаза... Он был невысок ростом, в мягкой шляпе, в защитном, хорошо сшитом пальто, в кожаных крагах. И одеждой и точными движениями он походил на иностранца, говорил с петербургским акцентом, неопределенным и глуховатым голосом...»

Жизнь основательно потрепала Савинкова. Невысокий, лысый, средних лет мужчина в черном стоит перед судом в переполненном народом зале. Савинков признает себя виновным. Он говорит свободно, четко формулирует свою мысль. «Это была, — писал в судебном отчете корреспондент «Правды», — яркая по форме, отточенная, временами художественная, мучительная речь».

С первых дней рождения Советской Республики Савинков стал ее убежденным врагом. В борьбе с ней не гнушался никакими средствами. Теперь он подводит итоги этой борьбы. Неутешительные итоги!

Октябрьская революция застала Савинкова в Петрограде. «Был первый час ночи, — рассказывает Савинков, — я пошел в совет союза казачьих войск, членом которого состоял, и мне удалось убедить представителей казачьих полков и военных училищ собрать хотя бы небольшую вооруженную силу, чтобы попытаться дать бой осаждавшему Зимний дворец большевикам». Однако в два часа ночи Зимний дворец пал, а члены Временного правительства были арестованы революционными рабочими и крестьянами. Первое поражение!

Узнав, что генерал Краснов во главе казачьих полков движется на Петроград, Савинков, переодетый рабочим, пробирается к Краснову. Там он застаёт в панике верховного главнокомандующего Керенского. Тщетно пытается Савинков побудить его к энергичным действиям. Главноверх продолжает верить только в силу своих речей. С автомобиля Керенский обращается с истерической речью к перешедшим на сторону революции частям Царскосельского гарнизона. Однако результат оказался противоположным тому, на который рассчитывал оратор.

Революционные части усилили сопротивление и отбросили Краснова.

Тогда с польским паспортом в кармане и белым орлом папской Польши на фуражке Савинков спешит на Дон, где царские генералы Каледин, Корнилов и Алексеев приступили к формированию так называемой Добровольческой армии для похода на Петроград. Политическое руководство армией осуществлялось донским гражданским советом. Савинков становится активным членом совета, по существу, его идеологом. Стремясь придать совету демократический вид, он пытается привлечь на сторону контрреволюции основную казачью массу.

«Почему же я тогда пошел к Каледину и Корнилову? — спрашивает Савинков и сам отвечает: — Что же мне было делать: один бороться я не мог. В эсеров я не верил, потому что видел их полную растерянность, полное безволие, отсутствие мужества... А кто боролся? Да один Корнилов! И я пошел к нему».

Итак, золотопогонные генералы, опора царя, — и террорист, почти царубийца, «социалист» Савинков стали союзниками! Их сроднила общая ненависть к Рабоче-Крестьянской Республике. История знает немало примеров, когда самая отъявленная, самая махровая контрреволюция избирала своим орудием людей с революционным прошлым, с демократической репутацией. И понятно: ведь им еще могут поверить! Таким человеком был Борис Савинков, соединивший в себе умение конспиратора-заговорщика, беззастенчивость в средствах для достижения цели с революционной фразеологией и с именем врага царского самодержавия.

По заданию донского гражданского совета Савинков нелегально едет в Петроград, а затем в Москву. Из разрозненных контрреволюционных групп и группировок, состоявших главным образом из бывших офицеров, ему удается в короткий срок создать пятитысячную тайную вооруженную организацию под названием «Союз защиты родины и свободы». Организация строилась Савинковым на началах полной конспирации: отделенный знал только взводного, взводный — ротного, ротный — батальонного, батальонный — полкового командира. Начальник дивизии знал четырех полковых командиров, полковой командир — четырех батальонных и т. д. Союз возглавлялся штабом. В учреждениях штаба насчитывалось до 200 че-

ловек. Имелись отделы — формирования и вербовки новых членов, иногородний, оперативный, разведки и контрразведки, террористический... Начальником штаба был полковник Перхуров. Общее руководство штабом и союзом в целом осуществлялось Савинковым.

Савинков сетует на трудности работы: «При Николае Втором революционеры должны были опасаться только полиции. При большевиках мы были окружены шпионами-добровольцами (так Савинков именует советских патриотов, преданных революции). Наряду с черносотенными монархистами в союзе было немало лиц, именовавших себя социалистами, — меньшевиков и эсеров. Партийная принадлежность была для нас безразлична... Мы имели право сказать, что у нас нет правых и левых и что мы осуществили «священный союз» во имя любви к отечеству».

Вооруженные выступления против Советской России, убийство руководителей партии и правительства, совершение диверсионных актов — такова была тактика этого «священного союза».

«Я стоял на точке зрения, — показал Савинков, — что если я веду войну, то я веду ее всеми средствами и всеми способами. Наша организация имела в виду всевозможные способы борьбы, вплоть до террористической. Мы считали, что нужно сделать все усилия, чтобы вас свалить. Так что на этот вопрос мой ответ будет совершенно категорическим: в тактическом отношении мы допускали все средства борьбы против вас. Мы имели в виду прежде всего вооруженное восстание, но мы не отказывались и от террористических актов».

Касаясь программы союза, Савинков пояснил, что она в основном сводилась к созыву учредительного собрания. При этом власть должна была осуществляться своего рода диктатурой.

«Председательствующий: Диктатура кого?
Савинков: Это не было указано».

Для всех присутствующих ясно, о какой диктатуре идет речь. И наигранная наивность подсудимого вызывает смех.

К делу приобщены в качестве вещественных доказательств программа союза и изданные им «Обращения к населению». В разделе «Присяга, приносимая при вступлении».

ленин в члены организации «Союз защиты родины и свободы», в частности, говорилось:

«Клянусь и обещаю, не щадя сил своих, ни жизни своей, везде и всюду распространять идею народного «Союза защиты родины и свободы»: воодушевлять недовольных и непокорных Советской власти, объединять их в революционные сообщества, разрушать советское управление и уничтожать опоры власти коммунистов, действуя, где можно, открыто с оружием в руках, где нельзя — тайно, хитростью и лукавством».

Почти все документы, исходящие от имени союза, по собственному признанию Савинкова, были написаны им самим.

Несмотря на строжайшую конспирацию, ВЧК удалось напасть на след союза. Выяснилось, что штаб, действующий под видом больницы, находится в Москве в Молочном переулке. Молниеносно проведенная чекистская операция была успешной.

«30 мая утром, — рассказывает Савинков, — меня вызвали к телефону.

— Кто говорит?

— Сарра (условное обозначение начальника штаба полковника Перхурова).

— В чем дело?

— В больнице эпидемия тифа.

— Есть смертельные случаи?

— Умерли все больные».

Союз перестал существовать. Опять неудача!

Савинков признал, что в 1918 и 1921 годах руководимая им организация готовила террористический акт против В. И. Ленина. Вместе с тем какую-либо связь с эсеркой Каплан, покушавшейся на жизнь В. И. Ленина, Савинков отрицал.

Председательствующий оглашает выдержку из книжки Савинкова «Борьба с большевиками», приобщенной к делу в качестве вещественного доказательства: «...План этот удался только отчасти... Покушение на Ленина удалось лишь наполовину, так как Каплан, ныне расстрелянная, только ранила Ленина, но не убила». Савинков поясняет, что эта фраза неточна, брошюра писалась наспех. Фактически же он ничего не знал о готовящемся покушении и даже не был знаком с Каплан.

В 1921 году Савинков направил в Москву подполков-

ника Свежевского с заданием убить В. И. Ленина. Свежевский был снабжен оружием, деньгами и подложными документами. Бывший начальник террористического отдела штаба Савинкова казачий полковник Гилюрьбов и сам Свежевский (оба впоследствии осуждены) в своих показаниях подтвердили этот факт.

Почему же ни один из террористических актов, замыслившихся Савинковым, не был осуществлен? Савинков так отвечает на этот вопрос:

«Ни один акт не был приведен в исполнение. Попытки слабые были. Был случай. Свежевский. Он говорит, я хочу убить Ленина. Я не верил этому Свежевскому. Он говорит, я еду. Я говорю, поезжай. Понятно, ничего из этого не вышло. Это была попытка с негодными средствами. Разве можно сделать террор при таком разложении...»

Видите ли, граждане судьи, я, старый террорист, знаю, что такое террор... На террор люди идут только тогда и только потому, когда они знают точно, что народ с ними, и именно потому, когда стоишь лицом к лицу с виселицей и когда знаешь, что своему народу послужил, то идешь. Это совершенно необходимо. Только при этих условиях может быть террор, потому что террор требует огромного напряжения душевных сил. А вот этого нет...»

Весьма ценное признание обанкротившегося контрреволюционера!

«Председательствующий: Расскажите подробнее относительно восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме.

Савинков: Вы задаете мне вопрос, на который мне очень печально отвечать...»

План вооруженных выступлений в Ярославле, Рыбинске и Муроме был принят Савинковым под прямым нажимом французского посла Нуланса в целях облегчения высадки англо-французского десанта в Архангельске и последующего продвижения его к Москве. По указанию Савинкова непосредственное руководство мятежами должны были осуществлять: в Ярославле — полковник Перхуров, в Рыбинске — полковник Бреде, в Муроме — меньшевик доктор Григорьев.

Ключом к успеху мятежа был Рыбинск, где имелось много артиллерии. Без этой артиллерии нельзя было рассчитывать на серьезный успех в Ярославле и Муроме.

Поэтому захват Рыбинска явился главной задачей мятежников. Именно туда для общего руководства направился Савинков.

В ночь на 6 июля 1918 года Савинков дал сигнал полковнику Перхурову начать выступление в Ярославле, а 8 июля по его же распоряжению произошли контрреволюционные выступления в Муроме и Рыбинске.

Планам Савинкова не суждено было осуществиться: в Рыбинске мятежники потерпели поражение сразу; Муром они оставили спустя сутки, а в Ярославле смогли добиться лишь временного успеха. Уже через 18 дней Ярославль стал снова советским.

С документами на имя члена большевистской партии Савинков направляется в Казань — условленное место сбора участников организации на случай провала мятежей. В пути он был арестован, но вскоре его освободили. Савинков так описывает свою встречу с председателем ядринского горсовета, оказавшимся в данном случае самым настоящим ротоземем:

«Я написал очень невинный документ. Я написал, что работаю в Наркомпросе, что я послан в Вятскую и Уфимскую губернии для организации колоний пролетарских детей. (Смех в зале.) Арестовали меня случайно. Я явился сам на следующий день и просил указать, где Совет. Явился в Совет, спросил председателя Совета (фамилию его я узнал у красноармейца) и сказал, что я очень рад, что у него в городе такой порядок, потому что, как только появилось неизвестное лицо, его сейчас же арестовали, что я его поздравляю с этим порядком и когда вернусь в Петроград или в Москву, то доложу об этом. Он был очень доволен этим и стал читать мой документ, а в этом документе я написал, что Наркомпрос просит оказать мне всякое содействие. Когда он дошел до этого места, он спросил меня, что именно мне надо. Я, подумав, сказал: «Видите ли, вы меня арестовали, вышло недоразумение. Я с петроградским документом. Если вы выдадите мне ваш документ, то в ближайшее время я не рискую». Он приказал выдать хороший документ, а потом спросил, хочу ли я денег. Я ответил — нет. Затем я спросил, каким образом пробираться через ваш фронт. Потом по его приказанию мне помогли купить лошадь, и я уехал».

Желая непосредственно участвовать в боевых действиях против Красной Армии, Савинков уезжает из Ка-

зани в отряд генерала Каппеля, прославившегося своей жестокостью. Те, кто видел кинофильм «Чапаев», помнят кашпелевцев — этих молодчиков с эмблемами на рукаве в виде черепа и двух скрещенных костей, идущих в «психическую» атаку на чапаевские позиции.

«Член суда: Когда вы были в отряде Каппеля, расстреливали там пленных красноармейцев?»

Савинков: Только тех, которые были добровольцами.

Член суда: А как вы определяли, доброволец или нет?

Савинков: По их сознанию...»

Яснее не скажешь: каждый, кто не хотел стать предателем, подлежал расстрелу!

С конца 1918 года Савинков — представитель «правительства» Колчака в Париже. Здесь он выступает в роли ходатая перед буржуазными правительствами о предоставлении материальных средств для белогвардейских армий и, кроме того, руководит печатным пропагандистским органом Колчака «Унион». В этой должности он находится до разгрома Колчака частями Красной Армии.

«Председательствующий: Куда вы направились после ликвидации армии Колчака и прекращения вашей миссии в качестве его представителя?»

Савинков: После ликвидации Колчака я оставался в Париже. В это время в Париж приехал от Пилсудского Вензегольский, который сообщил мне, что Пилсудский хочет меня видеть. Это было в январе 1920 года. В Варшаве я был принят Пилсудским. Пилсудский сказал мне, что было бы желательно сформировать русскую часть на польской территории».

Возглавив белогвардейский «Русский политический комитет», Савинков на средства поляков и французов сформировал так называемую «русскую народную армию» под командованием генералов Перемыкина и двух братьев Булак-Балаховичей, а осенью 1920 года, после заключения советско-польского перемирия, лично принял участие в походе Булак-Балаховича на Мозырь. Но и этот поход, как и все другие наскоки на молодую Советскую Республику, окончился плачевно.

«Председательствующий: Кого вы считаете ответственным за весь поход — трех генералов, иностранцев или себя?»

Савинков: Во-первых, отвечаю я, потому что я сформировал эти части. А потом отвечают, кощечно, все. И эти генералы отвечают, и союзники отвечают».

Убедившись в невозможности свергнуть Советскую власть с помощью вооруженных походов извне, Савинков делает попытку подорвать ее изнутри, с помощью так называемого «зеленого (крестьянского) движения». «Цель моя, — поясняет Савинков, — была такова, чтобы попытаться придать более или менее организованную форму «зеленому движению», попытаться вызвать большое массовое крестьянское восстание, посылать людей в Россию именно с этими задачами...»

Для руководства «зеленым движением» Савинков в начале 1921 года создает «информационное бюро РКП», одна из основных задач которого состояла в сборе военно-разведывательных данных о Советской Республике.

«Председательствующий: Имел ли место систематический, постоянный обмен документами между информационным бюро, польским генеральным штабом и французской военной миссией?»

Савинков: Он имел место, но вопрос только в том, какие документы передавались и когда передавались. Мы были у них в руках.

Председательствующий: Кроме работы разведывательного характера занималось информационное бюро также посылкой людей для ведения агитации?»

Савинков: Да, для ведения массовой работы среди крестьянства. Мы верили, что крестьянство не с вами и что можно организовать «зеленое движение» и поднять массовое крестьянское восстание».

С июня 1921 года до 1923 года Савинков, возглавляя вновь восстановленный им «Союз защиты родины и свободы», неоднократно засылал на территорию Советской России вооруженные отряды, которые совершали налеты на исполкомы, кооперативы, склады, пускали под откос поезда, убивали советских работников, собирали сведения военного характера для передачи польской и французской разведкам.

В 1921—1923 годах, как установил суд, органами ВЧК — ОГПУ было ликвидировано на советской территории множество ячеек савинковского союза с числом членов свыше 500 человек. Все они занимались вредительско-шпионской деятельностью.

Савинков признает, что его борьба с Советской властью субсидировалась иностранцами; в суде он прямо заявил, что без опоры на иностранцев они воевать не могли.

От французского посла Нуланса Савинков получил 2 миллиона франков на организацию вооруженных выступлений в Ярославле, Рыбинске и Муроме; от будущего президента Чехословакии демократа Масарика Савинкову было передано 200 тысяч рублей на подготовку террористических актов против руководителей Советского правительства; от правительства Англии Савинков получал в большом количестве оружие и снаряжение для денкинской и колчаковской армий.

«Председательствующий: Что же реально удалось получить для армии Колчака?»

Савинков: Для армии Колчака и армии Деникина удалось реально получить чрезвычайно много, но не в Париже, а в Лондоне. Вы знаете, как Деникин был снаряжен. Я думаю, что добрая половина того, что он получил (другой вопрос, что он с этим сделал), была получена благодаря тому, что мы, в частности я, околичивали пороги в Англии».

Сформированная Савинковым так называемая «русская народная армия» была обучена, обмундирована и вооружена за счет средств панской Польши.

Кроме того, в 1921—1922 годах савинковская организация за продажу разведывательных данных о Советской Республике ежемесячно получала от французской миссии в Варшаве полтора миллиона и от 2-го отдела польского генерального штаба — 500—600 тысяч польских злотых.

В казну к Савинкову шли также поступления от отдельных «благотворителей» — от диктатора Польши Пилсудского, бывшего царского министра Маклакова, от нефтяного короля миллионера Нобеля, от министра иностранных дел Чехословакии Бенеша...

Савинков не отрицает, что, давая деньги, иностранцы преследовали цели, далекие от интересов русского народа, а на него и ему подобных «вождей» белого движения смотрели как на своих покорных слуг. «Кто платит, тот заказывает музыку» — гласит пословица.

Савинков вспоминает, как военный министр Англии Черчилль, ткнув пальцем на флажки, обозначающие на

карте расположение войск Деникина, сказал: «Вот это моя армия».

«Председательствующий: Вы что-нибудь ответили на эту фразу?»

Савинков: Я ничего не ответил... Я хотел выйти, но тогда представил себе, что вот я сижу в Париже, а там, на далеком фронте, русские добровольцы ходят разутые, и вот, если я хлопну дверью и выйду со скандалом из этого кабинета, они будут ходить без сапог...»

Касаясь целей «союзников», Савинков показал:

«Англичане очень упорно, очень много говорили со мной о том, что желательно образовать «независимый» юго-восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья. Говорили о том, что этот союз должен быть только началом, что потом с ним должен объединиться Азербайджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти... в их интересах было, чтобы Россия была истощена возможно больше и чтобы сделать из России свою колонию».

Не оспаривая своей враждебной деятельности против Советской Республики (с фактами спорить трудно), Савинков вместе с тем пытается найти для себя оправдание с точки зрения нравственности и морали. Тщетные усилия!

«Я, Борис Савинков, — патетически восклицает он, — бывший член Военной организации ПСР, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках. Как могло это случиться?»

Итак, Савинков — «слуга народа», «всю жизнь работавший только для народа!» То, что он и его друзья жгли и разрушали города и деревни, заливая их кровью этого самого народа, и делали это за деньги, по указке и в интересах иностранных капиталистов, Савинков квалифицирует не как преступление, а как свои «прегрешения», «ошибки», да еще несознательные! «Я подчеркиваю, — говорил он, — моя невольная вина перед русским народом, вольной вины за мной нет».

Савинков не жалеет усилий, чтобы предстать в образе этакого разочарованного, не понятого ни белыми, ни крас-

ными, всегда и во всем сомневающегося романтика, стоявшего выше грязных и кровавых дел, творимых его приспешниками. По словам Савинкова, монархисты и другие правые элементы ненавидели его, не доверяли ему, всеми способами, вплоть до покушений, старались от него избавиться. Оставим в стороне подлинные чувства, питаемые к Савинкову некоторыми из его соучастников. Весьма возможно, что кое-кому из крайне правых группировок монархистов-черносотенцев он даже казался слишком левым. Несравненно важнее другое. Действительный Савинков ничего общего не имеет с нарисованным им образом отчаявшегося и раздираемого сомнениями интеллигента, пешкой в чьих-то руках.

Савинков все время находится на гребне контрреволюционной волны, на самой ее вершине. Не кто иной, как Савинков, создает и руководит многочисленной разветвленной подпольной контрреволюционной организацией «Союз защиты родины и свободы», организует вооруженные мятежи в Ярославле, Рыбинске и Муроме, представляет силы контрреволюции за границей, выколачивает у буржуазных правительств средства на артиллерию, пулеметы, сапоги и штаны для солдат Колчака и Деникина. Именно Савинкову поручено формирование так называемой «русской народной армии». Это он, Савинков, явился вдохновителем «зеленого движения», это к нему уже после разгрома походов Антанты протягиваются нити заговоров, террористических актов и других преступлений, совершаемых его единомышленниками на советской территории.

Разумеется, Савинков, как человек наблюдательный, отлично видит разложение в стане врагов Советской власти, генеральскую грызню, подлинное отношение народных масс к вождям контрреволюции.

«Я помню, — рассказывал Савинков, — как я зашел в белорусскую деревню, где-то во мху, в лесу. Ко мне подошли крестьяне... Я помню, задал такой вопрос: «Врангеля вы знаете?» Имеете в виду, что я-то во Врангеля верил, во Врангеля эмиграция верила, во Врангеля иностранцы верили. Помню, стоял там седой старик, посмотрел и говорит: «Как же, Врангеля знаю». — «Что же вы думаете о нем?» Он махнул рукой и говорит: «Пан... И тогда для меня совершенно и безусловно стало ясно, что Врангеля нет. Тогда я задал ему другой вопрос: «А Ке-

ренского помните?» — «Да, — говорит, — помню». Я спрашиваю: «Что же, к Керенскому как вы относитесь?» А он тоже махнул рукой и сказал: «Пустозвон».

И не то меня ранило, что я шел походом, что я послал русскую пулю и надо мной свистели тоже русские пули, — меня глубочайше, до конца ранили вот эти беседы с крестьянами...

И что же? Савинков после этого сложил оружие и прекратил борьбу против Советской России? Отнюдь нет.

Неудачи и поражения не могут убедить Савинкова в бесполезности борьбы. Каждый раз его изворотливый ум рождает очередной план, а воля и азарт мобилизуют его энергию на продолжение борьбы, на новые авантюры.

Соображения морального порядка не смущают его: ведь цель оправдывает средства! К тому же какое широкое поле деятельности открывается для его натуры игрока и авантюриста: заговоры, покушения, интриги, игра со смертью — и в центре всего он, Борис Савинков! И какое значение имеет то, что во имя этого ненасытного честолюбия убивают, калечат, жгут и разрушают... Лес рубят — щепки летят!

Между тем времена изменились: мятежи подавлены, армии Колчака, Деникина и Врангеля разгромлены Красной Армией, Пилсудский запросил мира. Нануганные подъемом революционного движения, буржуазные правители не рискуют предпринять новую интервенцию. Поговаривают о переговорах и о признании Советской Республики...

Что же Савинков? Все меньше поступлений в кассу его организации: торговля развединформацией идет туго, все скуднее сведения, все труднее их добывать на советской территории. Сам Савинков занимает скромную квартиру в Париже и вынужден вести мирную жизнь обывателя.

«День его, — показывает один из друзей Савинкова Павловский, — распределен следующим образом. Встает он часов в 8, каждое утро отправляется в парикмахерскую бриться. Из парикмахерской возвращается домой и завтракает. За завтраком бывали почти ежедневно я, иногда Любовь Ефимовна (Дикгоф-Деренталь. — Н. П.), изредка заходил Фюрстенберг. Часов до 2 бывает дома, а затем перед обедом ходит на прогулку минут на 10. По возвращении пишет корреспонденцию и роман из современной войны... Часов в 5 идет обедать, определенного

места не имеет, часов в 9 вечера иногда отправляется к Дикгоф-Деренталям, откуда возвращается домой часов в 12 ночи».

И все это после бурной, полной приключениями жизни недавнего прошлого!

Нет, Савинков уже не в центре политических событий, а где-то на их обочине. Жизнь идет мимо него. Буржуазные правители теперь уже неохотно принимают его у себя. Савинков слишком одиозная фигура, это может стоить им популярности. Не оправдались надежды Савинкова и на Муссолини. В ходе их встречи, проходившей в обстановке строгой секретности, Савинкову ничего не удалось добиться от велеблудного дуче, кроме уклончивых ответов и обмена любезностями. А он так рассчитывал на фашистов! «...Думал, что здесь будет поддержка бескорыстием. Я говорил себе, что положение создается в Европе такое, что либо коммунизм, либо фашизм — посредине болото. Муссолини никакой помощи мне не дал».

Видимо, именно здесь, в сложившейся к этому времени общей ситуации, и надо искать ключ к пониманию того, что в немалой степени способствовало его отрезвлению, или, вернее, осознанию бесполезности дальнейшей борьбы с Советской властью.

Впрочем, о том, почему Савинков признал Советскую власть, лучше всего сказал он сам в последнем слове.

«Граждане судьи, я знаю ваш приговор заранее. Я жизнью не дорожу и смерти не боюсь. Вы видели, что на следствии я не старался ни в какой степени уменьшить своей ответственности или возложить ее на кого бы то ни было другого... Я боюсь только одного, потому что, как я сказал, с этим тяжело жить, с этим еще тяжелее умирать. Я боюсь того, что найдутся в России крестьяне или рабочие, которые не поймут меня, которые не поймут моей жизни и которые подумают, что я был врагом народа. Вот это неправда. Я заблуждался. Я сделал роковую ошибку вначале... Как случилось, граждане судьи, что я пошел против вас, красных, против рабоче-крестьянской власти? Как могло это случиться?»

...Я жил под стеклянным колпаком без имени, без семьи, без дома, каждую минуту под угрозой. Так я жил долго, до 1911-го, а с 1911 года — эмиграция. Но что такое эмиграция? Ведь эмиграция — тот же самый стеклянный колпак. С первым же пароходом, как только пришли пер-

вые вести о революции, я приехал в Россию, ничего о ней не зная. Боевая организация и эмигрантская жизнь — вот весь мой опыт. И когда случился ваш переворот, я пошел против вас. Вот роковая ошибка, вот роковое заблуждение. Я в дальнейшем боролся против вас, исходя из этой ошибки. Что делать, судьба дала мне неукротимую энергию и сердце революционера. Вот я и шел до тех пор, пока не убедился в своей ошибке. Я считал: красные — захватчики власти, народ — крестьяне и рабочие — их не хотят. И поскольку я думал, что народ против вас, постольку моя обязанность была бороться с вами.

Теперь, граждане судьи, я вам и расскажу, как я пришел к осознанию своей ошибки. Я вам давал свои показания, я не скрыл от вас ничего. Ну, что же? Сначала Дон, генералы, тайное «боже, царя храни», сплетни, интриги, помещики, буржуа — вот начало белого движения, то начало, о котором я говорил, тот штык, которым офицер замахнулся на генерала Алексеева. Вот, сначала Дон и первое глубокое и острое разочарование, не осознанное еще, а затем дальше Ярославль, бесплодная и кровавая попытка, и французы. Дальше Казань, казанская керенщина, малодушие и растерянность и пустозвонные слова...

...Дальше Колчак, все то, что делалось у него, и умолчание об этом. Я в Париже представляю его. И опять чиновничество, и опять зависть и сплетни, сплетни и молчание и равнодушие к народу. Потом — Варшава, поход Перемыкина и Балаховича, все то, что я рассказал, все то, что не давало мне покоя в мои бессонные ночи. И изо дня в день накапливалась эта горькая острота сознания, что да, здесь я ошибся. А над всем этим иностранцы, иностранцы и опять иностранцы; над всем этим сознание того, что я, русский, любящий свою Родину, в руках иностранцев, людей, которые ненавидят ее.

Медленно, шаг за шагом, приходил я к мысли, той страшной, ужасной для меня мысли: а что, если я ошибся? а что, если действительно народ — рабочий и крестьянин — с ними?.. Ведь не может же быть, чтобы все попытки кончались неудачей только потому, что у нас программа несовершенна, или тактическую ошибку сделали, или тот не исполнил приказания, а этот перепутал. Не может же быть, чтобы поэтому... Ведь и у красных, в особенности вначале, был развал, однако они нас побеждали, а не мы их. Должна же быть более глубокая, более

решающая причина... Где же она, в чем же она? Я вам говорю — я искал ее, я бился над нею, я подходил к ней и... я не смел найти ее.

И я начал тяготиться одной мыслью — о ней я уже говорил, — я сказал себе: чего бы это ни стоило, чем бы я ни рисковал, я должен приехать в Россию. Я не мог оставаться там и спокойно сидеть в Париже. Я мог бы участвовать в различных заседаниях и комитетах, я мог бы на словах решать вопрос о русской жизни, о русской революции. Этого я делать не хотел и сказал себе: будь что будет, но поеду сюда, к себе на Родину, я увижу мой родной народ, я увижу своими глазами, я услышу своими ушами, что делается. И я тогда решу... Как я вам уже говорил, я пришел к этому не сейчас и не вчера, а больше года тому назад. Вы же меня судите, как хотите, и делайте со мною, что хотите. Но я вам говорю: после тяжелой и долгой, кровавой борьбы с вами, борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие и многие другие, я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому что за мной стоят с винтовками за спиной, — я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой. И каждому русскому, каждому человеку, который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжкую борьбу с вами, я, отрицавший вас, как никто, говорю ему: если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок. Вот то, что я вам говорю. И я имею право это сказать, ибо рассказал вам, каким путем я к этому пришел. Что я могу еще прибавить? Мне нечего прибавить к тому, что я сказал. Я могу сказать еще только одно: вы будете выносить ваш приговор. Я не ищу никакого снисхождения, но я прошу вас помнить, и пусть революционная совесть ваша напомнит вам об этом, что перед вами стоит честный человек, который никогда личным для себя ничего не искал и ничего не хотел, который не раз, и не два, и не десять раз лез головой в петлю за русский рабочий народ и отдал свою молодость за это. Пусть ваша революционная совесть напомнит вам, что для того чтобы я, Борис Савинков, здесь сказал вам то, что я говорю, что я признаю безоговорочно Советскую власть, для этого нужно было мне, Борису Савинкову, пережить неизмеримо больше того, на что вы можете меня осудить».

В 1 час 15 минут ночи 29 августа 1924 года председательствующий огласил приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Суд признал Савинкова виновным:

— в организации контрреволюционных восстаний в 1918—1922 годах;

— в сношении с представителями Польши, Франции и Англии в целях организации вооруженных выступлений на территории РСФСР в 1918—1920 годах;

— в организации террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства в 1918—1921 годах;

— в руководстве военным шпионажем в пользу Польши и Франции с 1921 по 1923 год;

— в ведении письменной и устной антисоветской агитации и пропаганды в 1918—1923 годах;

— в организации банд для нападений на советские учреждения, кооперативы, поезда и т. д. в 1921—1922 годах;

т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58 ч. I, 59, 14—64, 66 ч. I, 70 и 76 УК РСФСР (редакция 1922 года), и по совокупности преступлений приговорил к высшей мере наказания — расстрелу.

Одновременно суд, приняв во внимание чистосердечное раскаяние Савинкова, его полное отречение от целей и методов контрреволюционного и антисоветского движения, разоблачение им интервенционистов и его готовность искренней и честной работой загладить свои преступления перед трудящимися, постановил возбудить ходатайство перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении приговора.

Уже упоминавшийся выше Георгий Гаврилович Кушнирюк так объясняет мотивы, которыми руководствовался суд при возбуждении ходатайства о смягчении наказания Савинкову.

«...Несомненно, что начиная с 1923 года Савинков стал отходить в сторону от активного руководства вооруженной борьбой с Советской властью.

Нам было совершенно ясно, что Борис Савинков, чьи предприятия против Советской Республики постоянно и неизменно на протяжении шести лет разбивались и кончались неудачей, окончательно разуверился в возможности свержения Советской власти как извне, так и изнутри, как путем интервенции, так и с помощью белых, зеленых и т. д.

И поэтому, когда Савинков заявил на суде, что он понял бесплодность борьбы с Советами, в этом пункте своих объяснений он, несомненно, искренен.

Поскольку Савинков признал полную бесполезность и никчемность дальнейшей борьбы, он, естественно, должен был прийти к выводу о необходимости признания Советской власти. Конечно, вопрос остается открытым — решил ли это сделать Савинков год назад в Париже, как он сам заявил на суде, или же только теперь, после своего ареста... Безусловно, в этом вопросе искренность Савинкова находится под очень большим сомнением.

Однако важнее, на мой взгляд, другое: Борис Савинков, один из самых непримиримых и активнейших наших врагов, открыто заявил, что вся его борьба была ошибкой и заблуждением, что он отказывается от дальнейшей борьбы и безоговорочно признает Советскую власть. Более того, он не только сам признал Советскую власть, но и призвал своих бывших союзников последовать его примеру...»

Ходатайство Военной коллегии Верховного Суда СССР было удовлетворено. Вот постановление Президиума ЦИК Союза ССР:

«Рассмотрев ходатайство Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР о смягчении меры наказания в отношении к осужденному к высшей мере наказания гр. Б. В. Савинкову и признавая, что после полного отказа Савинкова, констатированного судом, от какой бы то ни было борьбы с Советской властью и после его заявления о готовности честно служить трудовому народу под руководством установленной Октябрьской революцией власти, применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного правопорядка, и полагая, что мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетарских масс, Президиум ЦИК Союза ССР постановляет:

удовлетворить ходатайство Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР и заменить осужденному Б. В. Савинкову высшую меру наказания лишением свободы сроком на десять (10) лет».

В тюрьме Савинков много занимается литературным трудом. Некоторые его письма к эмигрантам, в том числе родственникам и бывшим единомышленникам, а ныне ожесточенным критикам, интересны для нас как свиде-

тельство дальнейшей эволюции взглядов Савинкова, как осуждение и разоблачение белой эмиграции.

«Дорогой друг Илюша (эсер Фундаминский — близкий друг Савинкова. — *Н. П.*). Пищу Вам «друг», хотя черт Вас знает, может быть, я в Ваших глазах и «Иуда» и «Азеф», предатель и проч... Я прибыл в Россию и (по заслугам) был судим Советским Верховным Судом. Теперь я сижу в тюрьме и знаю о России, конечно, мало, но все-таки неизмеримо больше, чем знал, чем знаете Вы. В России выросло новое поколение, в сущности, именно оно и сделало революцию... Оно не допустит возврата к старому строю в каком бы то ни было виде... Вот это надо запомнить и перестать мечтать о «спасении» России, да еще при помощи иностранцев... т. е. при помощи штыков и денег...»

Далее Савинков пишет о советской действительности:

«...Страна поднимается: поля засеваются, фабрики работают, кооперативы (огромная сеть) и лавки торгуют, и с каждым месяцем жизнь становится не труднее, а легче. Настал период созидания, и в этом созидании огромную роль играет РКП... Рабочий и крестьянин действительно стали свободными. Дорогой Илюша, ведь мы об этом мечтали в ПСР. Ведь для этого и боролись при царе...»

«...В тюрьме мне стало окончательно ясно, что не я был прав на суде и что не изображать Виктора Гюго надо, а склониться перед народной волей и, если возможно, как-нибудь замолить свои грехи перед народом. Поверьте, песнь эмиграции снесена, и о ней уже речи не может быть...»

Свое письмо к Д. С. Пасмашику (также один из друзей Савинкова) Савинков заканчивает словами:

«...Я убежден, что не сегодня, так завтра все бескорыстные и честные эмигранты, и Вы в том числе, поймете, что жизнь повелевает признать Советскую власть и работать совместно с нею. А не поймете, так останетесь доживать свои дни в изгнании, питаюсь «Последними новостями» и ненавижу коммунистов, прежде всего за свои, а не за их ошибки».

Ту же мысль находим мы и в письме Савинкова к своей сестре Вере Викторовне Мягковой. «...А правда в том, что не большевики, а русский народ выбросил нас за границу, что мы боролись не против большевиков, а против народа... Когда-нибудь ты это поймешь, поймут даже Вик-

тор и Соня (брат и сестра Савинкова. — *Н. П.*), поймут даже эмигрантские вожди...»

7 мая 1925 года Савинков покончил жизнь самоубийством. В официальном сообщении о смерти Савинкова говорилось:

«7 мая Борис Савинков покончил с собой самоубийством. В этот день утром Савинков обратился к т. Дзержинскому с письмом относительно своего освобождения.

Получив от администрации тюрьмы предварительный ответ о малой вероятности пересмотра приговора Верховного Суда, Б. Савинков, воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился по возвращении с прогулки, выбросился из окна 5-го этажа во двор и разбился насмерть.

Вызванные врачи, в присутствии помощника прокурора Республики, констатировали моментальную смерть».

Что толкнуло Савинкова на этот шаг? Груз ли прошлого довлел над ним и мешал ему найти свое место в новой жизни, осознание своей бесполезности как для новой жизни, так и для борьбы с ней, или, быть может, желание эффектно уйти со сцены — его последний театральный жест! Кто знает...

С тех пор прошло почти 50 лет, однако дело Бориса Савинкова все еще не потеряло своей общественной значимости. В последнее время появилось несколько литературных произведений и кинофильмов, в которых изображается Б. Савинков. Причина тому — не только в необыкновенной судьбе этого незаурядного авантюриста, «артиста авантюры», как его называл А. В. Луначарский. Жизненный путь и эволюция Савинкова во многом типичны для части русской интеллигенции мелкобуржуазного происхождения. Для молодого поколения дело Савинкова — еще одна, пока не всем известная страница в истории борьбы отцов за победу и за упрочение советского строя.

— ☆ —

ДЕЛО ВЛАСОВА И ДРУГИХ

2 августа 1946 года в советской печати было опубликовано сообщение об осуждении Военной коллегией Верховного Суда СССР к смертной казни через повешение изменников Родины Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Г. Н., Трухина Г. И., Закутного Д. Е., Благовещенского А. И., Меандрова М. А., Мальцева В. И., Буяченко С. К., Зверева Г. А., Корбукова В. Д. и Шатова Н. С. Они признаны виновными в том, что, оказавшись в период Великой Отечественной войны в плену у противника, нарушили воинскую присягу, изменили Родине и по заданию руководителей гитлеровского правительства вели активную вооруженную борьбу против СССР. В 1944 году Власов, Жиленков, Трухин, Малышкин, Закутний, Меандров, Буяченко и другие вошли в созданный немцами так называемый «Комитет освобождения народов России» (КОНР), приступили к организации из числа бывших белогвардейцев, уголовников, националистов и прочих антисоветских элементов воинских частей, наименовав их «Русской освободительной армией» (РОА). Власов и его сообщники ставили своей конечной целью свержение Советской власти и ликвидацию социалистического строя. Для проведения преступной деятельности Власов и его соучастники получали необходимые им материальные средства и вооружение от немецко-фашистского командования. Всей их практической деятельностью руководил Гиммлер.

Приговор, вынесенный изменникам Родины, содержит лишь вывод из многотомного дела, дает политическую и юридическую оценку совершенных преступлений. Цель настоящей статьи — осветить некоторые подробности и детали этих чудовищных злодеяний.

Власов в момент сдачи в плен был заместителем командующего войсками Волховского фронта и одновременно командующим 2-й ударной армией этого фронта. В плен Власов попал 13 июля 1942 года и после первого допроса был представлен командующему немецкой группой армий «Север» генерал-полковнику Линдеманну. Вскоре он был отправлен в лагерь военнопленных в Виннице. Этот лагерь находился в ведении разведки германской армии, в нем содержались военнопленные, представлявшие для гитлеровцев определенный интерес.

В этом лагере с Власовым проводили беседы представители разведки и отдела пропаганды главного командования сухопутных войск гитлеровской армии. Они предложили Власову принять участие в борьбе против Советского Союза. Уговаривать Власова пришлось не долго. На суде в 1946 году Власов показал, что он сам полковнику Ронне и капитану Штрикфельду высказал мысль, что для русских, которые хотят воевать против Советской власти, нужно дать какое-то политическое обоснование их действий, создать видимость «русского правительства».

3 августа 1942 года Власов вместе с изменником Родины полковником Боярским обратился к германским военным властям с письмом и предложил создать центр формирования антисоветской армии. «Это мероприятие, — писал в то время Власов, — легализует выступление против России и устранил мысль о предательстве, тяготящую военнопленных и лиц, находящихся на оккупированных областях». «Мы считаем своим долгом, — заявил Власов, — перед нашим народом и перед фюрером, провозгласившим идею создания новой Европы, довести вышесказанное до сведения верховного командования и тем самым внести свой вклад в дело осуществления упомянутой идеи».

7 августа 1942 года Власов встретился с представителем министерства иностранных дел Германии Хильгером, который до войны был советником германского посольства в Москве. В беседе с ним Власов сформулировал свою изменническую идею: «Чтобы добиться победы над Советским Союзом, нужно ввести в бой против Красной Армии военнопленных. Ничто не подействует на красноармейцев так сильно, как выступление русских соединений на стороне немецких войск...»

Хильгер и Власов обсудили вопрос о создании органа, который после победы Германии над Советским Союзом (собеседники в этом не сомневались) должен быть преобразован в русское правительство, а также о территориях СССР, которые должны отойти к Германии. Уже тогда было оговорено, что вся Украина, Крым и Прибалтика должны будут войти в состав германского государства. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в немецкую империю.

После встречи Власов написал листовку, в которой утверждал, что война Россией проиграна, и призывал к свержению Советского правительства.

В октябре 1942 года Власова перевели в берлинский лагерь, где сосредоточивались злейшие предатели советского народа. Там он встретился со своими будущими сообщниками Малышкиным, Благоевщенским и другими. «Я им рассказал о своем намерении начать борьбу против большевиков, создать русское национальное правительство и приступить к формированию добровольческой армии для ведения вооруженной борьбы с Советской властью, — показал Власов в суде. — Малышкин, Благоевщенский поддержали меня...»

Предложение Власова о создании «политического центра» поддержал Гиммлер. Был создан «Русский комитет». В него вошли Власов (председатель), Малышкин (секретарь), Зыков и Жиленков (члены).

27 декабря 1942 года комитет издал обращение к бойцам и командирам Красной Армии и всему русскому народу. Оно было размножено миллионным тиражом, распространялось среди советских военнопленных и граждан на оккупированной немцами территории, разбрасывалось на фронтах. Характерна такая деталь: комитет находился в Берлине, а в обращении говорилось, что его местопребывание — Смоленск. Это было сделано для того, чтобы создать видимость, будто комитет образован русскими на своей территории, а не фашистами в Берлине.

Изменник Родины Мальцев, активно помогавший оккупантам в Крыму, прочитав обращение комитета, пожелал присоединиться к Власову, но долго не мог разыскать его, так как искал на Смоленщине.

Подавляющее большинство советских граждан, попавших в беду и оказавшихся в руках немецких захватчиков, не поддавалось никаким уговорам, агитации, при-

нуждению и не шло на службу к фашистам даже под страхом смерти.

Некоторая часть военнопленных и жителей оккупированных областей давала согласие идти в «ост-легионы» из-за нечеловеческих условий, в которых советские люди находились у немцев. Многие при первой же возможности переходили на сторону советских войск.

Гитлеровское командование и органы разведки поручили Власову попытаться склонить на свою сторону генералов Красной Армии, попавших в плен. В декабре 1942 года немцы организовали встречу Власова с военнопленными советскими генералами, в том числе с бывшим командующим 19-й армией генерал-лейтенантом М. Ф. Лукиным. Все военнопленные генералы содержались в тяжелых лагерных условиях, но они и не помышляли о том, чтобы участвовать в антисоветской борьбе. Генерал М. Ф. Лукин, находившийся в особо тяжелых условиях (у него была ампутирована нога и не действовала рука), заявил Власову, что он никогда не изменит своей Родине, ненавидит гитлеровцев и никогда служить у них не будет.

Попытки «угovorить» предпринимались и другими сообщниками Власова. Так, Трухин в суде показал: «С Михаилом Федоровичем Лукиным я знаком примерно с 1925 года. Мне пришлось служить вместе с ним в Украинском округе. Затем Лукин был переведен на службу в Москву, где он впоследствии стал комендантом города. Находясь в лагере Вустрау в качестве руководителя курсов восточного министерства, я узнал, что М. Ф. Лукин содержится в Питенхорсте, и выехал к нему. При встрече Лукин произвел на меня впечатление сильно истощенного и пострадавшего человека. Я сообщил, что из плена освобожден и состою на службе у немцев. Лукин в ответ высказал свое враждебное отношение к фашистам и уверенность в победе Красной Армии.

Позднее я узнал, что Лукин за отказ перейти на сторону немцев переведен во французский лагерь военнопленных и содержится там на общем положении. Договорившись с немецкой администрацией о размещении Лукина в Дабендорфе, я послал Лукину письмо, в котором приглашал его приехать в Дабендорф. Лукин ответа мне не написал, но в устной форме через офицера передал, что предпочитает оставаться в лагере военнопленных».

Попытки склонить к измене советских людей сделал и Благовещенский. Он «вел переговоры» с генералами Сотенским, Добросердовым, Алавердовым, Никитиным. Они категорически отказались.

И Власов выезжал во многие районы и выступал с докладами. В марте — апреле 1943 года он, в частности, выезжал в Смоленск, Оршу и Могилев и по возвращении оттуда высказал недовольство тем, «что не смог убедить людей в правоте своего дела» (из показаний Малышкина).

* * *

Активными соучастниками Власова были Жиленков, Трухин, Благовещенский, Закутний, Малышкин, Мальцев, Буняченко, Зверев, Корбуков, Меандров и Шатов.

Так, например, Жиленков, попавший в плен в октябре 1941 года, зарекомендовал себя злейшим врагом советского народа, готовым ради шкурных и карьеристских интересов пойти на что угодно. Он разработал обширный план борьбы с Советской властью, в котором было предусмотрено создание немцами «русского правительства» и «новой партии». Жиленков одно время служил в отделе пропаганды сухопутных войск немецкой армии. Он составлял и редактировал антисоветские листовки и брошюры, вносил одно предложение за другим. Даже беглого ознакомления с ними достаточно, чтобы убедиться в его исключительном раболепстве перед фашистами. 26 мая 1943 года Жиленков внес предложение и разработал план формирования и подготовки «гвардейской ударной бригады». В задачу этой бригады помимо вооруженной борьбы с Красной Армией должно было входить проведение на территории СССР террористических и диверсионных актов.

Трухин, Благовещенский и Закутний, встретившись в октябре 1941 года в Хаммельсбургском лагере, при заполнении анкеты утвердительно ответили на вопрос, желают ли они вести борьбу против Советского государства. Вскоре Закутний был принят на работу в германское министерство пропаганды, а Трухин и Благовещенский, вступив в созданную фашистами «Русскую трудовую народную партию», вошли в ее руководящий состав и активно участвовали в работе.

Трухин в суде показал, что, несмотря на большую агит-

тационную работу и опубликование программы РТНП, желающих вступить в эту партию оказалось очень мало. «...Тогда мы прибегли к хитрости: стали говорить, что только членам этой партии дадут работу вне лагеря. Поскольку условия в лагере были очень тяжелыми, люди стали вступать в РТНП».

Трухин разработал специальное положение о военном отделе этой партии, в котором предусматривалось ведение борьбы с Советской властью путем засылки в тыл Красной Армии групп для проведения разложившейся работы, диверсий на коммуникациях и т. п. В положении содержалось также предложение о целесообразности переброски на советский фронт немецких войск из Франции, Бельгии, Голландии и с Балкан после замены их военными отрядами, сформированными из советских военнопленных.

За эти «заслуги» Трухину 5 декабря 1941 года было выдано удостоверение, подтверждающее его верность гитлеровцам. В апреле 1942 года немцы назначили Трухина комендантом Цитенхорского лагеря советских военнопленных.

Благовещенский еще в сентябре 1941 года подготовил следующее письмо: «Мы, группа советских генералов, просим Верховное командование германской армии дать нам возможность сформировать из числа русских военнопленных воинские части, дабы затем, возглавив их командование, вместе с германскими войсками принять участие на фронте в вооруженной борьбе с Советской властью».

Вступив вскоре в РТНП, Благовещенский организовал работу по выявлению среди военнопленных политработников и лиц, враждебно относившихся к немцам. В своих показаниях Благовещенский пояснил, что к февралю 1942 года членами РТНП было выявлено более 2 тысяч таких лиц. Все они были выданы врагу и уничтожены.

Буняченко, добровольно перешедший на сторону гитлеровцев, передал им партийный билет, удостоверение личности, расчетную книжку и сообщил секретные сведения о советских войсках. Присягнув на верность Германии, Буняченко стал работать преподавателем тактики на курсах подготовки офицеров при штабе белоказаков. Не прошло и года, как Буняченко за усердие по службе был награжден гитлеровцами бронзовой медалью. Вторую медаль он получил от генерала Штольберга, ведавшего под-

готовкой «добровольческих» частей на территории оккупированной Франции. Вскоре Буняченко получил и третью награду — Железный крест II класса за успешное переформирование разбитых «добровольческих» отрядов. Впоследствии Буняченко было поручено формирование 1-й дивизии РОА, командиром которой он был назначен.

Мальцев, прибыв в сентябре 1943 года из Ялты, где он был бургомистром, в Мариенфельд, активно включился в вербовку пленных летчиков. С этой целью он выезжал в лагерь военнопленных.

Одновременно Мальцев занимался вербовкой военнопленных на власовские курсы пропагандистов в Дабендорфе, а также создал отдел безопасности, который выявлял среди завербованных неблагонадежных для фашистов и власовцев лиц. К 15 апреля 1945 года в отделе безопасности содержалось 18 арестованных, из которых 6 по докладу Мальцева и с санкции Власова в тот же день были расстреляны.

За верную службу фашистской Германии предатель Мальцев получил от гитлеровского командования 4 награды и звание генерал-майора.

* * *

Надо отметить, что до середины 1944 года РОА не существовала, хотя гитлеровцы и Власов трубили о ней на весь мир. Вся деятельность Власова и его сообщников до этого заключалась главным образом в проведении анти-советской пропаганды среди военнопленных и насильно угнанных в Германию советских граждан. Для этого, в частности, были созданы специальные курсы и школы по подготовке кадров пропагандистов, где читались лекции антисоветского содержания.

Окончившие курсы принимали присягу, текст которой сводился к тому, что каждый давал клятву преданно служить Гитлеру и под руководством германского верховного командования вести вооруженную борьбу против Красной Армии за свержение Советской власти. Распределением выпускников занимались гитлеровцы, которые направляли их в лагеря военнопленных, в «добровольческие» батальоны и в оккупированные фашистскими войсками районы СССР.

Власов и его сообщники предпринимали настойчивые

попытки создать свою армию. Они вносили в генштаб германской армии и гитлеровское правительство одно предложение за другим, стремились добиться встреч с руководящими деятелями. В конце 1943 года Власов, Малышкин и Трухин через гросс-адмирала Деница передали специальное послание Гитлеру.

Летом 1944 года Власов прибег даже к такому средству, как женитьба на вдове видного эсэсовца Адели Беллинберг, брат которой был приближенным Гимmlера. По этому поводу Власов показал: «Этим путем я рассчитывал войти в эсэсовские круги, подчеркнуть прочность связей с немцами и не исключал возможности получить через брата Беллинберг доступ к Гимmlеру... Мне не стоило большого труда уговорить Беллинберг стать моей женой. В разговорах с ней я настойчиво проводил одну и ту же мысль, что если нам будет предоставлена большая свобода действий, то я организую из военнопленных боеспособную армию, которая принесет немцам помощь в войне против Советского Союза...»

Сначала руководители немецко-фашистского государства, и прежде всего Гитлер, не желали создания у себя русской армии, так как были убеждены в победе над Красной Армией собственными силами. Они не доверяли, и не без оснований, советским воинам, попавшим в плен.

Вот что показал Кейтель на допросе по делу Власова:

«Первоначально серьезное внимание Власову уделил весной 1943 года генеральный штаб сухопутной армии, который предложил сформировать и вооружить русские части под командованием Власова. Секретарь имперской канцелярии — министр Ламмерс специальным письмом обратил внимание фюрера на это. Гитлер самым решительным образом запретил все предприятия по формированию вооруженных русских частей и отдал мне приказание проследить за выполнением его директивы. После этого Власов мною был взят на некоторое время под домашний арест и содержался в районе Берлина. Гимmlер также выступал против формирования русской армии. В дальнейшем Гимmlеру удалось получить разрешение фюрера на создание русской армии, но Гитлер и тогда решительно отказался принять Власова. Покровительство Власову оказывал только Гимmlер и СС».

Гимmlер усилил внимание к Власову летом 1944 года в связи с резким ухудшением положения на немецких

фронтах. Другие германские руководители также начали интересоваться власовцами в надежде использовать их на фронтах.

Первая встреча Власова с Гиммлером была назначена на 20 июля 1944 года, но в связи с покушением на Гитлера она состоялась только 18 сентября того же года. По показаниям Власова, Гиммлер заявил ему, что за организацию русских военнопленных для борьбы против большевиков он теперь возьмется сам. Непосредственное руководство работой по созданию русской армии он возложил на своего заместителя Бергера, а своим представителем при Власове назначил Крегера.

Гиммлер и Власов договорились об объединении всех существовавших в Германии и на оккупированной ею территории Европы белогвардейских, националистических и других антисоветских организаций и о сформировании 5—10 дивизий. Гиммлер подсказал Власову создать «Комитет освобождения народов России» (КОНР), который должен был явиться политическим центром всех антисоветских организаций, и дал указание Власову разработать манифест комитета.

В составлении проекта манифеста приняли участие Власов, Малышкин, Жиленков, Трухин и Закутный. Гиммлер внес в проект поправки, утвердил его и предложил официально принять манифест на первом заседании КОНР. Гиммлер просмотрел и утвердил список членов КОНР, который был подготовлен заранее Власовым и руководителем русского отдела гестапо. В список наряду с руководящим составом власовцев вошли белоэмигранты Лампе и Руднев, генералы белой армии Балабин и Абрамов, руководитель «общерусского воинского союза» на Балканах Крейтер, от «национально-трудового союза нового поколения» Казанцев, руководитель «национального союза участников войны» Туркул, руководитель парижской белоэмиграции Жеребков и другие.

Организационное собрание КОНР состоялось в Праге 14 ноября 1944 года. С приветствиями на нем выступили имперский министр Германии Франк, заместитель Риббентрона Лоренц и глава словацкого марионеточного правительства Тиссо. Председателем КОНР был избран Власов, секретарем Малышкин. В президиум вошли Власов, Малышкин, Жиленков, Трухин, Закутный, Руднев и Балабин. В составе комитета были созданы управления: во-

енное — руководитель Трухин, пропаганды — руководитель Жиленков, гражданское — руководитель Закутный и другие.

В тот же день был подписан и манифест.

«Беседа с Гиммлером во второй раз, — показал Власов, — я заметил, что в связи с тяжелым положением на

Soldbuch
zugleich Personalausweis

№ 041

Dienstgrad: Leutnant
(s. auch Seite 3)

Familienname: Wlasow

Vorname: Sergei

Erkennungsmarke:

Blutgruppe: _____

Geb. (Mon., Jahr): 1914

Nationalität: Russ

Beruf: _____

Личная книжка изменника Родины Власова, изъятая у него при аресте

фронте Гиммлер нервничал и искал выхода из создавшегося положения. Со мной он обращался так, будто бы я мог облегчить положение на фронте. Больше того, после этой встречи с Гиммлером меня захотели видеть Геринг, Риббентрон и Геббельс... Геринг прислал ко мне своего представителя генерала Ашенбренера. Ашенбренер заявил мне, что у Геринга имеется много пленных, занятых обслуживанием германской авиации. Часть этих пленных

под руководством Мальцева готовится на учебных аэродромах в Марпенбаде и Егере для службы в германской авиации. Ашенбрёнер предложил мне принять Мальцева и руководимых им военнопленных в свое подчинение. Я изъявил на это согласие, и для выяснения вопроса дальнейших формирований при авиационных частях генерал Ашенбрёнер организовал мне встречу с Герингом.

В беседе Геринг спросил у меня, как идет формирование добровольческих частей по линии Гиммлера, и, когда я ответил, что заканчивается формирование 1-й дивизии, Геринг предложил мне принять Мальцева в свое подчинение и сказал, что уполномоченным по авиации при мне будет Ашенбрёнер, с которым я должен буду решать все вопросы.

С Риббентропом я имел встречу в январе 1945 года в министерстве иностранных дел в присутствии советника министерства Хильгера. Риббентроп сообщил мне, что министерство иностранных дел берет на себя финансирование антисоветской деятельности возглавляемого мной комитета, и одновременно поинтересовался, удалось ли мне практически разрешить вопрос объединения представителей русской эмиграции¹.

Власов и Жиленков имели также беседу с Геббельсом, который пригласил их к себе в феврале 1945 года. Геббельс пообещал представить комитету необходимые средства для ведения пропаганды.

* * *

Для формирования воинских частей Гиммлер предоставил военные лагеря в Мюзингене и Хойберге. В срочном порядке было начато формирование двух дивизий и школы по подготовке офицеров.

Формирование 1-й дивизии Власов поручил Буняченко. В нее, по словам Буняченко, вошли отборные части: эссовская карательная бригада, которой раньше командовал предатель Каминский, численностью около 6 тысяч человек; части 30-й дивизии СС численностью около 3 тысяч человек; несколько батальонов, переброшенных из Франции; около тысячи человек было в спешном порядке завербовано из лиц, насильно вывезенных из СССР на германские предприятия, и около 3 тысяч человек из военнопленных. Методы вербовки были, конечно, как все-

гда, насильственные, в ход шли обман, шантаж и угрозы. Во всех частях дивизии были введены должности офицеров для особых поручений, которые через своих агентов выявляли среди личного состава подразделений неблагонадежных лиц.

Формирование дивизии и ее вооружение были закончены в начале марта 1945 года, и вскоре она была направлена на фронт в район станции Либерзон на Одере, где 13 апреля участвовала в сражении с советскими войсками, наступавшими на Берлин. За усердие по формированию дивизии Буняченко был награжден немцами серебряной медалью, ему было присвоено звание генерал-майора.

Формирование 2-й дивизии Власов поручил Звереву, которому также было присвоено звание генерал-майора. К началу апреля дивизия была укомплектована личным составом, но вооружена лишь частично.

По мнению Зверева, гитлеровцы побаивались полностью вооружать русские части, не убедившись в том, как они будут воевать на их стороне. Очевидно, поэтому вопрос о вооружении дивизии не форсировался. Власов пожаловался на это Гиммлеру, и тот предложил немедленно вывести 1-ю дивизию на фронт, чтобы она на деле доказала свою преданность германскому командованию.

К укомплектованию 3-й дивизии Власов вообще не смог приступить и ограничился лишь назначением командира дивизии. Кроме двух дивизий были сформированы некоторые специальные подразделения, находившиеся при штабе власовской армии.

В связи с началом формирования двух дивизий последовал приказ Гитлера о назначении Власова командующим всеми русскими частями и соединениями на территории Германии, о чем Гиммлер сообщил телеграммой:

«Телеграмма рейхсфюрера СС
генералу Власову

Составлено по указанию обергруппенфюрера Бергера. Фюрер назначил вас со дня подписания этого приказа верховным командующим 600-й и 700-й русскими дивизиями¹. Одновременно на вас будет возложено верховное командование всеми новыми формирующимися и пере-

¹ 600-я и 700-я дивизии — это 1-я и 2-я дивизии РОА, о которых сказано выше.

группирующимися русскими соединениями. За вами будет признано дисциплинарное право верховного командующего и одновременно право производства в офицерские чины вплоть до подполковника. Производство в полковники и генералы происходит по согласованию с начальником главного управления СС по существующим для великогерманской империи положениям.

Г. Гиммлер».

О том, как сложилась дальнейшая судьба КОНР и отдельных руководителей, можно судить по показаниям Власова, Малышкина и других.

Малышкин показал:

«С приближением фронта к Одру положение в Берлине становилось тревожным. Члены комитета довольно резко стали выражать свое желание выехать из Берлина. Власову удалось получить разрешение на выезд комитета в Карлсбад, куда он и выехал в марте 1945 года, оставив в Берлине небольшую группу работников управления пропаганды, которая продолжала выпуск газеты «Воля народа»...».

Как волки боятся огня, так изменники страшились наступающей Советской Армии.

«С приближением фронта к Карлсбаду, — показал Малышкин, — нами было решено уйти подальше от советской зоны. Не знаю из каких источников, но среди членов комитета распространился слух, что по решению Ялтинской конференции Чехословакия должна была входить в советскую зону оккупации, а дальше советские войска продвигаться не будут, предоставят занять Баварию американцам, поэтому мы решили оставаться именно в этом районе...».

Я, Власов, Жиленков, Трухин и Закутный строили планы продолжения борьбы против Советского правительства. Жиленков предлагал основному ядру комитета переехать в один из южных районов Германии между Инсбруком и Зальцбургом. Мотивировал он свое предложение тем, что это горный район, советские войска туда не дойдут, что там можно в случае надобности затеряться, туда будут стекаться все русские беженцы, которые будут уходить из Австрии и из Центральной Германии. Этих людей можно будет организовать; влиять на них, чтобы они не

возвращались в Советский Союз и присоединились к комитету. Жиленков предлагал стянуть в горный район Тироля все власовские части и под их прикрытием договориться с американцами о предоставлении права продолжать деятельность КОНР».

16 апреля 1945 года группа Власова двинулась в район Фюссена. Малышкин по радио передал приказ Власова Трухину о том, чтобы он не втягивался в бой с англо-американцами, а немедленно начал отход в направлении Фюссена. Малышкин подготовил капитана Лапина, снабдил его соответствующей инструкцией и средствами для того, чтобы он, не ожидая отхода войск, перешел на сторону американцев, предупредил бы их о том, что здесь есть войска генерала Власова и что к ним явится один генерал для переговоров.

20 апреля 1945 года в Фюссене на узком совещании Власов, Малышкин, Жиленков, Трухин и Закутный решили установить прямую связь с англо-американцами. Для этой цели был выделен Малышкин.

Власов дал Малышкину указание явиться к американцам и просить их, чтобы они не выдавали его и других изменников советскому командованию. «Нас не выдадут, — говорил Власов, — у нас будет возможность и дальше бороться против Советской власти». Жиленков предложил бросить всякие заботы о рядовых участниках и скрываться, например, в Швейцарию и Испанию и там возобновить антисоветскую работу...

Власов выдал Малышкину за своей подписью удостоверение в том, что он уполномочивается вести с англичанами, американцами и французами все переговоры, касающиеся КОНР и РОА. Сам Власов из Фюссена выезжал в район Зальцбурга, куда должны были подойти обе дивизии и куда, как рассчитывали изменники, должно было стянуться еще какое-то количество участников РОА.

29 апреля 1945 года Малышкин выехал в одну из деревень в 17 километрах от Фюссена и явился в штаб 20-го американского корпуса, откуда его направили к командующему 7-й американской армией генералу Петчу.

Малышкин обратился к Петчу с просьбой взять власовцев под покровительство американских властей и не выдавать советскому командованию. Петч ответил, что заниматься политическими вопросами он полномочий не

имеет и выдвинутые вопросы могут быть решены только правительством США. Малышкина поместили в американский лагерь для военнопленных в городе Асбург, где он встретился с Жиленковым, перешедшим к американцам в районе Инсбрука.

О том, как закончилась деятельность Власова, видно из его собственных показаний:

«В апреле 1945 года обстановка в Берлине в связи с наступлением Красной Армии стала настолько тяжелой, что многие руководители германских правительственных органов удрали из города. Наш комитет также эвакуировался в Карлсбад. В пути многие члены комитета сбежали.

Я, Трухин, Малышкин, Закутный и Жиленков пришли к выводу, что в случае захвата нас частями Красной Армии все мы за свои преступления перед Советской властью будем казнены, поэтому единственным выходом мы считали уход к англичанам и американцам.

С этой целью в Фюссен была направлена группа членов комитета во главе с Малышкиным и Закутным, которые имели от меня поручения установить связь с командованием англо-американских войск и договориться с ними об условиях сдачи в плен частей РОА и ее руководителей.

1-ю дивизию РОА, находившуюся в районе Берлина, я перебросил на территорию Чехословакии, имея в виду, что в этом направлении наступают англо-американские войска.

Кроме того, в Швейцарию, для того чтобы прощупать отношение англо-американцев к нашему комитету, несколько ранее был направлен член комитета белоэмигрант Жеребков.

Сумели ли Малышкин, Закутный и Жеребков установить связь с англичанами или американцами и договориться с ними, — я не знаю, так как по требованию немцев срочно выехал в 1-ю дивизию. Дело в том, что, прибыв на территорию Чехословакии, эта дивизия под влиянием местного населения стала разлагаться и разоружать немцев, а в начале мая 1945 года в районе Праги имела вооруженные столкновения с германскими войсками.

В связи с этим меня вызвал командующий германской группой войск генерал-фельдмаршал Шернер и потребовал объяснений. Я заявил, что о действиях дивизии мне

ничего не известно, и заверил, что немедленно выеду на место и наведу порядок. К моменту моего прибытия в дивизию Германия капитулировала. Тогда же мне стало известно, что принятая от Геринга воинская часть в количестве 4 тысяч человек под командованием Мальцева вместе с немецким представителем генералом Апенбренером сдалась американцам.

Не имея сведений о судьбе Трухина, его штаба, 2-й дивизии..., направлявшихся на соединение с 1-й дивизией, я приказал командиру 1-й дивизии Буняченко направиться в сторону расположения англо-американских войск.

Вместе с этим я послал своего адъютанта Антонова к американцам в район Пильзена для выяснения условий сдачи в плен. Возвратившись, Антонов доложил, что американцы предложили разоружить дивизию, а личному составу сдать в плен американцам, чехословакам или русским. После этого я направился в зону американских войск, но в районе Шлиссельбурга был задержан офицерами Красной Армии.

А вот как сложились судьбы остальных изменников.

Посланный Власовым для переговоров с американским командованием начальник штаба РОА Трухин, договорившись об условиях капитуляции частей РОА, 7 мая 1945 года выехал для согласования этого вопроса с Власовым, но в пути был задержан офицерами Красной Армии.

Буняченко сдался одной из американских частей. 14 мая 1945 года, разоружив дивизию, американцы через некоторое время передали его вместе со штабом советскому командованию.

Командир 2-й дивизии РОА Зверев 9 мая собрал офицерский состав для обсуждения создавшегося положения. Подавляющим большинством было принято решение перейти на сторону Красной Армии. Зверев не подчинился этому решению и пытался покончить жизнь самоубийством, но рана оказалась несмертельной, и он был задержан советским офицером.

Мальцев вместе со своим шефом немецким генералом Апенбренером сдался американцам 22 апреля 1945 года и был помещен в лагерь военнопленных. До 15 августа 1945 года Мальцев находился в лагере в городе Шербург (Франция) вместе с немецкими генералами, затем был передан советским властям. Мальцев, не желая возвра-

щаться в Советский Союз, пытался оказать сопротивление.

Меандров и Корбуков, перейдя с частью войск РОА в расположение американских войск, продолжали антисоветскую деятельность и предприняли ряд мер, чтобы добиться политического убежища для остатков РОА. Меандров взял на себя руководство КОНР и РОА и ввел в состав КОНР Корбукова. Для того чтобы показать участникам этих организаций, оказавшихся на оккупированной американцами территории, что борьба против Советской власти будет продолжаться, Меандров издал два приказа о присвоении группе офицеров очередных воинских званий.

Всему офицерскому составу Меандров предложил проводить среди солдат агитацию за невозвращение в Советский Союз. Меандровым было направлено два письма в адрес американского командования, в которых он просил американцев не возвращать личный состав РОА на родину. Во время посещения лагеря представителями духовенства Меандров обратился к ним с письменным заявлением, в котором просил через папу римского оказать содействие в предоставлении остаткам частей РОА политического убежища в капиталистических странах Европы.

Изменники Родины Шатов, Закутный, Благовещенский и Меандров в разное время были переданы советским властям.

Дольше других задержались у американцев Малышкин и Жиленков. Они, прибыв на территорию, занятую американской армией, сразу предложили свои услуги американской разведке.

Малышкин показал:

«2 октября 1945 года меня, Жиленкова и трех других советских офицеров перевели в лагерь американской разведки в 18 километрах от Франкфурта-на-Майне. Через некоторое время к нам явился американец Сандерс, свободно говоривший по-русски, который, вызвав меня прежде других, выяснил, что представляет из себя наша группа, а затем предложил работать для американской разведки. Я посоветовался с Жиленковым, и мы решили написать американцам сообщения по тем вопросам, которые их будут интересовать.

По предложению Сандерса, я написал для американской разведки подробный доклад по вопросу подготовки

офицерских кадров в Красной Армии, перечислил военные академии, указал их местонахождение и характерготавливаемых в них специалистов. Особенно Сандерс интересовался Академией Генерального штаба. О ней я написал все, что знал, подробно, указав время ее создания, постановку работы, пропускную способность, и назвал некоторых начальников кафедр. Я также написал доклад по вопросам постановки мобилизационной работы в Красной Армии.

Жиленков написал несколько серьезных докладов по вопросам международной политики СССР, по польскому вопросу, по вопросу о Балканах и Дальнем Востоке, в которых старался убедить американцев в том, что Советское правительство, вопреки своим официальным заявлениям, проводит в Польше, на Балканах и Дальнем Востоке совершенно иную политику, якобы направленную против интересов США. Жиленковым был также написан доклад о вооруженных силах Советского Союза, основной смысл которого сводился к тому, что СССР для США из союзника превращается во врага. Особенно много Жиленков писал о высших партийных органах и руководителях Советского правительства».

В лице Жиленкова американская разведка увидела надежного разведчика-шпиона, в связи с чем начала подготовку его «побега» из лагеря. Жиленков должен был обосноваться в Мюнхене под вымышленной фамилией (Максимов) и готовиться для проведения шпионской работы в Советском Союзе в пользу американской разведки.

Советские власти обнаружили Жиленкова в американском лагере и потребовали его выдачи. 25 апреля 1946 года он был вызван в комиссию по репатриации, где заявил, что отказывается возвращаться в Советский Союз, но 1 мая того же года был передан советскому командованию. Был передан также и Малышкин.

* * *

В приговоре Военной коллегии Власову и некоторым его пособникам вменена в вину подготовка ими к проведению на территории СССР диверсионных и террористических актов. Эта работа проводилась под непосредственным руководством немецкой разведки в глубокой тайне.

ПРЕДУПРЕЖДЕННАЯ ТРАГЕДИЯ

Из показаний генерала Ашенбренера видно, что после создания КОНР был организован ряд разведывательных школ для диверсионных и террористических целей в тылу Советского Союза: в Братиславе — 300 человек, в районе Марленбада — 50 человек. В Берлине велась подготовка шпионов и диверсантов небольшими группами. В феврале — марте 1945 года немцами была передана Власову школа разведки.

Власов по этому поводу в суде показал:

«Разведывательной работой мои организации стали заниматься с 1945 года. Имелись у нас школы, в которых готовились разведчики, назначение которых состояло в том, чтобы в тылу Красной Армии и вообще на советской территории организовывать повстанческие организации и бороться с Советской властью... В 1945 году мы приняли от немцев школу разведки и стали сами заниматься подготовкой. Я лично был настроен готовить руководителей восстаний в советском тылу, а не диверсантов. Для всей этой работы в штабе армии был создан контрразведывательный отдел во главе с неким Грачевым».

* * *

Судебный процесс над Власовым и его соучастниками по тяжчайшим злодеяниям перед Родиной показал всю глубину падения этих изменников. Каждый из них привел свои мотивы, которые толкнули на измену, — у одних это старая, никогда не потухавшая ненависть к Советской власти, у других невероятное, гипертрофированное честолюбие, у третьих желание восстановить в СССР власть капиталистов и помещиков. Дело, в конечном счете, не столько в мотивах, сколько в составе преступления.

А преступления, совершенные этими изменниками, чудовищные — они изменили Родине в тяжкую минуту, когда над страной нависла угроза поражения, нарушили воинскую присягу и, перейдя к врагу, всеми возможными средствами и силами помогали ему.

Советский суд, полностью доказав тяжкую вину каждого, вынес единственно правильный и справедливый приговор — предатели, изменники, поднявшие руку на свой народ, не имеют права жить!

★

В трибунал поступило дело. Раскрыв последний том, читаю обвинительное заключение:

«На основании изложенных материалов Николаев Анатолий Георгиевич, 1933 года рождения, уроженец гор. Мариинска, Кемеровской области, из служащих, с высшим юридическим образованием, член ВЛКСМ, несудимый, обвиняется в том, что в 1-м часу ночи с 14 на 15 августа 1958 года в гор. Эниске возле дома № 111, расположенного на углу улиц Седьмая линия и Лермонтова, изнасиловал 16-летнюю Миловидову Наталью Николаевну и с целью сокрытия этого преступления удушил ее... то есть в преступлениях, предусмотренных частью 2-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» и ст. 136 ч. I, пп. «а» и «г» Уголовного кодекса РСФСР».

Судьям обычно незнакомы по непосредственным встречам ни убийцы, которых они судят, ни убитые. Я не видел прежде Наташи Миловидовой. Я судил и сужу о ней по крупным свидетельствам, утонувших в уголовной «трилогии», по бумагам и вещественным доказательствам, но больше всего по голубенькой ученической тетрадке — ее дневнику.

Дневник я взял из дела, уходя домой. И вот далеко за полночь, в чуткой тишине, когда спали и дом, и город, я открыл первую страничку. После трудного дня я необыкновенно остро ощутил вдруг чистое и свежее дыхание юности. Меня обступил сад — не побоюсь этого сравнения — молодой, весенний, весь в солнце.

«Я поссорилась с мамой. Она накричала на меня... Но ведь я понимаю, как ей трудно приходится. И на работе неприятности, и дома... Я сказала, что ей нет дела до

меня, вернее, я сказала, что ей нет дела до того, как я одета, но она поняла мои слова именно так. Я ушла и долго ревела от жалости и любви к ней... Себя мне несколько не было жалко».

Жажда дружбы, наслаждение дружбой — вот первое украшение ее жизни. В дружбе она преданна, мило наивна и даже ревнива: «Мне хочется видеть вокруг себя чистых, цельных людей с прекрасной душой».

«Хорошо, когда есть подруга и даже две: Оля и Белла. Ой, какая же я нехорошая! А Нина?»

После размолвки с Беллой дневнику вверяется тягостное признание: «В этом виновата я сама...» А через день ликование: «С Беллой я помирилась!»

Я включил свет. Поднялся с кресла и снова сел — нет, теперь не уснуть. В разгоряченном воображении — одна бьющая до боли в мозгу дневниковая строчка: «Вот я и сходила в кино в первый раз с мальчишкой...»

А через три месяца едва проснувшийся большой старинный город говорил о ней. И повторяя ее имя, город требовал от следственных властей открыть и назвать еще одно имя.

Размеры дела циклопичны — три тяжелых тома. Но обилие следственных бумаг — это еще не обилие улик. Обвинение выражено одной фразой — я воспроизводил ее выше. А вот обвинительное заключение — описание выявленных доказательств, подкрепляющих эту фразу, — заняло 38 страниц. Что побудило следователя допросить 220 свидетелей, учредить 15 экспертиз — химических, биологических, судебно-медицинских?

В кармашке жакета убитой наряду с мелкими вещичками — кошельком из черной замши, гребенкой и пр. — оказался билет на танцевальную веранду городского сада.

Разыскивая виновного, следователь ищет того, кто был около убитой в последние ее часы.

Две зарубки во времени — минута, когда отзвучал последний танец, и час смерти Наташи, названный экспертами в их заключении, — позволили следователю выделить время «икс»: 70—80 минут, в которые завязывалось и произошло преступление.

С кем же вошла Наташа в свой предсмертный час? Симпатии и привязанности Наташи были обширны и неопределенны. Это усложняло поиск. Следствие шло на первых порах слишком общо и «широкозахватно».

Но вот на следственном лотке — настоящая «золотинка». Выяснилось, что в тот роковой вечер Наташу провожал с танцплощадки Николаев — превосходно аттестуемый офицер.

Провожал — это еще не убил. Убить мог другой. И все-таки одно обстоятельство действовало настораживающе.

Как-то в танцующей толпе, на том же дощатом круге, где еще так недавно ликовала Наташа, Николаева тронул за локоть его старый знакомый — оперуполномоченный угрозиска Штырев.

Приятели выбрались из круга людей и остановились в стороне.

— Ты был здесь четырнадцатого? — спросил Штырев. — Да? А вот эту девушку... — Он осторожно показал на ладони фотографию Наташи. — Ты когда-нибудь встречал ее?

Николаев помедлил.

— Нет, — голос его звучал твердо. — Нет, не встречал.

Ложь пятнает и нередко казнит лжеца. Здесь она еще и уличала. Отрицая очевидное, Николаев сам навлек на себя подозрение. Он сам назвал версию: «Николаев». И эта версия стала окончательной.

Был ли он преступником в действительности?

Опираясь на суховатый язык показаний Николаева, я постараюсь «оживить» сцены некоторых допросов...

* * *

— Вы провожали Наташу Миловидову в ночь на пятнадцатое?

— Ни в ночь на пятнадцатое, ни раньше, ни позже. Я не знаю ее.

— Я записываю — ни раньше, ни позже... Чтобы ваше отрицание стало правдой, необходимо объяснить две следственные бумаги — показания Успенской и Швелова. Свидетели знакомы вам? Превосходно! Вы их встречали на танцевальном кругу? Тогда я цитирую...

— Извините. Возможно, речь идет о подростке. Не то Надя, не то, возможно, Ната. Это не было назначенным свиданием. Все вышло случайно. Поток людей, толчея. Я вышел с нею из городского сада, и тут же, у троллейбусной остановки, мы простились...

— Следовательно, я записываю — у троллейбусной остановки. А может быть, не там, вы прошли дальше? Нет? Тогда поинтересуйтесь вот этими показаниями. Судя по ним — дальше... С кем из свидетелей вы хотели бы встретиться?

— Я ошибся, я дошел с девушкой до Первой линии.

— Убийство произошло на Седьмой линии.

— Повторяю, я простился с ней на Первой линии и сел в трамвай.

* * *

— Прошу садиться. Я пригласил вас, чтобы предъявить новые данные. На участке Девятая линия — мост (после танцев на веранде) прошли три трамвайных поезда. Зенцова, кондуктор моторного вагона 1/103, показала, что в ночь на пятнадцатое на остановке Восьмая линия в вагон вошли с задней площадки два молодых человека. Один из них был одет в светлую куртку на молнии, коричневые брюки, суженные книзу, и коричневые же сапожки. Все, я это подчеркиваю, все названные предметы изъяты у вас на квартире и приобщены к делу как вещественные доказательства. Зенцова довольно отчетливо воспроизвела словесный портрет пассажира в куртке. Это ваш портрет. Обращаю внимание: вы сели в трамвай не на Первой, а на Восьмой.

— Причуды и рекорды памяти. Я немного знаком с теорией доказательств. До того как предъявить мне свидетельство Зенцовой, вы должны были предъявить ей меня самого.

* * *

— Поскольку Зенцова не опознала меня и следствие таким образом лишилось главной улики, я настаиваю на освобождении.

— Зенцова узнала вас. В протоколе поставлено сердобольное «нет». Улика действительно скомпрометрована, но не утрачена. По возвращении же из милиции Зенцова призналась своим подругам, что пощадил вас. Пожалела и сказала: не знаю. Молодой, красивый — вот и сказала: не знаю. И еще одно — тело. Тело Наташи обнаружено в картофельной посадке. Одежда ее зазеленена от картофельной ботвы. Мы заинтересовались вашей курткой.

И вот на левом рукаве нашли несколько пятнышек зеленого оттенка.

— Скользящая параллель. Все зеленое подобно.

— Потрудитесь дослушать. Эксперты произвели срез кожицы со свежего листа картофеля. Анализ этого среза показал, что соскобы с вашей куртки и с одежды Наташи — идентичны. Заключение биологов: Николаев соприкасался с растениями из семейства пасленовых. Заключение юристов: Николаев был на месте преступления.

— Никто живой меня там не видел.

— Не совсем так.

Супруги Кругленко, чей дом стоит окнами в сторону картофельной посадки, в первом часу ночи читали. Через ставни до их слуха донесся громкий, очень встревоженный голос женщины: «Отстань, а то я закричу и тебе будет». Квакина, работница типографии, возвращавшаяся домой с ночной смены, идентично воспроизводит ночной диалог, утверждая, что после слов: «Отстань, подлец!» — женщина оттолкнула от себя мужчину и быстро пошла в направлении Седьмой линии, где утром был поднят труп. Мужчина последовал за ней. Квакина показала: «Он был одет в белую куртку».

— Так ли именно?

— Прочтите сами. Вот здесь... Убили вы! Я не спрашиваю, я утверждаю — вы!

— Мотивы?

— Мотивы открывает сама картина преступления. Зов плоти.

Первое сомнение постучалось робко, как нищий. Я слушал другое дело, и по какой-то странной ассоциации память выдернула из-под снуда и поставила передо мной мрачную картину ночной встречи: фонарь, из-под его козырька косо ложится на землю зыблящийся круг света. «Отстань, подлец!» Вдрагивающие плечи убегающей.

Какое-то мгновение Квакина наблюдала действительного убийцу. Конечно, это был Николаев. Почему бы, однако, не предъявить его. «Он или не он?» А может, чета Кругленко опознала бы в нем ночного преследователя Наташи?

Досудебное изучение дела составом суда заняло девять дней. Председательствующий — член военного трибунала округа подполковник юстиции Б. Г. Ферштман и народные заседатели — подполковник Н. А. Тютчев и майор

— Следовательно, я записываю — у троллейбусной остановки. А может быть, не там, вы прошли дальше? Нет? Тогда поинтересуйтесь вот этими показаниями. Судя по ним — дальше... С кем из свидетелей вы хотели бы встретиться?

— Я ошибся, я дошел с девушкой до Первой линии.
— Убийство произошло на Седьмой линии.
— Повторяю, я простился с ней на Первой линии и сел в трамвай.

* * *

— Прошу садиться. Я пригласил вас, чтобы предъявить новые данные. На участке Девятая линия — мост (после танцев на веранде) прошли три трамвайных поезда. Зенцова, кондуктор моторного вагона 1/103, показала, что в ночь на пятнадцатое на остановке Восьмая линия в вагон вошли с задней площадки два молодых человека. Один из них был одет в светлую куртку на молнии, коричневые брюки, суженные книзу, и коричневые же сапожки. Все, я это подчеркиваю, все названные предметы изъяты у вас на квартире и приобщены к делу как вещественные доказательства. Зенцова довольно отчетливо воспроизвела словесный портрет пассажира в куртке. Это ваш портрет. Обращаю внимание: вы сели в трамвай не на Первой, а на Восьмой.

— Причуды и рекорды памяти. Я немного знаком с теорией доказательств. До того как предъявить мне свидетельство Зенцовой, вы должны были предъявить ей меня самого.

* * *

— Поскольку Зенцова не опознала меня и следствие таким образом лишилось главной улики, я настаиваю на освобождении.

— Зенцова узнала вас. В протоколе поставлено сердобольное «нет». Улика действительно скомпрометирована, но не утрачена. По возвращении же из милиции Зенцова призналась своим подругам, что пощадил вас. Пожалела и сказала: не знаю. Молодой, красивый — вот и сказала: не знаю. И еще одно — тело. Тело Наташи обнаружено в картофельной посадке. Одежда ее зазеленена от картофельной ботвы. Мы заинтересовались вашей курткой.

И вот на левом рукаве нашли несколько пятнышек зеленоватого оттенка.

— Скользящая параллель. Все зеленое подобно.

— Потрудитесь дослушать. Эксперты произвели срез кожицы со свежего листа картофеля. Анализ этого среза показал, что соскобы с вашей куртки и с одежды Наташи — идентичны. Заключение биологов: Николаев соприкасался с растениями из семейства пасленовых. Заключение юристов: Николаев был на месте преступления.

— Никто живой меня там не видел.

— Не совсем так.

Супруги Кругленко, чей дом стоит окнами в сторону картофельной посадки, в первом часу ночи читали. Через ставни до их слуха донесся громкий, очень встревоженный голос женщины: «Отстань, а то я закричу и тебе будет». Квакина, работница типографии, возвращавшаяся домой с ночной смены, идентично воспроизводит ночной диалог, утверждая, что после слов: «Отстань, подлец!» — женщина оттолкнула от себя мужчину и быстро пошла в направлении Седьмой линии, где утром был поднят труп. Мужчина последовал за ней. Квакина показала: «Он был одет в белую куртку».

— Так ли именно?

— Прочтите сами. Вот здесь... Убили вы! Я не спрашиваю, я утверждаю — вы!

— Мотивы?

— Мотивы открывает сама картина преступления. Зов плоти.

Первое сомнение постучалось робко, как нищий. Я слушал другое дело, и по какой-то странной ассоциации память выдернула из-под спуда и поставила передо мной мрачную картину ночной встречи: фонарь, из-под его козырька косо ложится на землю зыблящийся круг света. «Отстань, подлец!» Вдрагивающие плечи убегающей.

Какое-то мгновение Квакина наблюдала действительного убийцу. Конечно, это был Николаев. Почему бы, однако, не предъявить его. «Он или не он?» А может, чета Кругленко опознала бы в нем ночного преследователя Наташи?

Досудебное изучение дела составом суда заняло девять дней. Председательствующий — член военного трибунала округа подполковник юстиции Б. Г. Ферштман и народный заседатель — подполковник Н. А. Тютчев и майор

А. Н. Камышлов рассмотрели и взвесили все «золотники» следствия. У меня в те дни были свои хлопоты, но раздумья над версией «Николаев», неотступные и нередко внезапные, как приступ недуга, терзали меня. «Он или не он? Что за причуды? Он! Только он!» Чего, казалось бы, легче мысленно повторить открытую следствием, запротokolированную истину. Но я не вижу ее. Перед мысленным взором — что-то беспокойное, как выюжная зямь, тусклое, серое. И чем дальше катится колесо, тем бесформеннее это видение.

За сутки до подготовительного заседания я сидел у себя за горой бумаг и безвылазно строчил, помнится, что-то чрезвычайное в нашем обиходе по срочности.

Ферштман вошел, возбужденный и непривычно воинственный. Так входят «другиваться» после поражения в споре.

— В моем представлении — это мина под выводами следствия, — начал он громко и запальчиво, не в обычной своей манере сдержанного, почти застенчивого человека, и развернул на закладке один из томов «трилогии»: — Вчитайтесь!

Я побежал глазами по пестрой странице. «Банщицы, что сидели в открытом окне на подоконнике, принялись в страхе кричать что есть сил».

— Теперь припоминаю: преступление, о котором идет речь в этом протоколе, произошло ночью, в тополях у городской бани. Но это — другое преступление. Оно стоит обособленно. И только курьез мог затащить его в одну папку с делом Николаева.

— Не курьез и даже не интуиция — здравый смысл. Оба преступления, судя по всем деталям, совершены одним и тем же лицом. В тополях возле бани неизвестный душил свою жертву. Та же цель и тот же прием. И если бы не завопившие банщицы...

— А если допустить, что два преступления совершены двумя преступниками?

— Я думал точно так же, пока не обратил внимание на дату. Оба преступления произошли одной ночью. Преступник вполне «успевал», выйдя из огорода, где была убита Наташа, какое-то время пошляться по городу и затем в тополях у бани набрести на новую жертву.

— Допустим, действительно орудовал один преступник. Однако почему этим одним не мог быть Николаев?

— В таком двойном преступлении мне видится зверь и охотник... — Ферштман говорил теперь уже обычным своим тоном, раздумчиво и ровно. — Он выходил на охоту, выслеживал отбившихся от людских толп... Все обходилось без танцевальных веранд и ухаживаний. Николаев не подходит для такой роли. Возьмите его письма, письма к нему, дневниковые записи, свидетельства друзей. Это натура другого ряда. Потом алиби...

— Алиби от обратного?

— Ну да. Николаев щелкал за утверждение, будто в момент происшествия на Седьмой линии он уже вернулся домой. Следователь опроверг это алиби. Но, опровергая одно алиби, доказал другое. Вот слова матери обвиняемого: «Ночью я проснулась и вспомнила, что в квартире не закрыто окно. Я поднялась, задвинула на створке щелкунду и снова легла. Через 15—25 минут сквозь дремоту я услышала звук ключа, вставляемого в замок. По шагам определила — пришел сын. Пройдя к себе, он включил свет и радио». К моменту же происшествия близ бани радиотрансляционная сеть уже не работала. Следовательно, совершить оба преступления и по возвращении домой включить радио Николаев не мог.

На подготовительном заседании один из судей спросил прокурора-докладчика, в чем обвинение видит коренные улики против Николаева.

Прокурор ответил: «В том, во-первых, что он провожал убитую с танцевальной площадки, в том, во-вторых, что на его одежде, как и на одежде убитой, обнаружены идентичные зеленые пятна».

Это не убедило судей. Они нашли, что «золотники» следствия освещают чужим, неверным блеском.

Итак, дело, обшитое мешковиной в нащелках сургучных печатей, отправилось в Энск на доследование — за правдой. Три тома пошли за четвертым, чтобы этот четвертый превратил правдоподобие в истину.

Вскоре пришло известие, что прокуратура Энской области прекратила дело за недоказанностью обвинения. Николаев вышел на свободу, многотрудная «трилогия» стала архивной единицей. Следствие потерпело жестокое поражение. Но только ли следствие?

«Вот я и сходила в кино в первый раз с мальчишкой...»

Я вновь жил под впечатлением этой простой дневниковой строчки. Недоумение, протест, чувство невыполненного долга перед чистым и светлым миром несчастной — трудно передать то сильное и сложное, что пришло с известием о прекращении дела. Казалось, впервые так близко и отчетливо увидел я зло, возникшее из неумения бороться со злом.

Реабилитация мнимого убийцы становилась и реабилитацией действительного убийцы. По делу, снабженному архивным номером, настоящего преступника не ищут.

Прошло около двух лет со дня преступления.

В январе 1961 года военный трибунал готовил небольшое обобщение о практике подготовительных заседаний. Из разных судов и судебных архивов было запрошено несколько уголовных дел и в их числе дело Николаева.

Через какую-то пору — звонок из канцелярии:

— В почте — пятитомное дело из Энска. Ссылка на наш исходящий. Обвиняемых один — Зыков... Николай Федорович.

Странно! Раскрываю последний сшив пятитомника, на последнем листе приговор. Что за чертовщина! В деле Николаева не может быть приговора. А вот и формула обвинения. Черным по белому: «Подсудимый Зыков в ночь с 14 на 15 августа 1958 года, будучи в нетрезвом состоянии, в гор. Энске, на углу улиц Лермонтова и Седьмая линия, возле дома, принадлежащего гражданину Горелову, изнасиловал и задушил ученицу 9-го класса Энской средней школы Миловидову Наташу, шестнадцати лет».

Значит, дело, замурованное в архивной комнате, воскрешено. Кто-то прочел старый, остывший след. Кто?

Торопливо просматриваю том за томом. Три первых тома — следственное производство по делу Николаева. Четвертый — дело Зыкова о других случаях изнасилования. Оно решено 1—2 февраля 1960 года одним из народных судов Энска. Пятый том сплотил эти два уголовных дела в одно. Он содержал развязку давней истории. Начинаясь он с документа о том, что следователь по особо важным делам Кондрашов, рассмотрев дело об убийстве ученицы 9-го класса Энской средней школы Миловидовой Н. Н., 1942 года рождения, и принимая во внимание, что преступление не раскрыто... «постановил: дело об убийстве Миловидовой Н. Н. принять к своему производству и приступить к следствию».

Кондрашов!

Так вот кто, вернувшись к архивной папке, отправился по старому, остывшему следу! Старый врач. Врачи не любят лечить залеченных больных, работники следствия — разгадывать старые уголовные дела, запутанные не самой жизнью, не изощренностью злодея, а неумением и ошибками следователя. Но ведь надо. Надо лечить всех больных, искать всех преступников. После первой серии ходов — обследования района трамвайных линий — отчетливо выявилось: убийца не Николаев, а случайное лицо.

— Я рассуждал так, — объяснял позже Кондрашов, — если насильником был провожавший, то почему он не воспользовался более подходящей обстановкой. Место нападения неизвестного на Л. (тот, второй случай возле бани. — В. Ш.) находилось неподалеку от места убийства Миловидовой. Очевидно, преступник хорошо ориентировался в местности.

На втором этапе поиска подала голос версия «Зыков». Предметное выражение и наглядность она получила в одном любопытном следственном документе. То была фотография сравнительно небольшого формата — план части Энска. На сером фоне плана — дюжина красных крестиков, занумерованных красными цифрами от 1 до 12. Номерами 1, 2, 3, 4, 5, 5, 6 Кондрашов пометил место семи идентичных нападений: пять из дела Зыкова, решенного народным судом, два из дела Николаева — на гражданку Л. и Наташу Миловидову. Номера 8, 10, 11 стояли на трамвайном кольце и трамвайных остановках. Несколько на отшибе — дом Наташи (цифра 9), в середине, в прошве красных крестиков, — дом Зыкова (цифра 12). Места преступления обвинительно и грозно обступали прибежище преступника — дом, из которого он выходил.

И вот из пестряди случаев мальчишеского озорства, грубого заигрывания с девушками, хулиганства, изнасилования он выделил пять преступлений Зыкова. Те пять преступлений, за которые народный суд наказал его предельно длительным лишением свободы. Они, эти случаи, были чем-то схожи с нападением на Наташу, хотя все пострадавшие от них и остались живы. Судебно-медицинская экспертиза подтвердила эту мысль: «Да, схожи».

Старый, остывший след заговорил.

Зыкова затребовали из заключения, и, удивительное

дело, он был доставлен в... улик: в светлой куртке с молнией — такой же, которая была найдена у Николаева!

На втором допросе Зыков признался: «Девушку на Седьмой линии задушил я».

Вот и вся история. Главное в ней — ошибка, просчет, заблуждение. В своем общем значении ошибка смешна, нелепа, нередко трагична. В «Ревизоре» она двигает колесо смешного, в «Отелло» — колесо трагического. Кто не смеялся ошибке, кого она не наказывала? Судебно-следственная ошибка никогда не смешна и всегда несправима — возвращение свободы и доброго имени через оправдание в суде не возвращает всего, что теряют оправданный, его близкие, и потому, чем раньше оно приходит, тем меньший вред сопутствует ошибке.

В Эске не слишком спешили, и дело Николаева было прекращено лишь по истечении критических сроков следствия, прекращено неумело, невдумчиво, без выхода на истинный ход, но решение это обрывало «роковой бег ошибки» и в этом смысле было хорошим решением.

А что, если бы трехтомник Николаева не пошел на доследование, а лег на судебный стол? Что тогда? Наиболее вероятное — оправдательный вердикт. Оправдан Николаев, и тем же приговором, без слов, без имени оправдан Зыков. Наименее вероятное — Николаев объявляется убийцей. Обвинительный вердикт. И снова, без слов, без имени оправдывается Зыков — найденного не ищут. Николаев встает на место Зыкова, заменяет Зыкова... Перед кем и перед чем? Перед строжайшим словом закона? Значит, еще одна трагедия в том же деле, более страшная, чем первая, — трагедия человека и общества.

Трагедия очень близко подходила к судейскому столу и отступила. Почему? Что остановило ее?

Мудрая вдумчивость трех судей? Талант следователя Кондрашова? И первое, и второе, и, пожалуй, третье, особенно важное — почтительность перед законом. Атмосфера законности господствовала даже и там, где ошибались. Она вела и привела к истине: два дела слились в одно, действительный убийца занял место мнимого, суд сказал слово, которого требовала сама логика нашей жизни.

— ☆ —

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ

(Хронологическая справка)

1917 год
22 ноября

В. И. Ленин подписал Декрет о суде № 1, согласно которому были упразднены военные и морские суды, существовавшие в царской России.

1918 год
5 июля

Учреждение первого армейского реввоен трибунала 1-й армии Восточного фронта.

14 октября

Приказом № 94 Революционного Военного Совета Республики образован Революционный военный трибунал Республики.

15 октября

Приказом Реввоенсовета Южного фронта утверждено первое Положение о революционном военном трибунале Южного фронта.

8 декабря

Революционный военный трибунал Республики приступил к практической работе. Начало организованной деятельности военных трибуналов.

1919 год
8 января

Утверждение Реввоен трибуналом Республики Инструкции революционным военным трибуналам фронтов и армий.

18 января

Приказом Реввоенсовета Республики образован реввоен трибунал Балтийского флота.

4 февраля

Утверждение Реввоенсоветом Республики Положения о революционных военных трибуналах.

30 сентября

Реввоенсоветом Республики утверждено Положение о военных следователях при революционных военных трибуналах.

20 ноября

Принятие ВЦИК Положения о революционных военных трибуналах — первого закона, регулирующего принципы и деятельность РВТ.

16 декабря

Приказ Реввоенсовета Республики о создании отделов реввоенрибуналов при дивизиях и отдельных бригадах.

1920 год

18 марта

Декретом ВЦИК созданы революционные военные железнодорожные трибуналы.

4 мая

Декретом ВЦИК утверждено Положение о революционных военных трибуналах.

16 мая

Учрежден реввоенрибунал в Киевском военном округе, сформированы реввоенрибуналы Черного и Азовского морей.

11 октября

Образование реввоенрибунала Петроградского военного округа.

25 октября

Создание реввоенрибунала Приволжского военного округа.

25 ноября

Реввоенрибуналы войск внутренней охраны реорганизованы в революционные военные трибуналы войск внутренней службы.

1921 год

23 июня

Принят Декрет ВЦИК «Об объединении всех революционных военных трибуналов Республики». Проведено сокращение военных трибуналов. Учрежден единый Верховный трибунал при ВЦИКе, в составе которого образована Военная коллегия.

1922 год

6 марта

Принятие на совещании военных делегатов XI партсъезда постановления по вопросу деятельности революционных военных трибуналов.

Май

Принятие УК и УПК РСФСР — первых советских кодексов, определяющих деятельность судов, в том числе военных трибуналов, по осуществлению правосудия.

31 октября

Принято Положение о судостроительстве РСФСР, предусматрившее в числе специальных судов систему военных трибуналов.

1923 год

6 июля

Вторая сессия ЦИК СССР приняла Конституцию Союза Советских Социалистических Республик. Окончательно Конституция была утверждена Вторым съездом Советов СССР 31 января 1924 года

23 ноября

Декретом ЦИК СССР утверждено Положение о Верховном Суде СССР, где определена компетенция Военной коллегии.

1924 год

29 октября

ЦИК СССР утвердил Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик.

31 октября

ЦИК СССР утвердил Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Положение о воинских преступлениях.

1926 год

20 августа

ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре — первый общесоюзный закон об организации и основах деятельности военных трибуналов.

9 ноября

Постановлением СНК СССР утверждено Положение о временных членах военных трибуналов.

1927 год

27 июля

Постановлением ЦИК и СНК СССР утверждено новое Положение о воинских преступлениях.

1928 год
декабрь

В связи с 10-летием военных трибуналов опубликованы:
Постановление Президиума Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР от 5 декабря.

Приказ Революционного Военного совета СССР № 399 от
8 декабря.

Приветствие ПУРа — 7 декабря.

1929 год
24 июля

Постановлением ЦИК и СНК СССР утверждено Положение
о Верховном Суде СССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР
(Положение 1923 г. отменено).

1936 год
5 декабря

Принята Конституция (Основной Закон) СССР.

В главе IX Конституции провозглашены основные принципы
организации и деятельности советского суда.

1940 год
13 декабря

Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об изме-
нении подсудности военных трибуналов».

1941 год
22 июня

Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О воен-
ном положении». Все дела о преступлениях, направленных про-
тив обороны, общественного порядка и государственной безопас-
ности, передавались на рассмотрение военных трибуналов.

Президиумом Верховного Совета СССР утверждено «Положе-
ние о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном
положении, и в районе военных действий». Дела рассматривались
постоянным составом судей, без участия народных заседателей.

11 августа

Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ, по
которому право опротестования приговоров военных трибуналов,
действовавших в местностях, объявленных на военном положении
и в районах военных действий, было предоставлено военным про-
курорам и председателям военных трибуналов фронтов и флотов.

1942 год
27 июня

Принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно
которому в заседаниях военных трибуналов допускались заседа-
тели, выделяемые политическими органами или командованием.

404

1945 год
21 сентября

Президиум Верховного Совета СССР постановил считать
утратившими силу Указы об объявлении в ряде местностей СССР
военного положения.

1946 год
4 июля

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об отмене
военного положения в остальных местностях, в которых оно об-
являлось.

1953 год
сентябрь

Упразднены военные трибуналы дивизий и корпусов, а так-
же все военные трибуналы войск МВД и создана единая система
военно-судебных органов: военные трибуналы гарнизонов, армий,
военных округов, флотов и групп войск.

1954 год
14 августа

Указом Президиума Верховного Совета СССР председателям
военных трибуналов военных округов и флотов предоставлено
право приносить протесты в порядке надзора.

1955 год
25 декабря

Такое же право предоставлено председателям военных трибу-
налов групп войск.

1956 год
май

В связи с упразднением Министерства юстиции СССР с на-
ходившимся в его составе Управлением военных трибуналов, все
руководство военными трибуналами возложено на Военную кол-
легию Верховного Суда СССР.

1957 год
15 февраля

Указом Президиума Верховного Совета СССР внесены изме-
нения и дополнения в Положение о воинских преступлениях
1927 года.

15 февраля

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О порядке
применения к военнослужащим срочной службы меры наказа-
ния — направления в дисциплинарный батальон».

1958 год
25 декабря

Верховный Совет СССР утвердил Закон об уголовной ответ-
ственности за государственные преступления, Закон об уголовной
ответственности за воинские преступления, Положение о воен-
ных трибуналах.

405

Годы 1959—1960-й

Верховные Советы союзных республик приняли Законы о судостроительстве союзных республик и утвердили новые уголовные и уголовно-процессуальные кодексы союзных республик, которые регламентировали и деятельность военных трибуналов.

1966 год
23 июля

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли решение о мерах по усилению борьбы с преступностью.

26 июля

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об усилении ответственности за хулиганство».

1967 год
7 декабря

Центральный Комитет КПСС и Президиум Верховного Совета СССР поздравили работников судебных органов в связи с пятидесятилетием советского суда.

1968 год
21 февраля

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О внесении изменений и дополнений в Положение о военных трибуналах» (26 июня 1968 года седьмая сессия Верховного Совета СССР утвердила Указ Законом СССР).

СОДЕРЖАНИЕ

А. ГОРКИН. Полвека служения Родине	Стр. 3
А. ГРЕЧКО. На страже социалистической законности и воинского порядка	3
А. ЕПИШЕВ. В едином строю с политорганами	10
Р. РУДЕНКО. За дальнейшее совершенствование судебной деятельности	14
И. ЗАХАРОВ. В тесном контакте с органами государственной безопасности	18
И. КРЫЛОВ, И. ЕГОРОВ. На защите интересов Родины	21
И. ПАВЛОВСКИЙ, С. ВАСЯГИН. Военным трибуналам Советских Вооруженных Сил	27
С. ГОРШКОВ, В. ГРИШАНОВ. Укреплять законность и воинскую дисциплину	29
	31

На страже законности и воинского порядка	
И. ЧИСТЯКОВ. 50 лет военным трибуналам	35
А. ГОРЬШИ. Единым фронтом	52
С. ЛОБОВ, Ф. СИЗОВ. В тесной связи с командирами и политорганами	55
И. СОКОЛОВ. Военный трибунал столичного округа	60
И. ЧУПАЛЕНКОВ. За рубежом родной страны	70
Ю. МИТЮК. В особых условиях	79
Г. ЛЫСЕНКО, К. АНТРОПОВ. Ветеран Дальнего Востока	85
И. КУРБАТОВ, И. ЖАРКОВ. Дстойная смена	89
А. КОБЛИКОВ. Правосудие и правовая наука	93
М. КАРЫШЕВ. За доброе имя человека	100

Страницы истории

И. МИРОШНИЧЕНКО. Революционные военные трибуналы в гражданскую войну (1918—1920 годы)	109
И. ВОРОБЬЕВ, Л. ХЛАМОВ. На защите революционного Петрограда	119
М. ЕФИМОВ, Д. ЖДАНОВ. На красном Балтийском флоте	134
Г. ПРИИМАК, Л. ГОРШКОВСКИЙ. Реввоен трибуналы Туркестанского фронта в 1918—1929 годах	143
В. ПЛОТНИКОВ. Первый военный трибунал Забайкалья	155
И. ЛАДИК, А. ТЕРЕНТЬЕВ. По-революционному строго и справедливо	164
А. БОГОМОЛОВ. На Урале	173
И. ГЛУЩЕНКО. На Царицынском фронте	179
И. КОСОВ. В суровые годы	181
И. ТИМЧЕНКО. Военный трибунал дивизии на фронте	185
Б. КОРОТКИЧ. В наступлении	191
С. ИВАНОВ. Под Харьковом в сорок третьем	194
С. СИНЕЛЬНИК. Незабываемые годы	196
Б. НАНИН. О моем учителе и старшем друге	200
А. СЕНЧИН. Трудное дело	206
А. ХУДОЕРКО. В начале войны	209

Стр.

Ветераны военных трибуналов

И. РЕШЕТНИКОВ. Председатель Революционного военного трибунала РСФСР	219
А. ЧУВАТИН. Первый председатель Военной коллегии	228
Б. ЦЫРЛИНСКИЙ. Генерал Борисоглебский	233
П. АРХИПОВИЧ. Путь судьи-коммуниста	242
Г. КАЛИНИЧЕНКО. Яркая жизнь	245
М. ЕФИМОВ, Д. ЖДАНОВ. Верный сын партии	251
Г. КОРБУТ. Солдат пролетарского правосудия	257
Н. ГОРБАЧЕВ. Революцией призванный	263
С. МАКСИМОВ. Долг и честь	267
Л. ГОРШКОВСКИЙ. Ветераны остаются в строю	275

Перед советским судом

Ф. ТИТОВ. Вера в человека	281
В. ХОМЧЕНКО. «Лазутчик»	286
Р. ХАЛИКОВ. Детоубийцы из зондеркоманды СС-10А	296
А. ВАСИЛЬЕВ. Переводчик-каратель	300
В. КУЗЬМИЧ. Таким нет прощенья	305
А. ХУДОЕРКО. Туристы-шпионы	317
Г. ЛЫСЕНКО. Четыре дня Утикава Масафу	336
И. ПОЛЯКОВ. Дело Бориса Савинкова	349
Ф. ТИТОВ. Дело Власова и других	372
В. ШАЛАГИНОВ. Предупрежденная трагедия	391
Приложение. Из истории военных трибуналов (Хронологическая справка)	401

НА СТРАЖЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ
(50 лет военным трибуналам)

Редактор полковник Курган В. Г.
Литературный редактор Иванова А. П.
Художник Щербаков В. Н.
Технический редактор Медведева Р. Ф.
Корректор Алексеева А. Н.

Г-52702
Формат 84×109²/₁₆ — 12³/₄ печ. л. — 20,91 усл. печ. л. + 1 вкл. 1¹/₁₆ печ. л.
= 0,103 усл. печ. л. 19,980 уч.-изд. л.
Изд. № 1/1522 Бесплатно Зак. 363

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Следует читать
5	9 и 10 снизу	заместитель министра Рюмина, начальник следственной части Леонов...
5	5 снизу	Владимирский
309	последняя	расстрелянных
406	7 снизу	советского

Зак. 363

